ЛЕНИНГРАДПОЛИТПРОСВЕТ

ХРЕСТОМАТИЯ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

ЧАСТЬ III

РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

4-ое ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРИБОЙ"
ЛЕНИНГРАД
1925

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПРИБОЙ“

ЛЕНИНГРАД, проспект 25 Октября, 52. Телефон 545-77.
Москва, Лубянский пассаж, № 47, 48, 49. Телефон 224-09.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „Коммунистический Университет на Дому“.

Журнал ставит своей задачей дать марксистско-ленинское воспитание рабочим и крестьянам, не имеющим возможности получить его непосредственно в учебном заведении, а также и для тех, кто хотел бы пополнить уже имеющиеся знания.

ОСНОВНЫЕ ОТДЕЛЫ:

1. **Общественно-экономический.**
2. **Естественно-научный.**
3. **Вопросы и ответы** (связь с читателем).
4. **Критико-библиографический.**

В общественно-экономическом отделе излагаются следующие курсы: ленинизм, диалектический материализм, история РКП, политическая экономия, экономическая политика и хозяйство Союзной Республики, история общественных форм, экономическая география, профдвижение СССР, Профинтерн и Коминтерн, кооперация, статистика, право и конституция СССР и друг.

В естественно-научном отделе будут освещаться основные вопросы биологии, физики, геологии, подробнее освещаемые в другом издании „Прибоя“—„Народный Университет на Дому“. Отдел вопросов и ответов—дает исчерпывающие ответы на любые вопросы читателей и ведет с ними переписку-беседу.

Пособие по самообразованию: „Народный Университет на Дому“.

Издание ставит своей задачей дать в популярной форме ряд систематических курсов по естественно-научному, математическому и техническому образованию и самое популярное изложение основных вопросов марксизма и ленинизма.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО. В каждой книге 8—10 законченных лекций. В 1-й год электротехника, прикладная механика, технология, геология, палеонтология, психология и физиология, обществоведение, сельское хозяйство.

Каждый курс снабжен подробным указателем, как нужно прорабатывать лекции, вопросником и указанием литературы.

В отделе **„ВОПРОСЫ и ОТВЕТЫ“** читатель получит ответ на встретившиеся во время проработки курса затруднения.

Новости науки и техники. Библиография.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на каждое издание: на 3 мес.—**2** р., на 6 мес.—**4** р., на год (12 книг)—**7** р.; при подписке на год допускается рассрочка: **2** р. при подписке и по **1** рублю в следующие 5 месяцев.

При выписке двух изданий—„Коммунистический Университет на Дому“ и „Народный Университет на дому“—на год (24 книги)—**12** р.; допускается рассрочка: **4** р. при подписке и по **1** р. в следующие 8 месяцев.

Подписка принимается по всему СССР во всех почтовых отделениях: в Ленинг и Сев.-Зап. области в Севпечати (просп. 25 Окт., 1) и во всех ее районных и уездных о в Издательстве „Прибой“ (ул. 3-го июля, 14) и во всех его районн. и уездн. магаз. и кн

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛЕНИНГРАДПОЛИТПРОСВЕТ

ХРЕСТОМАТИЯ

по истории классовой борьбы

состав. Вал. Фейдер

ЧАСТЬ
ТРЕТЬЯ

Революция в России

IV-е ИЗДАНИЕ ДОПОЛНЕННОЕ

Научно-политической секцией Государственного Ученого Совета рекомендовано как пособие для совпартшкол, рабфаков, школ взрослых и т. д.

Издательство «ПРИБОЙ» Ленинград
1925

Ленинградский Гублит № 7135. Зак. 1332а. Тираж 50.000 экз.

Госуд. тип. им. тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, 14.

„Из искры возгорится пламя".
А. И. Одоевский.

Предисловие к I-ому изданию.

Настоящая книга задумана как „альбом иллюстраций" к истории русского революционного движения за сто лет: от декабристов до наших дней. Начавшись с военного заговора высшего дворянства против абсолютистского феодального строя, оно, вместе с общественным и хозяйственным развитием страны, шаг за шагом проходит все последовательные этапы исторического процесса. Утопический „заговор идей" разночинской интеллигенции (петрашевцы) сменяется революционным народничеством 60—70 г.г., пропагандистского и бакунистско-бланкистского типа, которое совпадает с появлением на сцене русской буржуазии, как класса. Рост капитализма и промышленного пролетариата в последней четверти XIX века вызывает массовое рабочее движение, идущее под знаменем социал-демократии. В 1905—06 г.г. оно выливается в открытую революцию, которую пролетариат ведет еще в „союзе" с буржуазией. Наконец,—через февральскую революцию 1917 г.,—отбросив все иллюзии, все цепи буржуазной идеологии,—русская революция приходит к своему завершению: революции пролетарской—социалистической.

Материал по истории русского революционного движения огромен; сделать из него наиболее яркие и показательные выборки, иллюстрации, связавши их хронологической последовательностью,—задача нашей хрестоматии.

К сожалению, об'ем книги ограничен, и это заставляет отбрасывать многие интересные моменты в развитии движения, поскольку они имеют второстепенное значение. Так, напр., в главе VI (70 г.г.) пропущено о кружках долгушинцев, чайковцев, о „ткачевизме" и пр., но идейные течения этого типа, так или иначе, представлены в отражениях этой эпохи.

Материал выборок взят преимущественно из воспоминаний участников или свидетелей тех или иных моментов революционного движения. Художественная литература представлена слабее, так как она недостаточно богата, в особенности до 1905—06 г.г., вследствие вековых цен-

журных стеснений, давивших Россию. Существенно важными иллюстрациями, дающими фундамент художественным отражениям и мемуарам очевидцев, кажутся нам документы: программы, прокламации, воззвания, манифесты, декларации, речи и пр. В этом случае мы нашли необходимым давать документы, исходящие как из лагеря революционных партий различных направлений, так и от противной стороны (например, манифесты и речи Николая II и пр.), для того чтобы при лабораторной работе учащегося у него под руками имелся и сравнительный материал, контрастирующий данные положения.

История РКП на протяжении 25 последних лет, представляющая историю рабочей революции в России и тесно сплетающаяся с ее динамикой, представлена в книге характерными документами и воспоминаниями партийных работников.

История революционного движения в России доводится нами до 1922 г., когда, с концом гражданской войны, Советская власть приступила к укреплению завоеванных позиций.

В конце мы прилагаем указатель книг для самостоятельного чтения. Материал указателя разбит по эпохам и группам: а) воспоминания и биографии; б) художественная литература; в) общие очерки и статьи. Первые две группы рекомендуются для внеклассного чтения учащихся, последняя—для лиц, лишенных школьного руководства.

В. Ф.

Предисловие к III-ему изданию.

Настоящее издание III-ей части дополнено новой главой—о В. И. Ленине. В этой главе собран материал, относящийся к смерти великого вождя. Материалы о роли В. И. Ленина в революции попрежнему рассыпаны по всей этой книге.

В остальном III-ья часть нашей хрестоматии печатается без изменений.

В. Ф.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Декабристы (1825).

ГРАЖДАНИН.

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?
Нет, неспособен я в об'ятьях сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век младой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья!
Пусть юноши, не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенье века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека,
Пусть с хладнокровием бросают хладный взор
На бедствия страдающей отчизны
И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.
Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в об'ятьях праздной неги,
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риэги.

1825 г., декабрь.

К. Ф. Рылеев.

„РУССКАЯ ПРАВДА“ П. И. ПЕСТЕЛЯ.

О сословиях, в России обретающихся.

(Глава III, § 6).

Дворянство есть то отдельное от массы народное сословие, которое свои особенные имеет преимущества, состоящие в следующих пяти предметах: 1) дворянство обладает другими людьми, как собственностью своею, называя их своими крепостными... 2) дворянство никакой подати не платит и никаких вкладов в пользу общую не вносит; 3) дворянство не подлежит телесным по суду наказаниям подобно прочим россиянам ниже за самые ужаснейшие преступления; 4) дворянство не подлежит рекрутскому набору и всякие звания и должностные места в государстве замещает за исключением прочих россиян и 5) дворянство называется сословием благородным, имеет гербы и присоединяет к сему различные титла. Сии пять преимуществ составляют дворянство, в отношении к коему употреблено здесь слово преимущество, а не слово право, потому что упо янутые выгоды, коими пользуется дворянство, ни на какой предшествующей обязанности не основаны, ниже для исполнения какой-либо обязанности нужными не бывают, почему и не могут правами быть признаны. Рассмотрим теперь, должны ли таковые преимущества в благоустроенном государстве отдельному сословию быть дарованы?

Первое. Обладать другими людьми, как собственностью своею, продавать, закладывать, дарить и наследовать людей на подобие вещей, употреблять их по собственному своему произволу без предварительного с ними соглашения и единственно для собственной своей прибыли, выгоды, а иногда и прихоти, есть дело постыдное, противное человечеству, противное законам естественным, противное святой вере христианской, противное, наконец, заповедной воле всевышнего, гласящего в священном писании, что люди перед ним все равны и что одни деяния их и добродетели разницу между ими поставляют. И потому не может долее в России существовать позволение одному человеку иметь и называть другого своим крепостным. Рабство должно быть решительно уничтожено, и дворянство должно непременно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми...

Второе. Гражданское общество составлено для возможного благоденствия всех и каждого. Сие благоденствие достигается разными средствами и действиями, в числе коих находится необходимость и подати собирать. А поелику все члены имеют равное право на благоденствие, то все члены имеют точно также равную обязанность содействовать водворению оного. Сверх того, одно только зловластие может все тягости возлагать на одних, а других всеми выгодами осыпать. Честный человек без угрызения совести не может пользоваться трудами и пожертвованиями ближних без всякого со своей стороны возмездия или соучастия. А потому и не может дворянство от податей быть освобождаемо. Оно должно со всеми прочими россиянами разделять не только все государственные выгоды, но равным образом и государственные тягости...

Третье. Род наказания должен соответствовать роду преступления, а не сословию преступника, ибо преступление есть произведение злых качеств человека, а не причисления его к тому или другому сословию, и, хотя утверждают, что одинаковое наказание для человека образованного и человека без воспитания будет большее страдание для первого, нежели для второго, но одинаковое преступление, сделанное человеком образованным и человеком без воспитания, заставляет предполагать более разврата и более унижения в первом, нежели во втором, а следовательно и должен первый быть наказан сильнее второго, чем равновесие и восстановится. К тому же цель наказаний не есть страдание преступника, но есть исправление его, а еще более удержание других посредством примера от подобных действий. Посему и должно быть наказание соображено преимущественно с действием на посторонних людей. Из чего и явствует необходимость, чтобы за одинаковые преступления налагаемы были одинаковые наказания. А посему и должно дворянство наравне со всеми прочими россиянами за одинаковые преступления одинаковым подлежать наказаниям, и ежели телесные наказания будут признаны необходимыми, то должны оным быть подвергнуты дворяне так точно, как и все прочие люди...

Четвертое. Набор ратников в войско есть учреждение необходимое для государственной безопасности, а следовательно и для государственного бытия, и потому должно оно неминуемо существовать. Но поелику польза, от военной силы происходящая, на всех членов гражданского общества распространяется одинаковым образом, то и должны все сословия одинаковым образом в составлении сей силы участвовать, руководствуясь очередью и жребием, т.-е. одинаковыми для всех россиян правилами на сей счет. А посему и не может дворянство от сей личной повинности быть освобождаемо, и должно сие преимущество его быть уничтожено... Что же касается исключительного права дворян замещать все должностные места, то сие право распространяется на всех россиян вообще и перестает быть исключительным преимуществом одного дворянства. Кто по своим познаниям, способностям и достоинствам окажется заслуживающим права на должностные места, тот и будет сим правом пользоваться на основании общих правил, без всякого внимания на происхождение или сословие...

Пятое. Люди рождены во благо, ибо они суть все творение всевышнего, и потому несправедливо называть благородным одно только сословие дворян. Вследствие сего должно быть уничтожено преимущество дворянства именоваться сословием благородным. Титла князь, герцог, граф, барон и т. п. происходят от тех времен, когда сии титла означали разные должности или степени владычества; но так как они ныне ни того, ни другого уже более не означают, то суть они одни только пустые звуки, удовлетворяющие одному только надутому тщеславию и гордому самолюбию. А посему и не могут таковые титла существовать в государстве, коего устройство и образование основаны быть имеют на истинной справедливости, чистой нравственности, здравом смысле и рассудке...

Из всего до сих пор сказанного явствует, что все пять родов преимуществ, коими дворянское сословие поныне пользовалось, должны непременно решительнейшим образом быть уничтожены. А так как дворянское достоинство ничто иное есть, как итог сих пяти родов преимуществ, то и следует из сего, что и само звание дворянства должно быть уничтожено.

Дворянские крестьяне.

Успехи общего просвещения, повсюду более и более распространяющиеся, лучшие понятия о взаимных отношениях всех членов и частей государства, дух времени, стремящийся к свободе, на законах основанной,—все сие заставляет желать, чтобы рабство было совершенно в России уничтожено и чтобы полезное сословие крестьян не было забыто, особливо в то время, когда Россия стремится к установлению прочного законного порядка и всем прочим сословиям и частям улучшение положения и состояния их приобретает...

Поелику такое важное предприятие требует зрелого обдумания и весьма большую произведет в государстве перемену, то не может оное иначе к успешному окончанию приведено быть, как введением постепенным. О сем предмете должно верховное правление потребовать проекты от грамотных дворянских собраний и по оным мероприятия распорядить, руководствуясь следующими тремя главными правилами: 1) освобождение крестьян от рабства не должно лишить дворян дохода, ими от поместий своих получаемого; 2) освобождение сие не должно произвести волнений и беспорядков в государстве, для чего и обязывается верховное правление беспощадную строгость употреблять против всяких нарушителей спокойствия; 3) освобождение сие должно крестьянам доставить лучшее положение противу теперешнего, а не мнимую свободу им даровать.

О народе в политическом отношении.

(Глава IV, § 14).

Во многих представительных государствах предоставлено участие в избрании представителей одним только богатейшим людям... Таким образом, заменяет в тех государствах аристократия богатства аристократию феодализма, и народы не только ничего не выиграли, но даже, напротив того, в некотором отношении еще в худшее приведены политическое положение, ибо в насильственную поставлены зависимость от богатых. Все не могут быть богатыми, малейшая часть граждан изобилием пользоваться может, а с тем вместе, при таковом устройстве представительства, народится в государстве отдельное от массы народной сословие богатых... самое пагубное и зловредное. Богатые всегда будут существовать, и это очень хорошо, но не надобно присоединять к богатству еще другие политические права и преимущества. А почему и возлагается непременная обязанность на верховное правление описанное в сем пара-

графе затруднение разрешить посредством представительного порядка и в полной мере всякую даже тень аристократического порядка, хоть феодального, хоть на богатстве основанного, совершенно устранить и навсегда удалить, дабы граждане ничем не были стесняемы в своих выборах и не были принуждаемы взирать ни на сословия, ни на имущество, а единственно на одни способности и достоинства и руководствоваться одним только доверием своим к избираемым ими гражданам.

(П. И. Пестель. „Русская Правда". Наказ временному верховному правлению).

ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ НИКИТЫ МУРАВЬЕВА.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Опыт всех народов и всех времен доказал, что власть самодержавная равно гибельна для правителей и для обществ; что она не согласна ни с правилами святой веры нашей, ни с началами здравого рассудка. Нельзя допустить основанием правительства—произвол одного человека; невозможно согласиться, чтобы все права находились на одной стороне, а все обязанности на другой... Ставя себя выше законов, государи забыли, что они в таком случае вне закона—вне человечества! Что невозможно им ссылаться на законы, когда дело идет о других, и не признавать их бытие, когда дело идет о них самих... Все народы европейские достигают законов и свобод. Более всех их народ русский заслуживает и то и другое. Но какой образ правления ему приличен? Народы малочисленные бывают обыкновенно добычей соседей и не пользуются независимостью. Народы многочисленные пользуются внешнею независимостью, но обыкновенно страдают от внутреннего утеснения и бывают в руках деспота орудием притеснения и гибели соседних народов. Обширность земель, многочисленное войско препятствуют — одним быть свободным; те, которые не имеют сих неудобств, — страждут от своего бессилия. Федеральное или союзное правление одно разрешило сию задачу, удовлетворило всем условиям и согласило величие народа и свободу граждан.

Под надзором государя одно законодательное собрание находится в столице и делает все распоряжения общие, для всего государства; частные распоряжения, касающиеся до областей,—предоставлены областным законодательным собраниям, образованным на подобие столичного, и таким образом доставляется благосостояние целого и частей.

ГЛАВА I.

О народе русском и правлении.

1. Русский народ свободный и независимый не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства.

2. Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для самого себя.

3. Правление России есть уставное и союзное.

ГЛАВА II.

О гражданах.

4. Гражданство есть право участвовать в общественном управлении, определенным в сем уставе порядком, посредственно, т.-е. выбирать чиновников, или их избирателей, или непосредственно, т.-е. быть избранным в какое-либо общественное звание, по законодательной, исполнительной или судебной части.

6. Чтобы быть гражданином, необходимы следующие условия:

1. Лета не менее 21 года возраста.
2. Местопребывание—известное и постоянное жительство.
3. Здравие ума.
4. Личная и по имению независимость.
5. Исправность платежа общественных повинностей.
6. Непорочность перед лицом закона.
7. Собственность отдельная на свое имя, а оной: 1-е недвижимой на 500 р. сер., или 2-е движимой (вещей или капитала) на 1.000 р. сер.

ГЛАВА III.

О состоянии, личных правах и обязанностях русских.

13. Все русские равны перед лицом закона.

16. Крепостное состояние и рабство отменяются, разделение между благородными и простолюдинами не принимается, поелику оно изображение гордости и высокомерия и противно христианской вере, по которой все люди братья, все рождены на благо, ибо рождены по воле божьей — все рождены для блага, и все просто люди, ибо все пред ним слабы.

17. Всякий имеет право излагать невозбранно свои мысли и чувства и сообщать их посредством печати своим соотечественникам. Вредные книги, подобно другим преступлениям, преследуются судом и подлежат присяжным.

21. В судах безопасность, жизнь и собственность обеспечиваются присяжными.

24. Право собственности, заключающее в себе одни вещи, священно и неприкосновенно.

Церковные земли остаются навсегда за ними.

25. Земли помещиков остаются за ними. Особый закон определит вознаграждение, которое обязаны им сделать поселяне, которые вздумают оставить свое селение и переселиться в другое место, за временное прерванне получения доходов с возделываемой сими земли.

27. Крестьяне экономические и удельные будут называться общими владельцами... поелику земля, на которой они живут, признается их собственностью и предоставляется им в общественное владение...

ГЛАВА VII.

Раздел 1-й.

О палате выборных.

55. Палата выборных составлена из членов, избранных гражданами на один год...

Выборные должны иметь по крайней мере 21 год от роду; состояние — недвижимого на 2.000 р. сер., или движимого на 4.000 р. сер., должны уже 7 лет сряду пользоваться гражданскими правами...

(На полях рукописи примечание: „Следовательно, 28 лет от роду, ибо несовершеннолетний не пользуется гражданскими правами").

Раздел 2-й.

О державной думе.

61. Дума составляется из членов, избранных на 4 года теми же избирателями, как и выборные...

62. Члены должны иметь: 30 лет возраста, пользоваться 9-ти-летним гражданством России, иметь жительство в избирающей их державе [1] во время сего выбора и недвижимого имущества на 15.000 р. сер. или движимого на 30.000 р.

ГЛАВА IX.

Об исполнительной власти держав.

81. Исполнительная власть в каждой державе поручается державному правителю, его наместнику и совету.

ГЛАВА X.

О народном вече.

92. Народное вече, состоящее из верховной думы и палаты представителей народных, облечено всею законодательною властию [2].

(Из книги М. Б. Довнар-Запольского—«Мемуары декабристов»).

---

[1] По проекту Никиты Муравьева, Россия разделялась на 14 держав и 2 области, имеющие свои державные думы.

[2] Проект конституции Никиты Муравьева имеется в двух списках, по существу тождественных, разнящихся лишь в немногих деталях. Извлечения, помещаемые здесь, взяты из списка, найденного в бумагах кн. С. П. Трубецкого. Другой список, сохранившийся у В. Е. Якушкина, можно найти в его книге: „Государственная власть и проекты государственной реформы в России", Спб. 1906 г.

14-ое ДЕКАБРЯ.

В ночь с 13 на 14 декабря, в маленьких комнатках Рылеева, в последний раз собрались заговорщики. Здесь, ночью, так же как днем, толпились они, приходили и уходили. Но уже не кричали, не спорили, как давеча; речи были тихи, лица торжественны: все чувствовали, что наступила минута решительная...

Барон Владимир Иванович Штейнгель, один из старейших членов Северного Общества, читал невнятно и сбивчиво, по черновой измаранной:

— В манифесте от Сената об'является:

„Уничтожение бывшего правления.
Учреждение временного—до установления постоянного.
Свободное тиснение и уничтожение цензуры.
Свободное исповедание всех вер.
Равенство всех сословий перед законом.
Уничтожение крепостного состояния.
Гласность судов.
Введение присяжных.
Уничтожение постоянной армии“ [1].

— Ну, а как же мы все это сделаем?—спросил кто-то.

— Очень просто,—ответил Штейнгель.—Заставим Синод и Сенат об'явить Верховную Думу Тайного Общества Временным Правительством, облеченным властью неограниченной; раздадим министерства, армии, корпуса и прочие начальства членам Общества и приступим к избранию народных представителей, кои долженствуют утвердить новый порядок правления по всему государству Российскому...

— Какой же план восстания?—спросил Голицын.

— Наш план такой,—ответил Рылеев.—Говорить против присяги, кричать по полкам, что Константина принудили и что отказ по письму недостаточен, пусть манифестом об'явит, а лучше сам приедет. Когда же полки возмутятся, вести их прямо на площадь.

— А много ли будет полков?—полюбопытствовал Батенков.

— А вот считайте: Измайловский весь, Финляндского батальон, московцев две роты, лейб-гренадер тоже две роты, морской экипаж весь, кавалерии часть, а также артиллерии.

— Не надо артиллерии, холодным оружием справимся,—выскочил Булатов.

— Успех несомнителен! Успех несомнителен!—закричали все.

— Ну, а что же мы будем делать на площади?—спросил Оболенский.

— Представим Сенату манифест о конституции, а потом прямо во дворец и арестуем царскую фамилию.

— Легко сказать: арестуем. Ну, а если убегут? Дворец велик и выходов в нем множество...

---

[1] Подлинный текст „проекта манифеста“ см. в книге: М. Б. Довнар-Запольский, „Мемуары декабристов“. В романе Мережковского дан в сокращении.

— Да ведь мы и не думаем, чтобы одним занятием дворца успели кончить все,—продолжал Рылеев. — Но, если государь бежит со всею фамилиею, довольно и этого: тогда вся гвардия пристанет к нам. Надобно нанести первый удар, а там замешательство даст новый случай к действию. Помните, друзья, успех революции в одном слове: дерзай!—воскликнул он...

— Вы, молодые люди, о русском солдате никакого понятия не имеете, а я знаю его вдоль и поперек,—заговорил штабс-капитан Якубович...—Кабаки разбить, вот с чего надо начать, а когда перепьются, как следует, — солдаты в штыки, мужики в топоры, — пусть пограбят маленько; да красного петуха пустить, поджечь город с четырех концов, чтобы и праху немецкого не было, а потом вынести из какой-нибудь церкви хоругви, да крестным ходом во дворец, захватить царя, огласить республику—и дело с концом.

— Любо! Любо! Вот это по-нашему! К чорту всех филантропишек!—забушевал князь Щепин.—Скорее! Скорее! Утра ждать нечего! Сию же минуту, немедленно!

Вскочил—и все повскакали, как будто и вправду были готовы бежать, сами не зная, куда и зачем...

— Нет, друзья, подвизаясь к поступку великому, мы не должны употреблять средства низкие. Для чистого дела чистые руки нужны. Да не осквернится же святое знамя вольности!—заговорил опять Рылеев, и мало-по-малу все приходили в себя, утихали, опоминались...

Было поздно. Казачок Филька давно уже храпел, неестественно скорчившись на жесткой выпуклой крышке платяного ящика в прихожей, под вешалкой. Гости расходились. В кабинете Рылеева собралось несколько человек для последнего сговора.

— А ведь мы, господа, так и не решили главного,—сказал Якубович.

— Что же главное?—спросил Рылеев.

— Будто не знаете? Что делать с царем и с царской фамилией, вот главное...

Рылеев молчал, потупившись, но чувствовал, что все на него смотрят и ждут.

— Захватить и задержать их под стражею до с'езда Великого Собора, который должен решить, кому царствовать и на каких условиях,—ответил он наконец.

— Под стражею?—покачал головою Якубович сомнительно.—А кто устережет царя? Неужели вы думаете, что приставленные к нему часовые не оробеют от одного взгляда его? Нет, Рылеев, арестование государя произвело бы неминуемую гибель нашу или гибель России—войну междоусобную.

— Ну, а вы-то сами, Якубович, как думаете? — вдруг заговорил все время молчавший Голицын. Давно уж злил его насмешливый вид Якубовича. „Дразнит, хвастает, а сам, должно быть, трусит!“

— Да я что ж? Я, как все,—увильнул Якубович.

— Нет, отвечайте прямо. Вы задали вопрос, вы и отвечайте,—все больше злился Голицын.

— Извольте. Ну, вот, господа, если нет других средств, нас тут шесть человек... Нет, семь,—продолжал Якубович, взглянув на Каховского.—Метнемте жребий: кому достанется,—должен убить царя или сам будет убит... Ну, что ж, господа, согласны?—обвел Якубович всех глазами с усмешкой.

Все молчали.

— А вы думаете, что так легко рука может подняться на государя?—проговорил, наконец, Батенков.

— Нет, не думаю. Покуситься на жизнь государя не то, что на жизнь простого человека...

— На священную особу государя императора, — опять разозлился Голицын.

Но Якубович не понял.

— Вот, вот, оно самое!—продолжал он.—Священная особа, помазанник божий! Это у нас у всех в крови. Революционисты, безбожники, а все-таки русские люди, крещеные. Не подлецы же, не трусы,—все умрем за благо отечества. Ну, а как до царя дойдет, рука не подымется, сердце откажет. В сердце-то царя убить трудней, чем на площади...

— Цыц! Молчать!—вдруг закричал Каховский так неожиданно, что все оглянулись на него с удивлением.

— Что с вами, Каховский?—удивился Якубович так, что даже не обиделся.—На кого вы кричите?

— На тебя, на тебя! Молчать! Не сметь говорить об этом! Смотри у меня!.. О, болтуны проклятые!..

— Да что он, рехнулся, что ли?—вскочил Якубович в бешенстве...

— Ошибаетесь, Якубович,—проговорил Голицын спокойно.—Каховский в полном рассудке. А сказал он то, что надо было сказать.

— Что надо? Что надо? Да говорите толком, чорт бы вас побрал!

— Довольно говорили. Много скажешь—мало сделаешь...

...Добежав до Гороховой, Голицын услышал вдали барабанную дробь и глухой гул голосов, подобный гулу бури налетающей. Все ближе, ближе, ближе,—и вдруг земля загудела от тысяченого топота, воздух потрясся от криков оглушающих:

— Ура! Ура! Ура! Константин!

Наклоняясь низко, точно падая, со штыками на перевес, с развевающимся знаменем, батальон лейб-гвардии Московского полка бежал стремительно, как в атаку или на штурм невидимой крепости...

Толпа бежала рядом с солдатами. Уличные мальчишки свистели, свистели и прыгали, как маленькие чортики. А три больших чорта, три штабс-капитана неслись впереди батальона: Александр и Михаил Бестужевы подняли на концах обнаженных шпаг треугольные шляпы с перьями, а князь Щепин-Ростовский махал окровавленною саблей—только-что зарубил трех человек до смерти.

Голицын бежал и кричал вместе со всеми, восторженно-неистово:

— Ура, Константин!..

С Гороховой повернули налево, мимо дома Лобанова и забора Исаакия, на Сенатскую площадь. Здесь, у памятника Петра, остановились и по-

строились в боевую колонну, лицом к Адмиралтейству, тылом к Сенату. Выставили цепь стрелков-разведчиков. А внутри колонны поставили знамя, и собрались члены тайного общества...

— А где же Трубецкой?..

— Чорт его знает! Пропал, как сквозь землю провалился!

— Испугался, должно быть, и спрятался.

— Как же так, господа? Разве можно без диктатора? Что он с нами делает!—начал Рылеев и не кончил, только рукой махнул и побежал опять, как угорелый, метаться по городу, искать Трубецкого...

Не знали, что делать; стояли и ждали. Собрались на площади около одиннадцати. На Адмиралтейской башне пробило двенадцать, час, а противника все еще не было, ни даже полиции, как будто все начальство вымерло.

Думали было захватить сенаторов, но оказалось, что уже в восемь утра они присягнули и уехали в Зимний дворец на молебствие.

Солдаты, в одних мундирах, зябли и грелись горячим сбитнем, переминались с ноги на ногу и колотили рука об руку. Стояли так спокойно, что прохожие думали, что это парад...

Между правым флангом каре и забором Исаакия теснилась толпа... В толпе были мужики, мастеровые, мещане, купцы, дворовые, чиновники и люди неизвестного звания...

У иных было оружие: старинные ржавые сабли, ножи, топоры, кирки и те железные ломы, которыми дворники скалывают лед на улицах, и даже простые дубинки, как бывало во дни пугачевщины. А те, кто с голыми руками пришел, разбирали поленницы дров у забора Исаакия и выламывали камни из мостовой, вооружаясь кто поленом, кто булыжником.

— И видя такое неустроенное варварское на все российское простонародье самовластье и тяжкое притеснение, государь Константин Павлович вознамерился уничтожить оное,—говорил мастеровой с испитым, злым и умным лицом...

— По две шкуры с нас дерут, анафемы!—злобно шипел старичок-дворовый...

— И видя оное притеснение лютое,—продолжал мастеровой,—государь Константин Павлович, пошли ему господь здоровья, пожелал освободить российскую чернь от благородных господ...

— Господа благородные—первейшие в свете подлецы!—послышались голоса в толпе.

— Отжили они свои красные дни! Вот он потребует их, варваров!

— Не долго им царствовать—не сегодня, так завтра будет с них кровь речками литься!..

— Идут! Идут! —услышал Голицын и, оглянувшись, увидел, что со стороны Адмиралтейского бульвара, из-за забора Исаакия, появилась конная гвардия. Всадники, в медных касках и панцырях, приближались гуськом, по три человека в ряд, осторожно, медленно, как будто крадучись...

А солдаты, в мятежном каре, заряжая ружья, крестились:

— Ну, слава богу, начинается!..

Теперь уже было на площади около трех тысяч войска и десятки тысяч народа, готовых на все по первому знаку начальника, а начальника все еще не было.

— Чего мы стоим?—недоумевали. —Точно к мостовой примерзли. Ноги отекли, руки окоченели, а мы стоим.

— Ваше благородие, извольте в атаку вести,—говорил ефрейтор Любимов штабс-капитану Михаилу Бестужеву.

— В какую атаку? На что?

— На войска, на дворец, на крепость,—куда воля ваша будет.

— Погодить надо, братец, команды дождаться.

— Эх, ваше благородие, годить—все дело губить!

— Да, что другое, а годить и стоять мы умеем,—усмехнулся Каховский язвительно.—Вся наша революция стоячая!

— Господа, ступайте скорее! Оболенский выбран диктатором; сейчас военный совет,—об'явил Пущин...

Оболенскому навязали диктаторство почти насильно. Старший ад'ютант гвардейской пехоты, один из трех членов Верховной Думы Тайного Общества, он больше, чем кто-либо, имел право быть диктатором. Но, если никто не хотел начальствовать, то он—меньше всех...

— Почему мы стоим, Оболенский? Чего ждем?—спросил Голицын, подойдя к столу, в середине каре, под знаменем.

— А что же нам делать?—ответил Оболенский вяло и нехотя, как будто о другом думая.

— Как что? В атаку итти.

— Нет, воля ваша, Голицын, я в атаку не пойду. Все дело испортим: вынудим благоприятные полки к действию против нас. Только о том ведь и просят, чтобы подождали до ночи. „Продержитесь, говорят, до ночи, и мы все по одиночке перейдем на вашу сторону". Да у нас и войска мало—силы слишком неравные.

— А народ? Весь народ с нами, дайте ему только оружие.

— Избави бог! Дай им оружие, сами будем не рады: свалка пойдет, резня, грабеж; прольется кровь неповинная...

— Ну, а если расстреляют до ночи?—сказал Голицын.

— Смотрите, смотрите,—закричал Михаил Бестужев, — батарею двинули!

Батальон лейб-гвардии Преображенского полка, стоявший впереди остальных полков, расступился на обе стороны: в пустое пространство выкатились три орудия и, снявшись с передков, обратились дулами прямо на мятежников...

Орудия стояли менее, чем в ста шагах, под прикрытием взвода кавалергардов, с командиром подполковником Анненковым, членом Тайного Общества. Только добежать и захватить.

Все обернулись к Оболенскому, ожидая команды. Но он стоял все так же молча, не двигаясь, потупив глаза, как будто ничего не видел и не слышал.

Голицын схватил его за руку.

— Оболенский, что же вы?

— А что?
— Да разве не видите? Пушки под носом, сейчас стрелять будут.
— Не будут. Я же вам говорю—не посмеют...

(Д. С. Мережковский—«14 декабря»).

ПОДАВЛЕНИЕ ВОССТАНИЯ.

Сабля моя давно была вложена.

Я стоял в интервале между московским каре и колонною гвардейского экипажа, нахлобуча шляпу и поджав руки, повторяя про себя слова Рылеева, что мы дышим свободою: я с горестью видел, что это дыхание стеснялось! Наша свобода и крики солдат походили более на стенания, на крик умирающего. В самом деле, мы были окружены со всех сторон: бездействие поразило оцепенением умы; дух упал, ибо тот, кто в начатом поприще раз остановится, уже побежден вполовину. Сверх того, пронзительный ветер леденил кровь в жилах солдат и офицеров, стоявших так долго на открытом месте. Атака на нас прекратилась; „ура" солдат становилось реже и слабее. День смеркался. Вдруг мы увидели, что полки, стоявшие против нас, расступились на две стороны, и батарея артиллерии стала между ними с разверстыми зевами, тускло освещаемыми серым мерцанием сумерек.

Митрополит, посланный для нашего увещания, возвратился без успеха; Сухозанету, который, под'ехав, показал нам артиллерию, громогласно прокричали: „подлец"—и это были последние порывы, последние усилия нашей независимости.

Первая пушка грянула—картечь рассыпалась: с первого выстрела семь человек ошеломленные упали; я не слышал ни одного вздоха, не приметил ни одного судорожного движения—столь жестоко разила картечь на этом расстоянии. Совершенная тишина царствовала между живыми и мертвыми. Другой и третий выстрелы повалили кучу солдат и черни, которая толпами собралась около нашего места... С пятым или шестым выстрелом колонна дрогнула. Почуяв это, я очнулся: между мною и бегущими была уже целая площадь и сотни подкошенных жертв свободы. Я должен был следовать общему движению и с каким-то мертвым чувством в душе пробирался между убитыми...

За нами двинули эскадрон конной гвардии, и, когда при входе в узкую Галерную улицу бегущие столпились, я достиг лейб-гренадеров, следовавших сзади, и сошелся с братом Александром; здесь мы остановили несколько человек, чтобы, в случае натиска, сделать отпор и защитить отступление, но император предпочел продолжать стрельбу по длинной улице.

Картечь догоняла лучше, нежели лошади, и составленный нами взвод рассеялся. Мертвые тела солдат и народа валились и валились на каждом шагу; солдаты забегали в дома, стучались в ворота, старались спрятаться между выступами цоколей, но картечь прыгала от стен в стены и не щадила ни одного закоулка...

(Из записок Н. А. Бестужева—„14 декабря 1825 года").

ПЕСНЯ.

Что не ветер шумит во сыром бору—
Муравьев [1] идет на кровавый пир.
С ним черниговцы идут грудью встать,
Сложить голову за Россию-мать.
И не бурей пал долу крепкий дуб,
А изменник-червь подточил его.
Закатилася воля-солнышко—
Смерти ночь легла в поле бранное..
Как на поле том бранный конь стоит;
На земле пред ним витязь млад лежит.
„Конь мой, конь, скачи в святой Киев-град:
Там товарищи, там мой милый брат.
Отнеси ты к ним мой последний вздох
И скажи: цепей я нести не мог...
Пережить нельзя мысли горестной,
Что не мог купить кровью вольности".

(А. А. Бестужев).

ПЕРЕД КАЗНЬЮ.

...Оказалось, что по приговору было одиннадцать категорий, которых бы столько и не выдумали сами немцы—и, боже мой, за какие обвинения? Где же обещания, данные Николаем Веллингтону, что он удивит Европу, конечно, милосердием—и удивил, поставив пять виселиц, с гнилыми веревками, на которых надобно было по два раза умирать...

Меня посадили в номер с окошком на ров Кронверкской куртины, в одном каземате с Пестелем и Каховским. По правую сторону рядом со мной, в другом каземате находился Сергей Апостол-Муравьев, а против него Бестужев-Рюмин и Измайловского полка подпоручик Фох, самой последней 11-ой категории.

Разгорячившись и расшумевшись на пристрастный верховный уголовный суд, за об'явленную мне сентенцию, я был тотчас спрошен Каховским, кто я такой? И потом ответом было, что он осужден на смерть, с тем равнодушием, которое тотчас поселило во мне к нему глубокое уважение—равнодушие к смерти, не покидавшее его во все время! Каховский прибавил, с большим чувством сожаления, что он имел несчастье убить Милорадовича. Пестель говорил очень тихо. Он был после болезни, испытавши всевозможные истязания и пытки времен первого христианства! Два кровавые рубца на голове были свидете-

[1] Сергей Иванович Муравьев-Апостол, член Южного Общества, 13 декабря 1825 г., вместе с другими членами Общества, был врасплох арестован, но 6 рот Черниговского полка освободили его, и он двинулся с ними на Белую Церковь; 3 января 1826 г. его догнал отряд гусар; при первом же залпе М. был ранен, и черниговцы сложили оружие. 13 июля 1826 г. Муравьев-Апостол был повешен в Петропавловской крепости вместе с остальными вождями декабрьского восстания

лями этих пыток. Полагать должно, что железный обруч, крепко свинченный на голове, с двумя вдавленными глубокими желобами, оставили на голове его свои глубокие два кровавые рубца...

Молодому человеку Бестужеву-Рюмину было всего 18 лет, и ему, конечно, было простительно взгрустнуть о покидаемой жизни. Бестужев-Рюмин был приговорен к смерти.

Он даже заплакал, разговаривая с Сергеем Муравьевым-Апостолом, который с стоицизмом древнего римлянина уговаривал его не предаваться отчаянию, а встретить смерть с твердостью, не унижая себя перед толпой, которая будет окружать его, встретить смерть как мученику за правое дело России, утомленной деспотизмом, и в последнюю минуту иметь в памяти справедливый приговор потомства!!!

Шум от беспрестанной ходьбы по коридору не давал мне ясно слышать все слова Сергея Муравьева-Апостола; но твердый голос его и вообще, веденный с Бестужевым-Рюминым, его поучительный разговор, заключавший одно наставление и никакого особенного утешения, кроме справедливого отдаленного приговора потомства, был поразительно нов для всех слушавших и в особенности для меня, готового, кажется, броситься Муравьеву на шею и просить его продолжать разговор, которого слова и до сих пор иногда мне слышатся...

В семь часов вечера того же 12 июля пришли служители алтарей приготовить наших мучеников к смерти. В восемь часов им принесли саваны и цепи, грустно со стуком прозвеневшие. Потом все затихло. Усталость, изнеможение и душевные волнения этого дня всех прочих заставили приутихнуть, и эта торжественная тишина, только прерываемая беспрестанными повторениями плац-майора и плац-ад'ютанта не говорить с приговоренными к смерти, была поразительно величественна. Солдаты, прислуживавшие в номерах, чтоб не прервать эту тишину, ходили на цыпочках. Они плакали. В два часа ночи в последний раз прозвенели цепи. Пятерых мучеников повели вешать в ров Кронверкской куртины. Сергей Муравьев-Апостол дорогою сказал громко провожавшему священнику: „вы ведете пять разбойников на Голгофу“ — „которые,—отвечал священник,—будут одесную отца“. Рылеев, подходя к виселице, произнес: „Рылеев умирает как злодей, да помянет его Россия!..“

В 3 часа ночи вывели всех узников крепости на площадь, где жгли их мундиры и ломали их шпаги над головами перед выстроенными гвардейского корпуса первыми гренадерскими ротами и лейб-эскадронами, лицом перед деревянной церковью троицы. Перед каждою гвардейскою дивизиею было выстроено каре, в котором находились осужденные офицеры той дивизии. Их всего было три и четвертое особенно большое каре, в котором заключались все остальные, и между ними Михаил Лунин...

Генерал-ад'ютант Чернышев большое каре приказал подвести к виселицам, тогда Федор Ватковский закричал: „Нас хотят принудить присутствовать при казни наших товарищей. Было бы по орной гнусностью оставаться безучастными свидетелями подобного дела! Вырвем

ружья у солдат и бросимся вперед!“ Множество голосов отвечало: „Да, да, да, сделаем это, сделаем это!“ [1].

Но Чернышев и при нем находившиеся, услышав это, вдруг большое каре повернули и скомандовали итти в крепость. Чернышев показал необыкновенную ревность на экзекуции этим маневром. Усердие его, можно полагать, непременно превышало всякое данное ему наставление Николаем. Адская мысль подвести любоваться виселицами, на которых уже висели мученики, принадлежит собственно Чернышеву, а не Николаю.

Чернышев в самое время экзекуций сожжения мундиров, ломания шпаг послал к Николаю фельд'егеря с запискою, доносившей о нашем равнодушии к новому своему положению, прибавив, что некоторые между собою даже смеялись, так что об этом равнодушии продолжали долго говорить в Петербурге и очень обвиняли нас. Конечно, каждый из нас помнил. что не наказания делают стыд, а преступления... [2].

(„Воспоминание о Кронверкской куртине“ из „Записок декабриста“).

ПОСЛАНИЕ В СИБИРЬ.

(Декабристам).

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье.
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.
Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора;
Любовь и дружество до вас
Дойдет сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут [3].

1827 г. (А. С. Пушкин).

А. С. ПУШКИНУ.

(В ответ на его „Послание в Сибирь“).

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли!
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.
Но будь покоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.
Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя—
И православный наш народ
Сберется под святое знамя.
Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы
И с нею грянем на царей,
И радостно вздохнут народы.

(А. И. Одоевский).

---

[1] В подлиннике разговор этот приведен на французском языке.

[2] По делу о тайных обществах и восстании 14 декабря 1825 г. были осуждены 121 человек. Пятеро из них: Рылеев, Пестель, Каховский, С. Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин—казнены через повешенье 13 июля 1826 г. в кронверке Петропавловской крепости. Остальные приговорены к каторге и ссылке без срока, к разжалованию в солдаты и пр.

[3] „Послание в Сибирь“ было напечатано впервые за границей в 1856 г.; в России—в 1874 г.

ДЕКАБРИСТАМ.

(Из Адама Мицкевича).

Вы помните ль меня? Когда друзей в могилах
И в глубине темниц хочу я перечесть,
Считаю я и вас. В моих мечтах унылых
Для ваших бледных лиц гражданства право есть.
Вас нет теперь со мной. Рылеев благородный,
Кого я обнимал, как брата... О, позор!
Задушенный петлей, повис как труп холодный.
Бесславие устам, изрекшим приговор!
Рука Бестужева, сочувственным пожатьем
Сжимавшая мою, от бранного меча
И быстрого пера оторвана проклятьем
Жестокости людской... Моим в подмогу братьям
Трудится, цепь свою и тачку волоча.
Но рок иным послал еще ужасней долю.
Быть может, не один клейму подставил лоб
И честь свою попрал, на службу отдал волю,
И бьет у царских ног поклоны, как холоп.
И, братьев оскорбив насмешливым упреком,
Слагает гимн побед продажным языком,
И дерзко хвалится бесстыдством и пороком,
И кровь моей страны багровым льет ручьем.
Пускай же речь моя из стран свободы дальней
Домчится на рубеж пустыни ледяной
И в край изгнания далекий и печальный
Приносит с воли весть, как журавли весной.
Узнайте мой призыв. Под бременем неволи
Я прятался, как змей, и голос свой таил,
Но молча я делил страданье вашей воли,
И кротость голубя для вас в душе хранил.
Теперь я перелил всю горечь скорбной чаши,
Все пламя тайных слез в крылатой песни звук
Пусть вас щадит она, но жжет оковы ваши.
То кровь моей страны, то вопли долгих мук.
Но тот, кто жалобой прорвется малодушной,—
Да будет он, как пес, визжащий у крыльца,
Который так привык носить ошейник душный,
Что скалит острый клык руке великодушной,
Срывающей с него железный гнет кольца.

(Тан).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Польское восстание (1830—1831 г.г.).

Вечер 29 ноября 1830 года был тихий и ясный. Месяц то прятался в облака, то выплывал из них; наконец он, задумчивый, вышел на небо и спокойно горел до самого рассвета.

В Варшаве жизнь шла обычным порядком. Всего тише было в Лазенковских Бельведерских чащах... В русских артиллерийских казармах ярко горел огонь, а школа подхорунжих [1] уже тонула во мраке: одна часть воспитанников ушла в город, остальных как будто укачала тяжелая дремота...

В Бельведере великий князь Константин, после стола, во время которого он по обыкновению много смеялся, поцеловал ручку своей хорошенькой жены, княгини Ловичской, и в сопровождении камердинера ушел в спальню—отдохнуть после обеда. Как всегда, он быстро разделся и лег в постель. Стало еще тише, еще глуше. Во всем дворце ходили на цыпочках и разговаривали шопотом.

Вскоре со стороны города под'ехала коляска на рессорах. Из нее выскочил варшавский президент Любовидзкий. Он потребовал немедленного пропуска к князю, говоря, что привез чрезвычайно важные, не терпящие отлагательства известия. Ему ответили, что не существует таких важных известий, для которых можно прервать сон цесаревича, и приказали ждать, пока он проснется...

Между пятым и шестым часами вечера на двух противоположных концах города одновременно вспыхнули два пожара. Загорелась старая пивоварня на Сольце, и тотчас же показалось пламя на крыше высокой каменной постройки против арсенала. Оба пожара были немедленно потушены.

Неожиданно в начале седьмого часа в аллее, которая вела к Бельведеру, громко заскрипел песок под ногами бегущих людей. Это была небольшая толпа молодежи, вооруженная карабинами, саблями и кинжалами. Часовой у ворот в одну минуту был разоружен и связан. Толпа ворвалась во двор и подступила к дворцу с криками: „Смерть! Смерть!“

---

[1] Военная школа; один из центров заговора.

Вероятно, только эти крики и спасли великого князя. Камердинер, услышав их, вбежал в спальню, поднял с постели наполовину сонного Константина, окутал его в шлафрок и—вынес потайным ходом в павильон, занимаемый княгиней.

Заговорщики добрались и туда, но нашли лишь княгиню и ее приближенных дам, стоящих на коленях посредине комнаты и громко читавших молитвы...

В то же время со стороны Лазенок донесся гул многочисленных выстрелов. Подхорунжие, сидевшие до сих пор впотьмах, положив руки на курки карабинов, выбежали из здания вслед за Высоцким, который кричал: „Поляки! Час мести настал! Сегодня нам предстоит победить или умереть! К оружию!“ Их было сто шестьдесят человек. Они обрушились на русские кавалерийские казармы, полные вооруженных, обученных солдат. Там появление их, подобно грому с ясного неба, произвело сильный переполох...

Революция началась.

Немного позже, князь Константин, окруженный своей гвардией, уже сидел на коне, заняв в аллеях парка оборонительную позицию...

Одновременно другие части революционеров начали действовать на противоположной стороне города. Одни на Марсовом поле и в гвардейских казармах призывали польские полки выступить с оружием в руках на улицы; другие поднимали Старый город, освященный традициями Килинского. Тут именно действовал Маврикий Мохнатский, „польский Робеспьер“, который с какой-то старой саблей в руках бегал по переулкам Старого города и кричал своим слабым, чахоточным голосом—голосом литератора:

— К оружию, граждане! К оружию!

Завладение арсеналом решило судьбу этого памятного дня. Через открытые окна выбрасывались на улицу карабины, сабли, копья, пистолеты, аммуниция. Все это разбирал народ, вооружался и всю ночь бродил по улицам с криками и выстрелами. Русские пока в открытую борьбу не вступали. Русские полки и много польских, по приказу великого князя, были стянуты в аллеях Бельведера. Ранним утром он со всем войском отступил в Вержбну [1] и там, в маленьком деревянном домике устроил свою временную „главную квартиру“.

Революционеры, после первой вспышки возбуждения, прежде всего стали думать о правительстве. Революция не могла быть безголовым чудовищем. Но „правительство“, силою вещей, представлялось им прежде всего—предводительством вооруженными силами. У всех на языке была одна фамилия—Хлопицкий [2]...

Разослали за Хлопицким гонцов, но не нашли его ни в собственном жилище, ни у родственников, ни у знакомых. Нигде его не было... он пропал без следа.—Неужели испугался власти?—спрашивали не-

---

[1] Вержбна—дачная местность под Варшавой.

[2] Генерал польских войск в отставке,—Хлопицкий,—типичный представитель интересов зажиточной шляхты. Он согласился принять власть и об'явил себя диктатором для „обуздания врагов внутренних, которые не менее опасны, чем внешние“.

которые полушутя. Так и было на самом деле. Фанатик порядка и военной дисциплины — он содрогался при мысли о нарушении присяги и с отвращением сторонился от всяких революционных действий.

Хлопицкий явился лишь к вечеру на другой день, и то только затем, чтобы подтвердить свое нежелание участвовать в „бунте“ (так он называл первый период революции).

В эту же самую ночь министр финансов Любецкий поспешно созвал совет администрации королевства, стараясь создать из него временное правительство. Туда входили, кроме Чарторыжского,—кн. Михаил Радзивилл, генерал Пац, Кохановский и Немцевич [1]...

Хлопицкий принужден был подчиниться приказанию совета и принять главное командование армией... С этого момента события пошли усиленным темпом.

3-го декабря к князю Константину отправилась делегация (кн. Чарторыжский, Любецкий, Островский и Лелевель), чтобы представить ему народные требования. Прежде всего делегация должна была настаивать на выполнении условий конституции и на возврате польских провинций, присоединенных к России с конца XVIII века,—что не раз было обещано Польше Александром I. Неясный и уклончивый ответ цесаревича не привел ни к каким результатам. Обе стороны поняли, что узел, завязанный революцией, не распутаешь так просто.

Вместе с тем, на другой день кн. Константин дал позволение польским войскам, находившимся до сих пор при нем, соединиться с соотечественниками; при этом он поставил условие, чтобы ему и императорской армии не препятствовали спокойно удалиться из пределов королевства. Административный совет предписал жителям не мешать уходу русских войск, и последние, без каких-либо ограничений, в полном вооружении отступили...

Варшава, между тем, волновалась. Чтобы ее успокоить, совет постановил на 18 декабря созвать сейм. Хлопицкий же провозгласил себя диктатором...

Сейм собрался в назначенное число под председательством маршала Островского. Представители народа санкционировали восстание, признав его всеобщим и народным...

С этого момента временное правительство пыталось действовать на два фронта. Был составлен и опубликован пламенный манифест к народу, удостоверявший необходимость вооруженной борьбы. Одновременно Любецкий был послан в Петербург, чтобы еще раз попытаться завязать переговоры о мире. Но и эта попытка осталась безрезультатной. Николай I остался неумолимым, как железо, и не захотел разговаривать с „бунтовщиками“.

Вооруженная борьба стала неизбежной.

В этот—особенно важный момент—Хлопицкий еще раз сложил с себя власть, отказываясь даже от командования армией. Поспешно собравшийся сейм избрал главным вождем князя Михаила Радзивилла.

---

[1] Все они принадлежали к числу умеренной шляхты и были против окончательного разрыва с Россией.

29 января 1831 г. на заседании сейма было оглашено официальное об'явление о лишении власти дома Романовых. Оно было встречено восторженными криками. Из залы сейма крики перешли на улицу и, словно эхо, переливались из конца в конец Варшавы. Вечером запылала иллюминация. Воинственным манифестациям не было конца.

Польша праздновала свое освобождение...

В это время первые полки Дибича уже вступили на ее почву. Революция закончилась. Начиналась война [1]...

(В. Громулицкий—„Польская революция 1830—31 г.г.").

РАСПРАВА.

Только люди, испытавшие то, что испытали поляки после раздела Польши и подчинения одной части ее власти ненавистных немцев, другой—власти еще более ненавистных москалей, могут понять тот восторг, который испытывали поляки в 1830—31 году, когда, после прежних несчастных попыток освобождения, новая надежда освобождения казалась осуществимой. Но надежда эта продолжалась недолго. Силы были слишком несоразмерны, и революция была опять раздавлена. Опять, бессмысленно повинующиеся, десятки тысяч русских людей были пригнаны в Польшу и под начальством то Дибича, то Паскевича и высшего распорядителя Николая I, сами не зная зачем они делают это, пропитав землю кровью своей и своих братьев поляков, задавили их и отдали опять во власть слабых и ничтожных людей...

Варшава была взята, отдельные отряды разбиты. Сотни, тысячи людей были расстреляны, забиты палками, сосланы...

Сироцинский [2] организовал по всей Сибири тайное общество, цель которого состояла в том, чтобы с помощью поляков, зачисленных в казачьи и линейные полки, взбунтовать солдат и каторжан, поднять переселенцев, захватить в Омске артиллерию и всех освободить.

— Да это разве возможно?—спросил Мигурский.

— Очень возможно и все было готово,—сказал Россоловский, мрачно хмурясь, и медленно, спокойно рассказал весь план своего освобождения и все принятые меры для успеха дела и, в случае неуспеха, для спасения заговорщиков. Успех был верный, если бы не изменили два злодея...

И Россоловский ровным, спокойным басом стал рассказывать подробности казни, на которой, по приказанию начальства, он должен был присутствовать вместе со всеми судившимися по этому делу.

Два батальона солдат стояли в два ряда, длинной улицей. У каждого солдата в руке была гибкая палка такой высочайше утвержденной толщины, чтобы три только могли входить в дуло ружья. Первым повели

---

[1] Русско-польская война была начата под командованием генерала Дибича. Борьба затягивалась. В войсках свирепствовала холерная эпидемия. На смену ген. Дибича был назначен ген. Паскевич; 18 августа 1831 г. Варшава сдалась после 2-х-дневного штурма.

[2] Ксендз, сосланный за участие в восстании.

доктора Шехальского. Два солдата вели его, а те, которые были с палками, били его по оголенной спине, когда он равнялся с ними. Я видел это только тогда, когда он подходил к тому месту, где я стоял. То слышал только дробь барабана, но потом, когда становился слышен свист палок и звук ударов по телу, я знал, что он подходит. И я видел, как его тянули за ружья солдаты, и он шел, вздрагивая и поворачивая голову то в ту, то в другую сторону. И раз, когда его проводили мимо нас, я слышал, как русский врач говорил солдатам: „Не бейте больно, пожалейте". Но они все били, и когда его провели мимо меня второй раз, он уже не шел сам, а его тащили. Страшно было смотреть на его спину. Я зажмурился. Он упал, и его унесли. Потом повели второго, потом третьего, потом четвертого. Все падали, всех уносили—одних замертво, других еле живыми, и все мы должны были стоять и смотреть. Продолжалось это шесть часов—от раннего утра и до двух часов пополудни. Последнего повели самого Сироцинского. Я давно не видал его и не узнал бы: так он постарел. Все в морщинах бритое лицо его было бледно-зеленоватое. Тело обнаженное было худое, желтое, ребра так и выступали над втянутым животом. Он шел так же, как и все, при каждом ударе вздрагивая и вздергивая голову, но не стонал и громко читал молитву... [1].

(Л. Толстой—«За что?»).

---

[1] В своих воспоминаниях о Карийской каторге Феликс Кон рассказывает: „Я помнил об истинно мученической смерти ксендза Сироцинского, упавшего замертво тут же на месте, после того как его прогнали сквозь строй, где ему было нанесено 6.000 ударов шпицрутенами" (Ф. Кон.—„На Каре".—Каторга и ссылка. Сборник 3-й).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Петрашевцы (1848—49 г.г.).

* * *

Вперед, без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я.
Смелей! дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед,
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет.
Жрецов греха и лжи мы будем
Глаголом истины карать,
И спящих мы от сна рабудим,
И поведем на битву рать!
Не сотворим себе кумира
Ни на земле, ни в небесах;
За все дары и блага мира
Мы не падем пред ними в прах!
Провозглашать любви ученье
Мы будем нищим, богачам,
И за него снесем гоненье,
Простим озлобленным врагам.
Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой,
В заботах тяжких истощил;
Как раб ленивый и лукавый
Талант свой в землю не зарыл.
Пусть нам звездою путеводной
Святая истина горит!
И верьте, голос благородный
Не даром в мире прозвучит.
Внемлите ж, братья, слову брата,
Пока мы полны юных сил.
Вперед, вперед и без возврата,
Что б рок вдали нам ни сулил [1].

1846 г. А. Н. Плещеев.

РЕЧЬ Д. Д. АХШАРУМОВА.

(На обеде в память Фурье, 7 апр. 1848 г.).

Жизнь, как она теперь,—тяжела, гадка; мы все несчастны, и можно ли быть счастливым в этом обществе, в котором мы живем? И так как порядок установленный противоречит главному, основному назначению нашей человеческой жизни, как и всякой другой, то он непременно

[1] Алексей Николаевич Плещеев (1825—1893)—поэт; принадлежал к кружку петрашевцев. Был сослан рядовым в Оренбург на 8 лет.

рано или поздно прекратится и вместо него будет новый, новый и новый. Когда?—вот это важный вопрос, и мы можем только отвечать, что скоро. Уже тот факт, что мы сознаем недостатки, ошибки в устройстве нашей жизни, и уже представляется нам в общих чертах новая жизнь,—этот самый факт доказывает, что началось время его разрушения. И рухнет, и развалится все это дряхлое громадное вековое здание, и многих задавит оно при разрушении и из нас, но жизнь оживет, и люди будут жить богато, раздольно и весело.—Мы в столице безобразной, громадной, в чудовищном скопище людей, томящихся в однообразных работах, испачканных грязным трудом, пораженных болезнями, развратом, в скопище, разрозненном семействами, которые, вредя друг другу, теряют время и силу и обедняются в бесполезных трудах. И там, за столицею, ползут города: единственная цель, высочайшее счастье для них—сделаться многолюдным, развратным, больным, чудовищным, как столица!—В эти дни, в этом самом обществе, мы собрались сегодня не для жалоб, но, напротив, полны надеждой, торжеством... Мы даем обед и празднуем грядущее искупление человечества,—сегодня, именно сегодня, в день рождения Фурье, чтим его память, потому что он указал нам путь, по которому итти, открыл источник богатства, счастья. Сегодня первый обед фурьеристов в России, и все они здесь: десять человек, немногим более. Все начинается с малого и растет до великого. Разрушить столицы, города и все материалы их употребить для других зданий, и всю эту жизнь мучений, бедствий, нищеты, стыда, срама превратить в жизнь роскошную, стройную, веселья, богатства, счастья, и всю землю нищую покрыть дворцами, плодами и разукрасить в цветах—вот цель наша. Мы здесь, в нашей стране, начнем преобразование, а кончит его вся земля. Скоро избавлен будет род человеческий от невыносимых страданий.

(„Политические процессы Николаевской эпохи.—Петрашевцы").

ИЗ „ПРОЕКТА ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕСТЬЯН".

Какие могут быть способы освобождения крестьян?.. Самым простым способом может для сего являться прямое, безусловное освобождение их с тою землею, которая ими была обрабатываема, без всякого вознаграждения за то помещика. Такое разрешение этого вопроса просто, да и не слишком несправедливо, на том основании, что род человеческий есть в совокупности обладатель земного шара. Всякий отдельный член человечества иметь может ту часть в своем владении земного шара, которую прочие его совладетели на земном шаре из нашей планеты ему заблагорассудили за что-либо свободно уступить... Пай, нами данный крестьянину, будет несравненно менее того, какой ему следовало бы по-настоящему получить. Имея это в виду, нельзя не признаться в том, что все-таки при сем разделе на долю помещиков придется хорошая, чуть не львиная часть. Ибо в пользу их останутся те поля, кои не нужны для пропитания освобожденных крестьян, строения ими для них сделанные и т. п...

(М. В. Петрашевский).

„ПЯТНИЦЫ" ПЕТРАШЕВСКОГО.

Вошли два новых лица: один коренастый, с беспорядочной бородой, огромным лбом и блестящими черными глазами. Он был угловат, тороплив и ужасно близорук, что вместе со скороговоркой придавало его небольшой фигуре характер постоянной озабоченности, возбужденности. Войдя, он со всеми поздоровался, как старый знакомый, и, бросив на окно пачку газет, подсел к Рудковскому.

Другой вошедший был Слободин, которого Мориц встретил в дверях с горячим радушием и немедленно перезнакомил со всеми собеседниками.

— Давно вас не видать, Дмитрий Сергеевич,—что нового?—спросил Рудковский бородастого гостя.

— Да, новостей нынче тьма... Дело о банкетах принимает довольно серьезный оборот. Читали вы? Я полагаю, что Гизо и Дюшатель в эту минуту уже слетели; а дальше все будет зависеть от того, кто овладеет движением.

— И вся суматоха кончится переменой министерства,—заметил кто-то.

— Ну, нет-с... этим едва ли удовлетворятся...—задумчиво и как бы про себя сказал Дмитрий Сергеевич.—Подготовка шла деятельная несколько лет... Я так скажу, если партия „Реформы" одолеет, то шаг будет сделан решительный. Там Луи Блан, Рибейролль, Флокон—люди толковые,—они знают, что нужно народу... Это не то, что буржуазный „Националь", который непременно подпакостит, увидите.

— Да, люди плохи, но настоящие-то явятся впоследствии; теперь их никто и не знает, да и они сами себя не знают...

Разговор сделался общим, всякий высказывал свои предположения, вероятный конец парижских событий [1].

Рудковский и Дмитрий Сергеевич обратились к Слободину, молча сидевшему в сторонке.

— Вы какого мнения,—ужели это все кончится вздором?

— Может, и вздором... Я должен вам сказать откровенно: политические вопросы меня слишком мало занимают,—со спокойной ясностью ответил Слободин.

— Да-с... Но ведь это нельзя же... ведь на парижских улицах решаются общечеловеческие победы и поражения,—кто же может оставаться равнодушным?..

— Мне поистине все равно, кто у них будет—Луи-Филипп, или какой-нибудь Бурбон, или даже хоть и республика... Кому от этого будет легче? Народ выиграет несколько громких фраз, причтет несколько новых имен к своему мартирологу и пойдет на ту же самую работу, прибыльную только для одного буржуа,—а стало быть и жить ни на волос не будет лучше...

---

[1] Февральская революция 1848 г., во Франции.

— А, так вот вы какой! Постойте, об этом надо говорить основательно...

И между ними завязался горячий разговор...

В заключение он крепко пожал руку Слободина и просил его к себе.

— У меня по пятницам кое-кто бывает, приходите, коли нечего делать...

У Дмитрия Сергеевича народу было много; накурено до сизых облаков. Гости сновали по трем большим комнатам отдельными группами, когда вошли Слободин и Мориц.

Хозяин встретил их радушно, особенно Слободина, явившегося к нему в первый раз. Он усадил его на диван и предложил чаю.

— А вот сейчас я угощу вас кое-чем другим. Сегодня господин Горжельский обещал нам побеседовать кое-о-чем...

Оглядевшись кругом, Слободин увидел Рудковского, Купянцова, Горжельского; остальные лица были все незнакомые.

— Это кто?—спросил Алексей Морица, кивнув на кого-то.

— Не знаю.

— А вот этот?

— Тоже не знаю! Дмитрий Сергеевич чудак, не заботится о том, чтобы перезнакомить. Есть личности, которых нельзя не знать: вот это автор статей о пролетариате; а вон тот—мой друг, симпатичный поэт; верно знаете его:

В кумирах мне бога не видеть,
Пред ними главы не склонить;
Мне все суждено ненавидеть,
Что рабски привыкла ты чтить...

— Остальных не знаю. Еще если иной скажет два-три умных слова, ну и поинтересуешься узнать, кто такой; а вон эти, что по углам сидят—молчальники,—кто их знает,—я думаю, сам хозяин путается в их фамилиях... а уверяет, что все это его близкие приятели, или, по крайней мере, хорошие люди. Ужасный чудак!

Горжельский, сидя у стола, досасывал сигару; его обступили с вопросами, о чем именно он намерен говорить.

— Да я хотел бы поговорить о политической экономии.

Такой неопределенный, уклончивый ответ его возбудил даже некоторое неудовольствие; слышались возгласы: „Это к чему—стоит ли заниматься мертвечиной!.. Не нужно! За кого он нас считает?..“

Милейший пан скоро овладел вниманием слушателей. Он не сказал ничего нового для тех, кто знаком с наукой, но всех поразило то, что каждое его положение было полнейшим отрицанием того предмета, о котором говорил; последним его словом было — ассоциация, как та искомая формула, в которой разрешатся со временем все теперь неразрешимые противоречия.

Во всех кружках разговоры шли оживленные; уже не было помина об абстрактных научных истинах, трактовались предметы „конкретные“, близкие к жизни и положению каждого...

Как-то незаметно беседа соскочила на довольно скользкую в то время дорожку; кто-то завел речь—какие вопросы должны стоять на ближайшей очереди для развития сил русского народа, его богатства и благосостояния?..

Одни грудью стояли за гласное судопроизводство; другие видели все спасение в свободе печатного слова; третьи провозглашали выборное начало... и т. д. Среди горячей сшибки разных предположений, Слободин тихо и медленно сказал:

— Освобождение крестьян несомненно будет первым шагом в нашей великой будущности...

— Однако, если я не усну—вот скверность-то!—ворчал Рудковский, кутаясь в одеяло.—А тут еще эта езда... и чего они, черти, раз'ездились? Видно, с бала, или с картежного побоища...

Стук колес выделялся резче из ночного гула. Рудковский невольно прислушивался... вот экипаж ближе, вот остановился тут, под окнами. В передней завизжал колокольчик; в комнатах зашаркали, забренчали саблями; над самой головой Рудковского осиплый голос, с очевидным старанием взять тон как можно мягче, назвал его, проговорил формальное приглашение встать, одеться и следовать, куда будет нужно... Все это совершалось одно за другим, без промежутков...

Сухощавый, скорчившийся в своей постели человек, измученный бессоницей, потерял сознание времени, последовательности; он сознавал только одно—свое полнейшее бессилие... Он не шевелился, и лишь черные глаза упорно остановились на фигуре необыкновенного посетителя. Опять неизвестно, минуту или час глядели его глаза, и зачем они глядели, какой смысл имел этот взгляд,—какой смысл был вообще во всем этом?..

Вдруг Рудковский быстро вскочил и сел на кровати.

— Ага! сию минуту, полковник; я весь в вашем распоряжении... Только пожалуйста не будите моих товарищей, я сам...

Опять стук кареты, шаги, бряцание оружия.

— Господин Купянцов?

По комнатам ходили люди, шелестели сбрасываемые в кучу бумаги. Иван тут тоже как-то рассеянно суетился, помогал одеваться, искал какую-то веревочку. Он заботливо притворил дверь в комнату спящего своего барина.

— Поручик Мориц здесь?—раздался новый вежливый голос.

Андрюша проснулся уже среди всеобщей суматохи. Он как-то по-детски обрадовался, увидев в толпе своего товарища, полкового ад'ютанта, и, крепко сжимая его руку, твердил:

— Ничего, брат, не беспокойся... Это недоразумение... Тут что-нибудь да не так... Я убежден, что завтра увидимся... Иначе и быть не может!..

Через полчаса опустела развеселая квартира № 10-й; двери заперты, опечатаны; в распоряжении Ивана оставлена только одна кухня, в которой уже не для кого было отбарабанивать скорый марш на доске

с знаменитыми битками... Он только хлопнул об полы руками и горько заплакал...

Много таких сцен видело холодное, пасмурное утро...

В большой зале Алексей увидел множество фигур, бледных, испуганных, ошеломленных самым разнообразным образом; но ни одного знакомого лица. Это его успокоило; ему показалось несомненным, что все это—недоразумение, путаница; он чуть не улыбнулся при мысли, что вот сейчас спросят его имя, еще два-три вопроса,—и отпустят с миром, даже извинившись за причиненное беспокойство... Но зала все наполнялась вновь прибывающим народом; стали мелькать и знакомые физиономии. Алексей подошел к Рудковскому и Морицу.

— Но что все это значит?

— Хоть убей—ничего не понимаю...

— Вы всех тут знаете?

— Никого...

Дмитрий Сергеевич вошел с некоторою торжественностью; на нем сверх сюртука накинут был какой-то шелковый теплый халат, а под мышкою он держал книгу. Мориц даже по переплету узнал эту давно знакомую книгу „Теория четырех движений“ [1]. Он церемониально прошел в следующую комнату; дверь за ним затворилась...

После бесконечного переезда по темным улицам, площадям и мостам, карета вдруг вкатилась под какой-то длинный, низенький свод; колеса застучали глухо, точно удары молотка в крышу дубового гроба...

— Ну, прощай!—прошептал Слободин, сам не зная, кому он посылает свое прощанье.—Жалкие бедняки! ведь наша жизнь еще не начиналась—и уже никогда не начнется!.. Прощай, прощай! Погибшие мы люди!

Перед распахнувшейся дверью маленькой сводчатой кельи, освещенной чадившей плошкой, Алексей содрогнулся, отшатнулся...

Дверь за ним захлопнулась; ржавые замки защелкали как-то нестерпимо обидно. Он остался один...

Под окном перекатывалось протяжное „слу-ша-ай!“. Потом кто-то зевал громко и апатично; потом два голоса рассуждали о старых портянках.

— А сколько к нам господ таперича навезли,—страсть!

— О?! Эх, братец ты мой, поди чай жалко?..

— Да-а, молодые, известно с глупостев...

— А головы им, поди, чай сейчас забрили?

— На что! Этого не полагается.

— Э, робята, значит, еще ничего!—Слу-ша-ай!.. [2]

(П. Альминский (А. Пальм).—„Алексей Слободин“).

---

[1] „Теория четырех движений“ — одно из основных сочинений Шарля Фурье.

[2] Автор романа „Алексей Слободин“—А. Пальм принадлежал к кружку петрашевцев. В лице Дмитрия Сергеевича он изображает М. В. Петрашевского.

РУССКИЙ ФУРЬЕРИЗМ.

...Я желал полной и совершенной реформы быта общественного, фаланстер считал ключом, пробным камнем таковой реформы. Да, я желал, чтоб и другие разделяли мою уверенность,—если хотите детскую, утопистскую, никогда не злую, всегда добрую,—что придет пора, когда для счастливого человечества слова: нищета, страдание, горесть, принуждение, наказание, несправедливость, порок и преступление утратят свое удручительное значение, и что будут лишь, подобно остовам допотопных времен, напоминовением о предшествовавших эпохах бедствия и общественного неустройства. Все в обществе и природе перейдет в стройную гармонию: труда тяжкого, удручительного не будет, всякий акт жизни человеческой будет актом наслаждения, и что эпоха всеобщего блаженства настанет!.. Вот мое признание, которого вы не спрашивали. Оно выше разрядов о наказаниях за ересь и политическое преступление. За это, признаю, я стою быть сожженным живым на медленном огне! И это перенесу я спокойно. Участников и сообщников не имел, но эту формулу признания подпишут все фурьеристы... Если пламенное желание добра, не знавшее пределов, кроме общего блага всех и каждого, если страстное влечение все знать, все взвесить своим умом есть преступление, то... чем тяжче присужденное вами—или кто будет судить, если только есть кого в чем судить,—наказание, тем почту себя счастливее... Но знайте,—розвеется ли прах мой на четыре конца света, вылетит ли из груди моей слабый вздох среди тишины подземного заточения, его услышит тот, кому услышать следует,—упадет капля крови моей на землю... вырастет зорюшка... мальчик сделает дудочку... дудочка заиграет, придет девушка... и повторится та же история, только в другом виде. Закон судьбы или необходимости вечен... Но тогда, вероятно, ни вас, ни меня не будет...

И много-много дотоль небылого на свет из тьмы изойдет. Страшитеся, люди,—туча идет.

Слышите ли там вдали похоронный звон? Это хоронят на Руси последнюю правду, последнее доброе дело. Унылые лица, расходятся люди, и мгла падает на землю.

Гений человечества запишет имена всех, соприкосновенных к этому делу, и ваши, и наши передаст потомству...

(Из показаний М. В. Петрашевского).

КРИТИКА РУССКОГО ФУРЬЕРИЗМА.

...Петрашевский верит Фурье. Фурьеризм система мирная; она очаровывает душу своей изящностью, обольщает сердце тою любовью к человечеству, которая воодушевляла Фурье, когда он составлял свою систему, и удивляет ум своею стройностью. Привлекает она к себе не желчными нападками, а воодушевляет любовью к человечеству. В системе этой нет ненавистей. Реформы политической фурьеризм не полагает; его реформа экономическая. Она не посягает ни на правительство, ни на собствен-

ность, а в одном из последних заседаний палаты Виктор Консидеран, представитель фурьеристов, торжественно отказался от всякого посягновения на фамилию. Наконец, эта система кабинетная и никогда не будет популярною. Фурьеристы во время всего февральского переворота ни разу не вышли на улицу, а остались в редакции своего журнала, где они проводят свое время уже слишком двадцать лет в мечтах о будущей красоте фаланстеры. Но, без сомнения, эта система вредна, во-первых, уже по одному тому, что она система; во-вторых, как ни изящна она, она все-таки только утопия самая несбыточная. Но вред, производимый этой утопией, если позволят мне так выразиться, более комический, чем приводящий в ужас. Нет системы социальной, до такой степени осмеянной, до такой степени не популярной, освистанной, как система Фурье на Западе. Она уже давно померла, и предводители ее сами не замечают, что они живые только мертвецы, больше ничего... Что же касается до нас, до России, до Петербурга, то здесь стоит сделать двадцать шагов по улице, чтоб убедиться, что фурьеризм на нашей почве может только существовать или в неразрезанных листах книги, или в мягкой, незлобивой мечтательной душе, но не иначе, как в форме идиллии или подобно поэме в двадцати четырех песнях, в стихах... Фурьерист—несчастный и невинный человек,—вот мое мнение. Наконец, по моему мнению, ни один парадокс, сколько их ни было, не мог удержаться сам собою, своими силами. Так нас учит история. И доказательство, что во Франции почти в один год пали все системы, одна за другой, и пали сами собою, чуть только дело дошло до малейшего опыта...

(Из показания Ф. М. Достоевского).

ПРИГОВОР ПО ДЕЛУ ПЕТРАШЕВЦЕВ.

Пагубные учения, народившие смуты и мятежи во всей Западной Европе и угрожающие ниспровержением всякого порядка и благосостояния народов, отозвались, к сожалению, в некоторой степени и на нашем отечестве.

Но в России — где святая вера, любовь к монарху и преданность престолу основаны на природных свойствах народа и доселе хранятся непоколебимо в сердце каждого,—только горсть людей, совершенно ничтожных, большею частью молодых и безнравственных, мечтала о возможности попрать священнейшие права религии, закона и собственности. Действия злоумышленников могли бы только тогда получить опасное развитие, если бы бдительность правительства не открыла зла в самом начале.

По произведенному исследованию обнаружено, что служивший в министерстве иностранных дел титулярный советник Буташевич-Петрашевский первый возымел замысел на ниспровержение нашего государственного устройства с тем, чтобы основать оное на безначалии. Для распространения своих преступных намерений он собирал у себя в назначенные дни молодых людей разных сословий. Богохуление, дерзкие слова против священной особы государя императора, представление действий

правительства в искаженном виде и порицание государственных лиц — вот те орудия, которые употреблял Петрашевский для возбуждения своих посетителей. В конце 1848 года он приступил к образованию, независимо от своих собраний, тайного общества...

Генерал-аудиториат, по рассмотрении дела, произведенного военно-судною комиссиею, признал, что 21 подсудимый, в большей или меньшей степени, все виновны: в умысле на ниспровержение существующих отечественных законов и государственного порядка,—а потому и определил: подвергнуть их смертной казни расстрелянием...

Его величество, по прочтении всеподданнейшего доклада генерал-аудиториата, изволил обратить всемилостивейшее внимание на те обстоятельства, которые могут в некоторой степени служить смягчением наказания, и вследствие того высочайше повелел: прочитать подсудимым приговор суда при сборе войск и, по совершении всех обрядов, предшествующих смертной казни, об'явить, что государь император дарует им жизнь, и затем, вместо смертной казни, повергнуть их следующим наказаниям... [1]

(„Русский Инвалид" 1849 г., 22 декабря).

В ОЖИДАНИИ КАЗНИ.

...Карета отворилась передо мною, и я вышел. Посмотрев кругом, я увидел знакомую мне местность—нас привезли на Семеновскую площадь. Она была покрыта свежевыпавшим снегом и окружена войском, стоявшим в каре. На валу вдали стояли толпы народа и смотрели на нас; была тишина, утро ясного зимнего дня, и солнце, только что взошедшее, большим красным шаром блистало на горизонте сквозь туман сгущенных облаков...

Я подвинулся вперед, меня сопровождал солдат, сидевший со мною в карете... Я почувствовал, что меня обнимает холод. Мы были взяты 22 апреля в весенних платьях и так в них вывезены 22 декабря на площадь.

Направившись вперед по снегу, я увидел налево от себя, среди площади возвигнутую постройку—подмостки, помнится квадратной формы, величиною в 3—4 сажени, со входною лестницею, и все обтянуто было черным трауром — наш эшафот. Тут же я увидел кучку товарищей, столпившихся вместе и протягивающих друг другу руки и приветствующих один другого после столь насильственной злополучной разлуки. Когда я взглянул на лица их, то был поражен страшною переменою; там стояли: Петрашевский, Львов, Филиппов, Спешнев и некоторые другие. Лица их были худые, замученные, бледные, вытянутые и у некоторых обросшие бородой и волосами... Кареты все еще под'езжали, и оттуда один за другим выходили заключенные в крепости. Вот Плещеев, Кашкин, Европеус... Все исхудалые, замученные, а вот и милый мой Ипполит Дебу,—увидев

[1] По делу петрашевцев было сослано на каторгу, на поселение, в дисциплинарные батальоны и разжаловано в солдаты—21 человек.

меня бросился ко мне в об'ятия: „Ахшарумов! и ты здесь!“—Мы же всегда вместе!—ответил я... Вдруг все наши приветствия и разговоры прерваны были громким голосом под'ехавшего к нам на лошади генерала, как видно распоряжавшегося всем...

— Теперь нечего прощаться! становите их, — закричал он. Он не понял, что мы были только под впечатлением свидания и еще не успели помыслить о предстоящей нам смертной казни...

Первым был поставлен Петрашевский, за ним Спешнев, потом Момбели и затем шли все остальные—всех нас было 23 человека (я поставлен был по ряду восьмым). После того подошел священник с крестом в руке и, став перед нами, сказал: „Сегодня вы услышите справедливое решение вашего дела,—последуйте за мною!“. Нас повели на эшафот, но не прямо на него, а обходом вдоль рядов войск, сомкнутых в каре... Священник с крестом в руке выступал вперед, за ним мы все шли один за другим по глубокому снегу... Вскоре внимание наше обратилось на серые столбы, врытые с одной стороны эшафота; их было, сколько мне помнится, много.

Мы медленно пробирались по снежному пути и подошли к эшафоту. Войдя на него, мы столпились все вместе и опять обменялись несколькими словами... Начались вновь выкликания и расстановка... Затем скомандовано было нам: „шапки долой!“—но мы к этому не были подготовлены и почти никто не исполнил команды; тогда повторено было несколько раз: „Снять шапки, будут конфирмацию читать“, и с запоздавших приказано было стащить шапку сзади стоящему солдату...

По изложении вины каждого, конфирмация оканчивалась словами: „Полевой уголовный суд приговорил всех к смертной казни—расстрелянием, и 19-го сего декабря государь император собственноручно написал: „Быть по сему“.

Мы все стояли в изумлении; чиновник сошел с эшафота. Затем нам поданы были белые балахоны и колпаки, саваны, и солдаты, стоявшие сзади нас, одевали нас в предсмертное одеяние...

Взошел на эшафот священник,—тот самый, который нас вел,—с евангелием и крестом, и за ним принесен и поставлен аналой. Поместившись между нами на противоположном входу конце, он обратился к нам со следующими словами:

„Братья! Перед смертью надо покаяться... Кающемуся спаситель прощает грехи... Я призываю вас к исповеди“...

Никто из нас не отозвался на призыв священника, — мы стояли молча; священник смотрел на всех нас и повторно призывал нас к исповеди...

После того он молча обошел с крестом всех нас, и все приложились к кресту... Тогда раздался голос генерала, сидевшего на коне возле эшафота: „Батюшка! Вы исполнили все, вам больше здесь нечего делать!“...

Священник ушел, и сейчас же взошли несколько человек солдат к Петрашевскому, Спешневу и Момбели, взяли их за руки и свели с эшафота; они подвели их к серым столбам и стали привязывать каждого к отдельному столбу веревками... Потом отдано было приказание: „колпаки надвинуть на глаза“, после чего колпаки опущены были на

лица привязанных товарищей наших. Раздалась команда: „Клац“ и вслед затем группа солдат,—их было человек 16,—стоявших у самого эшафота, по команде направила ружья к прицелу на Петрашевского, Спешнева и Момбели...

Момент этот был поистине ужасен. Видеть приготовление к расстрелянию и при том людей близких по товарищеским отношениям, видеть уже наставленные на них почти в упор ружейные стволы и ожидать—вот прольется кровь, и они упадут мертвые, было ужасно, отвратительно, страшно...

Сердце замерло в ожидании, и страшный момент этот продолжался с полминуты... Возмущенное состояние мое возросло еще более, когда я услышал барабанный бой, значение которого я тогда еще, как не служивший на военной службе, не понимал. „Вот конец всему!“... Но вслед затем увидел я, что ружья, прицеленные, вдруг все были подняты стволами вверх... Затем стали отвязывать привязанных Петрашевского, Спешнева и Момбели и привели снова на прежние места их на эшафоте. Приехал какой-то экипаж—оттуда вышел офицер—флигель-ад'ютант—и привез какую-то бумагу, поданную немедленно к прочтению. В ней возвещалось нам дарование государем императором жизни и взамен смертной казни, каждому, по виновности, особое наказание... По окончании чтения этой бумаги, с нас сняли саваны и колпаки.

Затем взошли на эшафот какие-то люди, вроде палачей, одетые в старые цветные кафтаны,—их было двое,—и, став позади ряда, начинавшегося Петрашевским, ломали шпаги над головами поставленных на колени ссылаемых в Сибирь... После этого нам дали каждому арестантскую шапку, овчинные, грязной шерсти, тулупы и такие же сапоги...

После всего этого, на середину эшафота принесли кандалы и, бросив эту тяжелую массу железа на досчатый пол эшафота, взяли Петрашевского и, выведя его на середину, двое, повидимому кузнецы, надели на ноги его железные кольца и стали молотком заклепывать гвозди. Петрашевский сначала стоял спокойно, а потом выхватил тяжелый молоток у одного из них и, сев на пол, стал заколачивать сам на себе кандалы. Что побудило его накладывать самому на себя руки, что хотел он выразить тем—трудно сказать, но мы были все в болезненном настроении или экзальтации.

Между тем под'ехала к эшафоту кибитка, запряженная курьерской тройкой, с фельд'егерем и жандармом, и Петрашевскому было предложено сесть в нее, но он, посмотрев на поданный экипаж, сказал:

— Я еще не окончил все дела!

— Какие у вас еще дела? — спросил его, как бы с удивлением, генерал, под'ехавший к самому эшафоту.

— Я хочу проститься с моими товарищами!—отвечал Петрашевский.

— Это вы можете сделать...

Он подходил по порядку, как мы стояли, к каждому из нас и каждого поцеловал, молча или сказав что-нибудь на прощанье. Подойдя ко мне, он, обнимая меня, сказал:

— Прощайте, Ахшарумов, более мы не увидимся!

Простившись со всеми, он поклонился еще раз всем нам и, сойдя с эшафота, с трудом передвигая непривычные еще к кандалам ноги, с помощью жандарма и солдата сошел с лестницы и сел в кибитку... Тройка сильных лошадей, повернув на Московскую дорогу, исчезла из наших глаз...

(Д. Д. Ахшарумов—„Из моих воспоминаний").

* * *

Земля, несчастная земля,—
Мир стонов, жалоб и мученья!
На ней вся жизнь под гнетом зла
И всюду плач,—со дня рожденья;
В делах людских—раздор и крик,
И трубный звук, и гул орудий,
И вопль, и дикой славы клик:
Друг друга жгут и режут люди!
Но время лучшее придет:
Война кровавая пройдет,
Земля произрастет плодами,
И бедный мученик-народ
Свободу жизни обретет
С ее высокими страстями:
Обильный хлеб взрастет над взрытыми полями
И нищая земля покроется дворцами!
Тогда и для земной планеты
Настанет период иной.
Не будет ни зимы, ни лета,
Изменится наш шар земной:
Эклиптика с экватором сольется
И будет вечная весна...
И для людей другая жизнь начнется—
Гармонией живой исполнится она.
Тогда изменятся и люди и природа,
И будут на земле—мир, счастье и свобода! [1]

(Д. Д. Ахшарумов).

[1] Стихотворение это написано Д. Ахшарумовым во время его пребывания в Петропавловской крепости в предварительном заключении. В своих „Воспоминаниях" он заканчивает стихотворение следующими словами: „Таким фантастическим бредом à la Fourier утешал я себя в это трудное время".

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

От сороковых к шестидесятым годам.

„КОЛОКОЛ".

...События в России несутся быстро, их надобно ловить на-лету, обсуживать тотчас. Для этого мы предпринимаем новое повременное издание. Не определяя сроков выхода, мы постараемся ежемесячно издавать один лист, иногда два, под заглавием „Колокол"...

О направлении говорить нечего: оно то же, которое в „Полярной Звезде", то же, которое проходит неизменно через всю нашу жизнь. Везде, во всем всегда быть со стороны воли против насилия, со стороны разума против предрассудков, со стороны науки против изуверства, со стороны развивающихся народов против отстающих правительств. Таковы общие догматы наши.

В отношении к России мы хотим страстно, со всею горячностью любви, со всей силой последнего верования, чтоб с нее спали, наконец, ненужные старые свивальники, мешающие могучему развитию ее. Для этого мы теперь, как в 1855 г., считаем первым необходимым, неминуемым, неотлагаемым шагом:

Освобождение слова от цензуры.

Освобождение крестьян от помещиков.

Освобождение податного состояния от побоев.

Не ограничиваясь, впрочем, этими вопросами, „Колокол", посвященный исключительно русским вопросам, будет звонить, чем бы ни был затронут,- нелепым указом или глупым гонением на раскольников, воровством сановников или невежеством сената. Смешное и преступное, злонамеренное и невежественное,—все идет под „Колокол".

А потому обращаемся ко всем соотечественниками, делящим нашу любовь к России, и просим их не только слушать наш „Колокол", но и самим звонить в него [1]...

Лондон, 13 апреля 1857. (А. И. Герцен).

---

[1] В 1853 г. А. И. Герценом была основана в Лондоне первая русская вольная типография, при содействии Польского Демократического Общества. В ней он предпринял ряд изданий для России, в целях пропаганды „вольного слова". Первый номер „Колокола" вышел в мае 1857 г.

КОЛОКОЛ.

В годину мрака и печали,
Как люди русские молчали,
Глас вопиющего в пустыне
Один раздался на чужбине.
Звучал на почве не родной—
Не ради прихоти пустой:
Не потому, что из боязни
Он укрывался бы от казни,—
А потому, что здесь язык
К свободомыслию привык,
И не касалася окова
До человеческого слова.
Привета с родины далекой
Дождался голос одинокий.
Теперь юней, сильнее он;
Звучит, раскачиваясь, звон
И он гудеть не перестанет,
Пока, спугнув ночные сны,
Из колыбельной тишины
Россия бодро не воспрянет
И крепко на ноги не встанет.
И непорывисто смела,
Начнет торжественно и стройно,
С сознаньем доблести спокойной
Звонить во все колокола.

(Н. П. Огарев).

НИГИЛИЗМ.

— Что такое Базаров?—Аркадий усмехнулся.—Хотите, дядюшка, я вам скажу, что он собственно такое?

— Сделай одолжение, племянничек.

— Он нигилист.

— Как?—спросил Николай Петрович, а Павел Петрович поднял на воздухе нож с куском мяса на конце лезвия и остался неподвижен.

— Он нигилист,—повторил Аркадий.

— Нигилист,—проговорил Николай Петрович.—Это от латинского nihil, ничего, сколько я могу судить; стало быть, это слово означает человека... который ничего не признает?

— Скажи: который ничего не уважает,—подхватил Павел Петрович и снова принялся за масло.

— Который ко всему относится с критической точки зрения,—заметил Аркадий.

— А это не все равно?—спросил Павел Петрович.

— Нет, не все равно. Нигилист, это человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип.

— И что ж, это хорошо?—перебил Павел Петрович.

— Смотря как кому, дядюшка. Иному от этого хорошо, а иному очень дурно.

— Вот как. Ну, это, я вижу, не по нашей части. Мы, люди старого века, мы полагаем, что без принсипов (Павел Петрович выговаривал это слово мягко, на французский манер. Аркадий, напротив, произносил принцип, налегая на первый слог), без принсипов принятых, как ты говоришь, на веру, шагу ступить, дохнуть нельзя... Дай вам бог

здоровья и генеральский чин, а мы только любоваться будем, господа... как бишь?

— Нигилисты,—отчетливо проговорил Аркадий.

— Да. Прежде были гегелисты, а теперь нигилисты. Посмотрим, как вы будете существовать в пустоте, в безвоздушном пространстве; а теперь позвони-ка, пожалуйста, брат Николай Петрович, мне пора пить мой какао...

На террасе в течение нескольких мгновений господствовало молчание. Павел Петрович похлебывал свой какао и вдруг поднял голову.

— Вот и господин нигилист к нам жалует,— промолвил он вполголоса.

Действительно, по саду, шагая через клумбы, шел Базаров. Его полотняное пальто и панталоны были запачканы в грязи; цепкое болотное растение обвивало тулью его старой, круглой шляпы; в правой руке он держал небольшой мешок; в мешке шевелилось что-то живое. Он быстро приблизился к террасе и, качнув головою, промолвил:

— Здравствуйте, господа; извините, что опоздал к чаю; сейчас вернусь; надо вот этих пленниц к месту пристроить.

— Что это у вас, пиявки?—спросил Павел Петрович.

— Нет, лягушки.

— Вы их едите—или разводите?

— Для опытов,—равнодушно проговорил Базаров и ушел в дом.

— Это он их резать станет,—заметил Павел Петрович.—В принсипы не верит, а в лягушек верит...

...Речь зашла об одном из соседних помещиков. „Дрянь, аристократишко“,— равнодушно заметил Базаров, который встречался с ним в Петербурге.

— Позвольте вас спросить, — начал Павел Петрович, и губы его задрожали:—по вашим понятиям слова „дрянь“ и „аристократ“ одно и то же означают?

— Я сказал: „аристократишко“,—проговорил Базаров, лениво отхлебывая глоток чаю.

— Точно так-с; но я полагаю, что вы такого же мнения об аристократах, как и об аристократишках. Я считаю долгом об'явить вам, что я этого мнения не разделяю. Смею сказать, меня все знают за человека либерального и любящего прогресс; но именно потому я уважаю аристократов — настоящих. Вспомните, милостивый государь (при этих словах Базаров поднял глаза на Павла Петровича), вспомните, милостивый государь,—повторил он с ожесточением:—английских аристократов. Они не уступают ноты от прав своих, и потому они уважают права других; они требуют исполнения обязанностей в отношении к ним, и потому они сами исполняют с в о и обязанности. Аристократия дала свободу Англии и поддерживает ее.

— Слыхали мы эту песню много раз,—возразил Базаров,—но что вы хотите этим доказать?

— Я эфтим хочу доказать, милостивый государь (Павел Петрович, когда сердился, с намерением говорил: „эфтим“ и „эфто“, хотя очень хорошо знал, что подобных слов грамматика не допускает), я эфтим хочу доказать, что без чувства собственного достоинства, без уважения к самому себе, — а в аристократе эти чувства развиты,—нет никакого прочного основания общественному... bien public... общественному зданию. Личность, милостивый государь, — вот главное; человеческая личность должна быть крепка, как скала, ибо на ней все строится. Я очень хорошо знаю, например, что вы изволите находить смешными мои привычки, мой туалет, мою опрятность, наконец, но это все проистекает из чувства самоуважения, из чувства долга, да-с, да-с, долга. Я живу в деревне, в глуши, но я не роняю себя, я уважаю в себе человека.

— Позвольте, Павел Петрович,—промолвил Базаров,—вы вот уважаете себя и сидите сложа руки; какая ж от этого польза для bien public? Вы бы не уважали себя и то же бы делали.

Павел Петрович побледнел.

— Это совершенно другой вопрос. Мне вовсе не приходится об'яснять вам теперь, почему я сижу сложа руки, как вы изволите выражаться, я хочу только сказать, что аристократизм—принсип, а без принсипов жить в наше время могут одни безнравственные или пустые люди. Я говорил это Аркадию на другой день его приезда и повторяю теперь вам. Не так ли, Николай?

Николай Петрович кивнул головой.

— Аристократизм, либерализм, прогресс, принципы,—говорил между тем Базаров: — подумаешь, сколько иностранных... и бесполезных слов! Русскому человеку они даром не нужны.

— Что же ему нужно по-вашему? Послушать вас, так мы находимся вне человечества, вне его законов. Помилуйте, логика истории требует...

— Да на что нам эта логика? Мы и без нее обходимся.

— Как так?

— Да так же. Вы, я надеюсь, не нуждаетесь в логике для того, чтобы положить себе кусок хлеба в рот, когда вы голодны. Куда нам до этих отвлеченностей!

Павел Петрович взмахнул руками.

— Я вас не понимаю после этого. Вы оскорбляете русский народ. Я не понимаю, как можно не признавать принсипов, правил? В силу чего же вы действуете?

— Я уже говорил вам, дядюшка, что мы не признаем авторитетов,— вмешался Аркадий.

— Мы действуем в силу того, что мы признаем полезным, — промолвил Базаров. — В теперешнее время полезнее всего отрицание — мы отрицаем.

— Все?

— Все.

— Как? Не только искусство, поэзию... но и... страшно вымолвить...

— Все,—с невыразимым спокойствием повторил Базаров.

Павел Петрович уставился на него. Он этого не ожидал, а Аркадий даже покраснел от удовольствия.

— Однако, позвольте,—заговорил Николай Петрович.—Вы все отрицаете, или, выражаясь точнее, вы все разрушаете... Да ведь надобно же и строить.

— Это уже не наше дело... Сперва нужно место расчистить...

(И. С. Тургенев — „Отцы и дети").

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Революционные течения в интеллигенции (60-е г.г.).

ГЕРЦЕН И МАНИФЕСТ 19-го ФЕВРАЛЯ.

Слухи об освобождении крестьян, наконец, подтвердились... Читал „Московские Ведомости“ в своем рабочем кабинете, Герцен пробежал начало манифеста, сильно дернул за звонок, не выпуская из рук газету, бросился с ней на лестницу и закричал громко своим звучным голосом:

— Огарев, Наташа, Наташа, да идите скорей!..

В одну минуту мы все сбежались с разных сторон, ожидая что-то особенное, но,—по голосу Герцена,—скорей хорошее. Герцен махал нам издали газетой, не отвечал на наши вопросы о том, что случилось, наконец, вернулся в свой кабинет, и мы за ним.

— Садитесь все и слушайте,—сказал Герцен и стал нам читать манифест. Голос его прерывался от волнения...

— Огарев,—сказал Герцен,—я хочу праздновать у себя дома: у нас это великое событие. Быть может,—продолжал он с одушевлением,—в нашей жизни и не встретится более такого светлого дня. Послушай,—мы живем, как работники, все труд, работа,—надо когда-нибудь и отдохнуть и взглянуть назад, какой путь нами пройден, и порадоваться счастливому исходу вопроса, который нам очень близок; быть может, в нем и наша лепта есть.

— А вы,—сказал он, обращаясь ко мне с Наташей,—вы должны нам приготовить цветные знамена и нашить на них крупными буквами из белого коленкора,—на одном: „Освобождение крестьян в России 19 февраля 1861 г.“,—на другом: „Вольная русская типография в Лондоне“ и пр. Днем у нас будет обед для русских, я напишу статью по этому поводу и прочту ее; эпиграф уже найден: „Ты победил, галилеянин“. Да, государь победил меня исполнением великой задачи. На русском обеде я предложу у себя в доме тост за здоровье государя. Кто бы ни отстранил препятствия, которые замедляли шествие России к своему совершенствованию и благосостоянию, он действует не против нас. Вечером будут приглашены не только русские, но и все иностранцы, сочувствующие этой великой реформе, все, которые радуются вместе с нами.

Наконец, день праздника был назначен [1]. Начались приготовления: шили флаги, нашивали слова по-английски, готовили плошки, разноцветные стаканчики для иллюминации дома...

В назначенный день с утра было не очень много гостей, только русские и поляки, между прочими—Мартьянов, князь Петр Владимирович Долгоруков, граф Уваров; Тхоржевский приехал позже всех. Помню, мы были все в салоне, когда он вошел.

— Александр Иванович, невеселый праздник. В Варшаве русские льют кровь поляков!—сказал Тхоржевский, запыхавшись.

— Что такое!?—вскричал Герцен.

— Не может быть!—кричали другие. Тхоржевский вынул из кармана фотографические карточки убитых, только-что полученные им из Варшавы.

— Там были демонстрации,—рассказывал Тхоржевский,—поляки молились на улицах; вдруг раздалась команда, русские выстрелы положили несколько человек коленопреклоненных [2].

Все окружили Тхоржевского, рассматривали карточки убитых. Герцен был бледен и молчалив. Лицо его омрачилось,—беспокойное, тревожное, грустное выражение сменило спокойное и светлое.

Жюль доложил, что обед подан. Все спустились в столовую, на всех лицах заметно было тяжелое настроение. Обед прошел тихо. Когда подали шампанское, Герцен встал с бокалом в руке и провозгласил тост за Россию, за ее преуспеяние, за ее благоденствие, совершенствование и пр. Все встали с бокалами в руках, горячо отвечали, провозглашали другие тосты и чокались горячо. У всех сердце усиленно билось... Герцен сказал краткую речь, из которой помню начало: „Господа, наш праздник омрачен неожиданной вестью, кровь льется в Варшаве, славянская кровь, и льют ее братья-славяне!“. Все стихло, все молча уселись на свои места.

Вечером дом был освещен; флаги развевались на нем; князь Голицын дирижировал квартетом в салоне. По приглашению Герцена, в „Колоколе“ собрались, кроме русских и поляков, итальянские эмигранты с Муццини и Саффи; французские,—между которыми выделялись Луи Блан и Таландье; немцы, англичане и много незнакомых поляков и русских.

Минутами казалось, что Герцен забывал о варшавских событиях, оживлялся. Раз даже встал на стул и с одушевлением сказал: „Новая эра настает для России, и мы будем, господа, в России, я не отчаиваюсь, 19 февраля—великий день!“

(Н. А. Огарева-Тучкова — „Воспоминания“ 1818—1870).

---

[1] 10 апреля 1861 г.

[2] Во время манифестации в Варшаве было убито и ранено около 200 человек.

10-е АПРЕЛЯ 1861 г. И УБИЙСТВА В ВАРШАВЕ.

Праздник наш был омрачен. Я не знаю дня, в который бы разорванность давила беспощаднее и тяжелее, где бы плошки были так близки к слезам... Нет, русский не должен забываться: не пришло еще время нам торжествовать светло и беззаботно, не пришло время прямо гордо подымать взгляд; нет, еще не от избытка радости, а с горя и заглушая боль и стыд, мы будем пить наше вино.

Мы как будто помолодели вестью освобождения крестьян. Все было забыто с упованием на новую поступь России; с бьющимся сердцем ждали мы наш праздник. На нем в первый раз от роду, при друзьях русских и польских, при изгнанниках всех стран, при людях, как Маццини и Луи Блан, при звуках марсельезы, мы хотели поднять наш стакан и предложить неслыханный при такой обстановке тост за Александра II—Освободителя крестьян! Мы очень хорошо знали ответственность, которую на нас обрушивал этот тост...

Но рука наша опустилась: через новую кровь, пролитую в Варшаве, наш тост не мог итти. Преступление было слишком свежо, раны не закрылись, мертвые не остыли, имя царя замерло на губах наших...

А вы, Александр Николаевич,—зачем же вы отняли у нас праздник, зачем вы отравили его? Разве у нас их так много, разве с нашего рождения мы что-нибудь праздновали, кроме похорон?

Ведь и тогда, когда Россия семь лет тому назад торжествовала ваше восшествие, она, собственно, торжествовала смерть...

11 апреля 1861. (А. И. Герцен).

„К МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ".

Когда манифест о воле был уже готов и оставалось только об'явить его, русское правительство, прежде всего, струсило: оно испугалось своего собственного дела—ну, а если вся Россия поднимется? Если народ пойдет на Зимний дворец? И решили об'явить народу волю в великом посту, а балаганы на время масляницы отнесли подальше от дворца, на Царицын луг. О, знание сердца человеческого! О, знание русского народа! Ведь правительство думало, что оно осчастливит свой народ! Где же слыхано, чтобы человек счастливый пошел бить стекла и колотить встречных? Если же правительство боялось народа, значит, оно имело причину его бояться. И точно,—причина была. Во-первых, государь обманул ожидание народа—дал ему волю не настоящую, не ту, о которой народ мечтал и какая ему нужна. Во-вторых, он украл у него радость,—об'явил манифест в великом посту, а не 19 февраля. В-третьих, организацией комиссий, составлявших и рассматривавших „Положение", государь показал полнейшее презрение ко всему народу и к лучшей, т.-е. образованнейшей, честнейшей и способнейшей части русского общества—к „народной" партии: все дело велось в глубочайшем секрете, вопрос раз-

решался государем и помещиками, никто из народа не принимал участия в работе, журналистика не смела пикнуть—царь давал народу волю, как милость, как бросают сердящемуся псу сухую кость, чтобы его успокоить на время и спасти свои икры.

Все это не может и не должно быть прощено правительству. Не народ существует для правительства, а правительство для народа. Следовательно, очевидно, что правительство, которое не понимает народа, не знает его нужд и потребностей, которое, считая себя помещиком, действует исключительно в своекорыстных целях, которое, наконец, презирает народ, им управляемый—недостойно этого народа. Романовы, вероятно, забыли, что они свалились не с неба, а выбраны народом, потому что их считали способнее управлять Россией, чем каких-нибудь польских и шведских королевичей. Вот почему, если они не оправдывают надежд народа — долой их! Нам не нужна власть, оскорбляющая нас; нам не нужна власть, мешающая умственному, гражданскому и экономическому развитию страны; нам не нужна власть, имеющая своим лозунгом разврат и своекорыстие.

Нам нужен не царь, не император, не помазанник божий, не горностаевая мантия, прикрывающая наследственную неспособность; мы хотим иметь главой простого смертного, человека земли, понимающего жизнь и народ, его избравший. Нам нужен не император, помазанный маслом в Успенском соборе, а выборный старшина, получающий за свою службу жалованье... Мы не знаем ни одного сословия в России, которое не было бы оскорблено императорской властью. Обижены все... Мы не отвергаем важности факта, заявленного манифестом 19 февраля; но мы видим важность его не в том, в чем видит его важность правительство. Освобождение крестьян есть первый шаг или к великому будущему России, или к ее несчастью: к благосостоянию политическому и экономическому, или к экономическому и политическому пролетариату. От нас самих зависит избрать путь к тому или к другому. Момент освобождения велик потому, что им посажено первое зерно всеобщего неудовольствия правительством. И мы пользуемся этим, чтобы напомнить России ее настоящее положение...

Хотят сделать из России Англию и напитать нас английской зрелостью... Нет, мы не хотим английской экономической зрелости, она не может вариться русским желудком.

Нет, нет, наш путь иной
И крест не нам нести...

Пусть несет его Европа. Да и кто может утверждать, что мы должны итти путем Европы?.. В нашей жизни лежат начала, вовсе неизвестные европейцам. Немцы уверяют, что мы придем к тому же, к чему пришла Европа. Это ложь. Мы можем точно притти, если наденем на себя петлю европейских учреждений и ее экономических порядков; но мы можем притти и к другому, если разовьем те начала, какие живут в народе... Мы народ запоздалый, и в этом наше спасение. Мы должны благословлять судьбу, что не жили жизнью Европы. Ее несчастья, ее безвыходное положение — урок для нас. Мы не хотим ее пролетариата,

ее аристократизма, ее государственного начала и ее императорской власти...

— Чего же вы хотите?—могут, наконец, спросить нас...

Мы хотим, чтобы власть, управляющая нами, была власть разумная, власть, понимающая потребности страны и действующая в интересах народа. А чтобы она могла быть такой, она должна быть из самих нас—выборная и ограниченная... Мы хотим развития существующего уже частью в нашем народе начала самоуправления... Наша сельская община есть основная ячейка, собрание таких ячеек есть Русь... Мы хотим, чтобы земля принадлежала не лицу, а стране; чтобы у каждой общины был свой надел, чтобы личных землевладельцев не существовало, чтобы землю нельзя было продавать, как продают картофель или капусту; чтобы каждый гражданин, кто бы он ни был, мог сделаться членом землевладельческой общины... Мы хотим сохранения общинного владения землею, с переделами через большие сроки. Правительственная власть не должна касаться этого вопроса. Если идея общинного владения землей есть заблуждение, пусть она кончится сама собой, умрет вследствие собственной несостоятельности, но не под влиянием экономического учения Запада.

Мы хотим полного обновления страны... Но кому указываем мы эту программу? Кто станет ее выполнять? Где у нас люди, понимающие свои гражданские и человеческие права и способные пред'являть свои требования?

Надежду России составляет народная партия из молодого поколения всех сословий, затем все угнетенные, все, кому тяжело нести крестную ношу русского произвола—чиновники, эти несчастные фабричные канцелярий, обреченные на самое жалкое существование и зависящие вполне от личного произвола своих штатских генералов; войско, находящееся совершенно в таком же положении, и 23 миллиона освобожденного народа, которому 19-го февраля 1861 года открыта широкая дорога к европейскому пролетариату. Обращаемся еще раз ко всем, кому дорого счастье России, обращаемся еще раз к молодому поколению. Довольно дрожать, довольно заниматься пустыми разговорами, довольно бранить правительство втихомолку или рассказывать все одни и те же рассказы об одних и тех же плутнях разных Муравьевых. Довольно корчить либералов; наступила пора действовать... Говорите чаще с народом и с солдатами, об'ясняйте им все, чего мы хотим, и как легко всего этого достигнуть: нас миллионы, а злодеев сотни. Стащите с пьедестала, в мнении народа, всех этих сильных земли, недостойных править нами, об'ясните народу всю незаконность и разврат власти, приучите солдат и народ понять ту простую вещь, что из разбитого генеральского носа течет такая же кровь, как и из носа мужицкого. Если каждый из нас убедит только десять человек, наше дело и в один год подвинется далеко. Но этого мало, готовьтесь сами к той роли, какую вам придется играть; зрейте в этой мысли, составляйте кружки единомыслящих людей, увеличивайте число прозелитов, число кружков, ищите вожаков, способных и готовых на все; и пов'дут их и вас на великое дело, а если нужно,

и на славную смерть за спасение отчизны тени мучеников 14 декабря!.. [1].

(„Материалы для истории революционного движения в России в 60-х годах").

ПОСЛАНИЕ МИХ. ИЛ. МИХАЙЛОВУ.

С Балтийского моря на дальний восток
Летит бурный ветер свободно,
Несет он на крыльях пустынный песок—
Несет вздох тоски всенародной...
Несет он привет от печальных друзей
Далекому, милому другу...
Несет он зародыши грозных идей
От Запада, Севера, Юга.
И шепчет: „Я слышал в полях, городах
Уж ходит тревожное слово.
Бледнеют безумцы в роскошных дворцах...
Грядущее дело готово...
Над русской землею краснеет заря,
Заблещет светило свободы.
И скоро уж спросят отчет у царя
Покорные прежде народы...
На празднике том уж готовят тебе
Друзья твои славное дело,
Торопят друг друга к великой борьбе,
И ждут, чтоб мгновенье приспело...
И шлют издалека сердечный привет,
Надежду, тоску ожиданья—
И твердую веру: свобода придет—
И скоро!... Борец, до свиданья!" [2].

(П. Л. Лавров).

„МОЛОДАЯ РОССИЯ".

Россия вступает в революционный период своего существования. Проследите жизнь всех сословий—и вы увидите, что общество разделяется в настоящее время на две части, интересы которых диаметрально

[1] Прокламация „К молодому поколению" — первая по времени в эпоху 60-х г.г. Написана она была известным публицистом Н. В. Шелгуновым, отпечатана в Лондоне и распространена в Петербурге в августе 1861 г. — поэтом М. И. Михайловым. М. И. Михайлов, которого правительство сочло за ее автора, был сослан на каторгу, в Нерчинский округ, где и скончался от чахотки в 1865 г. — Он явился одним из первых политических мучеников того времени — и в этом отношении его ссылка и смерть сыграли большую агитационную роль в дальнейшем движении революционной интеллигенции.

[2] Эти стихи были посланы Михайлову на каторгу.

противоположны и которые, следовательно, стоят враждебно одна к другой.

Снизу слышится глухой и затаенный ропот народа, народа угнетаемого и оскорбляемого всеми, у кого в руках есть хоть доля власти, народа, который грабят чиновники и помещики, продающие ему его же собственность — землю, грабит и царь, увеличивающий более чем вдвое прямые и косвенные подати и употребляющий полученные деньги не на пользу государства, а на увеличение распутства двора, на приданое фрейлинам-любовницам, на награду холопов, прислуживающих ему, да на войско, которым хочет оградиться от народа.

Опираясь на сотни тысяч штыков, царь отрезывает у большей части народа (у казенных крестьян) землю, полученную ими у своих отцов и дедов, делает это в видах государственной необходимости и в то же время, как бы в насмешку над бедным, ограбляемым крестьянином, дарует по несколько тысяч десятин генералам, покрывшим русское оружие неувядаемою славою побед над безоружными толпами крестьян, чиновникам, вся заслуга которых—немилосердный грабеж народа, тем, которые умеют ловчее подать тарелку, налить вино, красивее танцовать, лучше льстить.

Это всеми притесняемая, всеми оскорбляемая партия, партия—народ.

Сверху над нею стоит небольшая кучка людей, довольных, счастливых. Это помещики, предки которых, или они сами, были награждены населенными имениями за свою службу. Это—потомки бывших любовников императриц, щедро одаренные при отставке. Это—купцы, нажившие себе капиталы грабежом и обманом, это — чиновники, накравшие себе состояния. Одним словом, все имущие, все, у кого есть собственность родовая и благоприобретенная. Во главе ее царь. Ни он без нее, ни она без него существовать не могут. Падет один, — уничтожится и другая. В настоящее время партия либеральничает, обиженная отнятием у нее права на даровую работу крестьян, ругает государя, требует конституции, но не бойтесь: она и царь неразрывно соединены между собою, и звено соединения—собственность. Она понимает, что всякое народное, революционное движение направлено против собственности, и потому в минуту восстания окружит своего естественного представителя—царя. Это—партия императорская.

Между этими двумя партиями издавна идет спор, — спор, почти всегда кончавшийся не в пользу народа. Но едва проходило несколько времени после поражения, народная партия снова выступала. Сегодня забитая, засеченная, она завтра встанет вместе с Разиным за всеобщее равенство и республику русскую, с Пугачевым—за уничтожение чиновничества, за надел крестьян землею. Она пойдет резать помещиков, как было в восточных губерниях в 30-х годах, за их притеснения; она встанет с благородным Антоном Петровым [1]—и против всей императорской партии.

---

[1] Антон Петров—вожак крестьянского восстания в селе Бездна, Казанской губ., в 1861 г., после царского манифеста. Число восставших 5.000. Убито при усмирении 55, ранено 77. Антон Петров казнен.

К этой безурядице, к этому антагонизму партий, антагонизму, который не может прекратиться, пока будет существовать современный экономический порядок, при котором немногие, владеющие капиталами, являются распорядителями участи остальных, присоединяется и невыносимый общественный гнет, убивающий лучшие способности современного человека. В современном общественном строе, в котором все ложно, все нелепо—от религии, заставляющей верować в несуществующее, в мечту разгоряченного воображения—бога, и до семьи, ячейки общества, ни одно из оснований которой не выдерживает даже поверхностной критики; от узаконения торговли, этого организованного воровства, и до признания за разумное положение работника, постоянно истощаемого работою, от которой получает выгоды не он, а капиталист; женщины, лишенной всех политических прав и поставленной наравне с животными.

Выход из этого гнетущего, страшного положения, губящего современного человека, и на борьбу с которым тратятся его лучшие силы, один—революция, революция кровавая и неумолимая—революция, которая должна изменить радикально все, без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка.

Мы не страшимся ее, хотя и знаем, что прольется река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы; мы предвидим все это, и все-таки приветствуем ее наступление; мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорее она, давно желанная!

Понимает необходимость революции инстинктивно и масса народа, понимает и небольшой кружок наших действительно передовых людей... И вот из среды их выходят один за другим эти предтечи революции и призывают народ на святое дело восстания, на расправу со своими притеснителями, на суд с императорской партией. Расстреливание за непонимание дурацких положений 19-го февраля, работа в рудниках за указание безнадежности настоящего положения, ссылка в отдаленные губернии, ссылка гуртом в каторжные работы за публичное заявление своего мнения, за молитву в церквах по убитым,—вот чем отвечает императорская партия им!—Императорская партия! Думаете ли вы остановить этим революцию, думаете ли вы запугать революционную партию? Или до сих пор вы не поняли, что все эти ссылки, аресты, расстреливания, засечения на смерть мужиков ведут к собственному же вашему вреду, усиливают ненависть к вам и заставляют теснее и теснее смыкаться революционную партию, что за всякого члена, выхваченного вами из ее среды, ответите вы своими головами? Мы предупреждаем и ставим на вид это только вам, члены императорской партии, и ни слова не говорим о ваших начальниках, около которых вы группируетесь. О Романовых—с теми расчет другой! Своею кровью они заплатят за бедствия народа, за долгий деспотизм, за непонимание современных потребностей. Как очистительная жертва—сложит головы весь дом Романовых! Больше же ссылок, больше казней! Раздражайте, усиливайте негодование общественного мнения, заставляйте революционную партию опасаться каждую минуту за свою жизнь; но только помните, что всем этим ускорите революцию и что, чем сильнее гнет теперь, тем беспощаднее будет месть! Революции все способствует в настоящее время: волнение Польши и Литвы, финансовый

кризис, увеличение налогов, окончательное разрешение крестьянского вопроса весною 1863 г.,—когда крестьяне увидят, что они кругом обмануты царем и дворянами; а тут еще носятся слухи о новой войне, поговаривают, что государь поздравил уже с нею гвардию. Начнется война, потребуются рекруты, произведутся займы, и Россия дойдет до банкротства. Тут-то и вспыхнет восстание, для которого будет достаточно незначительного повода!..

Мы требуем изменения современного деспотического правления в республиканско-федеративный союз областей, при чем вся власть должна перейти в руки Национального и Областных Собраний. На сколько областей распадется земля русская, какая губерния войдет в состав какой области, этого мы не знаем: само народонаселение должно решить этот вопрос.

Каждая область должна состоять из земледельческих общин, все члены которой пользуются одинаковыми правами.

Всякий человек должен непременно приписаться к той или другой из общин; на его долю, по распоряжению мира, назначается известное количество земли, от которой он, впрочем, может отказаться или отдать ее в наем. Ему предоставляется также полная свобода жить вне общины и заниматься каким угодно ремеслом,—только он обязан вносить за себя ту подать, какая назначается общиною.

Земля, отводимая каждому члену общины, отдается ему не в пожизненное пользование, а только на известное количество лет, по истечении которых мир производит передел земли. Все остальное имущество членов общины остается неприкосновенным в продолжение их жизни; но после смерти делается достоянием общины.

Мы требуем, чтобы все судебные власти выбирались самим народом; требуем, чтобы общинам было предоставлено право суда над своими членами во всех делах, касающихся их одних.

Мы требуем, чтобы, кроме Национального Собрания, составленного из выборных всей земли русской, которое должно собираться в столице, были бы и другие Областные Собрания в главном городе каждой области, составленные только из одних представителей последней.

Национальное Собрание решает все вопросы иностранной политики, разбирает споры областей между собою, вотируя законы, наблюдает за исполнением прежде поставленных, назначает управителей по областям, определяет общую сумму налога. Областные Собрания решают дела, касающиеся до одной только той области, в главном городе которой они собираются.

Мы требуем правильного распределения налогов; желаем, чтобы они падали всею своею тяжестью не на бедную часть общества, а на людей богатых. Для этого мы требуем, чтобы Национальное Собрание, назначая общую сумму налога, распределило бы его только между общинами, а сами общины в полном своем составе собрания решают, какую подать должен платить какой член ее, при чем обращается особое внимание на состояние каждого; одним словом, вводится налог прогрессивный.

Мы требуем заведения общественных фабрик, управлять которыми должны лица, выбранные от общества, обязанные по истечении известного срока давать ему отчет; требуем заведения общественных лавок, в которых продавались бы товары по той цене, которой они действительно стоят, а не по той, которую заблагорассудится назначить торговцу для своего скорейшего обогащения.

Мы требуем общественного воспитания детей, требуем содержания их на счет общества до конца учения. Мы требуем также содержания на счет общества больных и стариков, одним словом—всех, кто не может работать для снискания себе пропитания.

Мы требуем полного освобождения женщины, дарования ей всех тех политических и гражданских прав, какими будут пользоваться мужчины: требуем уничтожения брака, как явления в высшей степени безнравственного и немыслимого при полном равенстве полов, а, следовательно, и уничтожения семьи, препятствующей развитию человека и без которого немыслимо уничтожение наследства.

Мы требуем уничтожения главного притона разврата—монастырей мужских и женских—тех мест, куда со всех концов государства стекаются бродяги, дармоеды, люди, ничего не делающие, которым приятен даровой хлеб и которые в то же время желают провести всю свою жизнь в пьянстве и разврате. Имущества как их, так и всех церквей должны быть отобраны в пользу государства и употреблены на уплату долга внутреннего и внешнего.

Мы требуем увеличения в больших размерах жалованья войску и уменьшения солдату срока службы. Требуем, чтобы по мере возможности войско распускалось и заменялось национальной гвардией.

Мы требуем полной независимости Польши и Литвы, как областей, заявивших свое нежелание оставаться соединенными с Россией.

Мы требуем доставления всем областям возможности решения по большинству голосов: желают ли они войти в состав федеративной республики русской.

Без сомнения мы знаем, что такое положение нашей программы, как федерация областей, не может быть приведено в исполнение тотчас же. Мы даже твердо убеждены, что революционная партия, которая станет во главе правительства, если только движение будет удачно, должна сохранить теперешнюю централизацию, без сомнения—политическую, а не административную, чтобы при помощи ее ввести другие основания экономического и общественного быта в наивозможно скорейшем времени. Она должна захватить диктатуру в свои руки и не останавливаться ни перед чем. Выборы в Национальное Собрание должны происходить под влиянием правительства, которое тотчас же и позаботится, чтобы в состав его не вошли сторонники современного порядка (если только они останутся живы). К чему приводит невмешательство революционного правительства в выборы—доказывает прошлое французское собрание 48 года, погубившее республику и приведшее Францию к необходимости выбора Луи Наполеона в императоры.

Теперь, когда мы выяснили свою программу, к нам обратятся с вопросом: на кого же мы надеемся, где те элементы, сгруппировать которые мы хотим, кто на нашей стороне?

Мы надеемся на народ; он будет с нами, в особенности—старообрядцы, а ведь их несколько миллионов. Забитый и ограбленный крестьянин встанет вместе с нами за свои права, он решит дело, но не ему будет принадлежать инициатива его, а—войску и нашей молодежи.

Мы надеемся на войско, надеемся на офицеров, возмущенных деспотизмом двора, той презренной ролью, которую они играли и теперь еще играют, убивая своих братьев поляков и крестьян, повинуясь беспрекословно всем распоряжениям государя. Они вспомнят сентябрьский приказ, разберут хорошенько, в какое положение поставят себя, если станут исполнять его, да кстати вспомнят и свои славные действия в 1825 г., вспомнят бессмертную славу, которой покрыли себя героимученики.

Но наша главная надежда на молодежь, потому что она заключает в себе все лучшее России, все живое, все, что станет на стороне движения, все, что готово пожертвовать собою для блага народа.

Помни же, молодежь, что из тебя должны выйти вожаки народа, что ты должна стоять во главе движения, что на тебя надеется революционная партия! Будь же готова к своей славной деятельности,—смотри, чтоб тебя не застали врасплох! Готовься, а для того сбирайтесь почаще, заводите кружки, образуйте тайные общества, с которыми Центральный Революционный Комитет сам постарается войти в сообщение; рассуждайте больше о политике, уясняйте себе современное положение общества, а для большего успеха приглашайте к себе на собрания людей, действительно революционных и на которых вы можете вполне положиться.

Скоро, скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное и с громким криком: да здравствует социальная и демократическая республика русская!—двинемся на Зимний дворец истребить живущих там. Может случиться, что все дело кончится одним истреблением императорской фамилии, т.-е. какой-нибудь сотни-другой людей; но может случиться,—и это последнее вернее,—что вся императорская партия, как один человек, встанет за государя, потому что здесь будет итти вопрос о том, существовать ей самой или нет.

В этом последнем случае, с полной верой в себя, в свои силы, в сочувствие к нам народа, в славное будущее России, которой выпало на долю первой осуществить великое дело социализма, мы издадим один крик: „в топоры“, и—тогда... тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь! Бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам!

Помни, что тогда, кто будет не с нами, тот будет против; кто против—тот наш враг; а врагов следует истреблять всеми способами.

Но не забывайте при каждой новой победе, во время каждого боя повторять: да здравствует социальная и демократическая республика русская!

А если восстание не удастся, если придется нам поплатиться жизнью за дерзкую попытку дать человеку человеческие права, пойдем на эшафот нетрепетно, бесстрашно, и, кладя голову на плаху или влагая ее в петлю, повторим тот же великий крик: „да здравствует социальная и демократическая республика русская!“ [1].

(„Материалы для истории революц. движения в России в 60-х годах“).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ РЕПРЕССИИ

(1862 г.).

Об'явления С.-Петербургского военного генерал-губернатора.

Вследствие замеченного вредного направления в некоторых из учрежденных в последнее время народных читален, которые дают средство не столько для чтения, сколько для распространения между посещающими оные лицами сочинений, имеющих целью произвести беспорядки и волнение в народе, а также безосновательных толков, С.-Петербургский военный генерал-губернатор признал необходимым закрыть, впредь до дальнейшего распоряжения, все ныне существующие народные читальни.

(„Русский Инвалид“, 8 июня, № 126).

Несмотря на все установленные правила для надзора за воскресными и бесплатными школами, ныне положительно обнаружено в некоторых из них, что, под благовидным предлогом распространения в народе грамотности, люди злоумышленные покушались в этих школах развивать вредные учения, возмутительные идеи, превратные понятия о праве собственности и безверие. Государь император, имея в виду, что при многих воинских частях также учреждены воскресные бесплатные школы, что, по затруднительности за ними надзора, злоумышленные люди могут и в этих школах производить вредные и ложные учения, что при том обнаружены уже некоторые преступные покушения увлечь и нижних чинов к нарушению долга службы и присяги, высочайше повелеть соизволил, в предупреждение могущих быть пагубных последствий, ныне закрыть все учрежденные при войсках воскресные школы и вообще вся-

---

[1] Прокламация „Молодая Россия“ была издана весною 1862 г. в Москве революционным кружком, во главе которого стояли студенты Аргиропуло и Зайчневский. Ее появление в Петербурге совпало по времени с массовыми пожарами, охватившими город с разных концов. Пожары вызвали панику. „В высших классах почти единогласно пожары связывают с последней прокламацией“— писала „Северная Пчела“; либеральная журналистика требовала казни поджигателей... Герцен так характеризовал этот момент: „С поджогов, лишенных поджигателей—начинается циническая близость полиции и печати, открытая связь правительства с журналистикой“. Таким образом, „Молодая Россия“ послужила ближайшим поводом к открытому выступлению уже назревшей реакции со стороны не только правительства, но и „общества“

кие училища для лиц, не принадлежащих военному ведомству, и впредь никаких сборищ посторонних людей в зданиях, занимаемых войсками, отнюдь не допускать.

(„Русский Инвалид" 8 июня, № 126).

Высочайшее повеление.

Государь император, по обсуждении в совете министров представленных его величеству сведений о вредном направлении, обнаруженном в некоторых воскресных школах и народных читальнях, высочайше повелеть соизволил: 1) немедленно приступить к пересмотру правил об учреждении воскресных школ, 2) впредь до преобразования означенных школ на новых основаниях, закрыть все ныне существующие воскресные школы и читальни.

(„Северная Почта" 13 июня, № 127).

Высочайшие повеления.

Государь император 10-го сего июня высочайше повелеть соизволил: чтения публичных лекций в С.-Петербурге разрешать не иначе, как по взаимному соглашению управляющего министерством народного просвещения с министром внутренних дел, главным начальником III отделения собственной его императорского величества канцелярии и С.-Петербургским генерал-губернатором.

Государь император 10-го сего июня высочайше повелеть соизволил: ныне же закрыть учрежденное при Обществе пособия нуждающимся литераторам и ученым особое отделение для вспомоществования учащимся, поручив комитету, управляющему делами означенного отделения, передать в ведение Общества все имеющиеся в отделении денежные суммы.

(„Северная Почта" 14 июня, № 128).

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 г.

В январе 1863 года Польша восстала против русского владычества. Образовались отряды повстанцев, и началась война, продолжавшаяся полтора года. Лондонские эмигранты умоляли польские революционные комитеты отложить восстание, так как предвидели, что революция будет подавлена и что она положит конец реформам в России. Но ничего нельзя уже было сделать. Свирепые казачьи расправы с националистическими манифестациями на улицах Варшавы, в 1861 г., жестокие, беспричинные казни, последовавшие затем, привели поляков в отчаянье. Англия и Франция обещали им поддержку. Жребий был брошен...

Когда началась революция 1863 года, несколько русских офицеров отказались итти против поляков, а некоторые даже открыто присоединились к ним и умерли или на эшафоте, или на поле битвы. Деньги на восстание собирались по всей России, а в Сибири даже открыто. В уни-

верситетах студенты снаряжали тех товарищей, которые отправлялись к повстанцам...

Наконец, радикальная часть русского общества с сожалением убедилась, что в Польше берут верх чисто националистические стремления. Революционное правительство меньше всего думало о наделении крепостных землей—и этой ошибкой русское правительство не преминуло воспользоваться, чтобы выступить в роли защитников хлопов против польских панов.

— Поезжайте в Польшу и там примените против помещиков вашу красную программу, — сказал Александр II Милютину. И Милютин, вместе с князем Черкасским и многими другими, действительно сделал все возможное, чтобы отнять землю у помещиков и дать крестьянам большие наделы.

Раз я встретился с одним из тех чиновников, которые действовали в Польше вместе с Милютиным и князем Черкасским.

— Мы имели полную возможность, — говорил он,— передать всю землю крестьянам. Обыкновенно я начинал с того, что созывал крестьянский сход.—„Скажите сперва, какою землею вы владеете теперь?“ Мне указывали ее. „Вся ли это земля, которая когда-либо принадлежала вам?“ спрашивал я. „Нет,—отвечали они бывало, как один человек.—В былые годы, вон те луга принадлежали нам; владели мы еще тем лесом и теми полями“. Я предоставлял им высказать все, а затем говорил: „Ну, кто из вас может показать под присягой, что та земля была когда-то ваша?“... Выталкивали вперед какого-нибудь дряхлого старика... Старик начинал бесконечный рассказ про то, что видел в молодости, или про то, что слыхал от отца; но я круто обрывал: „Покажи под присягой, что участок когда-то принадлежал гмине, и земля ваша“. И как только старик присягал... я составлял бумаги и об'являл сходу: „Теперь у вас нет никаких обязательств к вашим бывшим помещикам; вы простые соседи. Платите только по стольку-то в год, в казну. Усадьбы идут вместе с землей. Платить вам за них ничего не нужно“.

Легко себе представить, какое впечатление все это произвело на крестьян. Мой двоюродный брат Петр Николаевич Кропоткин... был в Польше или в Литве с гвардейским уланским полком, в котором служил. Революция имела такой серьезный характер, что против поляков двинули из Петербурга даже гвардию...

— Вооруженные банды повстанцев держали весь край,—рассказывал мой двоюродный брат.—Мы не могли не только разбить, но и найти их. Банды нападали на наши небольшие отряды; а так как повстанцы сражались превосходно, отлично знали местность и находили поддержку в населении, то они оставались победителями в таких случаях. Поэтому мы вынуждены были ходить всегда большими колоннами. И вот мы ходили все время, по всему краю взад и вперед, среди лесов, а конца восстанию не предвиделось. Пока мы пересекали какую-нибудь местность, мы не встречали никакого следа повстанцев. Но как только мы возвращались, то узнавали, что банды опять появлялись в тылу и собирали патриотическую подать. И если какой-нибудь крестьянин оказал услуги нашим войскам, мы находили его повешенным повстанцами. Так дело

тянулось несколько месяцев,—без всякой надежды на скорый конец, покуда не прибыли Милютин и Черкасский. Как только они освободили крестьян и дали им землю,—все сразу изменилось. Крестьяне перешли на нашу сторону и стали помогать нам ловить повстанцев. Революция кончилась...

Бедственные последствия революции для Польши—известны и принадлежат уже истории. Никто еще доподлинно не знает, сколько тысяч погибло на поле битвы, сколько сотен повешено и сколько десятков тысяч человек было сослано во внутренние русские губернии и в Сибирь. Но даже по официальным сведениям... в одном лишь Литовском крае палач Муравьев,—которому правительство поставило памятник,—повесил собственной властью 128 поляков и сослал в Сибирь 9.423 мужчин и женщин. По официальным сведениям в Сибирь было сослано 18.672 человека; из них 10.407—в Восточную Сибирь, и я помню, что генерал-губернатор Восточной Сибири упоминал мне приблизительно ту же цифру: он говорил, что в его край, в каторжные работы и на поселение прислано одиннадцать тысяч человек. Я видел их, видел и их страдания на соляном промысле Усть-Куте. В общем, от шестидесяти до семидесяти тысяч человек, если не больше, были оторваны от Польши и сосланы в Европейскую Россию, на Урал, на Кавказ или же в Сибирь...

(П. Кропоткин—„Записки революционера").

„ГРАЖДАНСКАЯ КАЗНЬ" Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО.

Высокий черный столб с цепями, эстрада, окруженная солдатами, жандармы и городовые, поставленные друг возле друга, чтобы держать народ на благородной дистанции от столба, множество людей хорошо одетых, кареты, генералы, снующие взад и вперед, хорошо одетые женщины,—все показывало, что происходит нечто чрезвычайное.

Какая-то старуха предложила мне скамейку. „Надо сиротам хлеб заработать",—говорила она мне...

Три четверти часа мне пришлось стоять на скамейке, дожидаясь приезда Чернышевского...

Ряд грустных мыслей был прерван каким-то шумом толпы: „Едут",—сказала старуха. „Смирно!"—раздалась команда, и вслед за тем карета, окруженная жандармами, с саблями наголо, подъехала к солдатам. Карета остановилась шагах в пятидесяти от меня; я не хотел сойти с своей скамьи, но видел, что в этом месте толпа ринулась к карете; раздались крики: „Назад!". Жандармы начали теснить народ; вслед за тем три человека быстро пошли по линии солдат к эстраде: это был Чернышевский и два палача... На эстраду взошел какой-то полицейский. Скомандовали солдатам „на караул". Палач снял с Чернышевского фуражку, и затем началось чтение приговора. Чтение продолжалось около четверти часа. Никто не мог его слышать. Сам же Чернышевский, знавший его еще прежде, менее, чем всякий другой, интересовался им... Наконец, чтение кончилось. Палачи опустили его на колени. Сломали над головой саблю

и затем, поднявши его еще выше на несколько ступеней, взяли его руки в цепи, прикрепленные к столбу... В толпе было мертвое молчание... По окончании церемонии все ринулись к карете, прорвали линию городовых, ухватившихся друг друга за руки, и только усилиями конных жандармов толпа была отделена от кареты. Тогда были брошены ему букеты цветов. Одну женщину, кинувшую цветы, арестовали. Карета повернула назад и, по обыкновению всех поездок с арестантами, пошла шагом. Кучки людей человек в десять догнали карету и пошли рядом с ней. Нужен был какой-нибудь сигнал для того, чтобы совершилась овация. Этот сигнал подал один молодой офицер; снявши фуражку, он крикнул: „Прощай, Чернышевский!“ Этот крик был поддержан другими... Все ринулись догонять карету и присоединиться к кричавшим. Было скомандовано „рысью“, и вся эта процессия с шумом и грохотом начала удаляться от толпы... Толпа начала мало-по-малу расходиться, но некоторые, нанявши извозчиков, поехали следом за каретой. Говорят, что все были потом арестованы... [1]

(Гейнс (Вильям Фрей). См. М. К. Лемке—„Политические процессы“).

ПЕРВОЕ ПОКУШЕНИЕ НА АЛЕКСАНДРА II.

(1866 г.).

Первое покушение на Александра II было произведено 4 апреля 1866 г. Пока покушения на его жизнь не сделались систематическими, Александр II имел обыкновение почти ежедневно запросто, без всякой охраны, гулять в Летнем саду. Об этих прогулках знал весь город, и многие нарочно отправлялись в Летний сад, чтобы посмотреть на Александра II.

4 апреля, как показывали впоследствии очевидцы, среди публики, толпившейся около ворот сада и поджидавшей выхода Александра II, стоял высокий угрюмый молодой человек, заложив руку за борт пальто. И в тот момент, когда Александр II, окончив прогулку, направлялся к коляске, неизвестный быстро выхватил пистолет и выстрелил в царя на очень недалеком расстоянии. Выстрел однако не достиг цели. По одним указаниям, стрелявшего ударил по руке стоявший рядом с ним мастеровой, костромской крестьянин Осип Комиссаров; по другим—он сделал

[1] Н. Г. Чернышевский имел огромное влияние на молодежь, он был одним из первых в России учителей социализма и экономических доктрин Запада. „Правительство запрещает печатать всякий вздор, а не видит, какие идеи проводит Чернышевский“. „Ежели не удалите его, то быть беде—будет кровь“... доносили анонимы в III отделение. Правительство искало лишь повода, чтобы „убрать“ его со сцены. Наконец, 7 июля 1862 г. Чернышевский был арестован по обвинению в переписке с Герценом и заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, где и провел два года, пока правительство инсценировало процесс. Он был обвинен: 1) „в противозаконных сношениях с изгнанником Герценом“, 2) в сочинении возмутительного воззвания „к барским крестьянам“, 3) „в приготовлении к возмущению“,—и осужден на семь лет каторжных работ и вечное поселение. Перед отправкой в Сибирь 19 мая 1864 г. — он был подвергнут еще и „гражданской казни“.

это нечаянно; наконец, некоторые утверждают, что выстрел никем предупрежден не был и стрелявший просто промахнулся. Так, по крайней мере, пишет в своем прошении некий Белов, один из принимавших участие в задержании стрелявшего, когда тот, воспользовавшись сумятицей, бросился бежать по набережной. Его, однако, тотчас задержали, обезоружили, и тот же Белов с гордостью сообщает, как он держал преступника, схватив его обеими руками за волосы. Когда неизвестного задержали и, очевидно, попытались расправиться с ним, он сказал: „Дурачье! Ведь я для вас же, а вы не понимаете!“... Задержанного привели к Александру II... Между ними произошел такой разговор:

— Ты поляк?—спросил Александр II.

— Нет, чистый русский,—ответил задержанный.

— Почему же ты стрелял в меня?

— Потому что ты обманул народ—обещал ему землю, да не дал.

По приказанию Александра II, стрелявший, оказавшийся, как выяснилось через некоторое время, саратовским дворянином, бывшим студентом Дмитрием Каракозовым, был отведен в знаменитое III отделение; оно находилось неподалеку от места происшествия—на Фонтанке, около Пантелеймоновского моста и ведало тогда розыском по всем политическим делам. Там Каракозов был тщательно обыскан и допрошен в первый раз. При обыске у него были найдены... рукописное воззвание „Друзьям-рабочим“, порох, пули и яд в склянке и порошке. На следующий день Каракозов был передан в распоряжение особой следственной комиссии... В 8 часов вечера, комиссия, по передаче в ее распоряжение Каракозова, немедленно приступила к его допросу... Допрос этот продолжался днем и ночью, но Каракозов не открывал ни своего имени, ни своих сообщников... На другой день положение не изменилось... „Запирательство преступника вынуждает комиссию к самым деятельным и энергичным мерам для доведения преступника до сознания“,—пишет во всеподданнейшем докладе 8 апреля председатель следственной комиссии [1].

(А. А. Шилов—„Каракозов и покушение 4 апреля 1866 г.“).

ПЫТКИ НАД КАРАКОЗОВЫМ.

В 1866 году я был в Сибири. Один из наших сибирских офицеров, который в конце того года ехал из России в Иркутск, встретил на одной из станций двух жандармов... Покуда перепрягали лошадей, подсел к ним и завел разговор. Сказалось, что один из жандармов знал Каракозова.

— Хитрый был человек,—говорил жандарм.—Когда он сидел в крепости, нам велено было не давать ему спать. Мы по-двое дежурили

[1] Д. В. Каракозов, студент Московского университета, принадлежал к революционному кружку „ипатовцев“, организовавшемуся в 1863—64 г.г.; целью этого кружка была пропаганда социалистических идей в студенческой среде. В 1866 г. из этого кружка выделилась группа, принявшая название „Ад“,—ее задачей являлось цареубийство. Каракозов попытался выполнить эту задачу самостоятельно, без ведома кружка.—Казнен 3 сентября 1866 г.—26 сентября были сосланы в каторгу и на поселение в Сибирь 34 „ипатовца“.

при нем и сменялись каждые два часа. Вот сидит он на табурете, а мы караулим. Станет он дремать, а мы встряхнем его за плечо и разбудим. Что станешь делать? Приказано так. Ну, смотрите, какой он хитрый. Сидит он, ногу на ногу перекинул и качает ее. Хочет показать нам, будто не спит; сам дремлет, а ногой все дрыгает. Но мы скоро заметили его хитрость, тоже передали и тем, что пришли на смену. Ну, и стали его трясти каждые пять минут—все равно, качает ли он ногой или нет.

— А долго это продолжалось?—спросил мой приятель.

— Долго—больше недели!..

(П. Кропоткин—„Записки революционера").

* * *

Уж как шел кузнец да из кузницы!
Слава! Слава!
Да и нес кузнец три булатных ножа!
Слава! Слава!
Уж как первый нож—на бояр-вельмож!
Слава! Слава!
А второй-то нож—на попов-святош!
Слава! Слава!
И молитву творя, третий нож на царя!
Слава! Слава! [1]

ПОКУШЕНИЕ В ПАРИЖЕ.

(1867 г.).

Телеграфические известия из Парижа, полученные министром внутренних дел.

От генерал-ад'ютанта графа Адлерберга, 25 мая, вечером.

Божий промысел охранил государя императора. Сегодня около 5 часов пополудни, на возвратном пути через Булонский парк, после военного смотра, выстрел из пистолета был направлен на экипаж, в котором находились оба императора и великие князья, наследник цесаревич и Владимир Александрович. Выстрел, сделанный со стороны императора Наполеона, никого не коснулся, но ранил лошадь шталмейстера, сопровождавшего экипаж. Преступник был немедленно схвачен и почти растерзан народною толпою. Он молодой человек, но, повидимому, француз. Подлежащие власти, в руки которых он передан, производят следствие. Подробности будут сообщены, как скоро исследование их приведет в ближайшую известность.

[1] Песню эту пели в кружке „ишатовцев".

От генерал-ад'ютанта графа Шувалова, 26 мая.

Преступник—уроженец Волынской губернии, поляк, по имени Березовский. Он эмигрировал 2 года перед сим; он 20-ти лет и проживал в Париже. Он уже несколько дней искал удобного случая для покушения на жизнь государя императора. Двухствольный пистолет его разорвало от слишком сильного заряда, а при этом уклонилось и направление пули. Березовский сделал полное признание, обнаруживая признаки фанатизма [1].

(„Северная Почта" 27 мая, № 115).

НАЧАЛО ХОЖДЕНИЯ В НАРОД.

— Татьяна, не зовите меня, пожалуйста, барышней... Одета я по-барски,—а впрочем, я... я совсем...

Пристальный взгляд Татьяниных зорких глаз смутил Марианну; она умолкла.

— А кто же вы такая будете?—спросила Татьяна своим ровным голосом.

— Коли вы хотите... я, точно... я из дворянок; только я хочу все это бросить—и сделаться как все... как все простые женщины.

— А, вот что! Ну, теперь знаю. Вы, стало, из тех, что опроститься хотят. Их теперь довольно бывает.

— Как вы сказали, Татьяна? Опроститься?

— Да... такое у нас теперь слово пошло. С простым народом, значит, заодно быть. Опроститься... Что ж? Это дело хорошее — народ поучить уму-разуму. Только трудное это дело! Ой, тру-удное! Дай бог час!

— Опроститься,—повторяла Марианна. — Слышишь, Алеша, мы с тобой теперь опростелые!

Нежданов засмеялся и даже повторил:

— Опроститься! опростелые!

— А что это у вас, муженек будет—али брат?—спросила Татьяна, осторожно перемывая чашки своими большими, ловкими руками и с ласковой усмешкой поглядывая то на Нежданова, то на Марианну.

— Нет,—отвечала Марианна:—он мне не муж и не брат.

Татьяна приподняла голову.

— Стало, так, по вольной милости живете? Теперь и это—тоже часто бывает. Допрежь больше у раскольников водилось, а ноне и у прочих людей. Лишь бы бог благословил—да жилось бы ладно! А тут поп и не нужен. На фабрике у нас тоже такие есть. Не из худших ребят.

— Какие у вас хорошие слова, Татьяна!.. „По вольной милости". Очень это мне нравится! Вот что, Татьяна, я о чем вас просить буду. Мне нужно себе платье сшить или купить, такое вот, как ваше, или

---

[1] Березовский—рабочий, слесарь. После подавления польского восстания 1863 г. решил убить Александра II, „чтобы наказать его за все, что он сделал".

еще попроще. И башмаки, и чулки, и косынка — все чтобы было, как у вас. Деньги у меня на это есть.

— Что же, барышня, это все можно... Ну, не буду, не извольте гневаться...

— Вот что, Татьяна Осиповна,—сказала, наконец, Марианна:— вы думаете, что мы хотим учить народ; нет—мы служить ему хотим.

— Как так служить? Учите его; вот вам служба. Я хоть с себя пример возьму. Я как за Егорыча вышла—ни читать, ни писать не умела; а теперь вот знаю, спасибо Василию Федотычу. Не сам он учил меня, а заплатил одному старичку. Тот и выучил. Ведь я еще молодая, даром что рослая.

Марианна помолчала.

— Мее, Татьяна Осиповна,—начала она опять,—хотелось бы выучиться какому-нибудь ремеслу... да мы еще поговорим об этом с вами. Шью я плохо; еслиб я выучилась стряпать—можно бы в кухарки пойти.

Татьяна задумалась.

— Как же так в кухарки? Кухарки у богатых бывают, у купцов; а бедные сами стряпают. А на артель готовить, на рабочих... Ну, это уж совсем последнее дело!

— Да мне бы хоть у богатого жить, а с бедными знаться. А то, как я с ними сойдусь? Не все же такой случай выйдет, как с вами...

На другой день по-утру рано Нежданов постучался опять в дверь к Марианне.

— Это я,—отвечал он на ее вопрос: „кто там?“—Можешь ты ко мне выйти?

— Погоди... сейчас.

Она вышла—и ахнула. В первую минуту она его не узнала. На нем был истасканный, желтоватый нанковый кафтан с крошечными пуговками и высокой тальей; волосы он причесал по-русски—с прямым пробором; шею повязал синим платочком; в руке держал картуз с изломанным козырьком; на ногах у него были нечищенные, выростковые сапоги.

— Господи!—воскликнула Марианна:—какой ты... некрасивый!— И тут же быстро обняла его—и еще быстрее поцеловала.—Да зачем же ты так оделся? Ты смотришь каким-то плохим городским мещанином... или разносчиком, или отставным дворовым. Отчего этот кафтан—и не поддевка или посто крестьянский армяк?

— То-то и есть,—начал Нежданов, который в своем костюме действительно смахивал на мелкого прасола из мещан—и сам это чувствовал, и в душе досадовал и смущался; он до того смущался, что все потрогивал себя по груди растопыренными пальцами обеих рук, словно обчищался...—В поддевке или в армяке меня бы сейчас узнали, по уверению Павла; а эта одежа — по его словам... словно я другой от роду и не нашивал. Что не очень лестно для моего самолюбия, замечу в скобках.

— Разве ты хочешь итти... начинать? — с живостью спросила Марианна.

— Да; я попытаюсь, хотя... по-настоящему...

— Счастливец!—перебила Марианна...

— Какие книжки принес тебе Павел?—спросила Марианна.

— Да... обыкновенные... „Сказка о четырех братьях“... Ну, еще там... обыкновенные, известные. Впрочем—это лучше.

Марианна тоскливо оглянулась.

— Но что ж это Татьяна? Обещала, что придет ранехонько...

— А вот она и я,—проговорила Татьяна, входя в комнату с узелком в руке. Она стояла за дверью и слышала восклицание Марианны.

— Успеете еще... вот невидаль!

Марианна так и бросилась ей навстречу.

— Принесли?

Татьяна ударила рукой по узелку.

— Все тут... в полном составе... Стоит только примерить... да и ступай щеголять—народ удивлять!

— Ах, пойдемте, пойдемте, Татьяна Осиповна, милая...

Марианна увлекла ее в свою комнату.

Оставшись один, Нежданов прошелся раза два взад и вперед какой-то особенной, шмыгающей походкой... (он почему-то воображал, что мещане именно так ходят)—понюхал осторожно свой собственный рукав, внутренность фуражки—поморщился; посмотрел на себя в маленькое зеркальце, прикрепленное на стене возле окна, и помотал головою: очень уж он был неказист. („А впрочем, тем лучше“, подумал он). Потом он достал несколько брошюр, запихнул их себе в задний карман, произнес вполголоса: „штош... робята... и ефто... ничаво... потому-шта...“. „Кажется, похоже“, подумал он опять: „да и что за актерство, за меня мой наряд отвечает“...

(И. С. Тургенев—„Новь“.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Земля и Воля.—Народная Воля.—Черный Передел (70-е г.г.).

ПРОГРАММА РУССКОЙ СЕКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ.

Гл. I. Основные положения:

Принимая во внимание:

1) Что экономический гнет русского народа, поддерживаемый всем общественным и политическим устройством, совершенно одинаков с гнетом, который душит весь европейский и американский пролетариат;

2) Что народ русский во все времена стремился к осуществлению великих начал, провозглашенных международными конгрессами рабочих— к общинному владению землею и орудиями труда;

3) Что принцип общности труда, как принцип, противодействующий эксплоатации капиталом, находил себе уже издавна выражение в образовании рабочих союзов, известных под именем артелей;

4) Что, с одной стороны, с 19 февраля 1861 года правительство, вместе с привилегированными классами, явно стремится сделать свой грабеж народа более систематическим, а с другой, с того же момента в самом народе явилось понимание этого стремления и сознание необходимости противодействовать ему собственными силами и выступить на активную борьбу за возможность иной жизни;

5) Что там, где положение одинаково, там должны быть одинаковы и аналогичны и средства к уничтожению его и к замещению его новым строем социальных и индивидуальных отношений;

6) Что такие средства освобождения неизмеримо увеличиваются в своей силе, когда является солидарность между народами и когда совершается повсюду развитие одних и тех же начал в международной пропаганде и приложение одних и тех же способов в организации;

7) Что самое образование Интернациональной Ассоциации, самая причина, вызвавшая ее основание, заключается в том повсеместном сознании европейского пролетариата, которое провозглашает: „что полное освобождение рабочих вовсе не составляет задачи местной или нацио-

нальной (одноплеменной), что, наоборот, эта задача представляет насущный интерес для всех цивилизованных наций, так как ее разрешение естественно находится в зависимости от их общего участия, теоретического и практического",—

Группа русских людей образовала Русскую Секцию Международного Товарищества.

Употребляя выражение „русские люди", мы разумеем под ним одинаково и безразлично женщин и мужчин, так как наше дело пропаганды и организации относится ко всем угнетенным без различия пола. Интернационал, стремящийся к освобождению всего человечества, тем самым стремится к уничтожению эксплоатации одной половины человечества другою, эксплоатации столь пагубной по последствиям, вносимым ею в политический и социальный быт народов.

Гл. II. Задачи и обязанности Русской Секции.

Русская Секция ставит себе задачею:

1) Пропагандировать в России всеми возможными рациональными средствами,—особый род и способ которых вытекает из самого положения страны,—идеи и начала Интернациональной Ассоциации.

2) Способствовать устройству интернациональных секций в среде русских рабочих масс.

3) Помогать установлению прочной, солидарной связи между трудящимися классами России и Западной Европы и оказанием взаимной помощи способствовать более успешному достижению их общей цели освобождения [1].

ГЛАВНЫЙ СОВЕТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ.

Членам Комитета Русской Секции в Женеве.

Граждане!

В своем заседаний 22-го марта Главный Совет об'явил, единодушным вотумом, что ваша программа и статут согласны с общими статутами Международного Товарищества Рабочих. Он поспешил принять вашу ветвь в состав Интернационала. Я с удовольствием принимаю почетную обязанность, которую вы мне предлагаете, быть вашим представителем при Главном Совете...

Несколько месяцев тому назад, мне прислали из Петербурга сочинение Флеровского: „Положение рабочего класса в России". Это настоящее открытие для Европы. Русский оптимизм, распространенный на континенте даже так называемыми революционерами, беспощадно разоблачен в этом сочинении. Достоинство его не пострадает, если я скажу, что оно в некоторых местах не вполне удовлетворяет критике с точки

---

[1] Русская Секция Интернационала была основана М. Бакуниным; ему принадлежит и приведенная здесь программа.

зрения чисто теоретической. Это—труд серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника и, прежде всего, человека, возмущенного против гнета во всех его видах, не терпящего всевозможных национальных гимнов и страстно делящего все страдания и все стремления производительного класса. Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении века.

Привет и братство.

Лондон, 24 марта 1870 г. Карл Маркс.

„РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КАТЕХИЗИС" НЕЧАЕВА [1].

Отношение революционера к самому себе.

§ 1. Революционер—человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единым исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью—революцией.

§ 2. Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями и нравственностью этого мира. Он для него—враг беспощадный, и, еслиб он продолжал жить в нем, то для того только, чтобы его вернее разрушить.

§ 3. Революционер презирает всякое доктринерство и отказался от мирской науки, предоставляя ее будущим поколениям. Он знает только одну науку—науку разрушения. Для этого и только для этого он изучает теперь механику, физику, химию, пожалуй медицину. Для этого изучает денно и нощно живую науку людей, характеров, положений и всех условий настоящего общественного строя, во всех возможных слоях. Цель же одна—наискорейшее разрушение этого поганого строя.

§ 4. Он презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что помешает ему...

§ 6. Суровый для себя, он должен быть суровым и для других. Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодною страстью революционного дела. Для него существует только одна нега, одно утешение, вознаграждение и удовлетворение—успех революции. Денно и нощно должна быть у него одна мысль, одна цель—беспо-

---

[1] С. Г. Нечаев — представитель наиболее крайнего заговорщицкого, бунтарского течения. В 1869 г. организовал революц. группу, преимущественно в среде учащейся молодежи—„Общество народной расправы", программой которого и является революционный катехизис.

щадного разрушения. Стремясь хладнокровно и неутомимо к этой цели, он должен быть готов и сам погибнуть и погубить своими руками все, что мешает ее достижению...

Отношение революционера к товарищам по революции.

§ 8. Другом и милым человеком для революционера может быть только человек, заявивший себя на деле таким же революционерным делом, как и он сам. Мера дружбы, преданности и прочих обязанностей в отношении к такому товарищу определяется единственно степенью полезности в деле всеразрушительной практической революции.

§ 9. О солидарности революционеров и говорить нечего. В ней вся сила революционного дела. Товарищи-революционеры, стоящие на одинаковой степени революционного понимания и страсти, должны, по возможности, обсуждать все крупные дела вместе и решать их единодушно. В исполнении таким образом решенного плана каждый должен рассчитывать, по возможности, на себя. В выполнении ряда разрушительных действий каждый должен делать сам и прибегать к совету и помощи товарищей только тогда, когда это для успеха необходимо.

§ 10. У каждого товарища должно быть под рукою несколько революционеров второго и третьего разрядов, т.-е. не совсем посвященных. На них он должен смотреть, как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение. Он должен экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу. На себя он смотрит, как на капитал, обреченный на трату для торжества революционного дела, только как на такой капитал, которым он сам и один без согласия всего товарищества вполне посвященных распоряжаться не может...

Отношение революционера к обществу.

§ 12. Принятие нового члена, заявившего себя не на словах, а на деле, в товарищество не может быть решено иначе, как единодушно.

§ 13. Революционер вступает в государственный, сословный, так называемый образованный мир и живет в нем только с верой в его полнейшее скорейшее разрушение. Он—не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире. Если он может, то становится пред истреблением положения, отношения или какого-либо человека, принадлежащего к этому миру — все и все должны быть ему равно ненавистны. Тем хуже для него, если у него есть в нем родственные, дружеские и любовные отношения; он не революционер, если они могут остановить его руку.

§ 14. С целью беспощадного разрушения революционер может и даже часто должен жить в обществе, притворяясь совсем не тем, что он есть. Революционер должен проникнуть всюду, во все низшие и средние сословия, в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократический, военный, в литературу, в III отделение и даже в Зимний дворец.

§ 15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий: 1-я категория—неотлагаемо осужденных на смерть. Да будет составлен товариществом список таких осужденных, по порядку их относительной зловредности для успеха революционного дела, так, чтобы предыдущие нумера убрались прежде последующих!

§ 16. При составлении таких списков и для установления вышеназначенного порядка, должно руководствоваться отнюдь не личным злодейством человека, ни даже ненавистью, возбуждаемой им в товариществе или в народе. Это злодейство и эта ненависть могут быть даже отчасти полезными, способствуя к возбуждению народного бунта. Должно руководствоваться мерой пользы, которая должна произойти от его смерти для революционного дела. Итак, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, а также внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергичных деятелей, потрясти его силу.

§ 17. Вторая категория должна состоять из таких людей, которым дарują только временно жизнь, чтобы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта.

§ 18. К третьей категории принадлежит множество высокопоставленных скотов или личностей, не отличающихся ни особенным умом, ни энергией, но пользующихся по положению богатством, связями, влиянием, силой. Надо их эксплоатировать всевозможными манерами, путями; опутать их, сбить с толку и, овладев, по возможности, их грязными тайнами, сделать их своими рабами. Их власть, влияние, связи, богатство и сила сделаются, таким образом, неистощимою сокровищницею и сильной помощью для разных предприятий.

§ 19. Четвертая категория состоит из государственных честолюбцев и либералов с разными оттенками. С ними можно конспирировать по их программам, делая вид, что слепо следуешь за ними, а между тем прибирать их в руки, овладеть всеми их тайнами, скомпрометировать их донельзя, так, чтобы возврат для них был невозможен, и их руками мутить государство.

§ 20. Пятая категория—доктринеры, конспираторы, революционеры, все праздноглаголющие в кружках и на бумаге. Их надо беспременно толкать и тянуть вперед, в практичные головоломные заявления, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих.

§ 21. Шестая и важная категория—женщины, которых должно разделить на три главные разряда: одни—пустые, обессмысленные, бездушные, которыми можно пользоваться, как третьей и четвертой категориями мужчин; другие — горячие, преданные, способные, но не наши, потому что не доработались еще до настоящего бесстрастного и фактического революционного понимания; их должно употреблять, как мужчин пятой категории; наконец, женщины совсем наши, т.-е. вполне посвященные и принявшие всецело нашу программу. Мы должны смотреть на них, как на драгоценнейшие сокровища наши, без помощи которых нам обойтись невозможно.

Отношение товарищества к народу.

§ 22. У товарищества нет другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, т.-е. чернорабочего люда. Но, убеждённое в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможно только путем всесокрушающей народной революции, товарищество всеми силами и средствами будет способствовать к развитию и разобщению тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и понудить его к поголовному восстанию.

§ 23. Под революциею народною товарищество разумеет не регламентированное движение по западному классическому образу—движение, которое всегда, останавливаясь перед собственностью и перед традициями общественных порядков, так называемой цивилизации и нравственности, до сих пор ограничивалось везде низвержением одной политической формы для замещения ее другою и стремилось создать так называемое революционное государство. Спасительною для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции порядка и классы в России.

§ 24. Товарищество поэтому не намерено навязывать народу какую бы то ни было организацию сверху. Будущая организация без сомнения выработается из народного движения и жизни. Но это — дело будущих поколений. Наше дело—страшное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение.

§ 25. Поэтому, сближаясь с народом, мы прежде всего должны соединиться с теми элементами народной жизни, которые, со времени основания московской государственной силы, не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо или косвенно связано с государством: против дворянства, против чиновничества, против попов, против гильдейского мира и против кулака-мироеда. Но соединимся с диким разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России.

§ 25. Сплотить этот мир в одну непобедимую, всесокрушающую силу—вот вся наша организация, конспирация, задача.

(См. Б. Базилевский (Богучарский)—„Государственные преступления в России в XIX веке". Том I).

БАКУНИСТЫ.

К русским революционерам.

У нас нет отечества. Наше отечество—Всемирная Революция. У нас нет другого врага, кроме господства во всех его формах: религиозной, доктринерской, политической, экономической, социальной.

Мы стремимся к созданию свободного человеческого мира, основанного на труде, на равенстве, на солидарности всех человеческих существ.

Мы считаем необходимым:

1) Разрушение всех религиозных, политических, юридических, экономических и социальных учреждений, составляющих настоящий буржуазный порядок вещей.

2) Создание самостоятельной и совершенно свободной организации освобожденных масс на место разрушенного государственного строя.

В деле Революции мы враги всего того, что так или иначе принадлежит к авторитарной системе, всего того, что стремится к руководжению народом. Следовательно, мы прежде всего враги так называемой революционной диктатуры, временного правительства. Мы убеждены, что всякая власть, как бы революционна она ни была, непременно изменит в конце концов народу и пожелает увековечить себя. Революции делаются народом. Истинная революция только среди народа. Всякая власть, тяготеющая над народом, фатальным образом ему враждебна.

Мы имеем полную веру в инстинкты народных масс и понимаем Революцию, как организованный взрыв того, что зовется революционными страстями, и как разрушение того, что на том же буржуазном языке зовется общественным порядком.

Мы признаем Анархию—это выражение жизни и стремлений народных. Из Анархии посредством свободы должны возникнуть истинное равенство всех, новый порядок вещей, основанный на всестороннем развитии всех, на свободно организованном труде...

С точки зрения отрицательной или разрушающей, мы хотим: уничтожения, банкротства, полной ликвидации государства и всего, что обусловливает его существование; уничтожения всех налогов; уничтожения всей высшей и низшей государственной администрации; уничтожения всей бюрократии, армии, магистратуры, полиции, университетов, духовенства; уничтожение монополий, привилегий, личной собственности...

С точки зрения положительной, как для создания нового экономического и социального порядка, так и по отношению к образованию организованной революционной силы, нужной в неизбежной борьбе восставших масс против реакции, мы считаем необходимым самостоятельную организацию революционных групп... в революционные общины, не обращая никакого внимания на государственные разделения и границы.

После первого взрыва Революции должны быть посланы выборные с строго определенными поручениями от революционных общин в очаги Революции; должны организоваться федерации как этих общин, так и этих очагов, должны постоянно поддерживаться баррикады и восстания во всех точках восставших стран в виду общей защиты...

Та организация, на которую мы призываем, никогда не будет преследовать другой цели, кроме подготовления и организации народной Социальной Революции, такой, как она определяется нашей программой и практическими средствами, как отрицательными, так и положительными, в ней высказанными...

Всякий из нас должен понять, что в деле Революции самый знающий и самый умный человек, даже гений, может дать массам лишь то, что они уже заключают в себе, в своих действительных нуждах, инстинктах и стремлениях: только осмысленную, научную формулу того, что они

чувствуют и желают. Кто действительно знает народ, тот знает и то, что каждому из нас приходится более получать уроков от народа, чем давать их ему. Всякий из нас должен понять, что время выдающихся личностей прошло; владычество личностей было совершенно естественным и логичным в политических революциях, так как всякая такая революция имела целью замену одного правительства другим. Оно совершенно неуместно и невозможно в Социальной Революции, которая, имея единственною целью действительное освобождение масс, должна уничтожить самый принцип власти. В Социальной Революции может быть место только для к о л л е к т и в н о й м ы с л и, в о л и и д е я т е л ь н о с т и...

Русские революционеры! Сплотимся и создадим эту великую силу: она не выродится, не может выродиться в буржуазное общество, потому что мы все рабочие, а не бары; потому что наша цель—народное освобождение; потому что среди нас не будет ни одного честолюбца, ни одного досужего человека... [1]

(См. Г. А. К у к л и н—„Итоги революционн. движения в России за сорок лет").

„В П Е Р Е Д".

...Вперед же без страха! Вперед без сомненья!
Вперед без оглядки, вперед нам пора!
Средь дикого леса должно поколенье
Пробить путь для знаний, любви и добра...

Да рухнут, стеная, дубы вековые:
Они заграждают дорогу к добру;
Гнездятся в них змеи; их дупла пустые
Да вырвутся с корнем на жертву костру...
Да рухнут умерших богов алтари!
Да здравствует разум! Да здравствует право!
Да светит нам солнце грядущей зари!
Да мир оживится дыханьем свободы!
Да цепи преданья падут навсегда!
Да братьями станут земные народы
На принципе знанья, любви и труда!
Пусть гибнут ненужных людей поколенья,
Пусть хищники гибнут на славу труда,
Пусть гибнут питомцы бездарные лени,
Пусть гибнут враги, паразиты труда!
Пусть плачет и стонет их жалкое племя—
Обрек его смерти истории суд;

---

[1] В 70-х г.г. в революционном народничестве имелось два основных течения: „бунтарское"—бакунистов и „пропагандистское"—лавристов. Идеи первого нашли свое выражение в прокламации молодых бакунистов, изданной в Женеве в сентябре в 1873 г., а второго мы иллюстрируем в стихотворении П. Л. Лаврова „Вперед".

Летит, все летит неусыпное время,
И волны грядущего вечно растут.
Быть может, мы ляжем кровавою жертвой,
Другим завещая цель жизни своей;
Тогда пусть живым возглаголает мертвый:
Вперед, все вперед! через трупы друзей

Да будем мы, братья, орудия жизни,
Да будем орудия правды святой!
Да служим мы словом и делом отчизне,
Да смело идем по дороге прямой!
Вперед!.. Да погибнет все сердцем гнилое,
Все то, что отжило, пусть смертью умрет!
Вперед!.. Да восстанет все духом живое!
Во имя свободы и правды—вперед!

(П. Л. Лавров).

КОММУНЫ.

Весною 1874 г. волна революционно-пропагандистского движения в Петербурге достигла своей крайней высоты. Кружки и сходки прекратились. Они теперь не нужны. Все вопросы решены. Время уж итти в народ. Надо приготовить все необходимое для этого. Но прежде всего нужно научиться физическому труду. И работа закипела. Одни отправляются на заводы, фабрики, где, с помощью спропагандированных рабочих, устраиваются и приступают к работе. Поступок этих студентов импонирует товарищам, пример их заразителен. Те, которые почему-либо не могут последовать этому, страдают от огорчения. Другие,—таких было, если не ошибаюсь, большинство,—бросаются на изучение ремесл: сапожного, столярного, слесарного и пр. Этому можно скорей научиться, да и ремесло пригодится в ссылке. Надо быть готовым. Во многих частях Петербурга—на Выборгской и Петербургской сторонах, в Измайловском полку, на Васильевском острове и пр.—открываются такие мастерские, в которых выучка, под руководством опять-таки рабочего-революционера, идет довольно успешно...

Мастерские, устраивавшиеся молодежью, были все почти на один манер. Мастерские были одновременно и „коммунами“. Зайдем в такую мастерскую-коммуну. Небольшой деревянный флигель из трех комнат, с кухней, на Выборгской стороне. Скудная мебель. Спартанские постели. Запах кожи, вара бьет в нос. Это—сапожная мастерская. Трое молодых студентов сосредоточенно работают. Один особенно занят прилаживанием двойной толстой подметки к ботфортам. Под подошву надо спрятать паспорт и деньги—на всякий случай. У окна, согнувшись, вся ушла в работу молодая девушка. Она шьет сорочки, шаровары, кисеты для своих товарищей, собирающихся на-днях итти в народ. Надо торопиться—и иголка так и мелькает в воздухе. Лица—молодые, серьезные, бодрые

и ясные. Говорят мало, потому что некогда. Да и о чем разговаривать? Все уже решено, все ясно, как день.

То же самое и при встречах на улицах. Лаконические вопросы: „Куда направляетесь? куда едете?“ и такие же ответы: „На Волгу! на Урал! на Дон! на Запорожье!..“ И т. д. и т. д. в этом роде.

Крепкие рукопожатия и всяческие благие пожелания. В путь-дорогу!..

Это революционная молодежь, полная веры в народ и в свои собственные силы, охваченная каким-то экстазом, потянулась в далекий неведомый путь. Позади остались дорогие образы родных и близких, вошедшие в кровь и плоть культурные привычки, высшие учебные заведения с их „правами и льготами“. Все корабли сожжены. Возврата нет.

Пропаганда разлилась по всей России. Она охватила 37 губерний, по официальным данным. Арестовано было больше 1.000 человек, все цвет учащейся молодежи.

(О. В. Аптекман—„Земля и Воля“ 70-х годов).

1873—75 г.г.

Я врагами в тюрьме погребен [1],
Но живу все еще год от году...
В дни тяжелой борьбы за свободу
Было время моих похорон.
За железной тюремной решеткой,
За сырой и холодной стеной
Ярким светом горят предо мной
Эти дни моей жизни короткой.
Вспоминается мне та пора,
Как по нивам родимого края
Раздалось, серый люд пробуждая,
Слово братства, свободы, добра...
Как в смятенье подняли тревогу
Слуги мрака, оков и цепей
И покровом терновых ветвей
Застилали к народу дорогу...
Как в борьбе с их несметной толпой
Молодая могучая сила,
Погибая, страну пробудила
На последний решительный бой!
Вы, друзья, что в борьбе уцелели,
Тоже здесь вспоминаетесь мне...

---

[1] Н. А. Морозов был заключен в тюрьму по „делу 193“. Освобожден в 1878 г., после чего примкнул к обществу „Земля и Воля“; позже—к „Народной Воле“. С 1882 по 1905 находился в Шлиссельбургской крепости, осужденный на бессрочную каторгу по „процессу 20“.

Лучше ль вам на родной стороне?
Ближе ль, братья, стоите вы к цели?
Тяжкий крест привелось вам принять,
Легкий жребий мне выпал на долю,
Трудно жить и бороться за волю,
Но легко за нее умирать.
Трудно жить, чтоб порой не дрожала,
На врага поднимаясь, рука,
Чтобы сил не с'едала тоска,
Если счастье в борьбе изменяло;
Чтобы в том, кто восстал за любовь,
Вплоть до двери холодного гроба,
Не смолкала могучая злоба
И кипела бы мщением кровь!..

(Н. А. Морозов).

ХОЖДЕНИЕ В НАРОД.

Мы гостили у деда Феди несколько дней. Нечипор и Лазарь постоянно проводили время с нами. В ряде бесед мы развивали ту мысль, что от помещиков надо отнять землю, переделить ее поровну между всеми, и само собою разумеется, что наши собеседники признавали это вполне справедливым. Мы указывали на то обстоятельство, что крестьяне всюду этого желают, но к несчастью ничего не предпринимают для осуществления своих желаний и ждут, что царь им переделит землю. Мы поддерживали мнение Лазаря, что единственный выход для крестьян заключается в бунте—по возможности, конечно, широком, повсеместном.

Нашим собеседникам, как оказалось, хорошо были известны крестьянские ожидания и толки о переделе земли, но сами они этому не верили.

— Ну, а если дело начнется, найдутся ли у вас охотники?—спросил один из нас.

— На хорошее дело всякий пойдет,—ответил Нечипор.

— Выиграем или проиграем—все одно, хуже не будет. Хоть коней попасем на панских сенокосах,—заметил Лазарь...

— С голыми руками бунтовать не выйдем, — говорили между тем мы.—Достанем ружей, наделаем пик, ножей, да сядем верхом на добрых коней! Не так-то легко справятся москали с нами! Трудно только начать. А как наберется сотня-другая человек, да приедем мы с ружьями и пиками в какую-нибудь деревню, да отнимем от пана землю и переделим ее между людьми, то люди нас поддержат. Москали не успеют прийти, как около нас соберутся уже тысячи народу. А если много народу взбунтуется, то потом никакое войско ничего не сделает.

— А чтобы люди скорее к нам приставали, — заговорил Лазарь,— то нужно сделать так: несколько человек переоденутся за офицеров,

понадевают эполеты и все такое. Да приехавши верхом в село, прямо в волость: да сейчас—созывай сход!...

— Да на сходе сказать, что мы от царя, и бумагу такую прочесть людям,—подсказал один из нас.

— Сказать, что мы от царя!...—с увлечением подхватил Лазарь.—Все тогда пристанут к нам! Такое можно наделать, что потом и войско не поможет...

Перед нашим отъездом была созвана сходка. Нечипор явился ее организатором, собрав человек пятнадцать — все людей надежных; а вместе с нами и нашими приятелями составилось больше двадцати. Среди этих людей было человек шесть из соседних сел. Последнее обстоятельство придавало сходке особенно серьезное значение, так как лица, участвовавшие в ней, являлись представителями уже от нескольких деревень... На сходке оратором явился сначала Дробязгин. В общих чертах он изложил ту мысль, что всюду люди бедствуют от малоземелья и всюду хотят общего передела земли; но что, конечно, никакого передела мирным и законным путем произойти не может и что единственным средством для достижения этого остается всенародный бунт. Все присутствующие, когда пришлось всякому из них в отдельности высказаться по поводу поднятого нами вопроса, соглашались с нашим мнением, т.-е. что надо было бунтоваться; но при этом многие из них добавляли, что они не верят в успех дела. „Придут москали и побьют", категорически заявил один из присутствующих... В конце концов и мы сами признали, что в ту минуту не были еще готовы к восстанию, и, как очередное дело, выдвигали подготовление умов в народе к предстоящему восстанию. Другими словами, мы предлагали присутствующим составить организацию, которая поставила бы своей целью осторожно распускать слухи среди народа о том, что скоро наступит передел земли; но что все люди должны заранее готовиться к борьбе, так как помещики не захотят уступить землю без боя...

Итак, начало организации среди крестьян было положено, и оставалось только вести это дело дальше.

Помню, в избе, где больше двадцати человек помещалось и разговаривало, а многие из нас и курили, сделалось невыносимо душно, и я вышел из хаты во двор, чтобы освежиться. Но здесь был неприятно поражен следующим зрелищем: куча людей толпилась возле самых окон нашей избы, видимо, желая подслушать, что делалось и о чем говорилось внутри. Это были все взрослые молодые люди, паробки, собравшиеся из села. Меня это до того взволновало, что я немедленно воротился в избу и, отозвав в сторону деда Федю, тихо спросил его:

— Какие там люди стоят возле окна? Это совсем-совсем не хорошо! Как бы чего дурного не вышло из этого.

— Э!.. ничего дурного из этого не выйдет! — успокаивал меня дед, — это наши паробки... Как же хотите вы? Войти сюда, где сидят и разговаривают старые люди, они не смеют... Вот они и ждут возле хаты; хочется им знать, на чем здесь порешат, что им отсюда „вынесут".

— Чего же они ждут?

— Вот сказали: чего ждут!? А может, мы тут решили бы коней седлать? [1]

— Ну?

— Ну, так они и сделали бы!.. Вы как думаете?! Не бойтесь, ничего дурного не выйдет из этого! Это все свои люди... — улыбаясь, говорил дед.

Конечно, то могли быть свои люди; но с улицы могли видеть эту сцену и не свои; и это после того, как мы так обстоятельно рассуждали об осторожности!..—размышлял я. Впрочем, я должен сознаться, что размышления эти меня посетили только в первое мгновение. Потом, очень скоро эта сцена вдруг осветилась для меня совсем с другой стороны, и я стал усматривать здесь, подобно деду Феде, только готовность к бунту, что меня, само собою разумеется, необыкновенно радовало. Но так ли это было на самом деле?

После описанной сходки мы скоро уехали...

(Вл. Дебогорий-Мокриевич — «Воспоминания»).

„ПЕСНЯ О ЗЕМЛЕ И ВОЛЕ".

Как со матушки, со Волги,
Со широкого раздолья,
Поднялась толпой-народом
Сила русская сплошная,
Да как кликнет громким кличем:
„Добры молодцы, идите,
Добры молодцы, сбирайтесь
С Бела моря ледяного,
Со степного Черноморья!

1876 г.

По родной великой Руси,
По Украйне по казацкой,
Отстоим мы нашу землю,
Отстоим мы нашу волю!
Чтоб земля нам да досталась,
Воля вольная сложилась,
Барской злобы не пугалась,
Властью царской не томилась!"...

(Н. П. Огарев).

ДЕМОНСТРАЦИЯ НА КАЗАНСКОЙ ПЛОЩАДИ.

К концу 1876 года, когда землевольцы только еще приступали к устройству революционных „поселений в народе", пропаганда между рабочими приняла довольно широкие размеры как в Петербурге (в Галерной Гавани, на Васильевском острове, на Петербургской и на Выборгской сторонах, на Обводном канале, за Невской и Нарвской заставами), так и в его окрестностях (в Колпине, на Александровской мануфактуре, в Кронштадте и т. д.). Но я уже сказал, что бунтари не довольствовались пропагандой и во что бы то ни стало хотели агитировать. Наше настроение увлекло, наконец, и рабочих. В то время у всех была в памяти

[1] Выражение, очевидно, сохранившееся с казацкого времени, означающее выступление в военный поход.

демонстрация, ознаменовавшая весною 1876 г. похороны убитого тюрьмою студента Чернышева. Она произвела очень сильное впечатление на всю интеллигенцию, и все лето того года мы, что называется, бредили демонстрациями. Но в чернышевской демонстрации рабочие не принимали участия, так как произошла она в будни, да и подготовители ее как-то не вспомнили о рабочих. И вот рабочим захотелось сделать свою демонстрацию, и притом такую, которая своим резко-революционным характером совершенно затмила бы демонстрацию „интеллигенции". Они уверяли нас, что, если хорошо взяться за дело и выбрать для демонстрации праздничный день, то на нее соберется до 2 000 рабочих. Мы сомневались в этом, но бунтарская жилка заговорила в каждом из нас, и мы сдались. Так произошла известная казанская демонстрация 6 (18) декабря 1876 года...

Для „интеллигенции" цель демонстрации так и осталась невыясненной, вероятно потому, что в ее подготовлении „интеллигенция" принимала участие только в лице немногих землевольцев, действовавших в рабочих кварталах Петербурга. Эти люди употребляли все зависевшие от них средства, чтобы привлечь на нее как можно больше рабочих, но об интеллигенции, насколько мне известно, они думали мало: придет, мол, и без зова, а не придет—беда не велика; пожалуй, даже лучше будет: выйдет чисто рабочая демонстрация. Тем не менее, утром 6-го декабря у Казанского собора собралось много учащейся молодежи...

Рабочих пришло немного: 200—250 человек. И это было совершенно понятно. Если для принадлежавших к революционным кружкам рабочих демонстрация имела смысл агитационной попытки, то для их незатронутых пропагандой товарищей она могла быть интересна разве лишь, как новое, невиданное зрелище. Для деятельного участия в ней у них не было никакого осязательного повода. Поэтому они и не пошли на нее. Еще за несколько дней до демонстрации мы увидели, как несбыточны были розовые надежды задумавших ее революционных рабочих кружков. Но отступать было уже поздно... Вечером, 4 декабря, собрание, на котором, кроме нас землевольцев, были влиятельнейшие рабочие с разных концов Петербурга, почти единогласно решило, что демонстрация должна состояться, если на нее соберется хоть несколько сот человек. На этом же собрании была предложена и одобрена мысль о красном знамени, о котором прежде никто не думал.

Вышитую на этом знамени надпись: „Земля и Воля" мы считали наилучшим выражением народных идеалов и требований. Но именно народу-то, по крайней мере столичному народу, она и оказалась непонятной. „Как же это так,—рассуждали потом на некоторых фабриках,—они хотели земли и воли? Земля-то это так, земли точно надо бы дать крестьянам, а воля-то ведь уж дана. В чем же тут дело?" Вышло, что с своим девизом „Земля и Воля" мы опоздали по меньшей мере на пятнадцать лет...

Утром, шестого декабря, на место действия пришли все „бунтарские" рабочие кружки (лавристы были, разумеется, против демонстрации). В особенности хорошо были представлены гаванские рабочие: с одного из гаванских заводов пришла в полном составе целая мастерская в 40—

45 человек. Но посторонних рабочих совсем не было. Мы видели, что сил у нас слишком мало, и решились выжидать. Рабочие разошлись по ближайшим трактирам, оставив у соборной паперти только небольшую кучку для наблюдения за ходом дела. Между тем, учащаяся молодежь подходила большими группами. Находившаяся в церкви, очень впрочем малочисленная, публика уже к концу обедни была поражена страшным наплывом совершенно необычных богомольцев. Церковный староста посматривал в их сторону с каким-то тревожным удивлением. Обедня кончилась, странные богомольцы не расходились. Тогда староста вступил с ними в переговоры.

— Что вам угодно, господа?—спросил он, как нарочно подойдя к группе бунтарей.

— Ждем отслужить панихиду,—отвечали ему.

— Нельзя сегодня служить панихиду: царский день.

Бунтари изумились. Собственно, в план демонстрации богослужение вовсе не входило, но, так как революционная публика все продолжала прибывать и бунтарям нужно было выиграть время, то они придумали панихиду просто, как благовидный предлог для дальнейшего пребывания в церкви. Когда староста разъяснил им, что нельзя служить панихиду, они недолго оставались в смущении.

— Я пойду, закажу молебен,—шепнул мне покойный Сентянин.

— Идите, заплатите попам за наш постой,—ответил я, подавая ему трехрублевую бумажку.

Сентянин пошел. Но я до сих пор не знаю, на чем он порешил с попами. Соскучившиеся „нигилисты“ стали выходить на паперть, из соседних трактиров подошли заседавшие там бунтари-рабочие. Толпа приняла довольно внушительные размеры. Мы решились действовать.

До властей, вероятно, дошли слухи о наших приготовлениях. Но на Казанской площади полицейских и жандармов было немного. Они смотрели на нас и „ждали поступков“. Когда раздались первые слова революционной речи [1], они попытались было протискаться к говорившему, но их сейчас же оттеснили назад. Все участники демонстрации пришли в страшное возбуждение. Рабочие плотным кольцом сомкнулись вокруг говорившего. „Ребята, держись тесней, не выдавай, не подпускай полиции“, командовал Митрофанов, между тем как полицейские свистки оглашали площадь. Когда речь была окончена, развернули красное знамя, раздались крики: „да здравствует социальная революция, да здравствует Земля и Воля!“ Митрофанов быстро сдернул шапку с говорившего и, надевши на него какую-то фуражку, закутал башлыком его голову. „Теперь пойдем все вместе, иначе будут арестовывать“,—закричали какие-то голоса, и мы толпой двинулись по направлению к Невскому. Но едва мы сделали несколько шагов, как полиция, подкрепленная сбежавшимися на свистки городовыми и околоточными, стала хватать шедших в задних рядах. Тут общее возбуждение дошло до последней степени. Кто-то скомандовал: „стой, наших берут“, и толпа бросилась отбивать арестованных. Полицейские были смяты и побежали за собор в Казанскую улицу.

---

[1] Эту речь произнес Г. В. Плеханов.

Если бы, отразив этот первый неприятельский натиск, революционеры выказали больше самообладания, то они, вероятно, смогли бы отступить без потерь и в полном порядке. Землевольцы понимали это и, как только арестованные были отбиты, они закричали, чтобы публика сомкнулась в тесные ряды... Публика продолжала преследовать обращенную в бегство полицию. Произошел страшный беспорядок, наши ряды совсем расстроились, между тем к полицейским явилось новое и сильное подкрепление. Целый отряд городовых, в сопровождении множества дворников, быстро приближался к площади по той самой Казанской улице, к которой направились бежавшие полицейские. Увлекшись преследованием, революционеры столкнулись с этим отрядом лицом к лицу. Началась жесточайшая свалка. Силы полиции ежеминутно возрастали. Революционеров окружали со всех сторон. Стройное отступление сделалось для них совершенно невозможным. Хорошо было уже и то, что они могли отступать более или менее значительными кучками. Такие кучки по большей части успешно, хотя и не без значительных телесных повреждений, отбивались от нападавших. Но зато тех, которые действовали в одиночку, тотчас хватали и, после зверских побоев, тащили в участки...

(Г. В. Плеханов—„Русский рабочий в революционном движении").

ЧИГИРИНСКОЕ ДЕЛО [1].

В нескольких верстах от деревни Самбор стоит огромный курган, свидетель времен Запорожской сечи и казачества на Украине. Долго не давали покоя этому кургану: не один убогий укаинец, в надежде на клад, терзал его своим заступом; другие сделали из него место добывания глины; наконец, величавый стан его окончательно изуродовал археолог. Теперь он имеет вид довольно обширной ямы с вырытою в стене ее довольно обширной пещерой.

Однажды, в начале весны, в темную, беззвездную ночь курган или Казацкая Могила, как его называли в народе, представлял странное и торжественное зрелище. Могила, вместе с пещерой, была переполнена народом. В толпе было человек триста. Несколько фонарей освещали внутренность могилы. В пещере—небольшое из земли возвышение; там же в сторонс—стол, на котором что-то прикрыто белой скатертью. Всякий старается, вытянув шею, посмотреть, что делается в пещере. У всех на лице выражение напряженного ожидания.

Но вот на земляное возвышение выступил высокий, с длинными седыми усами старик. Он окинул взглядом собрание, оперся на свою толстую палку и начал речь:

— Господа громада! Я собрал вас затем, чтобы поведать всем вам вместе о том великом деле, о котором каждый из вас кое-что слышал

[1] Крестьянские волнения в Чигиринском уезде, Киевской губ., начались в 1870—71 г.г. Стефанович использовал их для революционной агитации. Он выпустил подложную царскую грамоту, в которой крестьяне от имени царя призывались к восстанию против помещиков и чиновников, мешавших якобы царю наделить крестьян землею.

уже, и затем, чтобы все вместе вы послушали, что пишется в тех важных бумагах, которые я послал являть между людьми. Вы видели, господа громада, как весенняя вода бежит по рвам, по долинкам, ища себе выхода в Днепр. Там ей только вольно, там только течет она, не встречая на пути своем никаких преград и задержек. Мы, как те весенние воды, везде ищем выхода туда, где идет вольная дорога нашему течению. Но, куда бы мы ни кидались, всюду только и видим, что гати: тут нам нан стоит середь дороги там—становой, а там поп растопырил руки. Как же нам выйти из этой „загороды", чтобы течь вольно, как весенняя вода по Днепру? А вот, слушайте, какой совет подается нам в этих бумагах.

Старик вынул из-за пазухи печатные листы и подал их стоявшему возле него Дейку. Последний занял его место на возвышении и начал нараспев чтение „Тайной Грамоты и Устава".

Толпа заколыхалась и подалась ближе к пещере, но при первом же слове чтеца глубокая тишина водворилась в могиле. Громко и внятно стало раздаваться мерное, монотонное чтение Дейка. Самое напряженное внимание овладело всеми, словно никто не знал еще, в чем дело.

„Добре царь каже", слышался иногда сдержанный голос в толпе. „Такой правды мы еще не слыхали", замечали некоторые. „Извести это проклятое панство", вырвалось у более горячих.

Дейко кончил. Оврам взял у него печатные листы и указал на печать.

— Видите ли, что в середине этой печати? Вот топор и вот пика. Это печать „Совета Комиссаров"; ему-то, сему Совету, и поручено распространять в народе эту грамоту и призывать людей в Тайные Дружины.

Толпа опять заволновалась, силясь еще ближе податься к пещере.

— Что же скажете, господа громада? Хорошо ли говорит царь?

— Добре, дуже добре, что и говорить, лучшего слова мы и не слыхали,—пронеслось в толпе.

— А коли добре, чего же вам больше ждать? Согласны вступить в Тайную Дружину, согласны присягнуть, что готовы и головы положить за святое народное дело?

— За что же нам и умирать, как не за себя, да за детей наших? Согласны, дед Оврам, согласны! Ты на дурное совета не станешь давать... Доколе нам терпеть! Мало мы еще терпели!—шумела громада.—Пик раздобудем, а то и с косами пойдем.

— Вот, братцы, сабля, чем не панская?—заорал какой-то голос, и над толпой показалась старая, заржавленная сабля.

Волнение вдруг овладело всем собранием. То горькие жалобы, то страшные угрозы вырывались из этой толпы; все смешивалось в один общий стон, далеко уносившийся в поле. Казалось, нашелся, наконец, давно выжидаемый удобный момент; чувства, накопившиеся за время всего происходившего в могиле и до сих пор сдерживаемые, готовы были излиться вполне.

Оврам продолжал стоять на возвышении, опираясь на свою палку.

— Господа громада!—силился сказать он громким голосом,—господа громада! Слушайте же дальше, что я буду говорить вам.

Движение мало-по-малу прекратилось, толпа притихла и стала слушать.

— Так вы согласны пристать к Тайной Дружине,—начал Оврам:—знайте же, что это дело великое и от всякого ненадежного человека—тайное. Узнают паны, что у нас что-то затевается, лихо и нам и еще кому-то будет. А наиболее своих же баб беречься надо; бабьего языка ничем не удержишь; забежит к попадье, к дьячихе, выпьет чарку—долго ли бабе язык развязать? Пойдет трещать да и натрещит, что и сама потом не рада будет. А дело надо наше нам беречь сильно, надо, чтобы наша Дружина росла и крепла как можно скорее. Вдвоем или втроем немного сможешь, а громада—великий человек. Лишь бы твердо стоять друг за друга: птица и та понимает это. Сорока нападает на гнездо ласточки, чтобы поживиться ее яйцами, и целая стая ласточек подымается на защиту одной и прогоняет неприятеля. Так нужно заступаться и нам друг за друга. Только вы, братцы, знаете, что сноп тем прочнее, чем крепче перевеслом его свяжешь. Так ли я говорю, господа громада?

— Лучше не скажешь, дед Оврам,—отвечали в толпе.—Веди нас, куда знаешь, за тобой не отстанем.

Оврам сошел с земляного возвышения и поставил на него стоявший в стороне стол. Он снял с него белую скатерть, и крестьяне увидели на нем икону спасителя, крест, евангелие и два крестообразно воткнутых ножа. Затем он зажег толстую восковую свечу и сказал:

— Господа громада! Перед этим, что вы видите на столе, вы будете давать вашу клятву. Станьте же на колени и повторяйте те слова, что будет читать вам Дейко.

Толпа зашумела и опустилась на колени; только Оврам и Дейко стояли в глубине пещеры. Мерно стало раздаваться чтение текста присяги, и все разом подхватывали каждое ее слово.

„Клянусь посвятить всю свою жизнь святому народному делу. Клянусь с оружием в руках бороться против помещиков, чиновников и всех врагов наших...“—громко отчеканивал Дейко.

— Клянусь!—загудела разом громада.

(Я. Стефанович.—См. сборник „Черный Передел“).

РЕЧЬ И. Н. МЫШКИНА НА СУДЕ.

(Процесс 193 в 1877 г.) [1].

Первоприсутствующий: Подсудимый Мышкин! Вы обвиняетесь в том, что принимали участие в противозаконном обществе, имевшем целью в более или менее отдаленном будущем ниспровержение и изменение порядка государственного устройства. Признаете ли вы себя виновным?

[1] Число лиц, так или иначе привлеченных к этому процессу, включая свидетелей, равнялось 3.800, число обвиняемых 770; число представших пред судом в Петербурге 193, из них 84 оправдано,—остальные осуждены. Мышкин был приговорен к 10 годам каторжных работ. В продолжение 4 лет предварительного заключения в тюрьмах умерло до 70 человек.

Мышкин: Я признаю себя членом не сообщества, а социально-революционной партии и прошу позволения об'яснить, в чем именно заключается преступление, которое я по собственному моему сознанию совершил против русских государственных законов.

Первоприсутствующий: Об'ясните.

Мышкин: Я не могу признать себя членом тайного сообщества, потому что я и товарищи мои, товарищи не только по заключению, но и по убеждениям, не представляем нечто обособленное целое, связанное единством внешней, общей для всех организации. Мы составляем лишь частицу многочисленной в настоящее время на Руси социально-революционной партии, понимая под этим словом всю массу лиц одинаковых с нами убеждений... Основная задача социально-революционной партии,—установить на развалинах теперешнего государственно-буржуазного порядка такой общественный строй, который, удовлетворяя требованиям народа в том виде, как они выразились в крупных и мелких движениях народных и повсеместно присущи народному сознанию,—составляет вместе с тем справедливейшую форму общественной организации. Строй этот—земля, состоящая из союза независимых производительных общин. Осуществлен он может быть только путем социальной революции, потому что государственная власть преграждает все мирные пути для достижения этой цели и добровольно никогда не откажется от насильственно присвоенных ею прав. В этом нам ручается весь ход истории. Возможно ли мечтать о мирном пути, когда власть не только не подчиняется голосу народа, но не хочет даже и выслушать этого голоса и за всякое стремление, несогласное с ее видами, награждает тюрьмой и каторгой? Возможно ли мирное разрешение социальных вопросов соответственно народным потребностям, когда народ не только для осуществления своих желаний, но даже и для выражения их не имеет другого средства кроме бунта—этого единственного органа народной гласности? Едва ли эта мысль нуждается в подстрочном примечании.

Первоприсутствующий: Вы признали себя членом известной партии. Вы об'яснили, в чем заключается ваше стремление; затем препятствия, о которых вы говорите, не входят в круг обсуждения суда; поэтому я не вижу возможности, ни даже надобности для суда выслушивать все то, что вы говорите...

Мышкин: Я полагаю, что ближайшая наша задача заключается не в том, чтобы вызвать, создать революцию, а в том, чтобы только гарантировать успешный исход ее, потому что не нужно быть пророком, чтобы при нынешнем отчаянно-бедственном положении народа предвидеть, как неизбежный результат этого положения—всеобщее народное восстание. В виду неизбежности этого восстания, нужно только позаботиться, чтобы оно было возможно более продуктивно для народа, и, главное, предостеречь его от всех фокусов, которыми западно-европейская буржуазия обманывала тамошнюю народную массу и одна извлекала для себя выгоды из народной крови, пролитой на баррикадах. Ради этой цели наша практическая деятельность должна состоять в сплочении, в об'единении революционных сил, революционных стремлений, в слиянии двух главных революционных потоков: одного недавно возник-

шего и проявившего уже порядочную силу—в среде интеллигенции, и другого, более широкого, более глубокого, никогда не иссякавшего потока—народно-революционного. В этом об'единении революционных элементов путем окончательного сформирования социально-революционной партии и заключалась вся задача движения 74—75 г.г. Задача эта, если не вполне, то в значительной степени выполнена, и знамя социальной революции водружено во всех концах русской земли... При всем различии взглядов по другим вопросам приверженцы социальной революции сходятся в одном: что революция может быть совершена не иначе, как самим народом, при сознании им, во имя чего она совершается; другими словами, настоящий государственный строй должен быть ниспровергнут только тогда, когда пожелает этого сам народ...

Первоприсутствующий: ...Вы признали себя членом партии и достаточно уже раз'яснили свое преступление. Все остальное, что вы желали бы сказать, вы можете изложить впоследствии.

Мышкин: Но для суда необходимо еще знать причины, вызвавшие данное политическое преступление. Об этих причинах я и желал бы сказать еще несколько слов. Возникновение социально-революционной партии относится к началу 60-х годов. Оно совершилось, как отголосок на народные страдания и народные волнения, при участии известной фракции русской интеллигенции, благодаря главным образом двум причинам: во-первых, влиянию на интеллигенцию передовой западно-европейской социалистической мысли и крупнейшего практического применения этой мысли—образования Международного общества рабочих; во-вторых, уничтожению крепостного права, потому что после крестьянской реформы в среде неподатных классов образовалась целая фракция, испытавшая на самой себе всю силу гнета государственного экономического строя, готовая откликнуться на зов народа и послужившая ядром социально-революционной партии. Фракция эта—умственный пролетариат. Кроме того, крестьянская реформа оказала три важные услуги социально-революционному делу: 1) с 19-февраля 1861 г. начинается развитие капиталистического производства с его неизбежным спутником—борьбою между капиталом и трудом; 2) крестьянская реформа вместе с другими реформами послужила для нас наглядным доказательством истины... доказательством полной несостоятельности политических реформ в деле коренного улучшения народного быта. С каким восторгом, с каким ликованием приветствовало русское либеральное общество так называемые великие реформы нынешнего царствования!—и что же мы видим в результате? Народ доведен до отчаянно-бедственного положения, до небывалых хронических голодовок, и не нужно особенного политического радикализма, чтобы усомниться в благодетельности всех этих реформ для народной массы; 3) крестьянин, освобожденный от помещика, стал лицом к лицу с представителями губернской власти, увидел, что ему нечего надеяться на эту власть, что ему нечего ждать от нее, увидел, что он жестоко обманывался, веря в царскую правду, ища в ней опору против своих врагов...

Первоприсутствующий: Вы говорите о том, как крестьяне относятся к реформам и к правительству: вы не можете говорить об этом здесь за крестьян.

Мышкин: Мне необходимо выяснить эту сторону вопроса, в особенности потому, что только тогда суд поймет, почему я—сын крепостной крестьянки и солдата—видевший собственными глазами уничтожение крепостного права, не только не благословляю правительство, совершившее эту реформу, но стою в рядах от'явленных врагов его. Когда крестьяне увидели, что их наделяют песками да болотами, да такими клочками земли, на которых не мыслимо ведение хозяйства, сколько-нибудь обеспечивающего быт земледельца, а между тем за эти клочки наложили громаднейшие платежи, превышающие в несколько раз доходность наделов; когда крестьяне увидели, что это новое нарушение нрава народа на землю совершается не по произволу помещиков, а с утверждения верховной власти... когда они увидели все это, то не могли не убедиться, что им не на кого более надеяться, как на свои собственные силы. Рядом с этим крестьяне, превратившиеся в орудие капиталистического производства, поняли всю прелесть так называемого с в о б о д н о г о договора между голодным тружеником и сытым капиталистом, поняли также, что капиталист угнетает рабочего не только вследствие экономической несостоятельности последнего, но еще и благодаря тому, что в спорах между капиталистом и рабочим правительство всегда становится на сторону первого,—поняли это и не могли не отнестись с еще большей ненавистью к угнетающей их государственной власти...

Первоприсутствующий: Я не могу дозволить вам порицать правительство...

Мышкин: В таком случае, после всех многочисленных перерывов, которых я удостоился со стороны первоприсутствующего, мне остается сделать одно, вероятно, последнее заявление. Теперь я окончательно убедился в справедливости мнения моих товарищей, заранее отказавшихся от всяких об'яснений на суде, того мнения, что, несмотря на отсутствие гласности, нам не дадут возможности выяснить истинный характер дела. Теперь для всех очевидно, что здесь не может раздаваться правдивая речь, что здесь на каждом откровенном слове зажимают рот подсудимому. Теперь я могу, я имею полное право сказать, что это не суд, а простая комедия, или нечто худшее, более отвратительное, позорное, более позорное... (При словах „пустая комедия" Петерс закричал: „Уведите его!" Жандармский офицер бросился на Мышкина, но подсудимый Рабинович, загородив собою дорогу, не пускал офицера; последний после нескольких усилий оттолкнул Рабиновича и другого подсудимого Стопане, старавшегося также остановить его, и, обхвативши одною рукою самого Мышкина, чтобы вывести его, другою стал зажимать ему рот. Последнее однакож не удалось: Мышкин продолжал все громче и громче начатую им фразу).

Мышкин: ...более позорное, чем дом терпимости: там женщина из-за нужды торгует своим телом, а здесь сенаторы из подлости, из холопства, из-за чинов и крупных окладов торгуют всем, что есть наиболее дорогое для человечества.

(Когда Мышкин говорил это, на помощь офицеру бросилось еще несколько жандармов, и завязалась борьба. Жандармы смяли Рабиновича, преграждавшего им дорогу, схватили Мышкина и вытащили его из залы.

Подсудимый Стопане приблизился к решетке, отделяющей его от судей, и громко закричал: „Это не суд! Мерзавцы! Я вас презираю, негодяи, холопы!"—Жандарм схватил его за грудь, потом толкнул в шею, другие подхватили и потащили. То же последовало и с Рабиновичем. Эта сцена безобразного насилия вызвала громкие крики негодования со стороны подсудимых и публики. Публика инстинктивно вскочила со своих мест. Страшный шум заглушил конец фразы Мышкина).

(См. Б. Базилевский (Богучарский)—„Государственные преступления в России в XIX в.". Том III).

ИЗДЕВАТЕЛЬСТВО НАД ПОЛИТИЧЕСКИМИ.

И вот, утром, в один из летних дней 1877 года (в июне или июле), когда многие из нас, а в том числе и я, сидели на подоконниках, а в загоны была введена партия товарищей, в которой был и Боголюбов [1], вошел во двор в сопровождении Курнеева и надзирателей—сам Трепов, в сером генеральском пальто на опашку...

Когда генерал вместе с Курнеевым проходили мимо гуляющих, все, а в том числе и Боголюбов, поклонились ему, приподняв шляпы. Трепов прошел дальше по двору. Курнеев на ходу что-то докладывал ему. Надо полагать, об'яснял ему—кто был в числе гуляющих, и, конечно, об'яснил ему при этом, что поодаль от остальных стоявший Боголюбов уже осужден и приговорен к каторге... Генерал, как только выслушал то, что докладывал ему Курнеев, быстро повернулся и прямо направился к Боголюбову.

— Ты как смеешь стоять предо мною в шапке!—крикнул во весь голос Трепов, и не успел Боголюбов опомниться от совершенно неожиданного наскока, как Трепов с криком „шапку долой!" размахнулся правой рукой с целью сбить с Боголюбова шапку. Ударил ли он Боголюбова по голове, или Боголюбов, инстинктивно увертываясь от удара, взмахнул головой в сторону, но во всяком разе шапка с головы Боголюбова слетела.

Сидевшие в это время на окнах товарищи видели эту сцену, слышали крики Трепова, многим показалось, что Трепов ударил, и все, как по электрическому току, крикнули в один раз: „Палач! мерзавец Трепов! вон, подлец!". Все, сидевшие спокойно в камерах, услыхав неистовый крик товарищей, бросились к окнам и, узнав, в чем дело, присоединились к бунту. Крик сотен голосов, стук в железные наружные подоконники,—шум был невообразимый.

Трепов стоял во дворе и бессильно метал злобные взгляды на все шесть этажей Предварилки. И когда шум несколько стих, Трепов крикнул Курнееву, указывая на Боголюбова: „Увести его и выпороть". Боголюбова подхватили два надзирателя и увели его...

В Предварилке поднялся сущий ад. Около трехсот сидевших в одиночных камерах подняли стук в подоконники и в двери камер...

[1] Студент Боголюбов был совершенно безосновательно привлечен по делу демонстрации на Казанской площади 1876 г. и осужден на каторгу.

Минут через двадцать-тридцать явился вновь во двор Курнсев и нагло сообщил сидевшим во 2-ой галлерее, что Боголюбова выпороли. Ему, действительно, дали 13 ударов розгами.

После этого известия поднялся новый взрыв неистовств. Кричали, били оловянной посудой в железные подоконники, били рамами двери, ломали, у кого хватало сил, все, что только могло быть исковеркано и изломано в камерах.

Тогда Трепов выслал на заключенных в одиночных камерах отряд городовых.

Свора городовых врывалась в камеру, и начиналось битье и топтанье ногами заключенного. Избитого выволакивали из камеры и тащили в карцер...

По делу о треповской истории было назначено следствие, которое и было поручено следователю по особо важным делам Кириму. Впрочем, следствие это было прекращено, а дело засунуто под сукно, и, если бы не Вера Засулич, то никогда бы треповская история не выползла на суд общественный...

(С. Синегуб—„Воспоминания чайковца").

ВЫСТРЕЛ ВЕРЫ ЗАСУЛИЧ [1].

— Градоначальник принимает?

— Принимает: сейчас выйдет!—Кто-то точно нарочно для меня переспрашивает: „Сам принимает?"—Ответ утвердительный...

Ад'ютант повел нас в следующую комнату, меня первую, и поставил с краю, а в это же время из других дверей вышел Трепов с целой свитой военных, и все направились ко мне.

На мгновение это смутило и встревожило меня. Обдумывая все подробности, я нашла неудобным стрелять в момент подачи прошения: и он и свита на меня смотрят, рука занята бумагой и пр., и решила сделать это раньше, когда Трепов остановится, не доходя до меня, против соседа.

И вдруг нет соседа до меня,—я оказалась первой...

— О чем прошение?

— О выдаче свидетельства о поведении.

Черкнул что-то карандашом и обратился к соседке.

Револьвер уже в руке, нажала собачку... Осечка.

Екнуло сердце, опять нажала, выстрел, крик...

„Теперь должны броситься бить",—значилось в моей столько раз пережитой картине будущего.

Но произошла пауза. Она, вероятно, длилась несколько секунд, но я ее почувствовала.

---

[1] Вера Засулич стреляла в петербургского градоначальника Трепова — 24 января 1878 г., на другой день после приговора по делу 193. Под давлением общественного мнения В. Засулич была оправдана. Выстрел Засулич послужил сигналом к началу систематического революционного террора, и в этом его историческое значение.

Револьвер я бросила—это тоже было решено заранее, иначе, в свалке, он мог сам собой выстрелить. Стояла и ждала...

Вдруг все задвигались: просители разбегались, чины полиции бросились ко мне, схватили с двух сторон...

Передо мной очутилось существо (Курнеев, как я потом узнала): глаза совершенно круглые, из широко раскрытого рта раздается не крик, а рычанье, и две огромные руки со скрюченными пальцами направляются мне прямо в глаза. Я их зажмурила из всех сил, и он ободрал мне только щеку. Посыпались удары,—меня повалили и продолжали бить...

— Вы убьете ее?

— Уже убили, кажется.

— Так нельзя: оставьте, оставьте—нужно же произвести следствие!

Около меня началась борьба: кого-то отталкивали,—должно быть, Курнеева. Мне помогли встать и усадили на стул...

— Придется вас обыскать,—обратился ко мне господин каким-то нерешительным тоном, несмотря на полицейский мундир,—какой-то он был неподходящий к этому месту и времени: руки дрожат, голос тихий и ничего враждебного...

— За что вы его?—спросил он как-то робко.

— За Боголюбова.

— Ага!—в тоне слышалось, что именно этого он и ожидал.

Между тем весть, очевидно, уже распространилась в высоких сферах. Комната начала наполняться: одни за другими прибывали особы военные и штатские и с более или менее грозным видом направлялись в мою сторону. В глубине комнаты появились солдаты, городовые... Распоряжался какой-то размашистый офицер. Он подозвал двух солдат, со штыками на ружьях, поставил их за моей спиной и велел держать за руки... Уходя, предостерег солдат: „Вы берегитесь, а то ведь она и ножом пырнуть может!“

На несколько минут нас оставили в стороне, и солдаты начали перешептываться:

— Ведь скажет тоже: связана девка, два солдата держут, а он: „берегись,—пырнет!“

— И где это ты стрелять выучилась?...

В этом „ты“ не было ничего враждебного, так,—по-мужицки.

— Уж выучилась! Не велика наука,—ответила я так же тихо.

— Училась, да не доучилась,—сказал другой солдат,—плохо попала-то!

— Не скажи,—горячо возразил первый,—слыхать, очень хорошо попала—будет ли жив!....

(В. И. Засулич—„Воспоминания“).

ОБЩЕСТВО „ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ“ [1].

(1877—1879).

Земля и Воля!—Вот тот девиз, который написали на своем знамени верные духу и истории своего народа наши предшественники, социалисты-народники 70-х годов.

Те же слова пишем на нашем знамени и мы...

Революции—дело народных масс. Подготовляет их история. Революционеры ничего поправить не в силах. Они могут быть только орудиями истории, выразителями народных стремлений. Роль их заключается только в том, чтобы, организуя народ во имя его стремлений и требований и поднимая его на борьбу с целью их осуществления, содействовать ускорению того революционного процесса, который по непреложным законам истории совершается в данный период. Вне этой роли они—ничто: в пределах ее они—один из могущественных факторов истории.

Поэтому основанием всякой истинно-революционной программы должны быть народные идеалы, как их создала история в данное время и в данной местности.

Во все времена, где бы и в каких бы размерах ни поднимался русский народ, он требовал Земли и Воли.

Земли—как общего достояния тех, кто на ней работает, и Воли—как общего права всех людей самим распоряжаться своими делами.

Отнятие земель у помещиков и бояр, изгнание, а иногда поголовное истребление всего начальства, всех представителей государства и учреждение „казачьих кругов“, т.-е. вольных, автономных общин с выборными, ответственными и всегда сменяемыми исполнителями народной воли,—такова была всегда неизменная „программа“ народных революционеров-социалистов: Пугачева, Разина и их сподвижников. Такова же, без сомнения, остается она и теперь для громадного большинства русского народа.

Поэтому ее принимаем и мы, революционеры-народники.

Этой программой мы выдвигаем на первый план вопрос аграрный. Вопрос же фабричный мы оставляем в тени, и не потому, чтобы не считали экспроприацию фабрик необходимою, а потому, что история, поставившая на первый план в Западной Европе вопрос фабричный, у нас его не выдвинула вовсе, заменив его вопросом аграрным. А между тем, революционное движение, поднявшееся во имя земли, на другой же день роковым образом само придет к сознанию необходимости экспроприации фабрик и полного уничтожения всякого капиталистического производства, потому что, сохранив его, оно само вырыло бы себе могилу...

---

[1] Общество „Земля и Воля“ возникло в конце 1876 г., когда в П-бург съехались представители отдельных революционных групп и кружков из Москвы и провинции и постановили организоваться в партию; название „Земля и Воля“ заимствовано от тайного кружка, основанного в П-бурге Н. Серно-Соловьевичем в 1862 г. и разгромленного в 1863 г.

Организация общества „Земля и Воля".

Общество „Земля и Воля", в виду предстоящей ему разнообразной деятельности, разделилось на следующие группы:

А) Администрация („центр").—Она, как название ее показывает, ведала все дела общества. Местопребыванием администрации должна была быть обязательно столица (Петербург). Состав ее меняется, и члены выбираются по большинству голосов...

Б) Интеллигентная группа.—Пропаганда, агитация и организация в среде молодежи.

В) Рабочая группа.—То же в среде рабочих.

Г) Деревенщина.—Самая многочисленная группа, поприщем деятельности которой была провинция вообще.

Д) Дезорганизаторская группа.—Дезорганизаторская деятельность, в широком смысле этого слова, имела целью рядом разнообразных действий и положений ослабить правительственный механизм, внося в него элементы вражды и разложения... 1) Освобождение из-под ареста товарищей. 2) Защита от правительственного произвола... 3) Самозащита. Случаи измены уже были в то время... Поэтому общество возложило на дезорганизаторов обязанность, в случае несомненно доказанной измены того или другого лица, „из'ять это последнее из обращения", т.-е. убить...

(Из программной статьи газеты „Земля и Воля". См. Г. А. Куклин—„Итоги революц. движения в России за сорок лет").

ИДЕЙНЫЙ РАСКОЛ „ЗЕМЛИ И ВОЛИ".

Начавшийся спор становился все горячее и шумнее. И неудивительно, так как скоро стало очевидно, что из пяти присутствующих революционеров-социалистов каждый был в чем-нибудь несогласен со всеми остальными, и ни один не был склонен к уступкам...

Стоя спиной к потухшему камину и опираясь на него своей сильной правой рукой, Зацепин твердо отстаивал свою позицию. Он должен был защищаться против всех остальных, старавшихся внушить ему ту мысль, что вера в один террор слишком узка для социалиста.

— Ну, так я вам об'являю,—кричал он громовым голосом,—что я не социалист.

Он делал ударение на каждом слове, чтобы придать им больше силы.

— Именно!—воскликнул торжествующим фальцетом Острогорский.—Следовательно, вы—буржуа, сторонник угнетения рабочего класса капиталистами...

Он отвернулся от своего противника и начал ходить взад и вперед, напевая сквозь зубы какую-то арию, чтобы показать бесполезность дальнейшего разговора.

— Нет, я не буржуа!—выкрикивал ему вслед нимало не смущенный Зацепин.—Социализм—не для нашего времени, вот что я говорю.

Мы должны бороться с деспотизмом и завоевать политическую свободу для России. Вот и все. А о социализме я забочусь, как о выеденном яйце.

— Извините, Зацепин,—вмешался Андрей,—но это нелепо. Вся наша нравственная сила заключается в том, что мы социалисты. Отбросьте социализм, и наша сила пропадет.

— А какое будете вы иметь право звать рабочих присоединяться к вам, если вы не социалисты?—вскричала, вскакивая с места, Вулич.

— Толкуйте!—протянул Зацепин, презрительно махнув рукой.— Все это метафизика.

Метафизикой он называл все то, что не заслуживало, по его мнению, ни минуты внимания.

— Наша ближайшая задача,—продолжал он, покрывая своим громким голосом все остальные голоса,—побороть политический деспотизм, это необходимо для всех. Кто любит Россию, тот должен присоединиться к нам, а кто не присоединяется, тот изменник народному делу!

При этом он посмотрел в упор на Острогорского, чтобы не было никакого сомнения, к кому относились его слова.

— Что выиграет народ от буржуазной конституции, за которую вы боретесь?—взвизгнул маленький человечек, набрасываясь на своего крупного противника с видом петуха, наскакивающего на гончую собаку.— Вы забываете народ, потому что вы сами буржуа. Да, вот вы что такое...

На конспиративной квартире он застал Лену, которая исполняла там свое дежурство.

— Получились вести из Дубравника, касающиеся вас,—сказала она.

Она вынула из ящика письмо Зины, еще влажное от химического реактива.

— Вот, а тут ваше имя,—сказала она, указывая на группу цифр на последней странице.

Андрей прочитал следующее: „Дело мое осложняется, и Андрей хорошо сделает, если приедет“.

Ничего более подходящего нельзя было придумать, и Андрей тотчас же решил принять это приглашение.

— Что вы на это скажете?—спросила Лена сдержанно.—Поедете?

— Конечно!—ответил Андрей.

— Я так и думала,—сказала девушка, нахмурившись.

Андрей знал, что Лена не одобряет его решения, и знал—почему.

— Я должен ехать,—сказал он, как бы извиняясь.—Хотя Зина и не настаивает, но я знаю, что она не стала бы звать меня, если бы не серьезная необходимость.

— И вы бросите пропаганду между рабочими, когда она у вас так хорошо шла, и все остальное?—сердито продолжала Лена, не слушая его.—Всегда так случается с нашими революционерами из привилегированных. Они ждут первого предлога, чтобы броситься в террористическое предприятие.

Лена была „народница“ по убеждениям или, точнее, чистая „пропагандистка“. Социалистическая пропаганда между крестьянами и рабочими была, по ее мнению, единственной формой деятельности, на которой революционеры должны сосредоточить свою энергию. Не следовало обращать внимания на преследования правительства, которые только отвлекают от социализма в сторону политической борьбы.

Она очень ценила Андрея, как одного из лучших пропагандистов, и сердилась за то, что он оставляет свою работу, быть может, навсегда. Ничего нет легче, как сломать себе шею в таком деле, какое затевалось в Дубравнике. Она горячо напала на него, упрекая в непоследовательности.

Андрей добродушно протестовал.

— Я охотно продолжал бы свою работу здесь,—говорил он,—но с нашей стороны было бы постыдно не попытаться освободить товарищей.

— Нет ничего постыдного для партии, если она применяет свои силы наиболее производительно для дела,—возразила Лена.

— Так, по-вашему, Борис и его товарищи настолько безполезны для дела, что их не стоит освобождать?—резко спросил Андрей.

— Они не хуже лучшего из членов нашей партии,—возразила Лена,—но нам все время придется слоняться около тюрем, если мы вздумаем освобождать всех, кто этого заслуживает.

— Самое лучшее, значит, оставить их гнить в тюрьме, не правда ли?—иронически заметил Андрей.

— Остающиеся в живых не имеют права рисковать собою, чтобы откапывать мертвецов. У них—более важное дело на руках,—ответила Лена, нисколько не смутившись.

— Так что вы посоветовали бы рудокопам, когда их товарищи засыпаны обрушившейся шахтой, продолжать свою работу и не освобождать погребенных, потому что оно связано с риском? — подсказал Андрей.

— Оставьте, ради бога, рудокопов в покое, потому что они ничего не доказывают!—воскликнула Лена.—Сравнение—не аргумент. Мы не верим в наше дело, в этом вся суть. Если бы мы верили в него, у нас хватило бы выдержки не отвлекаться в сторону.

— Нет, покорно благодарю,—презрительно усмехнулся Андрей,—не завидую такой телячьей выдержке и не претендую на нее...

Прежде чем оставить Петербург, Андрей привел в порядок все свои дела, передав свой рабочий кружок опытному товарищу. Все уладилось так быстро, что через два дня он уже ехал в Дубравник...

...Заключенных предполагалось снабдить короткими револьверами, которые надзиратель взялся им передать. Но, так как перед самым выходом из тюрьмы арестантов тщательно обыскивают, то надзиратель предложил положить револьверы в карманы их шинелей, которые он сам должен был накинуть им на плечи после того, как все формальности будут выполнены.

Все зависело от того, удалась ли эта хитрость. Арестованные, проходя мимо первого подчаска, должны были дать знать, вооружены ли они, или нет. Это решало, состоится ли сегодня нападение.

Ватажко, раньше того изображавший праздношатающегося, разглядывающего картинки в окне какой-то лавки, совсем забыл свою роль. Расставив ноги, он стоял посреди переулка и с затаенным дыханием следил за движениями Василия. Когда желанный сигнал был подан, он бросился сообщить добрую весть Андрею...

„Вот они, вот!“ сказал про себя Андрей. „Что бы ни случилось, сегодняшний день не пройдет даром“.

Своими дальнозоркими глазами он вскоре мог различить трех арестованных и заметил, что Борис был в короткой куртке, без шинели. Он, по всей вероятности, не был вооружен. Было очень досадно. Но Левшин и Клейн были одеты как следует,—значит вооружены. Пожалуй, этого хватит на всех. Очевидно, сами они так думали, иначе не дали бы сигнала, что у них есть оружие.

На левой стороне улицы Андрей увидел экипаж, с Висплием на козлах. Видна была только его широкая, сутуловатая спина в синем кучерском кафтане и глянцевитая шляпа. Он имел вид усталого извозчика, лениво поджидавшего седока.

Ни одного настоящего извозчика не было видно на протяжении улицы. На обязанности часовых, освободившихся теперь со своих постов, было не давать останавливаться извозчикам, чтобы жандармы не могли ими воспользоваться для погони. Их нанимали и уезжали подальше, а затем все отправлялись на бульвар, к Зине, за дальнейшими приказаниями.

Андрей и его товарищи медленно сближались друг с другом, при чем Андрей ехал шагом. На улице было почти пусто; только там и сям виднелись редкие прохожие...

Нападение должно было произойти саженях в десяти позади экипажа, чтобы оставить Василию открытый путь. В момент, когда конвоируемые выстрелят в первый раз по конвою, Андрей должен оказаться в тылу и напасть на жандармов во время их схватки с арестантами...

Дело началось. Повернув лошадь, Андрей вынул револьвер и выжидал, держа палец на собачке. Сквозь рассеявшийся дым он увидел, как жандарм, который не был ранен, бросился на своего противника и схватил его за горло. В следующую же секунду револьвер Андрея задымился у него в руке, и жандарм грохнулся на-земь. Последовало неописуемое смятение.

Возгласы жандармов, крики прохожих и вопли женщин, разбегавшихся в разные стороны, стук торопливо закрываемых окон смешались со звуками быстрых, раздававшихся наудачу, выстрелов...

Он оглянулся, и проклятие вырвалось из его груди. Привлеченные шумом, два полицейских бежали по улице. Третий только что выскочил откуда-то по соседству.

Борис погиб!

Но они еще далеко; можно сделать еще одну попытку. С яростью и отчаянием в душе, со стиснутыми зубами Андрей бросился на жан-

дармов в безумной надежде убить всех троих до прибытия полиции. Но он слишком торопился. Он стрелял почти не целясь... Ни один из выстрелов не попал в цель, между тем как один из жандармов слегка ранил его в ногу. В бешенстве он бросил пустой револьвер на землю и взялся за другой, который имел про запас.

— Беги! Они тебя поймают!—раздался сквозь дым голос Бориса...

Два полицейских направились к Андрею. Один из них успел схватить его за полу кафтана с тем, чтобы стащить с лошади. Андрей повернулся в седле и так ударил его тяжелым револьвером по голове, что тот так и покатился. Но надежды больше не оставалось; битва была проиграна. Он пришпорил свою лошадь, подобрав поводья, чтобы нельзя было за них ухватиться, и быстро ускакал. Несколько пуль в догонку прожужжали мимо его ушей. Он слышал за собою неистовые крики жандармов...

(С. Степняк-Кравчинский—„Андрей Кожухов").

КАЗНЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРА.

Ах, ты, поле мое, поле чистое,
Ты раздолье мое молодецкое!
Всем ты, поле мое, разукрашено,
Лишь одним поле опозорено:
На том поле погост,
На погосте помост,
Гладко тесанный, кровью крашенный.
Впереди стоит поп, позади—черный гроб
Для мятежника, для колодника.
Где ж мятежник? А вот!
Он на плаху идет
Гордой поступью—молодецкою...
Он поклон отдает на все стороны:
„Ты прости, мой народ, не сумел послужить!
Не помог я тебе в твоей лютой беде,
И за то отдаю тебе жизнь я свою...
Так казните ж меня!"...
Тут на плаху он лег,
Опустился топор, и погиб молодец,
И пролил тот топор кровь горячую
Кровь горячую, неповинную...
И палач кудри взял
И толпе показал
Ту головушку, уж отрубленную.
Вдруг в толпе прошептал:
„Валерьян, Валерьян!" [1]
Кто-то плачущий, умирающий.

[1] Валериан Осинский—организатор южного Исполнительного Комитета группы террористов. Казнен 10 мая 1879 г.

РАСПАД „ЗЕМЛИ И ВОЛИ".

(Липецкий и Воронежский с'езды).

После выстрела Соловьева [1], Плеханов и Попов заговорили о необходимости созвать общий с'езд членов общества, чтобы на нем решить тяжбу между новым и старым направлением: намерено ли общество держаться прежней программы, или желает ввести изменения в духе защитников политической борьбы? В результате—которой-нибудь из сторон пришлось бы подчиниться решению большинства или выйти из состава общества...

Настроение провинции было мало известно в Петербурге. Попов считал его благоприятным для своих взглядов, и это внушало тревогу тем, кто был за новое. Чтобы не быть захваченными врасплох, надо было принять меры и обеспечить себе возможность продолжать политическую борьбу даже в случае разрыва с прежними товарищами. Тогда-то и возникла группа, послужившая потом главным ядром будущего „Исполнительного Комитета партии Народной Воли": Александр Квятковский, Александр Михайлов, Морозов, Ашанина, Тихомиров и Баранников организовались внутри о-ва „Земля и Воля" в обособленную группу, о которой остальные члены не знали, и стали втайне подбирать себе сторонников. Таких в Петербурге было не мало...

Программа кружка носила характер политический, она признавала необходимость политического террора и девизом взяла громкий клич: „Победа или смерть".

Уже Осинский в Киеве, вместе с несколькими местными террористами, употреблял термин „Исполнительный Комитет" в прокламациях, которые они издавали по поводу террористических актов, совершаемых ими по их инициативе, на собственный риск и страх. По примеру Осинского его единомышленники в Петербурге стали ставить ту же подпись в „Листке Земли и Воли", который издавался под редакцией Морозова, как, приложение к партийному органу, носившему название „Земли и Воли". Листок, при постоянной оппозиции Плеханова, носил агитационный характер... Благодаря киевским прокламациям и публикациям листка, название Исполнительного Комитета уже имело известное распространение, и группа Квятковского, образовавшаяся в недрах „Земли и Воли", решила воспользоваться им и принять это уже популярное наименование...

Когда вопрос о с'езде членов „Земли и Воли" был решен, то приготовившиеся к битве члены Исполнительного Комитета решили предварить его, собрав своих единомышленников на тайное сепаратное совещание с участием выдающихся революционеров юга, не входивших в состав „Земли и Воли". Это были: Колодкевич из Киева, Желябов из Одессы и Фроленко...

---

[1] А. Соловьев 2 апр. 1879 г. стрелял неудачно в Александра II, в Петербурге.

Местом с'езда землевольцев был выбран Воронеж, а временем— 24 июня; несколькими днями раньше в маленьком курортном городке Липецке, из которого быстро можно было переехать в Воронеж, решили собраться все те, кто стоял за новое направление...

Быстро покончив дела, члены, входившие в „Землю и Волю", отправились в Воронеж...

Теоретические разногласия, личное раздражение и взаимное недоверие, опасения с обеих сторон, как бы противники не взяли верх, скрытое существование в недрах одного тайного общества другого, вдвойне тайного, общая настороженность в виду угрожающего конфликта—вот напряженная атмосфера, в которой собрался этот революционный с'езд, первый как по времени, так и по общероссийскому характеру своего состава.

Но, как только с'езд открылся, стало очевидно, что взаимные отношения горожан и землевольцев деревни далеко не так обострены, как можно было ожидать, судя по бурным стычкам в Петербурге...

Вместо резкой критики и нападений обнаруживался дух миролюбия и терпимости... Тяжело было расколоть организацию, разойтись с товарищами в разные стороны: всем хотелось сохранить единство, все боялись потери сил от разделения... После взаимных об'яснений и дебатов, программа „Земли и Воли", так же как и устав общества, были оставлены без изменения. Деятельность в народе было решено продолжать, но включить в нее аграрный террор; на-ряду с этим постановлено продолжать и террористическую борьбу в городе, включая в нее и цареубийство...

В общем с'езд прошел бледно; он не был решающей битвой, как этого ждали петербургские члены.

Воронежский с'езд не устранил, а только затушевал разногласия... Общее настроение было за раздел. Вопрос о судьбе „Земли и Воли" был поставлен, наконец, ребром и решен утвердительно. Для выработки условий с обеих сторон были выбраны представители...

Сторонники старого направления, сосредоточившие свое внимание на аграрном вопросе и экономических интересах крестьянства, приняли название: „Черный Передел", а мы, стремившиеся в первую очередь к ниспровержению самодержавия и замене воли одного—волей народа, взяли название: „Народная Воля".

Так, по выражению Морозова, мы разделили и самое название прежней организации. Чернопередельцы взяли „Землю", а мы—„Волю", и каждая фракция пошла своей дорогой...

(Вера Фигнер—„Запечатленный труд").

ПРОГРАММА ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА „НАРОДНОЙ ВОЛИ“ (1879 г.).

А.

По основным своим убеждениями мы—социалисты и народники. Мы убеждены, что только на социалистических началах человечество может воплотить в своей жизни свободу, равенство, братство, обеспечить общее материальное благосостояние и полное всестороннее развитие личности, а, стало быть, и прогресс. Мы убеждены, что только **народная воля** может санкционировать общественные формы, что развитие народа прочно только тогда, когда оно идет самостоятельно и свободно, когда каждая идея, имеющая воплотиться в жизнь, **проходит предварительно через сознание и волю народа**. Народное благо и народная воля—два наши священнейшие и неразрывно связанные принципа.

Б.

1) Вглядываясь в обстановку, среди которой приходится жить и действовать народу, мы видим, что народ находится в состоянии полного рабства экономического и политического. Как рабочий, он трудится исключительно для прокормления и содержания паразитных слоев; как гражданин, он лишен всяких прав; вся русская действительность не только не соответствует его воле, но он даже не смеет ее высказывать и формулировать, он не имеет возможности даже думать о том, что для него хорошо и что дурно, и самая мысль о какой-то воле народа считается преступлением против существующего порядка. Спутанный со всех сторон, народ доводится до физического вырождения, до отупелости, забитости, нищенства—до рабства во всех отношениях.

2) Над закованным в цепи народом мы замечаем облегающие его слои эксплоататоров, создаваемых и защищаемых государством. Мы замечаем, что это государство составляет крупнейшую в стране капиталистическую силу, что оно же составляет единственного политического притеснителя народа, что благодаря ему только могут существовать мелкие хищники. Мы видим, что этот государственный буржуазный нарост держится исключительно голым насилием: своей военной, полицейской и чиновничьей организацией...

3) В самом народе мы видим еще живыми, хотя всячески подавляемыми, его старые традиционные принципы: право народа на землю, общинное и местное самоуправление, зачатки федеративного устройства, свободу совести и слова. Эти принципы получили бы широкое развитие и дали бы совершенно новое направление, в народном духе, всей нашей истории, если бы только народ получил возможность жить и устраиваться так, как хочет...

В.

1) Поэтому мы полагаем, что, как социалисты и народники, мы должны поставить своей ближайшей задачей—снять с народа подавляющий

его гнет современного государства, произвести политический переворот с целью передачи власти народу...

2) Мы полагаем, что народная воля была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительным Собранием, избранным свободно, всеобщей подачей голосов, при инструкциях из избирателей. Это, конечно, не идеальная форма проявления народной воли, но единственно в настоящее время возможная на практике, и мы считаем нужным остановиться именно на ней...

Г.

Подчиняясь вполне народной воле, мы, тем не менее, как партия, сочтем долгом явиться перед народом со своей программой. Ее мы будем пропагандировать до переворота, ее мы будем рекомендовать во время избирательной агитации, ее мы будем защищать в Учредительном Собрании. Эта программа следующая:

1) постоянное народное представительство, составленное, как выше сказано, и имеющее полную власть во всех общегосударственных вопросах;

2) широкое областное самоуправление, обеспеченное выборностью всех должностей, самостоятельностью мира и экономической независимостью народа;

3) самостоятельность мира, как экономической и административной единицы;

4) принадлежность земли народу;

5) система мер, имеющих передать в руки рабочих все заводы и фабрики;

6) полная свобода совести, слова, печати, сходок, ассоциаций и избирательной агитации;

7) всеобщее избирательное право, без всяких сословных и имущественных ограничений;

8) замена постоянной армии территориальной...

Д.

В виду изложенных целей, деятельность партии располагается в следующих отделах:

1) Деятельность пропагаторская и агитационная.

Пропаганда имеет своей целью популяризировать во всех слоях населения идею демократического переворота, как средства социальной реформы, а также популяризацию собственной программы партии...

Агитация должна стремиться к тому, чтобы со стороны народа и общества заявлялись в наивозможно широких размерах протест против существующего порядка и требование... созыва Учредительного Собрания.

2) Деятельность разрушительная и террористическая.

Террористическая деятельность, состоящая в уничтожении наиболее вредных лиц правительства, в защите партии от шпионства, в наказании наиболее выдающихся случаев насилия и произвола со стороны правительства, администрации и т. п.—имеет целью подорвать обаяние пра-

вительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства, поднимать, таким образом, революционный дух народа и веру в успех дела и, наконец, формировать годные и привычные к бою силы.

3) Организация тайных обществ и сплочение их вокруг одного центра.

Организация мелких тайных обществ со всевозможными революционными целями необходима как для исполнения многочисленных функций партии, так и для политической выработки ее членов. Но эти мелкие организации... необходимо должны группироваться вокруг одного общего центра на началах полного слияния или федерального союза.

4) Приобретение влиятельного положения и связей в администрации, войске, обществе и народе.

Для успешного исполнения всех функций партии в высшей степени важно прочное положение в различных слоях общества...

5) Организация и совершение переворота.

В виду придавленности народа, в виду того, что правительство частыми усмирениями может очень надолго сдерживать общее революционное движение, партия должна взять на себя почин самого переворота, а не дожидаться того момента, когда народ будет в состоянии обойтись без нее[1]...

6) Избирательная агитация при созвании Учредительного Собрания...

(См. Г. А. Куклин,—Итоги революционного движения в России за сорок лет).

ПОХОРОННЫЙ МАРШ.

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу,
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу!
Порой изнывали вы в тюрьмах сырых;
Свой суд беспощадный над вами
Враги-палачи изрекли, и на казнь
Пошли вы, гремя кандалами.
А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая,
Но грозные буквы давно на стене
Чертит уж рука роковая!

---

[1] „С этой точки зрения, главнейшими задачами нашей подготовительной работы являются следующие:

1) Создание центральной боевой организации, способной начать восстание; 2) создание провинциальной революционной организации, способной поддержать восстание; 3) обеспечить восстанию поддержку городских рабочих; 4) подготовить возможность привлечения на свою сторону войска или парализования его деятельности; 5) заручиться сочувствием и содействием интеллигенции—главного источника сил при подготовительной работе; 6) склонить на свою сторону общественное мнение Европы".

(Из ст. „Подготовительная работа партии". См. Г. А. Куклин).

Настанет пора—и проснется народ,
Великий, могучий, свободный!
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Ваш доблестный путь, благородный! [1])

К РУССКИМ РАБОЧИМ!

Программа „Северного Союза Русских Рабочих".

Сознавая крайне вредную сторону политического и экономического гнета, обрушивающегося на наши головы со всею силою своего неумолимого каприза, сознавая всю невыносимую тяжесть нашего социального положения, лишающего нас всякой возможности и надежды на сколько-нибудь сносное существование, сознавая, наконец, более невозможным сносить этот порядок вещей, грозящий нам полнейшим материальным лишением и парализацией духовных сил, мы, рабочие Петербурга, на общем собрании от 23 и 30 декабря 1878 г., пришли к мысли об организации обще-русского союза рабочих, который, сплачивая разрозненные силы городского и сельского рабочего населения и выясняя ему его собственные интересы, цели и стремления,—служил бы ему достаточным оплотом в борьбе с социальным бесправием и давал бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успешного ведения борьбы.

Организация Северного Союза Русских Рабочих должна иметь строго определенный характер и преследовать именно те цели, какие поставлены в ее программе.

В члены этого Союза избираются исключительно только рабочие и через лиц более или менее известных, числом не менее двух.

Всякий рабочий, желающий сделаться членом Союза, обязан предварительно ознакомиться с нижеследующей программой и с сущностью социального учения...

Северный Союз Русских Рабочих, тесно примыкая по своим задачам к социально-демократической партии Запада, ставит своей программой:

1) Ниспровержение существующего политического и экономического строя государства, как строя, крайне несправедливого.

2) Учреждение свободной народной федерации общин, основанных на полной политической равноправности и с полным внутренним самоуправлением на началах русского обычного права.

3) Уничтожение поземельной собственности и замену ее общинным землевладением.

4) Правильную ассоциационную организацию труда, предоставляющую в руки рабочих-производителей продукты и орудия производства.

Так как политическая свобода обеспечивает за каждым человеком самостоятельность его убеждений и действий, и так как ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственными требованиями Союза должны быть:

---

[1] Этот похоронный марш революционеров сложился в 70-х г. г. прошлого столетия, во время многочисленных тюремных смертей и казней членов „Земли и Воли".

1) Свобода слова, печати, право собраний и сходок.

2) Уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям.

3) Уничтожение сословных прав и преимуществ.

4) Обязательное и бесплатное обучение во всех школах и учебных заведениях.

5) Уменьшение количества постоянных войск или полная замена их народным вооружением.

6) Право сельской общины на решение дел, касающихся ее, как-то: размера податей, надела земли и внутреннего самоуправления.

7) Уничтожение паспортной системы и свобода передвижения.

8) Отмена косвенных налогов и установление прямого, сообразно доходу и наследству.

9) Ограничение числа рабочих часов и запрещение детского труда.

10) Учреждение производительных ассоциаций, ссудных касс и дарового кредита рабочим ассоциациям и крестьянским общинам.

Вот в главных чертах та программа, руководиться какою поставило себе задачей общее собрание петербургских рабочих от 23 и 30 декабря.

Путем неутомимой и деятельной пропаганды в среде своих собратьев, Северный Союз надеется достичь тех результатов, которые выдвинет и у нас рабочее сословие, и заставит заговорить о себе, о своих правах; посему на обязанности каждого члена этого Союза лежит священный долг вести посильную агитацию в угнетаемой и отзывчивой на требования справедливости рабочей массе. Услуга эта не останется забытой потомством, и славное имя его, как апостола евангельской истины, занесется в летописи истории.

Рабочие! вас мы зовем теперь, к вашему голосу совести и сознанию обращаемся мы.

Великая социальная борьба уже началась — и нам нечего ждать; наши западные братья уже подняли знамя освобождения миллионов — и нам остается только примкнуть к ним. Рука об руку с ними пойдем мы вперед и в братском единении сольемся в одну грозную боевую силу.

На нас, рабочие, лежит великое дело — дело освобождения себя и своих братьев, на нас лежит обязанность обновления мира, утопающего в роскоши и истощающего наши силы,—и мы должны дать его...

Рабочие! становитесь смело под наше знамя социального переворота, сомкнитесь в дружную братскую семью и, опоясавшись духовным мечом истины, идите проповедывать свое учение по городам и селам!

Ваше будущее лежит в этой спасительной пропаганде, и ваш успех зависит от нравственной силы вашей; с нею мощны вы, с нею вы покорите мир. Знайте, что в вас заключается вся сила и значение страны, вы — плоть и кровь государства, и без вас не существовало бы других классов, сосущих теперь вашу кровь.

Итак, за вами, рабочие, последнее слово, от вас зависит участь великого Союза и успех социальной революции в России!..

(См. Г. А. Куклин—„Итоги революционн. движения в России за сорок лет").

„ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ".

(1879—1881).

(Программа Северного Общества „Земля и Воля").

Вековой разлад свой с государством и высшими классами русский народ выразил в революционной формуле „Земля и Воля".

Эта формула служила девизом массовых народных движений и в сжатом виде выражает все стремления и требования, до которых додумалась самобытная народная мысль, возвышалась народно-революционная инициатива...

Северно-русская организация социалистов-федералистов пишет ее на своем знамени, считая однако своею обязанностью осветить и расширить эту формулу на основании выводов и данных современного социализма.

Поэтому общество „Земля и Воля" об'являет себя солидарным с программою русских социалистов-федералистов, а вследствие этого и с принципами Международной Ассоциации Рабочих...

Общество „Земля и Воля" признает:

а) Так как в настоящее время крестьянство составляет в этой части России коренную силу в экономическом и численном отношениях;

б) Так как, вследствие своих коренных воззрений на труд, как на единственную основу движимой и недвижимой собственности, крестьянство не признает права на землю за теми, кто не обрабатывает ее своими руками;

в) Так как это противоречие между правовыми воззрениями крестьянства и высших классов выражается в повсеместном почти и очень напряженном ожидании земельного передела, т.-е. отобрания земли у высших сословий и передачи ее в руки земледельцев;

г) Так как, вследствие сохранения поземельной общины, как преобладающей формы крестьянского землевладения северо-восточной России, переход земли в руки народа знаменовал бы собою уничтожение частного землевладения и замену его коллективным;

д) Так как, при современном состоянии орудий народной промышленности, артельная организация промыслов является следствием общинных привычек народа, выросших на почве коллективного землевладения;

е) Так как трудящееся население центров крупной промышленности в северо-восточной России не разорвало еще связи с деревней и, кроме того, по своей малочисленности не может даже начать борьбы за свои интересы, помимо союза с крестьянством,—то, на основании всего вышесказанного, возможно скорейшее совершение ожидаемой народом аграрной революции было бы весьма существенно, как переходная ступень для полного переустройства общества на социалистических основаниях.

Необходимым дополнением к революционной деятельности в деревне—общество „Земля и Воля" считает пропагандистическую, агитационную и организаторскую деятельность в среде промышленных рабочих.

Примечание.—Что касается агитации между городскими рабочими, то, в виду отсутствия в этой среде таких общераспростра-

пенных требований, как земельный передел в крестьянстве, — агитация на почве частных поводов недовольства (стачки, вопрос о заработной плате, величине рабочего дня и пр.) приобретает особенно важное значение.

В виду того, что всякая форма государственной организации, основанной на различии классов, является воплощением и поддержкой интересов эксплоатируемого меньшинства, что современное Российское государство является самым беззастенчивым и самым грубым выразителем этой тенденции,—общество „Земля и Воля“ признает необходимость непосредственной борьбы с его представителями, т.-е. необходимость, так называемого, террора политического.

Однако общество „Земля и Воля“ признает, что сосредоточение на этой борьбе не только всех, но даже и главных его сил поставило бы его в противоречие с указанными выше задачами аграрной революции.

В виду возможности конституционного движения в России, общество считает необходимым воспользоваться естественным в такой момент возбуждением умов, чтобы ослабить веру народа в значение мирных легальных реформ.

Например, во время избирательной агитации оно может выставить даже своих кандидатов с социально-революционной программой. Отношение к такой программе громадного парламентского большинства послужило бы одной из иллюстраций того положения, что народу остается надеяться лишь на революцию.

(Памятники агитационной литературы. Том I. Черный Передел).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Конец народовольчества.—Начало социал-демократии (80-ые г.г.).

ВЗРЫВ В ЗИМНЕМ ДВОРЦЕ.

(Степан Халтурин).

Летом 1879 г. кому-то из членов Союза[1] предложено было место столяра в Зимнем дворце. Он сообщил об этом своим ближайшим товарищам.—„Что ж, поступай,—заметил один из них,—кстати уж и царя прикончишь". Это было сказано в шутку. Но шутка произвела на присутствующих глубокое впечатление: они серьезно задумались о цареубийстве. Призвали на совет Халтурина.

Новое покушение на жизнь Александра II, в случае неудачи, наверное причинило бы Союзу новые потери тем более, что самому Халтурину приходилось итти почти на верную смерть. Он знал, какое расстройство внесет его гибель в дела Союза. Но все эти соображения не устояли перед одним: смерть Александра II принесет с собою политическую свободу, а при политической свободе рабочее движение пойдет у нас не попрежнему...

Степан не долго колебался. Доступ во дворец был обеспечен. Оставалось запастись взрывчатыми веществами...

Халтурин, поступивший во дворец с фальшивым паспортом, в котором числился крестьянином Олонецкой губ., старался разыграть роль простака. Он всему удивлялся, обо всем расспрашивал. Неотесанному мужику всякий старался пустить пыль в глаза, и из множества рассказов Халтурин скоро познакомился с жизнью даже верхних этажей дворца... Познакомившись с расположением комнат, Халтурин убедился, что подвал, где живут столяры, а в том числе и он, находится как-раз под царской столовой, а в среднем этаже между подвалом и столовой помещается кордегардия дворцового караула. Обстоятельства, таким образом, складывались благоприятно для замыслов Халтурина...

---

[1] „Северный Союз Русских Рабочих", организованный С. Халтуриным в 1878 г.

Настала середина ноября. Царь выехал из Крыма сухим путем. Одесса, стало быть, осталась в стороне. Затем в Александровске произошла осечка, в Москве промах. Зимний дворец должен был молчаливо принять в свой покои высокого гостя. Но зато с этого момента дворец сосредоточивает на себе все внимание революционеров. Минирование царского жилища естественно должно было быть проведено самым энергичным образом. Однако ж в это именно время произошел арест Квятковского[1] с захватом у него плана Зимнего дворца, в котором царская столовая была помечена крестом. Обстоятельство это подвергло страшному риску все дело, а Халтурина в частности поставило в истинно каторжное положение.

План дворца, захваченный на такой квартире, заставил встрепенуться дворцовую полицию. Начались строгости. Но хуже всего подействовал крест на столовой. Что он означает? Полиция государственная и дворцовая ломала себе голову... В подвале, где жили столяры, поселился жандарм. Полковник, заведывавший дворцовой полицией, ввел систему внезапных обысков, дневных и ночных. Халтурин, который уже успел перенести к себе некоторое количество динамита, в первый раз был страшно встревожен обыском. Ночью, когда уже все спали, двери подвального помещения вдруг отворились. Полковник в сопровождении жандармов быстро входит. Звук шпор, бряцание сабель, наконец приказание полковника встать — разбудили столяров. Халтурин считал себя погибшим... У него лежал под подушкой динамит. Однако, дело обошлось благополучно. Порывшись слегка в вещах рабочих, заглянувши в разные углы, охранители царского жилища с таким же громом, звоном и сверканьем удалились для обыска других помещений...

При таких-то условиях нужно было переносить во дворец динамит и устраивать мину. Желябов, сменивший Квятковского в сношениях Халтурина с Исполнительным Комитетом, лихорадочно торопил дело минирования; но оно все-таки подвигалось черепашьим шагом. Не было никакой возможности проносить динамит иначе, как небольшими кусками, каждый раз изобретая разные хитрости, чтобы избежать осмотра или обмануть бдительность осматривающих. С другой стороны, нельзя было и отлучаться из дворца слишком часто. При всем желании покончить, наконец, с таким мучительным положением, Халтурин мог наполнять свою мину только очень медленно. Впрочем, в сущности это вовсе и не была мина, потому что, при существовавших тогда условиях, Халтурин не мог сделать почти никаких приспособлений для направления силы взрыва. Он сперва держал свой динамит просто под подушкой, испытывая от этого страшные головные боли... Потом, когда динамиту набралось много, Халтурин переместил его в свой сундук, заложивши разными вещами. Таким образом, роль мины играл простой сундук. Затем по совету техников Халтурин придвинул его возможно ближе к углу между двумя капитальными стенами, чтобы иметь наиболее шансов обрушить столовую...

---

[1] Квятковский, член Испол. Ком. Нар. Воли по процессу „шестнадцати", казнен 4 ноября 1880 г.

Халтурина никто не заподозревал. Попрежнему ему поручались работы в царских комнатах. Делалось это, конечно, в отсутствии царя... Между тем, разговоры о социалистах (их так и называли там) шли между полицией и прислугой постоянно: „Вот хотелось бы взглянуть на кого-нибудь из них,—говорит, например, один служитель:—хоть бы встретить на улице что ли!“

— Да ведь как же ты его узнаешь?—возражал Халтурин,—разве на нем написано?

— Не узнаешь? Эх ты, деревня. Его сейчас видно. Он, брат, идет, так сторонись. Того гляди—пырнет. Ничего не боится. Глядит высоко, вид у него отчаянный. Его, брат, сразу признаешь...

А дело уже шло к развязке. Около трех пудов динамита было перенесено в сундук. По расчетам техников этого казалось достаточно для того, чтобы взорвать столовую... Решено было действовать при данном количестве динамита, как только представится случай.

Благоприятный случай этот требовал совпадения двух обстоятельств. Нужно, чтобы царь находился в столовой, а Халтурин в подвале—без всякого надзора... Совпадение этих благоприятных условий происходило однако не так часто, и когда в начале февраля Халтурин должен был „действовать“, то несколько дней испытывал постоянные неудачи. Он в это время каждый день, после времени предполагаемого взрыва, должен был видеться с Желябовым, чтобы сообщить об исходе, так как в случае неудачи ему следовало скрыться при помощи Желябова. Они встречались на площади, в темноте, не всегда здороваясь; Халтурин, мрачный и злой, проходил быстро мимо, произнося нервным шопотом: „нельзя было“... „ничего не вышло“...

Наконец, 5 февраля Халтурин, замечательно спокойный, поздоровался с ним и, словно фразу из самого обычного разговора, произнес: „готово“...

Через секунду страшный грохот подтвердил его слова. Мину взорвало. Огни во дворце потухли. Черная Адмиралтейская площадь стала как будто еще темнее. Но что скрывалось за этой темнотой там — на другом конце площади? Жив ли он, для которого пожертвовано столько жизней? Ни Желябов, ни Халтурин не могли ждать разъяснений... Ко дворцу сходились люди, прибежали пожарные. Что-то выносили оттуда: это были трупы и раненые... Желябов и Халтурин быстро удалились[1]...

(Ю. Стеклов.—„Степан Халтурин“).

---

[1] После взрыва в Зимнем дворце Халтурин уехал на юг России, где около двух лет занимался пропагандой среди рабочих. 18 марта 1882 г. в Одессе им, вместе с рабочим Желваковым, был убит прокурор Стрельников; 22 марта Халтурин и Желваков—были повешены.

ПЕРВОЕ МАРТА 1881 ГОДА.

Мы жили тревожною жизнью в предшествующие дни, наступал третий месяц существования магазина сыров на Малой Садовой в доме Менгден. Хозяева магазина, Богданович и Якимова, с внешней стороны удовлетворяли самым строгим требованиям; рыжая борода лопатой лицо широкое, простонародное, цвета тумпакового самовара, как смеясь говорил о себе Богданович, безыскусственная речь, склонная к шутке, меткая и находчивая, делали Богдановича извне настоящим, рядовым торговцем; а Якимова, с ее демократической наружностью, подстриженной „челкой“ на лбу и говором на „о“, была, как нельзя больше, ему под пару. Но насчет коммерции оба были слабы: соседние торговцы сразу решили, что новопришельцы им не конкуренты. К тому же денег в январе—феврале было мало, и закупка сыров была скудная. Однако, эта скудность на первых порах не бросалась в глаза. Но бочки под сырье стояли пустые: они наполнялись землей из подкопа, проводившегося под улицей, по которой по воскресеньям государь ездил в Михайловский манеж. Неуместность торговцев, как таковых, а может быть слежка за кем-нибудь из тех, кто по ночам работал в подкопе из магазина, но только полиция обратила, наконец, внимание на это заведение. Оно находилось в полуподвальном этаже, и полиция пришла под предлогом санитарного осмотра магазина. Дело висело на волоске: „это что же, сырость?“ спросил пристав, указывая следы влажности подле одной из бочек, наполненных сырой землей.—„Масленица,—сметану пролили“,—ответил Богданович. Загляни пристав в кадку, он увидел бы, какая сметана в ней была. В углу, на полу лежала большая куча вынутой из подкопа земли. Сверху ее прикрывала рогожа и был наброшен половик. Достаточно было приподнять их, чтобы открытие было сделано. Но все миновало, и осмотр как будто бы даже легализировал магазин: ничего подозрительного в нем не найдено. Между тем, тревожные слухи стали разноситься: полиция, в ожидании каких-то событий, зачем-то следит... Нашего хранителя, Клеточникова, который по должности помощника делопроизводителя в III-м отделении мог предупреждать нас об опасностях, мы уже потеряли: он был арестован еще в начале февраля, в квартире Баранникова. И несчастье случилось: 27 февраля, в меблированных комнатах на Невском, был арестован член Исполнительного Комитета Тригони, и у него взят Желябов, которому была назначена одна из самых важных, ответственных ролей в предполагаемом покушении на Садовой. Исполнительный Комитет постановил, что взрыв заложенной мины будет главным ударом... На случай, если взрыв опередит карету государя или опоздает и пропустит ее,—Желябов, вооруженный кинжалом, стоя на улице, должен был покончить дело, независимо от 4-х бомбометальщиков, расположенных, для обеспечения задуманного, на той же улице, в некотором расстоянии от магазина, в тайну которого они не были посвящены.

Итак, один из главарей, энергичный, надежный товарищ и руководитель метальщиков, выпадал из замысла, и самый магазин, благодаря аресту Тригони, каждую ночь посещавшего его для работы в подкопе, подвергнут величайшей опасности.

Среди этих обстоятельств, 28 февраля, на другой день после ареста Тригони и Желябова, мы, члены Исполнительного Комитета, наспех собрались в моей квартире у Вознесенского моста... Была суббота. На утро 1 марта, в воскресенье, государь поедет в манеж: подкоп готов, но магазин в опасности, Желябов арестован, мина в подкопе не заложена, а бомбы не снаряжены. Если не действовать завтра, магазин каждую минуту может быть открыт полицией, и все рухнет. Мину Исаев сейчас же может заложить, но как действовать, не подкрепив ее вспомогательными средствами: кинжалом и бомбами, которые не готовы? Вопрос поставлен, и мы без колебаний, единодушно говорим: „надо действовать. Завтра во что бы то ни стало, завтра действовать".

Мина должна быть заложена, бомбы должны быть готовы к утру и, на-ряду с миной или независимо от нее, должны быть пущены в ход.

Было около трех часов дня субботы.

Эту ночь напролет у нас на квартире горели лампы и пылал камин. Не покладая рук, работали: Суханов, Кибальчич и Грачевский. К 8-ми часам утра все четыре бомбы были готовы; две первые унесла Перовская, ночевавшая у нас, две другие унес Кибальчич. Их унесли на Тележную улицу, на квартиру Геси Гельфман и Н. Саблина, место обычной воскресной встречи метальщиков. Перовская вместе с Желябовым, руководившая ими и раньше, дала точные указания, где должны встать Рысаков, Гриневицкий, Емельянов и Тимофей Михайлов — метальщики.

Царь не поехал по Садовой. Тут Перовская выказала полное самообладание. Быстро сообразив, что путем, по которому государь поедет обратно,—будет набережная Екатерининского канала, она изменила весь план, чтобы действовать уже одними бомбами. Она обошла метальщиков и поставила их на новые места, условившись о сигнале, который она даст. В начале 3-го часа один за другим прогремели два удара, похожие на пушечные выстрелы: бомба Рысакова разбила карету государя, бомба Гриневицкого сокрушила императора: смертельно раненые и царь и метальщик через несколько часов были бездыханны...

(Вера Фигнер. „Софья Перовская". Из воспоминаний).

ЗАЯВЛЕНИЕ А. И. ЖЕЛЯБОВА.

(Посланное из Петропавловской крепости на имя прокурора спб. судебной палаты 2 марта 1881 г.).

Если новый государь, получая скипетр из рук революции, намерен держаться в отношении цареубийц старой системы, если Рысакова намерены казнить, было бы вопиющей несправедливостью сохранять жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физического участия в умерщвлении его лишь по глупой случайности. Меня очень беспокоит опасение, что правительство поставит внешнюю законность выше внутренней справедливости и украсит корону

нового монарха трупом юного героя лишь по недостатку формальных улик против меня, ветерана революции. Я протестую против такого исхода всеми силами души и требую для себя справедливости. Только трусостью правительство могло бы об'яснить одну виселицу, а не две.

В январе и феврале я не раз вел с ним (Рысаковым) разговор о роли царей в судьбах русского народа и, в связи с этим, о необходимости их уничтожения вообще, если русские цари пожелают остаться при старой системе управления.

Андрей Желябов.

ОТ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА.

Сегодня, 1 марта 1881 года, согласно постановлению Исполнительного Комитета от 26 августа 1879 года, приведена в исполнение казнь Александра II двумя агентами Исполнительного Комитета. Имена этих мужественных исполнителей революционного правосудия Исполнительный Комитет пока не считает возможным опубликовать.

Два года усилий и тяжелых жертв увенчались успехом. Отныне вся Россия может убедиться, что настойчивое и упорное ведение борьбы способно сломить даже вековой деспотизм Романовых. Исполнительный Комитет считает необходимым снова напомнить во всеуслышание, что он неоднократно предостерегал ныне умершего тирана, неоднократно увещевал его покончить свое человекоубийственное самоуправство и возвратить России ее естественные права. Всем известно, что тиран не обратил внимания на все предостережения, продолжая прежнюю политику. Он не мог воздержаться даже от казней, таких возмутительно несправедливых, как казнь Квятковского. Репрессалии продолжаются. Исполнительный Комитет, все время не выпуская оружия из рук, постановил привести казнь над деспотом в исполнение во что бы то ни стало. 1 марта это было исполнено. Обращаемся к вновь воцарившемуся Александру III с напоминанием, что историческая справедливость существует и для него, как для всех; Россия, истомленная голодом, измученная самоуправством администрации, постоянно теряющая своих сынов на виселицах, на каторге, в ссылке, в томительном бездействии, вынужденном существующим режимом,—Россия не может жить так долее. Она требует простора, она должна возродиться согласно своим потребностям, своим желаниям, своей воле: напоминаем Александру III, что всякий насилователь воли народа есть народный враг... и тиран. Смерть Александра II показала, какого возмездия достойна такая роль. Исполнительный Комитет обращается к мужеству и патриотизму русских граждан с просьбой о поддержке, если Александр III вынудит революционеров вести борьбу с ним. Только широкая энергичная самодеятельность народа, только активная борьба всех честных граждан против деспотизма может вывести Россию на путь свободного и самостоятельного развития.

Исполнительный Комитет. 1 марта 1881 г.

ОТ РАБОЧИХ ЧЛЕНОВ ПАРТИИ НАРОДНОЙ ВОЛИ.

Русский рабочий люд!

Сего 1 марта, Александр II, мучитель всего народа, убит нами, социалистами. Об'являем об этом всенародно. Он убит за то, что не заботился о своем народе, отяготил его невыносимыми податями, обделил мужиков землей, отдал рабочего на разоренье всякому грабителю и мироеду. Он не давал народу воли, не слушал слезных мужицких жалоб; он защищал только одних богатых, а сам пировал и роскошествовал в то время, когда народ помирает с голоду. Царские слуги, урядники, становые, полицейские разоряли и грабили народ, мучили и убивали крестьян, а царь за это награждал, а не наказывал их. Мирских людей, которые стоят за народ и за правду, царь вешал и ссылал на каторгу. За все это он теперь убит. Царь должен быть пастырем добрым, душу свою за овцы полагающим; Александр II был лютым волком, и страшная смерть покарала его. Русские рабочие! Теперь вступает на престол новый царь Александр III. Нужно, чтобы он не пошел в отца. Пусть он призовет народных выборных от всех деревень, заводов, фабрик, пусть узнает мужицкое горе и нужду и вперед царствует по правде. Пусть у него советниками в Сенате будут народные выборные. Тогда царь даст мужику и землю, и подати уменьшит, и волю даст народу. Подавайте все прошения об этом из городов, из деревень. Если же царь не послушает народного голоса и начнет, как его батюшка, вешать да ссылать в Сибирь всякого, кто стоит за рабочих, тогда нужно и его сменить. Помните, братья, что покоряться мучителю—тяжкий грех, чрез это терпит горе весь народ. Братья рабочие! Довольно мучилась вся Русская земля. Настала пора, когда правда воцарится на земле. Нужно только, чтобы рабочий народ действовал смело, как действовал Петр Алексеев, Пресняков, Тихонов, Ширяев, Окладский. Все эти наши братья-социалисты—из крестьян и мещан—не убоялись никакой муки, ни каторги, ни самой смерти, стоя за правду. Так и все должны делать, и тогда все пойдет хорошо, и не будет на Русской земле ни нищеты, ни слезного горя.

2 марта 1881 г

КАЗНЬ ПЕРВОМАРТОВЦЕВ.

В пятницу, 3 апреля, в 9 часов утра, на Семеновском плацу, согласно произведенному заранее официально заявлению, была совершена казнь пяти цареубийц: Андрея Желябова, Софии Перовской, Николая Кибальчича, Николая Рысакова и Тимофея Михайлова...

В 7 часов 50 минут, ворота, выходящие из дома предварительного заключения на Шпалерную улицу, отворились, и, спустя несколько минут, из них выехала первая позорная колесница, запряженная парою лошадей. На ней с привязанными к спинам руками помещались два преступника: Желябов и Рысаков. Они были в черных, солдатского сукна, аре-

стантских шинелях и таких же шапках, без козырьков. На груди каждого висела черная доска с белой надписью: „цареубийца“...

Вслед за первою, выехала из ворот вторая позорная колесница, с тремя преступниками: Кибальчичем, Перовской и Михайловым... Софья Перовская помещалась в середине, между Кибальчичем и Михайловым... Перовская имела на голове черную повязку, вроде капора. На груди у всех также висели доски с надписью „цареубийца“. Как ни был бледен Михайлов, как ни казался потерявшим присутствие духа, но, при выезде на улицу, он несколько раз что-то крикнул. Что именно—разобрать было довольно трудно, так как в это самое время забили барабаны. Михайлов делал подобные возгласы и по пути следования, зачастую кланяясь на ту и другую сторону собравшейся по всему пути сплошной массе народа.

Следом за преступниками ехали три кареты с пятью православными священниками, облаченными в траурные ризы, с крестами в руках. На козлах карет помещались церковнослужители...

Позорный кортеж следовал по улицам... Высокие колесницы, тяжело громыхая по мостовым, производили тяжелое впечатление своим видом. Преступники сидели сажени две над мостовою, тяжело покачиваясь на каждом ухабе. Позорные колесницы были окружены войсками. Улицы, по которым везли преступников, были полны народом...

Начиная с восьми часов утра, солнце обливало своими лучами громадный Семеновский плац... Несметное число зрителей обоего пола и всех сословий наполняло обширное место казни, толпясь тесною непроницаемою стеной за шпалерами войска. На плацу господствовала замечательная тишина. Плац был окружен цепью казаков и кавалерии. Ближе к эшафоту были расположены в квадрате спервa конные жандармы и казаки, а ближе к эшафоту, на расстоянии двух-трех сажен от виселицы, пехота лейб-гвардии Измайловского полка.

В начале девятого часа приехал на плац градоначальник, генерал-майор Баранов, а вскоре после него судебные власти и лица прокуратуры...

Вот описание эшафота: черный, почти квадратный, помост двух аршин высоты обнесен небольшими выкрашенными черною краской перилами. Длина помоста 12 аршин, ширина 9 с половиной.

На помост вели шесть ступеней. Против единственного входа, в углублении, возвышались три позорные столба, с цепями и наручниками. У этих столбов было небольшое возвышение, на которое вели две ступени. Посредине общей платформы была необходимая в этих случаях подставка для казненных. По бокам платформы возвышались два высокие столба, на которых положена была перекладина, с шестью на ней кольцами для веревок. На боковых столбах также были ввинчены по три железных кольца. Два боковые столба и перекладина на них изображали букву П. Это и была общая виселица для пяти цареубийц. Позади эшафота находились пять черных гробов, со стружками в них и парусиновыми саванами для преступников, приговоренных к смерти... За эшафотом стояли два арестантских фургона, в которых были привезены из тюремного замка палач и его помощники...

Небольшая платформа для лиц судебного и полицейского ведомства была расположена на 1—1½ сажени от эшафота. На этой платформе находились во время совершения казни представители высшего военного и судебного мира, а также представители русских и иностранных газет, военный агент итальянского посольства и некоторые младшие члены посольских миссий...

Колесницы с осужденными прибыли на плац в 8 часов 50 минут. При появлении на плац преступников, под сильным конвоем казаков и жандармов, густая толпа народа заметно заколыхалась. Послышался глухой и продолжительный гул...

Когда колесницы остановились, палач Фролов влез на первую колесницу, где сидели вместе рядом связанные Желябов и Рысаков. Отвязав сперва Желябова, потом Рысакова, помощники палача ввели их под руки по ступенькам на эшафот, где поставили рядом. Тем же порядком были сняты со второй колесницы Кибальчич, Перовская и Михайлов и введены на эшафот... Осужденные преступники казались довольно спокойными, особенно Перовская и Кибальчич...

Чтение краткого приговора продолжалось несколько минут. Все присутствующие обнажили голову. По прочтении приговора забили мелкою дробью барабаны... Легкая улыбка отразилась на лице Желябова, когда, по окончании чтения приговора, палач подошел к Кибальчичу, давая дорогу священникам, которые, в полном облачении с крестами в руках, взошли на эшафот...

Бодрость не покидала Желябова, Перовскую, а особенно Кибальчича до минуты надевания белого савана с башлыком. До этой процедуры Желябов и Михайлов, приблизившись на шаг к Перовской, поцелуем простились с нею...

Палач Фролов, сняв поддевку и оставшись в красной рубахе, „начал" с Кибальчича...

В 9 часов 30 минут казнь окончилась... Барабаны перестали бить. Начался шумный говор толпы... Трупы казненных висели не более 20 минут. Затем на эшафот были внесены пять черных гробов, которые помощники палача подставили под каждый труп... Первым был снят с виселицы и положен в гроб Кибальчич, а затем и другие казненные... По освидетельствовании трупов, гробы были немедленно накрыты крышками и заколочены. Гробы помещены на ломовые телеги с ящиками и отвезены под сильным конвоем на станцию железной дороги, для предания тел казненных земле на Преображенском кладбище.

Вся процедура окончилась в 9 часов 58 минут. В 10 часов градоначальник дал приказ к разбору эшафота...

В начале одиннадцатого часа войска отправились по казармам. толпа начала расходиться. Конные жандармы и казаки, образовав летучую цепь, обвивали местность, где стоял эшафот, не допуская к нему подходить черни и безбилетной публике...

(Из официального отчета об исполнении приговора. „Процесс 1 марта 1881 года")

ОТ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА.

3 апреля между 9 и 10 часами утра на Семеновском плацу в Петербурге приняли мученический венец социалисты: крестьянин Андрей Желябов, дворянка Софья Перовская, сын священника Николай Кибальчич, крестьянин Тимофей Михайлов и мещанин Николай Рысаков.

Суд над мучениками творили царские сенаторы, приговор диктовал император Александр III, он же и утвердил его.

Итак, новое царство обозначилось. Первым актом самодержавной воли Александра III было приказание повесить женщин. Не выждав еще коронации, он оросил престол кровью борцов за народные права.

Пусть так!

С своей стороны, над свежей могилой наших дорогих товарищей мы подтверждаем всенародно, что будем продолжать дело народного освобождения. На этом пути не остановят нас виселицы, как не останавливали они в прошлое царствование целый ряд бойцов, начиная с Ковальского, продолжая Соловьевым, Дубровиным, Виттенбергом, Логовенко, Давиденко, Чубаровым, Лизогубом, Осинским, Антоновым, Брандтнером, Федоровым, Вельчанским, Горским, Малинкой, Майданским, Дробязгиным, Розовским, Лозинским и кончая Молодецким, Квятковским и Пресняковым.

Тотчас после 1 марта И. К. обнародовал послание к императору Александру III, в котором доказывал, что единственным средством к возврату России на путь правильного и мирного развития является обращение верховной власти к народу.

Судя по событию 3 апреля, верховная власть выбрала иной путь— путь обращения к Фролову[1]), знаменитому сподвижнику в бозе почившего императора Александра II.

Пусть так!

Откладывая оценку общей политики Александра III на ближайшее будущее, Исп. Ком. заявляет теперь же, что реакционная политика, по традициям Александра II, неизбежно приведет к последствиям, еще более для правительства пагубным, чем 1-ое марта, предшествуемое заговорами: Николаевским, Одесским, Александровским, Московским и двумя Петербургскими[2]).

---

[1]) Фролов—палач при Александре II и Александре III.

[2]) Акт 1 марта 1881 г. был седьмым по счету покушением партии «Нар. Воли» на жизнь Александра II. 1-ое покушение подготовлялось в ноябре 879 г. близ г. Николаева, по линии Одесской ж. д., — предполагался взрыв царского поезда, 2-ое — 18 ноября 1879 г. — на линии Лозово-Севастопольской ж. д., под г. Александровском; 3-е — 19 ноября под Москвой также на линии ж. д; 4-ое— взрыв в Зимнем дворце, произведенный С. Халтуриным; 5-ое — весной 1880 г. в г. Одессе, посредством мины, подложенной под Итальянской ул., по которой предполагался проезд Александра II; 6-ое—летом в Петербурге: мины под Каменным мостом и подкоп под Малой Садовой.

Спустя шесть лет после акта 1 марта 881 г. — 1 марта 1887 г. небольшой группой народовольцев было подготовлено покушение на жизнь Александра III;— покушение не состоялось. По этому делу было казнено пять человек: Генералов, Шевырев, Ульянов (брат Вл. Ил. Ленина), Андреюшкин и Осипанов (8 мая 1887 г.).

Исп. Ком. обращается с призывом ко всем, кто не чувствует в себе инстинкта раба, кто сознает свой долг перед страждущей родиной, — сомкнуть свои силы для предстоящей борьбы за свободу и благосостояние русской земли.

Исполнительный Комитет, 4 апреля 1881 г.

НАРОДОВОЛЬЧЕСКИЙ ГИМН.

Смело, друзья, не теряйте
Бодрость в неравном бою;
Родину-мать вы спасайте,
Честь и свободу свою!
Если-ж погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых,—
Дело всегда отзовется
На поколеньях живых!

Пусть нас по тюрьмам сажают,
Пусть нас пытают огнем,
Пусть в рудники нас ссылают,
Пусть,—мы все казни пройдем!..
Если-ж погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых,—
Дело всегда отзовется
На поколеньях живых!

Стонет и тяжко страдает
Бедный наш русский народ,
Руки он к нам простирает,
Нас он на помощь зовет.
Если-ж погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых,—
Дело всегда отзовется
На поколеньях живых!

Час обновленья настанет,
Воли добьется народ,
Добрым нас словом помянет,
К нам на могилу придет.
Если-ж погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых,—
Дело всегда отзовется
На поколеньях живых!

КАРЛ МАРКС О РОССИИ.

(После событий 1 марта 1881 г.).

...Во время революции 1848—49 г.г. не только европейские монархи, но и европейские буржуа видели в русском вмешательстве единственное спасение от пролетариата, начинавшего как раз в то время сознавать свою силу. Они провозгласили царя главой европейской реакции. Теперь он сидит в Гатчине в качестве военнопленного революции, а Россия образует авангард революционного движения в Европе...

В России, на ряду с лихорадочно-быстро развивающимся капиталистическим строем и только еще складывающимся буржуазным земледелием, встречаем мы больше половины земли в общинном владении крестьян.

Возникает вопрос: может ли русская крестьянская община—эта, во всяком случае, уже разложившаяся форма первобытного общинного землевладения—непосредственно перейти в высшую коммунистическую форму поземельной собственности, или же она должна сперва проделать тот же процесс разложения, который мы видим в историческом развитии Запада?

Единственно возможный в настоящее время ответ на этот вопрос — следующий. Если русская революция послужит сигналом рабочей революции на Западе, так что обе будут дополнять друг друга, тогда современное русское общинное землевладение сможет послужить исходной точкой коммунистического развития.

Лондон, 21 января 1882 г.

(Из предисловия К. Маркса к русскому переводу «Манифеста коммунистической партии», вышедшему в Женеве в 1882 г.).

С.-Д. ГРУППА „ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА".

(Программа)[1].

Группа „Освобождение Труда" задается целью пропаганды социалистических идей в России и выработки элементов для организации русской рабочей социалистической партии.

Сущность ее воззрений может быть выражена в следующих немногих положениях:

I. Экономическое освобождение рабочего класса будет достигнуто лишь путем перехода в коллективную собственность трудящихся всех средств и продуктов производства и сообразной с общественными потребностями организации всех функций социально-экономической жизни.

II. Современное развитие техники в цивилизованных обществах не только дает материальную возможность такой организации, но и делает ее необходимою и неизбежною для разрешения противоречий, препятствующих спокойному и всестороннему развитию этих обществ.

III. Эта радикальная экономическая революция повлечет за собою самые коренные изменения во всем складе общественных и международных отношений.

Устраняя борьбу классов путем уничтожения самих классов, делая невозможной и ненужной экономическую борьбу индивидуумов — путем устранения товарного производства и связанной с ним конкуренции; короче, устраняя борьбу за существование между личностями, классами и целыми обществами,—она делает излишними все те общественные органы, которые развились в многовековый период этой борьбы за существование, в качестве ее орудий.

Не вдаваясь в утопические фантазии относительно общественной и международной организации будущего, можно теперь уже предсказать уничтожение важнейшего из органов хронической борьбы внутри обществ — именно государства, как политической организации, противостоящей обществу, и охраняющей, главным образом, интересы

---

[1] Помещаемый здесь документ является первым «проектом» программы группы «Освобождение Труда», напечатанной в 1884 г. В 1888 г. была опубликована 2-я редакция ее, более согласованная с современными взглядами социал-демократии.

его господствующей части. Точно так же и теперь уже можно предвидеть международный характер предстоящей экономической революции. Современное развитие международного обмена продуктов делает необходимым участие в этой революции всех цивилизованных обществ.

Поэтому социалистические партии всех стран признают международный характер современного рабочего движения и провозглашают принципы международной солидарности производителей.

Группа „Освобождение труда“ также признает великие принципы бывшей „Международной Ассоциации Рабочих“ и тождество интересов трудящихся всего цивилизованного мира.

IV. Внося сознательность туда, где господствует ныне слепая экономическая необходимость, заменяя современное господство продукта над производителем господством производителя нас продуктом, социалистическая революция упрощает и осмысливает все общественные отношения, предоставляя вместе с тем каждому гражданину реальную возможность непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел.

Это непосредственное участие граждан в заведывании всеми общественными делами предполагает устранение современной системы политического представительства и замены ее прямым народным законодательством.

В своей современной борьбе социалисты должны иметь в виду эту необходимую политическую реформу и всеми зависящими от них средствами добиваться ее осуществления.

Это тем более необходимо, что политическое самовоспитание и господство рабочего класса составляет необходимое предварительное условие его экономического освобождения. Только вполне демократическое государство может совершить экономический переворот, сообразный с интересами производителей и требующий разумного участия в организации и регулировании производства.

В настоящее время рабочий класс передовых стран все более и более выясняет себе необходимость указанного социально-политического переворота и организуется в особую партию труда, враждебную всем партиям эксплоататоров.

Совершаясь на началах „Международной Ассоциации Рабочих“, организация эта имеет, однако, прежде всего в виду завоевание рабочими политического господства внутри каждого из соответствующих государств. „Пролетариат каждой страны естественно должен прежде всего покончить с своей собственной буржуазией“.

Это вносит элемент разнообразия в программы социалистических партий различных государств, заставляя каждую из них сообразовываться с общественными условиями своей страны.

Само собою понятно, что практические задачи, а, следовательно, и программы социалистов должны иметь более своеобразный и сложный характер в тех странах, в которых капиталистическое производство не сделалось еще господствующим и где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства.

В этих странах социалистам приходится одновременно организовывать рабочий класс для борьбы с буржуазией и вести борьбу против вредных—как для развития рабочего класса, так и для благосостояния всего народа—остатков старых, до-буржуазных отношений.

Русские социалисты находятся именно в таком положении. Трудящееся население России непосредственно несет на себе всю тяжесть огромной машины полицейско-деспотического государства и в то же время переживает все бедствия, свойственные эпохе капиталистического накопления, а местами—в наших промышленных центрах—оно испытывает уже гнет капиталистического производства, не ограниченный еще ни сколько-нибудь решительным государственным вмешательством, ни организованным противодействием самих рабочих. Современная Россия страдает,—как говорил когда-то Карл Маркс о западе европейского континента,—не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка этого развития.

Одним из вреднейших следствий этого отсталого состояния производства было и есть до сих пор неразвитое состояние среднего класса, который неспособен у нас взять на себя инициативу борьбы с абсолютизмом.

Социалистической интеллигенции пришлось поэтому стать во главе современного освободительного движения, прямой задачей которого должно быть создание свободных политических учреждений в нашем отечестве, при чем социалисты, с своей стороны, должны стараться доставить рабочему классу возможность активного и плодотворного участия в будущей политической жизни России.

Первым средством для достижения этой цели должна быть агитация в пользу демократической конституции, обеспечивающей:

1. Право быть избирателем и избираемым, как в Законодательное Собрание, так и в провинциальные и общинные органы самоуправления, всякому гражданину, не приговоренному судом за известные, строго определенные законом, позорные действия к потере политической правоспособности.

2. Определенную законом денежную плату народным представителям, позволяющую избирать их из бедных классов населения.

3. Неограниченную свободу личности и жилища граждан.

4. Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций.

5. Свободу передвижений и занятий.

6. Полную равноправность всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения.

7. Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа.

8. Пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместимых с достоинством человека.

Но цель эта становится недостигнутой, политическая самодеятельность рабочих будет немыслима, если падение абсолютизма застанет их в совершенно неподготовленном и неорганизованном состоянии.

Поэтому на социалистической интеллигенции лежит обязанность организации рабочих и посильной подготовки их к борьбе как с современной правительственной системой, так и с будущими буржуазными партиями.

Она должна немедленно взяться за организацию рабочих наших промышленных центров, как передовых представителей всего трудящегося населения России, в связанные между собою тайные кружки с определенной социально-политической программой, соответствующей современным нуждам всего русского производительного класса и основным задачам социализма.

Понимая, что подробности такой программы могут быть выработаны лишь в будущем и притом самим рабочим классом, призванным к участию в политической жизни и сплотившимся в особую партию, группа „Освобождение Труда" полагает, что главнейшими пунктами экономического отдела рабочей программы должны быть требования:

1. Радикального пересмотра наших аграрных отношений, т.-е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным.

2. Устранения современной податной системы и установления прогрессивного подоходного налога.

3. Законодательного регулирования отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организации соответствующей инспекции с представительством рабочих.

4. Государственной помощи производительным ассоциациям, организующимся во всевозможных отраслях земледелия, обрабатывающей и добывающей промышленности (крестьянам, горным, фабричным и заводским рабочим, кустарям и т. д.).

Группа „Освобождение Труда" убеждена, что не только успех, но и самая возможность такого осмысленного движения русского рабочего класса в огромной степени зависит от указанной выше работы интеллигенции в его среде.

Но названная группа полагает, что сама интеллигенция должна предварительно стать на точку зрения современного научного социализма, лишь постольку удерживая народнические традиции, поскольку они не противоречат его положениям.

В виду этого группа „Освобождение Труда" задается целью пропаганды современного социализма в России и подготовки рабочего класса к сознательному социально-политическому движению; этой цели она и посвящает все свои силы, призывая нашу революционную молодежь к помощи и содействию.

Преследуя эту цель всеми зависящими от нее средствами, группа „Освобождение Труда" в то же время признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства и расходится с партией „Народной Воли" лишь по вопросам о так называемом захвате власти революционной партией и о задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса.

Группа „Освобождение Труда“ нимало не игнорирует крестьянства, составляющего огромнейшую часть трудящегося населения России. Но она полагает, что работа интеллигенции, в особенности при современных условиях социально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на более развитой слой этого населения, каким и являются промышленные рабочие. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социалистическая интеллигенция может с гораздо большею надеждой на успех распространить свое воздействие и на крестьянство, в особенности если она добьется к тому времени свободы агитации и пропаганды. Само собою, впрочем, разумеется, что распределение сил наших социалистов должно будет измениться, если в крестьянстве обнаружится самостоятельное революционное движение и что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своею деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Группа „Освобождение Труда“ не только не отталкивает от себя таких людей, но приложит все старания, чтобы согласиться с ними в основных положениях программы [1].

ГРУППА БЛАГОЕВА [2].

(Письмо к петербургским рабочим кружкам).

Дорогие товарищи!.. Я потому обращаюсь с письмом именно к вам, к кружкам рабочих, что у нас в России, как везде и всюду, социал-демократическая партия должна быть партией по преимуществу рабочей. Это не значит, что социал-демократическая партия должна отталкивать от себя людей из других классов общества. Такая исключительность была бы совершенно несправедливой, создала бы ей целый ряд неудобств и даже поставила бы ее в почти безвыходное положение.

Называя ее партией рабочей по преимуществу, я хочу только сказать, что наша революционная интеллигенция должна итти с рабочими, а наше крестьянство должно итти за ними.

---

[1] Группа «Освобождение Труда» организовалась за границей в 1883 г. В качестве членов-основателей в нее вошли: Г. В. Плеханов, В. Засулич, Л. Дейч, П. Аксельрод и В. Игнатов. В сентябре 1883 г. группа выпустила за подписью редакторов П. Аксельрода и Г. Плеханова об'явления об издании «Библиотеки Современного Социализма», в котором отказывалась от своих прежних взглядов, разрывала со старыми анархическими тенденциями «Черного передела».—Главная деятельность заграничной «Группы» заключалась в издании марксистской литературы для рабочих. В 1895 г. группа «Освобождение Труда» вошла целиком в только что возникший тогда «Союз русских социал-демократов».

[2] Группа Благоева, по имени ее основателя, болгарского студента Благоева, возникла в 1884 г. в Петербурге. Это была первая с.-д. организация, поставившая себе задачей пропаганду научного социализма среди рабочих и студенчества. В 1885 г. она приняла программу группы «Освобождение Труда». Приводимое здесь извлечение из статьи Плеханова, напечатанной в органе группы Благоева «Рабочий», дает основные ее взгляды.—В 1886 г. группа была разгромлена.

Вы должны бороться, во-первых, ради своего освобождения от гнета хозяев и экономической эксплоатации, а во вторых, ради приобретения тех прав, которые положат конец полицейскому произволу и сделают из вас—пока еще бесправных обывателей—свободных граждан свободной страны.

И не думайте, что эти две задачи могут быть отделены одна от другой, что они могут быть решены порознь и независимо друг от друга... Одно немыслимо без другого.

Чем же могут быть разрешены эти задачи?

Они могут быть разрешены только силой.

Современное правительство не даст вам добровольно политических прав; землевладельцы, фабриканты, заводчики, банкиры—словом, те, в руках которых скопляются теперь богатства, не откажутся добровольно в ваше распоряжение...

Итак, только силой можете вы добиться своего освобождения. Значит, вам нужна сила, нужно очень много силы. В чем же она заключается?

Сила рабочего класса зависит от трех условий: 1) от его сознательности, т.-е. от ясного понимания того, к чему он стремится; 2) от его сплоченности, и 3) от его тактики, т.-е. от умения во-время нападать на своих врагов и пользоваться каждой, даже самой ничтожной, победой для облегчения своих дальнейших действий.

Придет время, когда сами высшие классы будут просить вашей помощи в борьбе с царем, когда они сами будут толкать вас на борьбу за свободу. Но, пользуясь этим выгодным для вас обстоятельством, вы все-таки должны начать эту борьбу на свой собственный страх и для достижения своих собственных целей. Не забывайте, что в политике нет благодарности, и если вы не будете думать сами о себе, то другие будут думать о вас лишь до тех пор, пока им нужно будет пользоваться вашей силой...

Вы добьетесь тогда для всех вас, т.-е. для всех крестьян и рабочих, права выбирать представителей в Законодательное Собрание и быть выбираемыми в такие представители, вы добьетесь свободы слова, печати, сходок, собраний, образования рабочих обществ—короче, вы завоюете себе политические права и политическую свободу... Конечно, нельзя ожидать серьезных реформ от Собрания, в котором большинство будет состоять из представителей высших классов. Но, во-первых, вы все-таки получите таким образом несравненно больше, чем получили бы, сидя сложа руки. А во-вторых, упорство высших классов также пойдет вам на пользу, хотя в другом отношении. Оно возбудит неудовольствие народа, оно толкнет в ваши революционные ряды тех, которые по своей слабости и нерешительности, надеялись на мирный исход, на милосердие царя, на благоразумие высших классов. Оно послужит новым, самым убедительным доводом в пользу ваших идей, в подтверждение той истины, что полное освобождение трудящегося класса возможно будет лишь тогда, когда класс этот захватит всю государственную власть в свои руки и провозгласит республику социальную и демократическую...

Итак, что же вам предстоит теперь делать?

1) Развивать сознательность в среде ваших товарищей, 2) организовывать и сплачивать их силы, 3) направлять эти силы на завоевание политических прав... Ведите же настойчиво это дело. Мы живем накануне важных событий, и русскому рабочему классу необходимо явиться сознательным участником в этих событиях, а не жалкой массой рабов, над которой не издевается только ленивый.

Г. Плеханов.

(Из статьи Г. В. Плеханова „Современные задачи рабочих", в № 2 газеты „Рабочий" 1895 г.).

ПЕРВЫЕ РАБОЧИЕ КРУЖКИ.

В 1886 г. мне уже удалось составить небольшой кружок для приобретения и совместного чтения книг. Из наших скудных заработков мы отделяли небольшие суммы на книги и каждое воскресенье ходили на толкучий Александровский рынок за покупкой книг. По счастливой случайности, мы с первых же шагов напали на журналы: „Современник", „Отечественные записки", „Русское Слово", „Дело" и др., издававшиеся в 60—80 годах, толстые журналы.

Благодаря этим старым журналам мы познакомились, можно сказать, со всей русской литературой. Мы с увлечением читали романы, повести и рассказы, а также и критические статьи. В „Современнике" мы читали Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова; в „Русском Слове"— Писарева, Шелгунова; в „Отечественных записках"—Михайловского, Гл. Успенского, Скабичевского, Златовратского и других писателей-народников.

К концу 1888 года у меня в комнате был уже целый угол книг. Все журналы мы разброшюровали и подбирали целые романы, повести и отдельные статьи, из которых более толстые переплетали, а тонкие вшивали в толстую синюю обертку.

Таким образом, наш кружок рабочей молодежи работал как над своим самообразованием, так и над привлечением новых сочленов. Занимались мы одни, без руководства извне, и потому без программы и без направления. Осенью 1888 г. я перешел в последний класс вечернего технического училища, где встретился с второгодниками, среди которых были также руководители кружков, подобных нашему, которые также зародились из остатков „Народной Воли". К этому времени эти кружки уже завязали связи со студенчеством, находившимися под влиянием группы „Освобождение Труда", которая являлась родоначальницей русской социал-демократии. Эти новые товарищи, узнавши, что уже давно организовано два кружка, имеется библиотека и небольшая касса, с удовольствием приняли меня в свою среду и обещали содействие в смысле командировки одного из студентов для руководства нашими кружками.

С большой радостью и нетерпением мы ждали этого студента, который вскоре и пришел ко мне под видом рабочего. Это был молодой студент-технолог Вл. Переверзин. Произвел он на нас очень хорошее

впечатление своей простотой и уменьем сразу подойти к нам. В своих первых посещениях он старался определить нас всех и каждого отдельно. Затем он ознакомил нас с положением рабочего класса и его борьбой за лучшее будущее на Западе и указал, что и наше рабочее движение должно пойти по пути наших западных товарищей.

Он ознакомил нас в общих чертах с социализмом, как идеалом будущего, и с нашей предстоящей трудной работой, полной опасности, по завоеванию этого лучшего будущего. Он нам говорил, что не усилиями отдельных личностей, хотя бы и героев, достигнем мы лучшего будущего, а исключительно усилиями рабочего класса, который и необходимо организовать для борьбы с политическим и экономическим гнетом. Но чтобы быть организатором рабочего класса, нужно самому быть, во-первых, честным во всех отношениях, а во-вторых, хорошим товарищем и, наконец,—знающим человеком, к которому могли бы обращаться со своими вопросами и от которого получали бы обстоятельные ответы. А потому нужно воспитывать себя и учиться. Учиться же надо по известной программе. Была принесена и программа занятий. В ней большое место уделялось естественным наукам. Хороший пропагандист должен был уметь ответить и на вопрос, отчего бывает день и ночь и времена года, солнечное затмение. Должен уметь об'яснить происхождение вселенной, происхождение видов, а потому должен был знать теории Канта-Лапласа, Дарвина и Ляйеля. В программу входили история и история культуры, политическая экономия и история рабочего движения.

Выяснив нам все это, он разделил нас на две группы. Одним—наиболее развитым, он предложил заниматься самим по программе и по принесенным книгам, а с другими стал заниматься сам.

С этого времени у нас пошли систематические занятия, которые посещались очень усердно. Как я говорил, таких кружков уже было в это время несколько, но организационной связи между ними не было.

Некоторой связывающей нитью были только студенты (их называли интеллигентами), которые занимались в этих кружках. В начале 1889 г. было решено организоваться, и было устроено в Гавани первое организационное собрание, на котором были представители всех кружков.

В видах конспирации, выборное начало не применялось, а представителями кружков были их организаторы.

Там, в Гавани, в маленькой комнате рабочего Балтийского завода, Вл. Фомина, был выработан и принят устав нашей организации. Были установлены районы, и от каждого района по одному представителю в комитет. Всех кружков во всех районах было около 10, и в каждом кружке было от 5 до 8 человек. Невелики были наши силы, но огромны воодушевление и решимость начать борьбу за освобождение рабочего класса.

Это было время так называемой кружковщины, когда мы, забившись в подполье, занимались там исключительно пропагандой; о широкой агитации тогда еще не было и речи. Мы организовали несколько порядочных толстых библиотек по районам, и научная книга у нас пользовалась спросом и уважением. Книги мы давали читать не только членам кружков,

но и широким слоям рабочих. Очень многие рабочие из этих кружков сами вышли прекрасными пропагандистами и часто заменяли интеллигентов.

(Н. В. Богданов.—„Воспоминания". См. ст. М. Ольминского в сб. „От группы Благоева к Союзу Борьбы").

КАРИЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ.

Ворота тюрьмы распахнулись настежь, и во двор тюрьмы стройными рядами вошли солдаты. Часть из них со всех сторон окружила здание, другая—заняла посты в разных пунктах во дворе... Минуту спустя, в сопровождении двух офицеров, вошел Масюков, заняв место сзади за солдатами и жандармами—он заявил взволнованным, дрожащим, то и дело прерывающимся голосом:

— Мною получено в запечатанном конверте предписание генерал-губернатора Приамурского Края, которое мне приказано вскрыть и огласить в вашем присутствии...

Гробовая тишина воцарилась в коридоре...

Распоряжение генерал-губернатора на всю жизнь запечатлелось в памяти: „В виду постоянно повторяющихся нарушений порядка в мужской и женской тюрьме для государственных преступников, поручаю вам об'явить заключенным, что на будущее время за всякое нарушение тюремной дисциплины они будут, наравне с уголовными, подвергаться телесному наказанию. В случае сопротивления со стороны заключенных, при аресте кого-нибудь из них для применения к нему телесного наказания, предписываю вам употреблять военную силу, не опасаясь за последствия"...

Решаясь на этот шаг, правительство не могло не считаться с первой попыткой применения телесного наказания к государственным заключенным в 1878 г. Тогда, по приказанию градоначальника Трепова, был наказан розгами Боголюбов. В ответ на это раздался выстрел Веры Засулич... С того времени прошло одиннадцать лет. Все это время правительство не решалось в борьбе с социалистами прибегать к этому позорному средству... И только в конце восьмидесятых годов, когда лучшие борцы „Народной Воли" погибли на виселицах и в Шлиссельбургской тюрьме, а „сливки народа" и т. п. „общество" рабски пресмыкалось перед всевозможными Треповыми, Дурново и Плеве, царское правительство решило прибегнуть к этому средству борьбы.

Это было неожиданностью даже для карийцев, не питавших никаких иллюзий относительно царизма. И эта неожиданность огорошила всех...

Только на следующий день публика очнулась. Первый громко высказался Бобохов. Повидимому, он в течение ночи все обдумал, взвесил и с самого утра уже наметил план действий...

План Бобохова заключался в следующем.

Заключенные немедленно отправляют министру внутренних дел заявление с требованием немедленной отмены распоряжения Корфа, указывают,

что ответа будут дожидаться в течение пяти месяцев... [1] и подчиркивают, что в случае отказа, не соглашаясь жить под угрозой розги, подписавшиеся под заявлением заключенные лишат себя жизни.

Копию этого заявления Бобохов предполагал напечатать в революционных и заграничных изданиях и этим путем призвать весь культурный мир в свидетели нашей борьбы с царизмом за человеческое достоинство...

Живые духом, мы, как революционеры, избрали лучший, как нам казалось, и самый целесообразный способ борьбы; в заявлении необходимо было ясно подчеркнуть и оттенить, что это был именно акт борьбы, а не акт отчаяния... Но в тот день, когда было назначено последнее редакционное совещание, в тюрьму проникли глухие известия, что Сигида уже наказана [2]... На следующий день мы получили коротенькую записку, которая гласила: „Сигида наказана. Умерла. Калюжная, Ковалевская, Смирницкая отравились. Все трое—при смерти. Геккер... дважды стрелял в себя, легко ранен, переведен в лазарет“...

Сигиду наказали. В полуобморочном состоянии ее отвели в камеру, в которой находились Калюжная, Ковалевская, Смирницкая и еще несколько человек уголовных арестанток.

Вся камера замерла... „Мама“!.. „Дети“!..—раздавались всю ночь всхлипывания Сигиды, а на следующий день утром ее уже не стало...

За Сигидой последовал черед ее сокамерниц. Яд был приготовлен. Оставалось его только проглотить. Несколько часов спустя Калюжная была уже в агонии. Ковалевская, сохраняя сознание до последнего момента, лежала без движения на кровати, а Смирницкая еще долгое время держалась на ногах и переходила от кровати умирающей Калюжной к кровати Ковалевской. Вечером не стало и Калюжной, а Смирницкая слегла.

На следующий день утром умерла Ковалевская, а вечером Смирницкая.

Наступила наша очередь.

По камерам было пущено заявление, приблизительно следующего содержания: „Товарищам, желающим принять участие в протесте путем самоотравления против гнусного издевательства над Сигидой, предполагается собраться в „Якутке“ на совещание, по поводу „последнего письма“ к товарищам на свободе и оставляемого заявления правительству, при чем, для установления числа участников протеста, желающим предлагается написать свои фамилии на этом листе“. Под этим заявлением подписалось 14 человек...

Согласно условию, все участники самоотравления должны были принять яд одновременно, по сигналу. Этим сигналом должно было быть пение хора в „Якутке“.

И вот это пение раздалось...

Мы не предусмотрели, какое это произведет действие на не принимавших участия в протесте. В одной из камер раздались громкие рыда-

---

[1] В то время еще не было Сибирской железной дороги и приблизительно столько времени требовалось на сношение с Петербургом и обратно (Фел. Кон).

[2] Сигида дала пощечину коменданту тюрьмы Масюкову и за это была присуждена к наказанию розгами.

ния. Один из товарищей не выдержал. Мы заволновались. Эти рыдания могли выдать нас с головой.

— Громче, громче, громче,—скомандовал Павел Иванов. Он был прав. Рыдания можно и должно было заглушить пением. И песнь все громче и громче звучала в тюрьме...

Я потерял сознание, как только добрался до постели. Когда я очнулся несколько часов спустя, я увидел склонившегося надо мною Матьковского.—„Все спят, никто не умер", сообщил он мне шопотом.

Меня это известие ударило, как обухом по голове, и я сразу пришел в полное сознание. „И морфий не действует". Это бессилие и беспомощность вызывали во мне бешенство. Я соскочил с постели и, при поддержке Матьковского,—добрался до стола, где лежали запасные порошки морфия. Схватив один из них, я с каким-то остервенением проглотил и тут же потерял сознание. Проснулся я только под утро. В камере раздавалось предсмертное хрипение Бобохова. Я приподнялся на постели и увидел перед собой Прибылева.

— „Что ты тут делаешь?"—напустился я на него...

— „Ничего",—внимательно всматриваясь в мои зрачки, ответил Прибылев.—„Как ты чувствуешь себя"?

— „Живу",—ответил я с отчаянием.—„А другие"?

У него были слезы на глазах. Сначала он ничего не ответил, а затем шепнул:—„Бобохов и Ванька Калюжный кончаются... Жандармы уже знают" [1]...

(Феликс Кон. „На Каре").

* * *

Пали все лучшие... В землю зарытые
В месте пустынном безвестно легли!
Кости, ничьею слезой не омытые,
Руки чужие в могилу снесли..

Нет ни крестов, ни оград, и могильная
Надпись об имени славном молчит...
Выросла травка, былинка бессильная,
Долу склонилась—и тайну хранит...

Были свидетелем волны купучие,
Гневно вздымаются, берег грызут...
Но и они, эти волны могучие,
Родине весточку в даль не снесут!

(Вера Фигнер).

[1] Описываемые события происходили 10—12 ноября 1889 г.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Первые выступления социал-демократии (90-ые годы).

* *
*

Смелей, друзья, идем вперед,
Будя в сердцах живое пламя:
И наше дело не умрет,
Не сломят бури наше знамя.

Победы уж не долго ждать,
Проснулась мысль среди рабочих.
И зреет молодая рать
В немой тиши зловещей ночи.

Она созреет и тогда,
Стряхнув, как сон, свои оковы,
Под красным знаменем труда
Проснется Русь для жизни новой.

(Л. П. Радин).

РАБОЧАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ.

(Похороны Н. В. Шелгунова).

Весной 1891 г. произошло первое в Петербурге публичное выступление сознательных рабочих социал-демократов, во время похорон старика-литератора Ник. Вас. Шелгунова [1]. Незадолго до смерти, рабочие поднесли ему адрес... В пятницу, на литературном вечере в зале городской думы разнеслась весть о смерти... В воскресенье утром в квартире Шелгунова и на узкой лестнице можно было среди интеллигенции заметить до десятка рабочих... Тут же на лестнице, в нише окна, была решена надпись: „Указателю пути к свободе и братству—от петербургских рабочих". Тотчас все мы вместе поехали на Садовую, потом на Казанскую и купили металлический венок с темно-зелеными дубовыми листьями—символ крепости рабочей руки.

[1] Н. В. Шелгунов (1824—1891) известный публицист, народник.

Надпись на ленте отпечатали в граверной мастерской эстонца Лийв, с согласия хозяина, сочувствовавшего рабочему движению.

Хоронили Шелгунова в понедельник, рабочий день. Тем не менее, к выносу явились и рабочие. Публика хотела нести гроб на руках. Полиция стала грубо отрывать руки от ручек гроба. Гроб склонился на бок и был момент, когда труп был готов упасть на мостовую. Пришлось подчиниться насилию полиции. Но тут быстро были разобраны венки, уже сложенные на повозку (до 50 штук). Это было полным нарушением порядка, так как незадолго перед тем вышло запрещение нести венки во время похорон на руках. Полиция заволновалась больше прежнего. Протестующее настроение публики росло. Писатель Н. К. Михайловский уговаривал молодежь подчиниться, но бесуспешно. В конце концов полиция уступила, и венки потянулись над головами длинной лентой.

— Рабочих вперед!—послышались возгласы, и суровый венок с дубовыми листьями открыл шествие. Вокруг него, как вокруг знамени, тесно сомкнулись рабочие.

После реакции 80-х г.г. это был первый публичный протест против самодержавного гнета. И знаменательно, что впереди противозаконного, демонстративного шествия шли рабочие и что первое же выступление рабочих сопровождалось победой над агентами самодержавия.

Путь от Воскресенского проспекта до Волкова кладбища шел по Знаменской улице. Но рабочие свернули к Литейному, и процессия прошла по более людным улицам. На Литейном проспекте, несмотря на противодействие полиции, удалось остановить движение вагонов. Все это—победы маленькие, но все-таки победы, поднявшие настроение. У Обводного канала примкнула новая группа рабочих.

Для интеллигенции появление рабочих было полной неожиданностью. Мало кто подозревал, что семена народнической пропаганды не заглохли, а постепенно превращались в социал-демократическую сознательность и что количество пролетарских борцов все время росло, даже в годы самой сильной реакции, когда интеллигентское движение было совершенно раздавлено.

Вскоре после похорон состоялось тайное, первое в Петербурге, первомайское собрание рабочих. Когда были изданы речи рабочих [1], произнесенные на собрании, интеллигенция не хотела верить, что существуют в России рабочие, способные произносить или понимать такие речи.

(М. С. Ольминский: „Давние связи". См. сб. „От группы Благоева к Союзу борьбы").

МАРКСИСТЫ И НАРОДНИКИ.

Однажды приехал к нам новый, свежий человек, по имени Николай Берсенев, возвращавшийся из ссылки.—И после первого же реферата этого молодого человека пошла прахом вся наша работа, так как мы окончательно переругались и почувствовали себя непримиримыми врагами...

[1] См. „Хрестоматия", часть I, стр. 105, 106.

С народом покончено: это—мелкий буржуа, от которого не жди ничего хорошего... „Все для народа и все посредством народа“,—это чепуха. Община—на смарку: она только тормозит дело и чем скорее рушится,—тем полезней. Личность в истории—ноль; никаких героев нет, не было и совершенно не нужно. Террор—ненужен и бесполезен. Народовольцы, как и народники,—только идеологи либеральной буржуазии. Все политические свободы не стоят ломаного гроша. Классовая борьба, историческая необходимость, производственные отношения—вот вся суть жизни и деятельности. Рабочий, один рабочий носит в себе всю истину и только через него суждено миру и человечеству обновиться...

Среди нас, мелких обломков разных партий, было много путаницы, сомнений, колебаний; но все же оставалось несколько твердых еще основ: народ в образе мужика... затем, мужицкая община, хранящая несомненные зачатки социализма; культ сознательной личности и героизма, братство, равенство и свобода, презрение к либералам... И вдруг, не остается камня на камне! И сами мы, только прихвостни либералов, хотя и бессознательные, но вредные... Вот тебе и герои! Вот тебе и мученики за идею всеобщего счастья на земле!..

Все почувствовали личное оскорбление. Оскорбление всех своих святынь... Впечатление от реферата, чтение которого сопровождалось нетерпеливыми злобными выкриками и замечаниями, по окончании погрузило всех нас в гробовое молчание. Большего врага, чем сидевший среди нас референт, в этот момент у нас не было на всем свете...

— Ну-с, господа, может быть, мы приступим к разговорам?.. Вероятно, среди вас имеются желающие возражать мне.

У всех горели яростью глаза, и всех подмывало броситься в единоборство с дерзким пришельцем, но почему-то никто не решался. Думаю, что причиной этому была не трусость, а та огромная растерянность, которая овладевает людьми при внезапных, стихийных катастрофах...

Однажды, когда вся коммуна была в сборе, с какого-то пустяка завязался еще один принципиальный спор, в котором Берсенев успел прочитать нам целую лекцию.

— Если личность—ничто, а естественно-историческая необходимость все, так давайте сложим ручки на животе и будем ждать!..

— Если политическую свободу завоюет нам буржуазия, так нам, стало быть, надо помогать ей?..

— Что вас заставляет служить интересам пролетариата, если не этические побуждения?..

Целый поток вопросов посыпался на голову пророка из нашей группы.

Берсенев обрадовался случаю и заставил нас выслушать и запечатлеть еще целый ряд ересей...

Он говорил, что „народа“, как целого понятия, не существует, а есть только ряд борющихся между собою за экономическое господство классов. И между ними класс рабочих—единственный, который в силу той же естественно-исторической необходимости является носителем, хранителем и будущим творцом социализма. Поэтому надо бросить все сантименты, героические утопии, манилловскую мечтательность о внезапных

превращениях общины в республику и итти к рабочим, только к рабочим! Итти и помогать им в устройстве организаций, пробуждать их классовое самосознание, создавать из них Бебелей...

Опять до глубокой ночи шел спор, но на этот раз не было злобных и бранных слов. С великим смятением в душах расходились мы все по домам: логика и чувство боролись там, не желая уступать друг другу...

(Е. Чириков—«Изгнание»).

ЛУЧИНА.

Снова я слышу родную лучину...
Сколько в ней горя, страданий и слез:
Видно, свою вековую кручину
Пахарь в нее перенес.
Сидя за прялкой в осеннюю вьюгу,
Пела, быть может, крестьянка в тиши
И поверяла той песне, как другу,
Жгучую скорбь наболевшей души.
Полно! Довольно про горе ты пела.
Прочь этот грустный, унылый напев!
Надо, чтоб песня отвагой гремела,
В сердце будила спасительный гнев!
Зреет в народе могучая сила,
Край наш стоит на широком пути.
То, что страдалица-мать выносила,
Сын-богатырь не захочет снести.
Мысли живой не задушит в нем голод,
Сил молодых не надломить борьба.
Смело возьмет он тяжелый свой молот
И разобьет им оковы раба!

(Л. П. Радин).

К РАБОЧИМ ВСЕХ ПЕТЕРБУРГСКИХ БУМАГОПРЯДИЛЕН.

Долго терпели мы, рабочие петербургских бумагопрядилен и, наконец, не выдержали. Невтерпеж нам больше стало работать до изнеможения сил, сносить хозяйские прижимки, видеть, как каждый день нас обсчитывают и обвешивают, как чуть не каждые полгода сбавляют расценок. А в последние дни пуще прежнего проявилась жадность хозяев. Жалко нашим богачам стало даже тех грошей, что причитались нам за дни коронации; не захотели они и отдохнуть-то дать хорошенько от работы; такая, мол, это скотина, что в отдыхе не нуждается.

Довольно!—сказали мы тогда себе.—Довольно мы молча и безропотно слушались наших хозяев. Долго мы ждали от них улучшения своего положения, но ничего не дождались. И решили мы сами добиваться

всего. Не хотят они уступить, будем мы требовать. А нужно нам требовать прежде всего:

1) Чтобы рабочий день продолжался от 7 ч. утра до 7 ч. вечера с полутора-часовым перерывом на обед, т. е. всего $10^1/_2$ часов; чтобы в субботу везде шабашили в 2 часа.

2) Чтобы расценки были повышены так, чтобы заработки не уменьшились.

3) Чтобы были уничтожены все несправедливые, незаконные прижимки и чтобы было заплачено за коронационные дни.

Будем спокойно выжидать, пока хозяева не согласятся на наши требования. Не уступят они через неделю, будем ждать вторую; не сдадутся на второй, подождем третью; не согласятся—и тогда еще будем ждать. Довольно с них будет нашего каторжного труда и в течение $10^1/_2$ часов. Достаточно прибыли и без того от нас имеют.

Товарищи, будем помнить, что взоры рабочих всего мира обращены теперь на нас. Они с восторгом приветствуют в нас борцов за рабочее дело. Петербургские рабочие всячески стараются притти к нам на помощь, устраивая по мастерским сборы в нашу пользу.

Покажем и мы, что рабочий народ умеет добиваться исполнения своих требований, будем действовать дружно и спокойно, без буйства и насилий, и победа наверное останется за нами.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса[1].

1-го июня 1896 г.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ СТАЧКИ 1896 г.

По опустевшим улицам рабочих районов передвигались отряды жандармов и казаков. Петербург казался на военном положении. Можно было подумать, что на улицах его совершается революция. Да и действительно революция совершилась, но только не на улицах Петербурга, а в головах петербургских рабочих...

Градоначальник, с одной стороны, посылая отряды казаков, полицейских, жандармов и сыщиков, думал застращать рабочих; с другой стороны, думал подействовать убеждениями и воззваниями к „патриотическому“ чувству. „Успокойтесь“,—говорил он,—подумайте, что царю надо возвращаться домой. Как же он в'едет в бунтующую столицу?“ „Увещания“ не помогли, все шло попрежнему. Стачки продолжались, на заводах шли толки и волнения. Союз издавал прокламации ежедневно, иногда даже по 2 и по 3 в день. Прокламации кой-где читались без всякого стеснения, иногда даже на улицах. Во многих прокламациях, иногда даже по специальной просьбе рабочих, выставлялось требование—освободить арестованных. Рабочие не раз ходили толпами к участкам и требовали выпустить заключенных, и случалось, добивались своего.

---

[1] Петербургский „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“ организовался осенью 1895 г.

Градоначальник от увещаний снова переходил к „устрашению". Начались повальные обыски (обыскивали целыми домами) и повальные аресты. Не было места в тюрьмах и участках, начали сажать в манеж. Пошли массовые высылки на родину. Стали силою принуждать рабочих итти на работу. Конные жандармы, напавши на толпу рабочих на улице, гнали ее по направлению к фабрике и загоняли во двор... Околоточные и городовые, в сопровождении дворников, по утрам врывались в квартиры, стаскивали рабочих с постелей, полураздетых женщин отрывали от детей и тащили на фабрики. Рабочие прятались куда могли: на чердаки, в отхожие места. Происходили раздирающие сцены...

Стачка продолжалась. Меры насилия не помогали, пускались в ход хитрости. Встают утром рабочие, видят из фабричных труб валит дым. На минуту западает сомнение: „Уж не начали ли работать?" В окнах фабрик мелькают фигуры рабочих, то бишь дворников, переодетых рабочими. Конечно, в конце концов все эти выдумки возбуждали лишь смех.

По предложению градоначальника, рабочие не раз отправляли к нему депутации. Рабочие надеялись убедить его в том, что их дело правое, и некоторые думали даже, что градоначальник может склонить фабрикантов к уступкам. Конечно, из депутаций ничего не выходило...

Рабочие постоянно собирались, и так же постоянно их разгоняли. Усердие полиции дошло до того, что полицейские делали обходы даже по полям и избивали попадающихся им навстречу рабочих. Рабочие собирались в поле, чтобы в свободное время на вольном летнем воздухе почитать и поучиться политической экономии. Правительство же своими преследованиями наглядно их учило русскому государственному праву.

Наконец, на сцену выступило само „царское привительство" в лице министра финансов Витте со своей знаменитой прокламацией к рабочим от 15 июня, об'являющей, что „правительству одинаково дороги как дела фабрикантов, так и рабочих".

К 18-му июня стачка улеглась. Рабочие всюду вновь вернулись к своим станкам, но уже не теми, какими от них отошли.

Под влиянием всех событий за время стачки изменилось отношение широких слоев рабочих к социалистам и агитаторам и к нелегальной социалистической литературе. Среди массы рабочих обнаружилась такая жажда знания, такое стремление выяснить многие стороны окружающей действительности и найти выход, каких до того времени никогда не замечалось. Тем, чем раньше интересовались лишь единицы и десятки, теперь стали интересоваться тысячи. Спрос на нелегальную литературу достиг небывалых до того времени размеров и далеко превысил предложение.

Правительству и другим классам общества впервые пришлось взглянуть на рабочий класс, как на новую народившуюся общественную силу.

(К. М. Тахтарев.—Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов. По личным воспоминаниям).

МАШИНУШКА.

Много песен слыхал я в родной стороне,
Не про радость, про горе там пели.
Из тех песен одна в память врезалась мне—
Это песня рабочей артели:
Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет.
Подернем, подернем,
Да ухнем!

Англичанин мудрец, чтоб работе помочь,
Изобрел за машиной машину,
А наш русский мужик, коль работать не в мочь,
Так затянет родную дубину:
Эх, дубинушка, ухнем! и т. д.

За годами года проходили чредой,
Изменилась родная картина;
И дубина с сохой отошли на покой—
Их сменила царица-машина.
Эх, машинушка, легче!
Эх, железная, сама идет!
Наладим, наладим!
Да пустим!

Старый строй разрушал капитал-властелин,
С корнем рвал он дворянские роды:
Мужиков и ребят из родных палестин
Гнал на фабрики, верфи, заводы.
Эх, машинушка легче! и т. д.

Где дворянская жизнь, что лилася рекой?
Уж не гнутся на барщине спины:
Правит Русью купец золотою рукой,
Мужиков превратил он в машины.
Эх, машинушка, легче! и т. д.

Знать английский урок не пропал, пошел в прок,
Поумнел наш российский купчина.
Лишь рабочий порой вопрошает с тоской:
„Что тяжеле:—соха иль машина?“
Эх, машинушка, легче! и т. д.

Без бояр, без дворян оказался наш царь,
Кто поддержит тебя, сиротина?
Кто опорой тебе будет в новой судьбе,
Кто заменит тебе дворянина?
Эх, машинушка, легче! и т. д.

Но наш царь не сплошал, он купца обласкал,
И купец ему ныне—опора,
А российский мужик уж к машине привык,
Его гложет купецкая свора.
Эх, машинушка, легче! и т. д.

Но стрепись, грозный царь, мы не будем, как встарь,
Безответно сносить свое горе:
За волною волна, подымаясь от сна,
Люд рабочий бушует, как море
Эх, машинушка, легче! и т. д.

Он разрушит в конец твой роскошный дворец
И оставит лишь пепел от трона,
И отымет в бою он порфиру твою,
И порежет ее на знамена!
Эх, машинушка, легче! и т. д.

Фабрикантов-купцов, твоих верных сынов
Точно пыль он развеет по полю,—
И на месте вражды до суровой нужды
Установит он братство и волю!
Эх, машинушка, легче!
Эх, железная, сама идет.
Наладим! Наладим!
Да пустим!

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД РС-ДРП (1898 г.).

Накануне официального открытия наших заседаний мы собрались для дружеской беседы в квартире Глеба. Настроение у нас было прекрасное: мы чувствовали, что собираемся сделать великое дело, и все были воодушевлены желанием сделать его возможно лучше. Таково, по крайней мере, было мое впечатление.

На другой день, 1-го марта, в 10 часов утра открылся с'езд [1]. Впрочем, такое торжественное выражение („открылся“) совсем неуместно: собрались мы в небольшой комнате, было всего 9 человек (бундовцы Александр, Глеб и Исаак, от „Рабочей Газеты“ Эйдельман и Вигдорчик, от Петербургского „Союза“ Степан (Радченко), от Москвы—Александр Ванновский, от Екатеринослава—Петрусевич и от Киева—я), и—решительно никаких формальностей, никакой официальности... Не только „президиума“, но и председателя формально не было выбрано... Протоколов мы не вели (из конспиративных соображений); решили записывать только постановления.

Работа, несмотря на отсутствие формально выбранного председателя, велась дружно и деловито. Прежде всего решен был вопрос о необходи-

[1] В Минске.

мости создания партии. Разумеется, разногласий в ответе не было: иначе зачем бы мы приезжали на с'езд?

Несколько больше времени ушло на определение названия партии. Были предложения назвать ее „русской" и „российской". Последнее предложение одержало верх на том основании, что партия должна об'единить не только в тесном смысле слова русских рабочих, но и рабочих всех национальностей России...

Название партии „социал-демократической" не встретило, конечно, возражений.

Было предложено включить также в название партии слово „рабочая", но это предложение собрало только 4 голоса из 9-ти (слово „рабочая" было включено позже при составлении „Манифеста", с согласия двух членов центрального комитета, оставшихся неарестованными после с'езда).

Противники предложения исходили из нежелания создавать фикцию, обман: в партию пока входило очень незначительное количество рабочих.

После докладов с мест, при чем выяснилась полная солидарность членов с'езда в вопросе о пропаганде и агитации, началось обсуждение вопроса об организации партии. Был избран центральный комитет, в который вошли представители трех наиболее влиятельных организаций (Эйдельман от группы „Рабочей Газеты", Степан от петербургского „Союза борьбы" Александр от „Бунда"). Во избежание давления центра на местные организации (которые должны были принять название „комитетов партии"), было постановлено, что комитеты в местных делах автономны и даже имеют право не исполнять постановлений Ц.К., однако выясняя каждый раз причину неисполнения. „Бунд", в частности, признавался автономной организацией в делах, касающихся еврейского пролетариата.

„Рабочую Газету" было решено сделать общепартийным органом, поручивши дело ее издания центральному комитету.

Поднят был затем вопрос об отношении партии к заграничному „Союзу русских социал-демократов", во главе с группой „Освобождение труда". Было решено предложить „Союзу" стать заграничным комитетом партии и войти с ним в тесное общение...

Этим и закончились, в сущности, занятия с'езда, продолжавшиеся три дня (1, 2 и 3 марта). Избранный нами ЦК в перерывах заседаний с'езда уже совещался между собой о дальнейшей постановке работы.

Вечером 3 марта мы все собрались на прощальную вечеринку перед от'ездом. Настроение у всех было приподнятое: мы чувствовали и сознавали, что положили начало великому делу об'единения рабочего класса всей России в борьбе за светлое будущее за социализм.

Скромный ужин с пивом сопровождался искренними тостами, пожеланиями успеха в дальнейшей борьбе... „Пусть вновь созданная партия не будет мертворожденным детищем", — вот один из тостов, который, в сущности, был содержанием и всех остальных...

С бодрой верой в наше дело уехали мы со с'езда. Я по приезде в Киев сделал доклады в „Союзе" и рабочем комитете. Решения с'езда

были вполне одобрены. Казалось, теперь пойдет работа еще лучше, еще успешнее, чем до сих пор.

Но всего через неделю после моего возвращения киевская организация была разгромлена.

В ночь с 11-го на 12-ое марта были произведены массовые аресты. То же повторилось в Москве, Екатеринославе и других городах...

Несколько позже были разгромлены и бундовцы...

Партия все-таки не могла начать жить, но она не была и мертворожденной. Хотя и не было партийного аппарата, но одно имя партии об'единяло разрозненные до тех пор организации. Они уже не чувствовали себя чем-то отдельным, маленьким, жалким—они сознавали, что они часть великого целого, великого, если пока не в реальности, то в идее.

И потому первый с'езд партии по праву считается начальным моментом ее существования...

(П. Л. Тучапский.—„Из пережитого").

МАНИФЕСТ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

50 лет тому назад над Европой пронеслась живительная буря революции 1848 г.

Впервые на сцену выступил—как крупная историческая сила—современный рабочий класс. Его силами буржуазии удалось смести много устарелых феодально-монархических порядков. Но буржуазия быстро рассмотрела в новом союзнике своего злейшего врага и предала и себя, и его, и дело свободы в руки реакции. Однако было уже поздно: рабочий класс, на время усмиренный, через 10—15 лет снова появился на исторической сцене—с удвоенными силами, с возросшим самосознанием, как вполне зрелый боец за свое конечное освобождение.

Россия все это время оставалась, новидимому, в стороне от столбовой дороги исторического движения. Борьбы классов в ней не было видно, но она была и, главное, все зрела и росла. Русское правительство с похвальным усердием само насаждало семена класовой борьбы, обездоливая крестьян, покровительствуя помещикам, выкармливая и откармливая на счет трудящегося населения крупных капиталистов. Но буржуазно-капиталистический строй немыслим без пролетариата или рабочего класса. Последний родится вместе с капитализмом, растет вместе, крепнет и по мере своего роста все больше и больше наталкивается на борьбу с буржуазией.

Русский фабричный рабочий, крепостной и свободный, всегда вел то скрытую, то явную борьбу со своими эксплоататорами. По мере развития капитализма размеры этой борьбы росли, они захватывали все большие и большие слои рабочего населения. Пробуждение классового самосознания русского пролетариата и рост стихийного рабочего движения совпали с окончательным развитием международной социал-демократии, как носительницы классовой борьбы и классового идеала созна-

тельных рабочих всего мира. Все новейшие русские рабочие организации всегда в своей деятельности сознательно и бессознательно действовали в духе социал-демократических идей. Силу и значение рабочего движения и опирающейся на него социал-демократии всего ярче обнаруживал ряд стачек за последнее время в России и Польше, в особенности знаменитые стачки петербургских ткачей и прядильщиков в 1896 и 1897 годах. Стачки эти вынудили правительство издать закон 2 июня 1897 г. о продолжительности рабочего времени. Этот закон—как бы ни были велики его недостатки—останется навсегда достопамятным доказательством того могущественного давления, которое оказывают на законодательную и иную деятельность правительства соединенные усилия рабочих. Напрасно только правительство мнит, что уступками оно может успокоить рабочих. Везде рабочий класс становится тем требовательнее, чем больше ему дают. То же будет и с русским пролетариатом. Ему давали до сих пор лишь тогда, когда он требовал, и впредь будут давать лишь то, чего он потребует.

А чего только не нужно русскому рабочему классу? Он совершенно лишен того, чем свободно и спокойно пользуются его заграничные товарищи: участия в управлении государством, свободы устного и печатного слова, свободы союзов и собраний—словом, всех тех орудий и средств, которыми западно-европейский и американский пролетариат улучшает свое положение и вместе с тем борется за свое конечное освобождение против частной собственности и капитализма—за социализм. Политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания. Она—основное условие его свободного развития и успешной борьбы за частичные улучшения и конечное освобождение.

Но нужную ему политическую свободу русский пролетариат может завоевать себе только сам.

Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении и слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, тем больше культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы. Это необходимый, но лишь первый шаг к осуществлению великой исторической миссии пролетариата: созданию такого общественного строя, в котором не будет места эксплоатации человека человеком. Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма.

Первые шаги русского рабочего движения и русской социал-демократии не могли не быть разрозненными, в известном смысле случайными, лишенными единства и плана. Теперь настала пора об'единить местные силы, кружки и организации русской социал-демократии в „Российскую социал-демократическую рабочую партию“. В сознании этого представители: „Союзов борьбы за освобождение рабочего класса“, группы, издающей „Рабочую Газету“, и „Общееврейского рабочего союза в России и Польше“ устроили с'езд...

Местные группы, соединяясь в партию, сознают всю важность этого шага и все значение вытекающей из него ответственности. Им они окон-

чательно закрепляют переход русского революционного движения в новую эпоху сознательной классовой борьбы. Как движение, так и направление—социалистическое. Российская социал-демократическая партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главнейшей из ближайших задач партии в ее целом завоевании политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой „Народной Воли". Но средства и пути, которые избирает социал-демократия—иные. Выбор их определяется тем, что она сознательно хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс. Она твердо убеждена, что „освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом", и будет неуклонно сообразовывать все свои действия с этим основным началом международной социал-демократии.

Да здравствует русская, да здравствует международная социал-демократия!

---

* * *

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнув в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой.
„Братский союз и свобода!"
Вот наш девиз боевой.

Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил.
Черные дни миновали,
Час искупленья пробил.

Время за дело приняться,
В бой поспешим мы скорей,
Нашей ли рати бояться
Призрачной силы царей?

Все, чем держатся их троны,
Дело рабочей руки...
Сами набьем мы патроны,
К ружьям при интим штыки.

Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда...

(Л. П. Радин).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Накануне первой русской революции (900-е годы).

МАНИФЕСТ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ.

По основным своим убеждениям мы—социалисты-революционеры. Наша конечная цель—полное политическое и экономическое освобождение рабочих классов: переход политической власти к народу, обобществление средств производства, распределения и всей общественной жизни страны на социалистических началах. Для достижения этих целей мы должны использовать все данные нам историей общественные силы, заинтересованные в полном или частном осуществлении наших задач, развить самосознание народных масс и организовать их согласно задачам партии...

Признавая, как все социалисты, что полное освобождение рабочего класса может быть достигнуто только самим рабочим классом и что без его активного участия в освободительной борьбе невозможно никакое улучшение его положения, мы в то же время сознаем, что сколько-нибудь широкая постановка борьбы за это освобождение при существующих в России политических условиях невозможна, а потому мы ставим ближайшей своей задачей завоевание политической свободы...

Вполне назревшей задачей мы считаем борьбу с самодержавием; замена единоличной воли самодержца коллективной волей народа—вот руководящий принцип нашей ближайшей деятельности. В круг этой деятельности входит все, что вредит идее самодержавия, подрывает ее основы, дискредитирует ее в глазах народа и общества...

Мы не решаемся утверждать, что Россия минует ту стадию развития политических форм, которую переживает Западная Европа—стадию конституционализма. Выставляя поэтому достижение конституции своим ближайшим требованием, мы вместе с тем не отказываемся от борьбы за дальнейшее и полное проявление народной воли...

Мы признаем, что вместе с развитием капитализма в России происходит расслоение общества на классы, с противоположными экономическими и правовыми интересами. Среди различных, созданных капитализмом, слоев рабочего класса, промышленный пролетариат в России, как и в Западной Европе, является и наиболее культурным, а потому и нап-

более восприимчивым к революционному и социалистическому воздействию. Об'единенный процессом капиталистического производства, промышленный пролетариат может быть сорганизован для революционной борьбы легче и скорее, чем все другие слои рабочего класса. Поэтому первое место в нашей деятельности мы отводим революционной работе в среде промышленного пролетариата...

Что касается ремесленных рабочих и кустарей, а также промышленных рабочих, занятых в различных промыслах не фабричного характера, то, хотя они и не представляют таких компактных масс, как фабрично-заводский пролетариат, но в виду тождественности их экономического и правового положения с положением последнего, мы считаем возможным вести среди них пропаганду и агитацию на тех же основаниях, как и среди фабрично-заводских рабочих.

Отводя в нашей программе первое место революционной деятельности среди промышленного пролетариата, мы признаем также необходимой и возможной в настоящее время революционную деятельность и среди крестьянства. Необходима она потому, что, без сочувствия и поддержки крестьянства, промышленный пролетариат в России не в состоянии сломить силу правительства и добиться хотя бы одной политической свободы, не говоря уже об экономической... Кроме того, экономические и правовые интересы промышленных рабочих тесно связаны с интересами деревни, так как, с одной стороны, значительное количество русских фабрик и заводов находится не в городах, а в деревнях, среди сельского населения, а с другой стороны—ряды промышленных рабочих постоянно пополняются представителями сельского населения и значительная часть этих рабочих сохраняет семейные, юридические и экономические связи с деревней. Поэтому политическое бесправие, забитость и бедность крестьянства также резко отражаются на положении промышленного пролетариата.

Что касается собственно крестьянства, то оно в настоящее время не представляет уже той почти однородной массы, какою оно было при освобождении от крепостной зависимости. Современное крестьянство расслоилось на три группы: 1) группу сельского пролетариата, живущего исключительно продажей своей рабочей силы; 2) группу мелкой сельской буржуазии, систематически эксплоатирующей в своем хозяйстве наемный труд, и 3) промежуточный между этими группами слой малоземельного крестьянства, значительно превосходящий количественно обе группы и хотя не лишенный еще земли и ведущий самостоятельное хозяйство, но быстро беднеющий и вынужденный добывать все большую и большую часть средств существования продажею своей рабочей силы. Интересы этого слоя крестьянства совпадают с политическими и правовыми интересами промышленного пролетариата, а также и с его экономическими интересами, поскольку крестьянство является продавцом своей рабочей силы. Поэтому мы признаем, что как среди сельского пролетариата, так и среди малоземельного крестьянства, необходима и вполне возможна революционная пропаганда идей политической свободы и социализма.

При этом мы полагаем, что какова бы ни была в будущем судьба нашей земельной общины, в настоящее время она может облегчить усвоение крестьянством идеи национализации земли.

Признавая возможной и необходимой революционную деятельность в деревне, мы, однако же, в настоящее время будем стремиться концентрировать свои наличные силы в городах в виду большей культурности городского рабочего населения и большей продуктивности деятельности среди этого населения сравнительно с сельским...

Нам, как социалистам, буржуазия по самой сущности своих интересов враждебна. Однако, в настоящее время у нас с нею имеется точка соприкосновения в указанном стремлении к политической свободе. Русская буржуазия, как и всякая иная, неспособна к самопожертвованию и без поддержки рабочего народа бессильна бороться с правительством. Поэтому, пока на очереди стоит вопрос об уничтожении самодержавия, более сознательная часть буржуазии сочувственно относится к революционному движению, несмотря на противоположность социальных тенденций этого движения ее интересам. С другой стороны, и для нас поддержка со стороны буржуазии во многих отношениях может быть весьма полезной. Поэтому, признавая излишним затрачивать свои силы на организацию пропаганды среди буржуазии, как таковой, мы тем не менее будем поддерживать всякие протесты против полицейско-бюрократического гнета, исходящие от органов местного или сословного самоуправления, прогрессивной печати и т. д. Вместе с тем, мы считаем необходимым продолжать революционно-социалистическую пропаганду среди наиболее радикально настроенной части буржуазии, а также среди учащейся молодежи, для привлечения лучших представителей из их среды в ряды нашей партии.

Непосредственно к буржуазии примыкает, по внешним формам своей жизни, тот довольно многочисленный культурный слой, известный под именем „интеллигентного пролетариата", который живет не рентой и не процентом с капитала, а своим собственным трудом. Этот слой, не представляя собою самостоятельного класса и не имея своих специальных классовых интересов, является, так сказать, промежуточным между буржуазией и пролетариатом... Мы считаем необходимым обратить особое внимание на этот социальный слой и черпать из него наиболее сознательные и активные элементы для пополнения наших рядов...

Мы убеждены, что руководимые партией демонстрации, протесты, стачки и целый ряд других проявлений коллективного недовольства существующими общественными отношениями, постепенно усиливаясь и захватывая все более и более широкие массы народа, расшатают полицейско-бюрократическое государство и приведут его к полному падению [1]...

---

[1] Манифест партии эс-эров был выработан на I-ом об'единительном с'езде групп эс-эров, состоявшемся в Харькове в конце лета 1900 г.

ДУБИНУШКА.

Удивил царь весь мир,
Как царям предложил
Уничтожить военные силы:
„Нам не нужны войска,
Будем жить, как друзья,
И забудем про силу дубины".
Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет!
Подернем, подернем,
Да ухнем!

Но дошло до царя,
Что настала пора,
И студенты восстали за право,
Первым делом тогда
Принялся без труда
По-старинному он за расправу.
Эх, дубинушка, ухнем! и т. д.

И дубиною той
Милосердной рукой
Пополняет полки молодежью [1],
И, как вспомнишь порой,
Где твой друг дорогой,
Так невольно подернешься дрожью.
Эх, дубинушка, ухнем! и т. д.

Но крепись, брат родной,
За твоею спиной
Мы поднимемся дружной семьею
И сотрем произвол,
И сам царский престол
Мы сравняем с сырою землею.
Эх, дубинушка, ухнем! и т. д.

Чтоб в солдатских рядах
От печали не чах,
Запевай-ка родную дубину,—
Вспоминая о нас,
Ожидая тот час,
Когда мы отомстим властелину!
Эх, дубинушка, ухнем! и т. д.

---

[1] Студенческое движение, зародившись в кружках в начале 90 г.г., охватило широкие массы учащейся молодежи. В 1899 г. министр народного просвещения Боголепов разработал правила о сдаче в солдаты студентов за участие в беспорядках. В 1900 и 1901 г.г. эти правила были применены, и значительное число студентов было сдано в солдаты. 14 февр. Боголепов смертельно ранен выстрелом из револьвера бывш. студентом Карповичем. 2 марта Боголепов умер

Что ни день, что ни час
Издавая указ,
Царь врагов сам себе наживает,
И в России давно
Страшной злобой полно
Все, что мыслит, живет и страдает.
Эх, дубинушка, ухнем! и т. д.

Нет, зачем нам страдать
И себя продавать,
Слепо идя во власть произвола?
Не пора ли начать
Нам народ созывать?
Для борьбы уже почва готова!
Эх, дубинушка, ухнем! и т. д.

И не в день и не в год
Тот рабочий народ
Весь готов для борьбы за свободу!
И, ведь, долг наш восстать
И ему помогать
Сбросить с плеч вековую невзгоду!
Эх, дубинушка, ухнем!

Но, ведь, правда, друзья,
Что сей песни слова
Не должны оставаться лишь звуком.
И настанет пора,
Когда наша семья
Вся восстанет, идя друг за другом!
Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, самая пойдет!
Подернем, подернем,
Да ухнем!

ОБУХОВСКОЕ ДЕЛО.

(7 мая 1901).

Работа на заводе шла, и—обычным порядком—те же нудные гудки утром, в обед и вечером. Массы рабочих после „шабаша“ покрывали собой весь Шлиссельбургский тракт на несколько минут и постепенно рассасывались по переулкам в свои квартиры. Внешне все спокойно.

Мы небольшой группой 10-ти человек сговорились не работать 1 мая. Под разными предлогами отпросились у своего начальства и провели этот день вместе в поле...

На другой день на заводе говорили, что много рабочих из мастерских не работали, а пушечная и замочная мастерские совсем не работали.

В субботу, кажется, 4 мая, было об'явлено о расчете 12 рабочих за самовольный прогул 1 мая.

В понедельник 7 мая с утра все было по-старому. Перед тем как уходить на обед С. П. Медведев предложил мне прийти с обеда пораньше, так как рабочие хотят говорить с Власьевым, начальником завода, и требовать приема уволенных товарищей обратно... Второй гудок... Рабочие по-одиночке и небольшими группами проходят мимо окон и задерживаются на дворе... Наконец, весь громадный двор завода заполнен рабочими...

Кто-то громко закричал: „Власьева сюда". Остальные подхватывают: „Власьева, Власьева"... „Заступимся, товарищи"... „Будем требовать"...

Из дверей конторы выходит старик, генерал Власьев, в парадной форме с орденами... Высокий рабочий из пушечной говорит с генералом, что—ничего не слышно... Переговорив, Власьев удаляется вглубь завода, вслед за ним вся масса рабочих быстро рассасывается по мастерским. Выясняется, что Власьев срочно поехал на катере в Питер в правление, обещав похлопотать о возврате уволенных и к трем часам дать ответ... Двор опустел... Завод ожил, работает.

Около 4 часов вдруг всех взбудоражил пронзительный стон сирены—пожарного гудка завода... Быстро-быстро выбегают из мастерских рабочие... Кричат: „Иванова давай, Иванова!" (ненавидимый всеми помощник Власьева). Толпа растет. Прибегает Иванов, что-то кричит... грозит и убегает обратно. Вся масса рабочих с шумом раскрывает ворота завода и поползла на улицу. Забастовка... С противоположной стороны Шлиссельбургского проспекта показываются рабочие с соседнего Александровского завода и работницы с карточной фабрики. Настроение праздничное. Показывается отряд конных жандармов. Команда офицера и—жандармы бросаются вскачь вразрез толпы, которая шарахается в сторону... Настроение быстро меняется. Все обозлились.

Быстро выбирается булыжник из мостовой и пускается в дело. Жандармы открывают огонь из револьверов, кого-то ранят. Офицера сшибли—испуганная лошадь несется вдоль улицы. В результате жандармов загнали в переулок, у некоторых поотнимали шашки и нагайки. На подмогу побитым жандармам с завода вышел отряд матросов (учебная команда флотского экипажа находилась на заводе для практических занятий). Построились... Вдали показывается новый отряд городовых и начинает выступать. Происходит схватка. Снова одерживаем победу.

Слышу резкие звуки выстрелов... Вижу над матросами стоит дым... Передние взяли „с колена", задний ряд „стоя" держит на прицел в нашу сторону. Что-то обожгло правую руку... Вижу кровь... Меня ранили. В глазах темнеет...

Через месяц выписался из больницы... Товарищи попритихли. Мало показываются на улицу. Много из них уволено, некоторые сидели в тюрьме, иные умерли от ран...

Своей обороной обуховцы кровью вписали страницу в историю революционного движения питерских рабочих...

(Сулимов.—„Воспоминания обуховца". См. „Пролетарская Революция", № 12).

КИШИНЕВСКИЙ ПОГРОМ.

(1903 г.).

Кишиневские события показывают, что как администрация, так и военные власти совершенно игнорируют смысл и значение закона, изложенного в приложении к статье 316 (примеч.) т. II, Общ. Губ. Учр. и циркуляра министерства внутренних дел от 12 марта 1901 г. за № 1200. Разгром и расхищение вещей происходили на глазах войска и полиции, которые со своей стороны не принимали никаких мер к прекращению этого бесчинства. Это происходило в то время, как губернатор „передал город военному начальству", а последнее еще не сделало распоряжений по частям войск о том, что они должны делать. Вследствие этого, полиция, ошибочно думая, что с передачею города в распоряжение военной власти, она освобождена от всяких обязанностей, со своей стороны ничего не предпринимала, а военные патрули, не получая приказа от своего начальства, также ничего не делали. Грабители же этим пользовались и разгромили все еврейские дома и магазины от вокзала железной дороги и до городского бульвара...

Затем были убиты и ранены многие евреи: мужчины, женщины и дети. У всех убитых размозженны кости черепов, а у одного ребенка оторвана рука. Евреев бросали со второго этажа домов на мостовую и всячески над ними издевались. В настоящее время убитых уже насчитывают более 40 (точно установить число убитых затруднительно, так как в больнице постоянно умирают раненые), раненых же более 300 человек, из которых многие безнадежны и, вероятно, умрут. Из христиан убито 3 человека. Раненые помещаются в еврейской больнице при ужасной обстановке: больные лежат по-двое на кроватях и на полу. Больница переполнена. До чего безучастно относились местные власти к погрому, можно заключить из того, что когда толпа евреев, окровавленная, убегала от бивших ее буянов, в сквере, мимо которого бежала эта толпа, военная музыка играла веселые мотивы, и никто на несчастных не обратил никакого внимания и не оказал им помощи, а полицмейстер принимал у себя архиерея, который в этот день делал визиты... Бездействие властей в течение 30 часов заставило в народе говорить, что из Петербурга пришло разрешение бить евреев, вследствие чего власти и не препятствуют этого делать. Губернатор 6 и 7 апреля не выезжал из дому и только 8 апреля об'ехал город, сопровождаемый 4 драгунами... Когда войска получили приказ действовать оружием и начали действовать энергично, беспорядки прекратились. Если бы в первый день пасхи были приняты надлежащие меры, беспорядков не было бы совсем...

(Из рапорта прокурора Одесской судебной палаты А. Поллана—управляющему министерством юстиции. См. „Материалы для истории антиеврейских погромов в России").

РАСКОЛ Р. С.-Д. Р. П.

(II С'езд в авг. 1903) [1].

Из прений о программе партии.

Посадовский. Заявления, сделанные здесь за и против поправок [2], представляются мне спором не из-за деталей, а серьезным разногласием; несомненно, мы не сходимся по следующему основному вопросу: нужно ли подчинить нашу будущую политику тем или другим основным демократическим принципам, признав за ними абсолютную ценность, или же все демократические принципы должны быть подчинены исключительно выгодам нашей партии? Я решительно высказываюсь за последнее. Нет ничего такого среди демократических принципов, чего мы не должны были бы подчинить выгодам нашей партии (Восклицания: „И неприкосновенность личности?") Да! И неприкосновенность личности! Как партия революционная, стремящаяся к своей конечной цели,—социальной революции,—мы исключительно с точки зрения скорейшего осуществления этой цели, с точки зрения выгоды нашей партии должны относиться к демократическим принципам. Если то или другое требование будет невыгодно нам, мы его не будем вводить. Поэтому я высказываюсь против внесения поправок, как могущих в будущем сузить свободу наших действий.

Плеханов. Вполне присоединяюсь к словам тов. Посадовского. Каждый данный демократический принцип должен быть рассматриваем не сам по себе в своей отвлеченности, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно к принципу, гласящему, что salus populi suprema lex. В переводе на язык революционера это значит, что успех революции—высший закон. И если бы, ради успеха революции, потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться. Как личное свое мнение, я скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного

---

[1] II с'езд Р.С.-Д.Р.П. состоялся в августе 1903 года. Первоначально с'езд собрался было в Брюсселе, но вскоре вынужден был переехать в Лондон. Участвовало 43 делегата с решающим голосом, от 26 организаций. Кроме того, участвовало 14 делегатов с совещательным голосом. С'езд был организован революционными с.-д., группировавшимися вокруг „Искры". С'ездом была принята программа партии, проект которой был выработан Лениным и Плехановым. На этом же с'езде произошел раскол между искровцами по организационному вопросу § 1 устава партии. Из внесенных двух формулировок этого §,—Ленина и Мартова—формулировка последнего получила большинство голосов, но зато по ряду других вопросов большинство делегатов голосовало вместе с Лениным, меньшинство же возглавлялось Мартовым. Вскоре после с'езда расхождение между меньшинством (меньшевиками) и большинством (большевиками) стало выявляться по целому ряду вопросов, причем все оппортунистические, колеблющиеся элементы примкнули к меньшинству, все же революционные, устойчивые—к большинству.

[2] Обсуждался § 2 общеполитической части программы—о народном представительстве и избирательном праве.

права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии. Гипотетически мыслим такой случай, когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права. Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов, подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права. О пригодности такой меры можно было бы судить лишь с точки зрения правила: salus revolutiae suprema lex. И на эту точку зрения мы должны были бы стать и в вопросе о продолжительности парламентов. Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент—то нам следовало бы стараться сделать его долгим парламентом, а если бы выборы сказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели.

(Рукоплескания, на некоторых скамьях шиканье, голоса: „Вы не должны шикать!“ Плеханов: „Почему же нет? я очень прошу товарищей не стесняться!“ Егоров встает и говорит: „Раз такие речи вызывают рукоплескания, то я обязан шикать“)...

Обсуждение устава.

Докладчик уставной комиссии, Глебов, указывает, что в комиссии голоса разделились так, что пункт первый устава предлагается в двух формулировках [1].

Аксельрод. Я думаю, что нам нужно разграничить понятия—партия и организация. А здесь эти два понятия смешиваются. Это смешение опасно. Вспомним о строго-конспиративных и централистических организациях прошлого: „Земля и Воля“ и „Народная Воля“. Вокруг „Земли и Воли“ группировался целый ряд лиц, не входивших в организацию, но так или иначе помогавших ей и считавшихся членами партии. „Народная Воля“ была еще разборчивее, но и она придерживалась того же принципа. Этот принцип должен быть еще более строго проведен в социал-демократической организации. И в самом деле, возьмем например, профессора, который считает себя социал-демократом и заявляет об этом. Если мы примем формулу Ленина, то выбросим за борт часть людей, хотя бы и не могущих быть принятыми непосредственно в организацию, но являющихся тем не менее членами партии. Мы создаем, конечно, прежде всего организацию наиболее активных элементов партии, организацию революционеров, но мы должны, раз мы партия класса, подумать о том, чтобы не оставлять вне партии людей, сознательно хотя быть может и не совсем активно, примыкающих к этой партии...

---

[1] § 1 устава в формулировке Ленина:

Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию, как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций.

§ 1 устава в формулировке Мартова (принятой с'ездом):

Членом Р.С.-Д.Р.П. считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций.

Мартов. Чем шире будет распространено название члена партии, тем лучше. Мы можем только радоваться, если каждый стачечник, каждый демонстрант, отвечая за свои действия, сможет об'явить себя членом партии...

Для Ленина нет иных организаций в партии, кроме „партийных организаций". Для меня, напротив, такие организации должны существовать... Я бы считал большим торжеством нашей партии, если бы например какой-нибудь союз „независимых" определил, что он принимает точку зрения социал-демократии и ее программу и вступает в партию, что не значит, однако, что мы включаем союз в партийную организацию... Наша формулировка выражает стремление к тому, чтобы между организацией профессиональных революционеров и массой был ряд организаций. Для нас рабочая партия не ограничивается организацией профессиональных революционеров. Она состоит из нее, плюс вся совокупность активных передовых элементов пролетариата.

Плеханов:... Весь вопрос сводится к тому, какие элементы могут быть включены в нашу партию. По проекту Ленина членом партии может считаться лишь человек, вошедший в ту или другую организацию. Противники этого проекта утверждают, что этим создаются какие-то излишние трудности. Но в чем эти трудности? Говорилось о лицах, которые не захотят или не смогут вступить в одну из наших организаций. Но почему не смогут? Как человек, сам участвовавший в русских революционных организациях, я скажу, что не допускаю существования об'ективных условий, составляющих непреодолимое препятствие для такого вступления. А что касается тех господ, которые не захотят, то их нам и не надо. Здесь сказали, что иной профессор, сочувствующий нашим взглядам, может найти для себя унизительным вступление в ту или другую местную организацию. По этому поводу мне вспоминается Энгельс, говоривший, что когда имеешь дело с профессором, надо заранее приготовиться к самому худшему (Смех)... Говорить же о контроле партии над людьми, стоящими вне организации, значит играть словами. Фактически такой контроль неосуществим...

Не понимаю я также, почему думают, что проект Ленина, будучи принят, закрыл бы двери нашей партии множеству рабочих. Рабочие, желающие вступить в партию, не побоятся войти в организацию. Им не страшна дисциплина. Побоятся войти в нее многие интеллигенты, насквозь пропитанные буржуазным индивидуализмом. Но это-то и хорошо. Эти буржуазные индивидуалисты являются обыкновенно также представителями всякого рода оппортунизма. Нам надо отдалять их от себя. Проект Ленина может служить оплотом против их вторжений в партию, и уже по одному этому за него должны голосовать все противники оппортунизма...

Ленин. От плохого пункта устава мы еще далеко не погибнем! Но раз уже дошло до выбора из двух формулировок, то я никак не могу отказаться от своего твердого убеждения, что формулировка Мартова есть ухудшение первоначального проекта, ухудшение, которое может принести партии при известных условиях немало вреда...

Корень ошибки тех, кто стоит за формулировку Мартова, состоит в том, что они не только игнорируют одно из основных зол нашей партийной жизни, но даже освящают это зло. Состоит это зло в том, что в атмосфере почти всеобщего политического недовольства, при условиях полной скрытности работы, при условиях сосредоточения большей части деятельности в тесных тайных кружках и даже частных свиданиях, нам до последней степени трудно, почти невозможно, отграничить болтающих от работающих... Не только в интеллигенции, но и в среде рабочего класса, мы страдаем от этого зла жестоко, и формулировка тов. Мартова узаконяет это зло. Формулировка эта неизбежно стремится всех и каждого сделать членами партии... Именно этого и не хотим мы! Именно поэтому мы и восстаем так решительно против формулировки Мартова. Лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии (действительные работники за чинами не гонятся), чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии. Вот принцип, который мне кажется неопровержимым и который заставляет меня бороться против Мартова... Нельзя забывать, что всякий член партии ответственен за партию и партия ответственна за всякого члена. При наших же условиях политической деятельности, при зачаточном состоянии настоящей политической сорганизованности, было бы прямо опасно и вредно давать не членам организации право членства и возлагать ответственность на партию за таких людей, которые в организацию не входят (и не входят может быть умышленно)...

Наша задача—дать фактический контроль в руки Ц. К. Наша задача—оберегать твердость, выдерживать чистоту нашей партии. Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше—и поэтому я против формулировки Мартова.

С'езд переходит к голосованию. Формулировка Ленина отклонена (поименным голосованием) 28 против 23. Формулировка Мартова принята 28 против 22 при одном воздержавшемся.

(Из „Протоколов второго с'езда". См. „25 лет Р. К. П. (большевиков) 1898—1923". Иллюстр. юбилейный сборник).

ЗУБАТОВЩИНА.

На звонок у парадного дверь открылась, и мы вошли в маленькую переднюю, где нас встретил сам хозяин квартиры—С. В. Зубатов.

Он сам любезно помог нам раздеться, и, когда Игнатов познакомил нас с ним, пригласил нас в кабинет, куда по его распоряжению был подан чай с обилием сахара и печенья.

Резкий контраст между воображаемым и действительным Зубатовым на первых порах меня озадачил.

Вместо грубого жандарма я увидел любезного, с приличными манерами средних лет господина, одетого в штатское. Он первый начал разговор на тему о ходе дел в организации.

Я ему заметил, что за последнее время интерес рабочих к ней начинает как бы падать, так как в области разговорной перед рабочими открыт широкий мир лучшей жизни, но в действительности положение наше не улучшилось ни на иоту...

— Вы правы,—отвечал он,—но вы забываете, что экономическое улучшение быта рабочих идет параллельно с ростом их самосознания, а потому наши фабриканты едва ли будут склонны пойти добровольно хотя бы на какие-нибудь уступки в вашу пользу. Нужно, чтобы власть, государственная власть, заставила их это сделать.

Он встал со стула и несколько минут ходил молча по комнате.

— Знаете ли что,—сказал он, вдруг остановившись:—Мне до боли бывает тяжело видеть, когда рабочий, придя к нам, чиновникам, просит о чем-либо, гнется перед нами чуть ли не в три погибели. Несчастный, жалкий, слепой человек! Не ты перед нами, а мы перед тобой должны гнуть спину. Ведь всем своим существованием, всем довольством жизни мы обязаны тебе, твоему неустанному труду. Могу ли я ему сказать это?—обратился он как бы с вопросом.—Разумеется, нет. Вот почему я сказал, что лучшее существование рабочего придет к нему вместе с ростом его самосознания.

Тон его голоса и чувство, с которым была произнесена эта речь, звучали искренностью, но эти слова говорил Зубатов, лицо стоящее во главе московского охранного отделения...

У меня, что называется, голова кругом пошла.

Однако, с этой минуты я решил быть с ним как можно осторожнее и остальное время старался язык держать за зубами.

— Вы пользуетесь вот этим?—спросил, обращаясь к нам Зубатов, доставая из шкафа несколько листков подпольной литературы.

Мы скорчили невинные рожи, сказав, что к таким вещам боимся прикасаться.

— Напрасно, это—вещь хорошая, и я советовал бы вам иногда литературой такого рода пользоваться. Правда, в ней много брани, ненужного задора, но в ней есть и огонь, способный зажигать ум и волю рабочего. Только в таком случае надо быть осторожным. Как человек, злоупотребляющий алкоголем, в конце концов, кончит дурно, так и в данном случае, если исключительно питаться этой литературой, то, в конце концов, обязательно сгоришь. Мой совет таков: можно дать новичку раз, два отведать этой литературы для того, чтобы зажечь в нем кровь и расшевелить его мозг, а потом предложите-ка вы ему познакомиться вот с этими книгами. Они—легальны. В них говорится то же самое, только в более спокойном научном тоне,—и он указал нам на некоторые книги, названия которых я сейчас не помню:—Таким образом, вы избавите вашего ученика от возможности попасть в тюрьму или ссылку и, вместе с тем, создадите из него тип спокойного рассудительного сознательного рабочего.

Потом разговор перешел на события последних дней...

(Прудников.—„Страничка из воспоминаний о Зубатове". Сб. „Путь к Октябрю". Вып. I).

„СОБРАНИЕ РУССКИХ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ".

Справка.
№ 9.
Отделение по охранению порядка и общественной безопасности в С.-Петербурге.

„Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга" возникло из небольшого кружка рабочих, которые задались целью проявлять разумную самодеятельность честно, открыто и на легальной почве.

По предложению организатора кружка о. Георгия Гапона было законтрактовано членами кружка помещение на три года (Выб. сторона, Оренбургская, д. 23) с платой по 55 р. в месяц, где с 30 августа 1903 г. и была открыта чайная, первоначальное оборудование которой обошлось около 400 р.

Таким образом, у рабочих появился свой угол, своего рода клуб, где они, хотя, повидимому, и в мелком виде, но зато на самом деле, могли под руководством о. Гапона честно и открыто проявлять свою самодеятельность в области самопомощи и взаимопомощи, а также трезво и разумно проводить свое свободное от работ время, то в самообразовании, то во всестороннем обсуждении своих нужд, то наконец в участии на своих семейных вечерах литературно-вокального и музыкального характера...

Такая постановка дела естественно обратила внимание на указанную чайную здравомыслящих фабрично-заводских рабочих, и кружок сравнительно быстро начал увеличиваться в своем составе.

В сентябре месяце того же 1903 года о. Гапон занялся составлением устава „Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга", который и был рассмотрен членами кружка во 2-й половине октября и 9 ноября подан г. С.-Петербургскому Градоначальнику. 11 апреля 1904 года „Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга" официально открыло свою деятельность, согласно уставу, утвержденному Министром внутренних дел 15 апреля того же 1904 года.

30-го же мая сего года состоялось открытие 1 отдела собрания за Нарвской заставой в прекрасном помещении, законтрактованном также на три года (Петергофское шоссе, д. 42). Оборудование 2-го помещения с чайной обошлось 360 рублей, из коих 150 рублей были даны Особым отделом департамента полиции, а 210 рублей С.-Петербургским охранным отделением.

В настоящее время „Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга" насчитывает в своем составе более 750 действительных членов.

Присматриваясь к деятельности „Собрания", невольно начинаешь верить в его жизнеспособность и в его могущее быть весьма благотворным влияние на рабочую массу: опыт жизни самого собрания, хотя и

кратковременный, служит тому порукой. И теперь уже собрание русских рабочих ясно начинает обрисовываться, как благожелательный общественный элемент. К тому же оно все более начинает приобретать симпатию в разумно-честной среде русских рабочих. Доказательством служат усиленные просьбы действительных членов собрания с разных концов Петербурга открыть отделы собрания и в их местностях, так как некоторые рабочие только из-за дальности расстояния не вступают в действительные члены Собрания.

В настоящее время было бы своевременно открытие 2-го отдела собрания за Невской заставой, и осуществление этого задерживается лишь благодаря отсутствию средств (около 400 рублей), нужных для оборудования чайной.

Подполковник Кременецкий.

ВАРШАВЯНКА.

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.

Но мы подымем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов,
За лучший мир, за святую свободу!
На бой кровавый,
Святой и правый
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Мрет в наши дни с голодухи рабочий,
Станем ли дольше мы, братья, молчать?
Наших сподвижников юные очи
Может ли вид эшафота пугать?
В битве великой не сгинут бесследно
Павшие с честью во имя идей;
Их имена, с нашей песнью победной,
Станут священны мильонам людей!
На бой кровавый и т. д.

Нам ненавистны тиранов короны,
Цепи народа-страдальца мы чтим.
Кровью народной залитые троны
Кровью мы наших врагов обагрим.

Месть беспощадная всем супостатам,
Всем паразитам трудящихся масс,
Мщенье и смерть всем царям,—плутократам;
Близок победы торжественный час.
На бой кровавый,
Святой и правый
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

УБИЙСТВО ПЛЕВЕ (15 июня 1904 г.).

Когда я подошел к 7-ой роте Измайловского полка, я увидел, как городовой на углу вытянулся во фронт. В тот же момент на мосту через Обводный канал я заметил Сазонова. Он шел, как и раньше,— высоко подняв голову и держа у плеча снаряд. И сейчас же сзади меня раздалась крупная рысь, и мимо промчалась карета с воронымн конями... Сзади ехало еще двое сыщиков в собственной, запряженной вороным рысаком пролетке. Я узнал выезд Плеве.

Прошло несколько секунд. Сазонов исчез в толпе... Вдруг в однообразный шум улицы ворвался тяжелый и грузный, странный звук. Будто кто-то ударил чугунным молотом по чугунной плите. В ту же секунду задребезжали жалобно разбитые в окнах стекла. Я увидел, как от земли узкой воронкой взвился столб серо-желтого, почти черного по краям дыма. Столб этот, все расширяясь, затопил на высоте пятого этажа всю улицу...

Когда я подбежал к месту взрыва, дым уже рассеялся. Пахло гарью. Прямо передо мною, шагах в четырех от тротуара, на запыленной мостовой я увидел Сазонова. Он полулежал на земле, опираясь левой рукой о камни и склонив голову на правый бок... Лицо было бледно, и кое-где по лбу и щекам текли струйки крови. Глаза были мутны и полузакрыты. Ниже у живота начиналось темное кровавое пятно, которое, расползаясь, образовало большую багряную лужу у ног.

Я наклонился над ним... Вдруг в голове мелькнула мысль, что он убит и тотчас же сзади я услышал чей-то голос:

— А министр? Министр, говорят, проехал.

Тогда я решил, что Плеве жив, а Сазонов убит... Я повернулся и пошел прямо по мостовой по направлению к Варшавскому вокзалу. Уходя, я не заметил, что в нескольких шагах от Сазонова лежал изуродованный труп Плеве, и валялись обломки кареты. Навстречу мне с Обводного канала бежал народ: толпа каменщиков в пыльных кирпичной пылью фартуках. Они что-то кричали. По тротуарам тоже бежали толпы народа...

Я машинально купил у газетчика последнюю телеграмму, думая, что она с театра военных действий. На видном месте был отпечатан в траурной рамке портрет Плеве и его некролог.

В начале 11 часа раненый Сазонов был перенесен в Александровскую больницу для чернорабочих, где в присутствии министра юстиции Муравьева ему была сделана операция. На допросе он, согласно правилам боевой организации [1], отказался назвать свое имя и дать какие бы то ни было показания.

Из тюрьмы он прислал нам следующее письмо:

„Когда меня арестовали, то лицо представляло сплошной кровоподтек, глаза вышли из орбит, был ранен в правый бок почти смертельно, на левой ноге оторваны два пальца и раздроблена ступня. Агенты под видом докторов будили меня, приводили в возбужденное состояние, рассказывали ужасы о взрыве. Всячески клеветали на „еврейчика" Сикорского [2]... Это было для меня пыткой!

Враг бесконечно подл и опасно отдаваться ему в руки раненым. Прошу это передать на волю. Прощайте, дорогие товарищи. Привет восходящему солнцу—свободе!

Дорогие братья-товарищи! Моя драма закончилась. Не знаю, до конца ли верно выдержал я свою роль, за доверие которой приношу вам мою величайшую благодарность. Вы дали мне возможность испытать нравственное удовлетворение, с которым ничто в мире несравнимо... Придя в себя и не зная, насколько серьезно я ранен, я хотел самоубийством избавиться от плена, но моя рука была не в силах достать револьвер. Я попал в плен. В течение нескольких дней у меня был бред... Я, кажется все помню, о чем говорил в бреду, но это не важно, если, примете меры. Одну глупость, одно преступление я допустил. Не понимаю, как я мог назвать свою фамилию уже через три недели молчания... Еще, братья-товарищи, меня беспокоит мысль, не согрешил ли я как-нибудь в своих раз'яснениях задач партии. Вы же знаете, что во взгляде на террор я—народоволец и расхожусь с партийной программой. И вот, когда настала пора об'ясняться с судом, я почувствовал, что нахожусь в ложном положении. Личные взгляды в сторону, надо было говорить о программе. Не согрешил ли я против партии?.. Вот и все, что тяготит мою совесть...

Если я, единица, в чем провинился против общего дела, мой факт остается, и пусть он сам говорит за себя: сознательно я его не умалял.

---

[1] Боевая организация п. с.-р. была основана в начале 1902 г. Первым ее актом было убийство министра внутренних дел Сипягина (С. В. Балмашевым) 2 апреля 1902 г.

Проект устава боевой организации.

Цель боевой организации заключается в борьбе с существующим строем, посредством устранения тех представителей его, которые будут признаны наиболее преступными и опасными врагами свободы. Устраняя их, Боевая Организация совершает не только акт самозащиты, но и действует наступательно, внося страх и дезорганизацию в правящие сферы, и стремится довести правительство до сознания невозможности сохранять далее самодержавный строй.

Кроме казней врагов народа и свободы, на обязанности Боевой Организации лежит подготовка вооруженных сопротивлений властям, вооруженных демонстраций и прочих предприятий боевого характера, в которых сила правительственного деспотизма сталкивается с силою отпора или нападения под знаменем свободы, в которых слово воплощается в дело, в которых реализуется идея революции.

[2] Сикорский, член Б. О., один из четырех (Боришевский, Сазонов, Каляев и Сикорский) метальщиков бомб, участвовавших в покушении на Плеве.

Приветствую новое течение, которое пробивает себе путь к жизни во взгляде на террор. Пусть мы до конца будем народовольцами... Моим прощальным приветом, с которым я обращаюсь к вам, да будут слова, которые я крикнул сейчас же, как увидел нашего поверженного врага, и когда думал—сам умираю: „Да здравствует Боевая Организация, долой самодержавие!“ Прощайте. Живите. Работайте. Любящий вас, братья-товарищи, ваш Егор“.

Б. В. Савинков.—Воспоминания).

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА.

Вкруг Африки мрачной, по бурной равнине
Безбрежных, тропических вод,—
К далекой стране „Восходящего Солнца“
Семья броненосцев плывет.

Прекрасны и грозны стальные гиганты,
Окрашены в цвет боевой,—
И жерлами сотен орудий зияют,
Готовые ринуться в бой.

Но странно безмолвны они, как гробницы,—
Ни кликов, ни песен живых;
Недвижнее статуй угрюмые люди
Стоят у лафетов стальных.

Так узник стоит перед плахой кровавой...
„Погибель верна впереди,
И тот, кто послал нас на подвиг ужасный,—
Без сердца в железной груди!

Мы жертвы... мы гневным отмечены роком...
Но бьет искупления час—
И рушатся своды отжившего мира,
Опорой избравшего нас.

Заря золотая свободы родимой!
Не мы твой увидим восход,
Но если так нужно,—возьми наши жизни.
Вперед! На погибель вперед!“

. . . . . .

... Свершилось! На дне ледяном океана
Стальные красавцы лежат,
И чуда морские, акулы и спруты
На них в изумленьи глядят...

Разбиты, истерзаны, кровью залиты
Грот-мачты, лафеты, рули.
Ни стона, ни звука... В могильном покое
Недвижимы спят корабли.

Но бурею весть по отчизне далекой
Промчится темна и грозна,
И кличем могучим: „довольно!“—ответит
Одетая в траур страна.

„Довольно! Довольно!“—Герои Цусимы,—
Вы жертвой последней легли.
Рассвет уже близок, она у порога—
Свобода родимой земли!

(П. Якубович).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Первая русская революция (1905—1906 г.г.).

ПЕРЕД 9 ЯНВАРЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем петербургским рабочим.

Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих.

В четверг собрание путиловских рабочих постановило:

Призвать всех петербургских рабочих к забастовке и, собравшись вместе в воскресенье, отправиться к Зимнему дворцу и подать царю петицию. Такие же постановления сделали рабочие во всех остальных отделах собрания петербургских рабочих. В своей петиции рабочие требуют:

1. Созыва Учредительного Собрания из представителей всего русского народа, избранных всеобщим, равным и тайным голосованием. Учредительное Собрание должно выработать реформы по управлению государством, именно: передачу власти из рук чиновников в руки представителей народа, избираемых также всеобщим голосованием (парламент).

Необходимыми условиями для осуществления этого требования является:

2. Уравнение в гражданских правах всех сословий (крестьян, купцов, дворян и духовных, народностей и вероисповеданий).

3. Гарантия гражданской свободы: неприкосновенность личности и жилища граждан, свобода слова, печати, собраний, всевозможных обществ и рабочих союзов, свобода стачек

4. Освобождение из тюрьмы и ссылки лиц, понесших наказания за так называемые политические преступления, в том числе за рабочие стачки и крестьянские беспорядки.

5. Прекращение войны по воле народа.

Российская соц.-демократ. рабочая партия уже давно выставляла те же самые требования и призывала всех русских рабочих к решительной

борьбе за них. И теперь Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П. приветствует рабочих, понявших необходимость политической свободы. Но петербургские рабочие должны понять, что те требования, которые они выставляют, ничего другого не означают, как конец самодержавия. Требовать парламента—это значит требовать, чтобы вместо царя страной управляла палата депутатов (парламент), избранная всем народом; требовать свободы слова, печати, союзов и собраний—это значит отнять у царя и его министров, у царской полиции и у царских жандармов всю их теперешнюю власть. Одним словом, все эти требования означают—низвержение самодержавия.

Напрасно поэтому обращаться к царю с этими требованиями: добровольно царь, вместе с огромной шайкой всяких великих князей, придворных чинов, министров, губернаторов, жандармов, попов и шпионов не откажутся от своих прав, от своей власти, от сытой, роскошной жизни, которую они ведут, от огромных богатств, которые они награбили и продолжают грабить с рабочих и крестьян. Нет, товарищи, ждать свободы от царя, который еще недавно в последнем манифесте твердо заявил, что он не намерен отказаться от самодержавия, невозможно. Если царь и обещает реформы, он и его чиновники обманут нас. Такой тяжелой ценой, как одна петиция, хотя бы поданная от имени рабочих, свободу не покупают. Свобода покупается кровью, свобода завоевывается с оружием в руках, в жестоких боях. Не просить царя и даже не требовать от него, не унижаться пред нашим заклятым врагом, а сбросить его с престола и выгнать вместе с ним всю самодержавную шайку—только таким путем можно завоевать свободу. Много уже рабочей и крестьянской крови пролито у нас на Руси за свободу, но только тогда, когда все рабочие пойдут штурмом на самодержавие, — тогда только загорится заря свободы. Освобождение рабочих может быть только делом самих рабочих: ни от попов, ни от царя вы свободы не дождетесь.

В воскресенье, перед Зимним дворцом—если только вас туда пустят, вы увидите, что вам нечего ждать от царя. И тогда вы поймете, что со стороны не принесут вам помощь, что только сами вы сможете завоевать себе свободу. Поэтому и теперь мы повторим то, что говорили в своих листках тысячи раз.

Долой самодержавие!
Долой войну!
Да здравствует вооруженное восстание народа!
Да здравствует революция!
Да здравствует великий братский союз рабочих —
Российской Социал-Демократической Рабочей Партии!

Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П. [1],

8 января 1905 г.

---

[1] Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П. был в это время большевистским.

ПЕТИЦИЯ РАБОЧИХ.

„Государь, мы, рабочие и жители города С.-Петербурга, разных сословий, наши жены и дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать. Мы и терпели, но нас толкают все дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь. Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.

„И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы немногого просим, мы желаем только того, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука. Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вместе с нами обсудили наши нужды. Но в этом нам отказали,—нам отказали в праве говорить о наших нуждах, находя, что такого права за нами не признает закон. Незаконными также оказались наши просьбы: уменьшить число рабочих часов до 8 в день; установить цену на нашу работу вместе с нами и с нашего согласия, рассматривать наши недоразумения с низшей администрацией заводов; увеличить чернорабочим и женщинам плату за их труд до одного рубля в день; отменить сверхурочные работы; лечить нас внимательно и без оскорблений; устроить мастерские так, чтобы в них можно было работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега.

„Все оказалось, по мнению наших хозяев и фабрично-заводской администрации, противузаконно, всякая наша просьба—преступление, а наше желание улучшить наше положение—дерзость, оскорбительная для них.

„Государь, нас здесь многие тысячи, и все это люди только по виду, только по наружности, в действительности же за нами, равно как и за всем русским народом, не признано ни одного человеческого права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать нужды, принимать меры к улучшению нашего положения. Нас поработили, и поработили под покровительством твоих чиновников, с их помощью, при их содействии. Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего класса и народа, бросают в тюрьму, отправляют в ссылку. Карают, как за преступление, за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалеть забитого, бесправного, замученного человека,—значит совершить тяжкое преступление. Весь народ, рабочие и крестьяне, отданы на произвол чиновничьего правительства, состоящего из казнокрадов и грабителей, совершенно не только не заботящегося об интересах народа, но попирающего эти интересы. Чиновничье правительство довело страну до полного разорения, навлекло на нее позорную войну и все дальше и дальше ведет Россию к гибели. Мы, рабочие и народ, не имеем никакого голоса в расходовании взимаемых с нас огромных поборов. Мы даже не

знаем, куда и на что деньги, собираемые с обнищавшего народа, уходят. Народ лишен возможности выражать свои желания, требования, участвовать в установлении налогов и расходовании их. Рабочие лишены возможности организовываться в союзы для защиты своих интересов.

„Государь, разве это согласно с божескими законами, милостью которых ты царствуешь? И разве можно жить при таких законах? Не лучше ли умереть,—умереть всем нам, трудящимся людям всей России. Пусть живут и наслаждаются капиталисты-эксплоататоры рабочего класса, и чиновники казнокрады и грабители русского народа.

„Вот, что стоит перед нами, государь, и это-то нас и собрало к стенам твоего дворца. Тут мы ищем последнего спасения. Не откажи в помощи твоему народу. Выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников. Разрушь стены между тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь ты поставлен на счастье народа, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук, к нам оно не доходит, мы получаем только горе и унижение. Взгляни без гнева, внимательно на наши просьбы, они направлены не ко злу, а к добру, как для нас, так и для тебя, государь. Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для всех положения. Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо народное представительство, необходимо, чтобы сам народ помогал себе и управлял собой. Ведь, ему только и известны истинные нужды. Не отталкивай его помощь, прими ее, повели немедленно, сейчас же призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий, представителей и от рабочих. Пусть тут будет и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель,—пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избраний,—для этого повели, чтобы выборы в Учредительное Собрание происходили при условии и всеобщей, и тайной, и равной подачи голосов.

„Это самая главная наша просьба, в ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для наших больных ран, без которого эти раны сильно будут сочиться и быстро двигать нас к смерти.

„Но одна мера все же не может залечить всех наших ран. Необходимы еще и другие, и мы прямо и открыто, как отцу, говорим тебе, государь, о них от лица всего трудящегося класса России. Необходимы:

I. Меры против невежества и бесправия русского народа.

1) Немедленное освобождение и возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки.

2) Немедленное об'явление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собраний, свободы совести в деле религии.

3) Общее обязательное народное образование на государственный счет.

4) Ответственность министров перед народом и гарантия законности правления.

5) Равенство перед законом всех без исключения.

6) Отделение церкви от государства.

II. Меры против нищеты народной.

1) Отмена косвенных налогов и замена их прогрессивным подоходным налогом.

2) Отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передача земли народу.

3) Исполнение заказов военного и морского ведомства должно быть в России, а не за границей.

4) Прекращение войны по воле народа.

III. Меры против гнета капитала над трудом.

1) Отмена института фабричных инспекторов.

2) Учреждение при заводах и фабриках постоянных комиссий выборных рабочих, которые, совместно с администрацией, разбирали бы все претензии отдельных рабочих. Увольнение рабочего не может состояться иначе, как с постановления этой комиссии.

3) Свобода потребительно-производительных и профессиональных рабочих союзов—немедленно.

4) 8-ми-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ.

5) Свобода борьбы труда с капиталом—немедленно.

6) Нормальная заработная плата—немедленно.

7) Непременное участие представителей рабочих классов в выработке законопроектов о государственном страховании рабочих—немедленно.

„Вот, государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе; лишь при удовлетворении их возможно освобождение нашей родины от рабства и нищеты, возможно ее процветание, возможно рабочим организоваться для защиты своих интересов от наглой эксплоатации капиталистов и грабящего и душащего народ чиновничьего правительства.

„Повели и поклянись исполнить их, и сделаешь Россию и счастливой и славной, а имя твое запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена, а не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу,—мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше итти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу... Пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России. Нам не жаль этой жертвы, мы охотно приносим ее“.

9 ЯНВАРЯ.

— Не надо нам красных флагов!—кричал лысый человек. Размахивая шапкой, он шел во главе толпы, и его голый череп тускло блестел, качался в глазах людей, притягивая к себе их внимание.

— Мы к отцу идем!..

— Верим ему!..

— Не даст в обиду!

— Красный цвет—цвет нашей крови, товарищи!—упрямо звучал над толпой одинокий, звонкий голос.

— Нет силы, которая освободит народ, кроме силы самого народа...

— Отец Гапон с крестом, а он—с флагом.

— Молодой еще, но тоже, чтобы командовать...

— Мы желаем мирно!

Наименее уверовавшие шли в глубине толпы и оттуда раздраженно и тревожно кричали:

— Гони его, с флагом!..

Когда толпа вылилась из улицы на берег реки к Троицкому мосту и увидела перед собой длинную, ломаную линию солдат, преграждающую ей путь на мост,—людей не остановила эта тонкая, серая изгородь. В фигурах солдат, четко обрисованных на голубовато-светлом фоне широкой реки, не было ничего угрожающего, они подпрыгивали, согревая озябшие ноги, махали руками, толкали друг друга...

На многих лицах явилась тень недоумения, и люди впереди толпы замедлили свой шаг. Иные оглянулись назад, другие отошли в сторону; все старались показать друг другу, что о солдатах—они знают, это не удивляет их. Некоторые спокойно поглядывали на золотого ангела, блестевшего высоко в небе над унылой крепостью, другие улыбались. Чей-то голос, соболезнуя, произнес:

— Холодно солдатам!..

— Н-да-да...

— А надо стоять!

— Солдаты—для порядка.

— Спокойно, ребята!.. Смирно!

— Иди, иди!..

— Назад!—донесся крик офицера.

Несколько человек оглянулось—позади их стояла плотная масса тел, из улицы в нее лилась бесконечным потоком темная река людей; толпа, уступая ее напору, раздавалась, заполняя площадь перед мостом. Несколько человек вышло вперед и, взмахивая белыми платками, пошли навстречу офицеру. Шли и кричали.

— Мы—к государю нашему...

— Вполне спокойно!..

— Назад! Я прикажу стрелять!..

Худой, высокий человек с голодным лицом и черными глазами вдруг закричал:

— Стрелять? Не смеешь!..

И, обращаясь к толпе, громко, злобно продолжал:

— Что? Говорил я—не пустят они...

— Кто? Солдаты?

— Не солдаты, а там...

Он махнул рукой куда-то вдаль.

— Выше которые... Ага? Я же говорил!

— Это еще неизвестно...

— Узнают, зачем идем—пустят!..

Перекидываясь восклицаниями и подчиняясь напору сзади, люди двигались вперед. Те, которые пошли с платками, свернули в сторону, исчезли в толпе. Но впереди все,—мужчины, женщины, подростки,—тоже махали белыми платками.

— Какая там стрельба? К чему она?—солидно говорил пожилой человек с проседью в бороде.—Просто они не пускают на мост... дескать, идите прямо по льду...

И вдруг в воздухе что-то неровно и сухо просыпалось, дрогнуло, ударило в толпу десятками невидимых бичей. На секунду все голоса вдруг как бы замерли. Масса продолжала тихо подвигаться вперед.

— Холостыми...—не то сказал, не то спросил бесцветный голос.

Но тут и там раздавались стоны, у ног толпы легло несколько тел...

И снова треск ружейного залпа, еще более громкий, более неровный.

Люди падали по-двое, по-трое, приседали на землю, хватаясь за животы, бежали куда-то прихрамывая, ползли по снегу, а всюду на снегу обильно вспыхнули яркие красные пятна. Они расползались, дымились, притягивая к себе глаза...

Вокруг жилища царя стояли плотной неразрывной цепью солдаты; под окнами дворца, на площади, расположилась конница. Запах сена, навоза, лошадиного пота окружал дворец; лязг сабель, звон шпор, команда, топот колебался под окнами...

— Расходись, господа,—вполголоса говорил фельдфебель...

Он ходил вдоль фронта, отодвигая людей от солдат руками и плечом, стараясь не видеть человеческих лиц.

— Почему вы нас не пускаете?—спрашивали его.

— Куда?

— К царю!

Фельдфебель на минуту остановился и с чувством, похожим на унынье, воскликнул:

— Да я же говорю—нет его!

— Царя нет?

— Ну, да! Сказано вам нет и—ступайте!

— Совсем нет царя?—настойчиво допрашивал иронический голос.

Фельдфебель снова остановился,—поднял руку.

— За такие слова... берегись!

И другим тоном об'яснил:

— В городе—нет его.

Из толпы ответили:

— Нигде его нет!

— Кончился!

— Расстреляли вы его, дьяволы!

— Вы думали—народ убиваете?

— Народ не убьешь!.. Его на все хватит...

— Вы царя убили... понимаете?

— Отойди, господа!.. Не разговаривай!

— Нет—врешь?.. Я поговорю!..

— Отойди... офицер услышит!

Офицер, — высокий, белобрысый немец с большими усами,—медленно шел вдоль фронта и, натягивая на правую руку перчатку, сквозь зубы говорил:

— Ра-азайдись... па-ашел прочь!.. Что? Па-агавари... я тебе па-гаварю!..

Лицо у него было толстое, красное, глаза круглые, светлые, но без блеска. Он шел не торопясь, твердо ударяя ногами в землю. Остановясь на фланге, офицер крикнул:

— Смирно-о!

Солдаты всколыхнулись и замерли.

— Приказываю разойтись!—сказал офицер и не торопясь вынул из ножен шашку.

Разойтись было физически невозможно,—толпа густо залила всю маленькую площадь, а из улицы, в тыл ей, все шел и шел народ...

Вдруг раздалось тревожное, зловещее пение рожка...

Солдаты взмахнули ружьями, взяв на прицел, и все оледенели в однообразной, сторожкой позе, вытянув к толпе штыки...

Чей-то голос громко, с ужасом и отвращением крикнул:

— Что вы делаете? Убийцы!

Штыки сильно и неровно дрогнули; испуганно сорвался залп, люди покачнулись назад, отброшенные звуком, ударами пуль, падениями мертвых и раненых. Некоторые стали молча прыгать через решетку сада.

Брызнул еще залп... И еще.

Мальчик, застигнутый пулею на решетке сада, вдруг перегнулся и повис на ней кверху ногами. Высокая, стройная женщина с пышными волосами тихо ахнула и мягко упала около него.

— Проклятые!—крикнул кто-то...

Вдруг по улице пробежал внезапный трепет оживления.

— Где, где?

— На острове...

— Вы слышите?

— Да неужели?

— Честное слово! Оружейный магазин захватили...

— Спилили телеграфные столбы, построили баррикаду...

— Н-да-а... вот как?

— Много их?

— Много!

— Эх... хоть отплатили бы за кровь невинную...

Над толпой выросла фигура человека, и в сумраке звучно загудел призыв:

— Кто хочет драться за свободу? За народ, за право человека на жизнь, на труд? Кто хочет умереть в бою за будущее—иди на помощь!

Одни шли к нему, и среди улицы образовалось плотное ядро густо сомкнутых тел, другие спешно отходили куда-то прочь [1]...

(М. Горький—„9-ое января").

---

* * *

Вставай, поднимайся, рабочий народ,
В суровой борьбе—поворот...

Дохнул из предместий сквозь копоть и гарь
Грозой обожженный январь.

„Вставай, поднимайся", в подполье глухом
Гремит искупительный гром!

И гневных сердец окрыленную ширь
Не сломит тюрьма и Сибирь...

„Вставай, поднимайся", предместья поют,
Стальные гиганты встают.

И выстрелам царским ответит набат
Мятежным огнем баррикад...

(А. Маширов-Самобытник—„Январский Завет").

---

[1] Баррикады были построены на Малом проспекте и на 4 линии Васильевского острова: „Отряд пехоты без труда справился с их защитниками, сбросив одним залпом оратора, говорившего речь к солдатам, и знаменосца, высоко поднимавшего красный флаг социал-демократии. Борьба была слишком неравная. Маленькие кучки рабочих восторженно кричали: „Товарищи! Умрем за свободу!" и мужественно подставляли себя под пули" (Л. Гуревич—„Народн. движение в Петербурге 9 января 1905 г.").

ИТОГИ 9 ЯНВАРЯ.

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем рабочим.

Вы шли к царю добиваться прав своих,—и он встретил вас ружейными и пушечными залпами, ударами пик и отточенных сабель своих свирепых опричников...

Вы просили у него хлеба и работы,—и он угостил вас раскаленным свинцом...

Не мы ли, социал-демократы, говорили вам, что у кровопийцы-царя вы ничего не добьетесь, что он не друг, а враг народа, и что не пользу народную он блюдет, а пользу приспешников своих...

Убитые... Раненые... И их насчитывают сотнями, тысячами... К мести взывают эти трупы, которые вы возите по улицам... Собирайтесь же теперь под наши красные знамена... Ходите по улицам и добивайтесь того, чтобы всюду и везде были прекращены работы,—чтобы все граждане, как один человек, поднялись с оружием в руках против царя, против правительства, передавайте солдатам наши листки и требуйте, чтобы они отказались стрелять в народ...

Долой царя!

Долой самодержавие!

Да здравствует Учредительное Собрание.

Да здравствует социал-демократия! [1]

СПБ. Комитет.

Январь 1905 г.

ЦАРЬ ПРОЩАЕТ РАБОЧИХ

(Речь Николая II к „депутации от рабочих“) [2].

„Я вызвал вас для того, чтобы вы могли лично от меня услышать слово мое и непосредственно передать его вашим товарищам.

Прискорбные события с печальными, но неизбежными последствиями смуты, произошли от того, что вы дали себя вовлечь в заблуждение и

---

[1] После январской бойни по всей России „из конца в конец прошла грандиозная стачечная волна... По приблизительному подсчету стачка охватила 122 города и местечка, несколько рудников Донецкого бассейна и 10 железных дорог... Стачка вовлекла около миллиона душ. Без плана, нередко без требований, прерываясь и возобновляясь, повинуясь лишь инстинкту солидарности, она около двух месяцев царила в стране“ (Л. Троцкий—„1905“).

[2] Петроградский генерал-губернатор,—известный жандарм Трепов, — рассчитывая „успокоить“ рабочих, приказал заводской администрации, совместно с полицией, подобрать подходящих людей и отправить их в качестве „депутации от рабочих“ к Николаю II.—Рабочие не признали этой депутации за свою и отказались от „милостей“ Николая II, выразившихся в пожертвовании 50.000 рубл. „в пользу семей пострадавших“ 9 января, — эти деньги они назвали „ценою крови“.

обман изменникам и врагам нашей родины. Приглашая вас итти подавать мне прошение о нуждах ваших, они поднимали вас на бунт против меня и моего правительства, насильно отрывая вас от честного труда в такое время, когда все истинно-русские люди должны дружно и не покладая рук работать на одоление нашего упорного внешнего врага.

Стачки и мятежные сборища только возбуждают безработную толпу к таким беспорядкам, которые всегда заставляли и будут заставлять власти прибегать к военной силе, а это неизбежно вызывает и неповинные жертвы.

Знаю, что не легка жизнь рабочего. Многое надо улучшить и упорядочить, но имейте терпение. Вы сами по совести понимаете, что следует быть справедливыми и к вашим хозяевам и считаться с условиями нашей промышленности. Но мятежною толпой заявлять мне о своих нуждах—преступно.

В попечениях моих о рабочих людях озабочусь, чтобы все возможное к улучшению быта их было сделано и чтобы обеспечить им впредь законные пути для выяснения назревших их нужд.

Я верю в честные чувства рабочих людей и в непоколебимую преданность их мне, а потому прощаю им вину их. Теперь возвращайтесь к мирному труду вашему, благословясь, принимайтесь за дело вместе с вашими товарищами, и да будет бог вам на помощь".

19 января 1905 г.

НА ДЕСЯТОЙ ВЕРСТЕ ОТ СТОЛИЦЫ.

...На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган...
Его любят зловещие птицы
И болотный целует туман.

Под глубоким, пушистым налетом
Ослепительно-белых снегов
Мертвецы приютились—счетом
Девяносто рогожных мешков.

Нераздельною, братской семьею
Почиют они в недрах земли:
Кто с пробитой насквозь головою,
Кто с свинцовою пулей в груди...

И зловещие видели птицы:
Как в глубокий вечерний туман
Запыленные, грязные лица
Приходили на этот курган...

Как печально и долго стояли
И пред тем, как с холма уходить,
Все угрозы кому-то шептали
И давали обет отомстить...

...И зловещие птицы узреют—
И близка уже эта пора,
Как кровавое знамя завеет
Над вершиной родного холма! [1]

АГРАРНИКИ.

— Насчет чего будет собрание?

— Михайлу Василича судить будем!—спокойно отвечал Мирон.

— Судить? агронома?—изумился Дивногорский:—это за что же?

— А там увидишь... Недовольны им мужики... Начал он назад пятиться, как рак... А мужики на уме держут много... Вот теперь леса горят!—широко махнул он рукой:—а придет осень, усадьбы запылают! да!

Глаза Мирона сверкнули ненавистью...

На затылке кургана, там где по отлогому зеленому склону росла кудрявая роща, собралось на поляне человек двадцать-тридцать мужиков. Тут были пожилые кудластые головы, густые черные и рыжие бороды, лапти, сапоги, босые ноги. Молодые парни были в блузах и брюках и носили длинные волосы назад.

В центре группы, в позах противников, сидели друг против друга Мирон и земский агроном Михайло Василич, давнишний друг и руководитель буянцев... Агроном и Мирон спорили. Все слушали. Говорил Мирон:

— Пятнадцать лет! — звучал его грудной голос: — пятнадцать лет шептал ты нам каждому поодиночке, а которым чуть ли не сызмалолетства: „поднимайтесь“, а мы — спали, ходили впотьмах, боялись, как маленькие ребятишки. Мы тогда, правду сказать, мало что у тебя понимали. А все-таки думали: ежели придет это время, то уж никто, как он, пойдет у нас впереди... Выслушай ты нас, пойми ты нас! — нервно звенел голос Мирона:—мы терпели, отцы наши терпели, и деды и прадеды терпели... А когда мы спрашивали, где правда, нас усмиряли, секли, сажали в остроги, и мы опять терпели... Будь оно проклято — мужицкое терпение! Кровавыми слезами мы поливали вот эту каменистую землю, костями своими удобряли ее. И—терпели...

Толпа беспокойно зашевелилась и глухо, невнятно застонала...

---

[1] „В ночь на 13 января трупы (убитых 9 января), как опознанные, так и не опознанные, были увезены из больниц за город. Часть была свезена на Преображенское кладбище, где в братской могиле было погребено 88 человек, из них 40 в гробах и 48 без гробов, прямо в верхнем платьи. Явившиеся утром в больницы родственники уже не нашли убитых и бросились на Преображенское кладбище, где на братской могиле много было послано проклятий царю“.

(А. Николаев-Кузнецов—„Из госпоминаний очевидца„).

— Но вот пришел конец нашему терпению... мы пришли к тебе и сказали: „веди нас, указывай, что нам делать; мы согласны". А ты что нам сказал? Ты испугался первый! Ты не ведешь нас и прочь не отходишь и даже — мешаешь нам! Зачем же ты нам столько лет говорил, коли слов своих не можешь оправдать на деле? Вспомни, как ты вам возвещал о правде и учил, как надо стоять за нее, жертвовать всем, что только есть у тебя, оставить все, что дорого сердцу,—жену, отца и мать—и итти... И для нас твои речи были, как новая вера, за которую мы все с радостью готовы пострадать!.. Ты посмотри на село,—что с ним стало? Все ходят со светлым лицом, трезвые... А у тебя, скажика, признайся, что на душе? Кажется нам теперь, что один только страх у тебя там, страхом полна вся твоя душа!.. Кончилось время, когда по задворкам-то шептались, пора громко говорить! Настал час итти нам всем добывать свое мужицкое счастье!... Не становись на дороге, Михайло Василич, уходи!—прошептал он, энергично тряхнув головой.

Толпа молчала...

— Верно ли я сказал?—спросил Мирон, обращаясь к собранию...

— Верно! Верно! Все сказал!

— Пора в отставку! Ха!

— Отобрать доверенность!

— Пора уходить! Невозможно с ним!.. Не согласны!..

Михайло Василич переводил растерянный взгляд с одного лица на другое, желая найти хоть одно сочувствующее, и не находил...

— Постойте!—крикнул он:—в чем дело?.. за что вы гоните меня?.. Не за то ли, что я пятнадцать лет воспитывал, развивал, учил вас? Пятнадцать лет шептался с вами по задворкам? Но как бы я мог иначе говорить, если бы не шептался? я шептал вам великие слова... слова о правде... о человеческом счастье... о том, чтобы вы поднялись когда-нибудь... Теперь вы укоряете меня за то, что вы решили „подниматься", а я не соглашаюсь подниматься вместе с вами, не исполняю моих слов на деле... Но как вы поднимаетесь? Стихийно! Вы поджигаете лес, открыто захватываете землю, собираетесь громить помещиков! Мне не жалко леса и не жалко помещиков, мне жалко вас; вас разгромят казаки, вас перебьют, рассажают по тюрьмам! Я умоляю вас: подождите, готовьтесь понемножку, потихоньку, не вступайте в открытую борьбу... Я всю жизнь боялся, всю жизнь хитрил и говорил шопотом—и теперь уже не могу иначе и не верю еще, что настало время громко говорить!.. Вы подумайте только, что начинается теперь в деревнях: все перемешалось, перепуталось, какая-то всеобщая смута, льется кровь, отнимают землю, лес разгорается...

— Будет! — крикнули ему: — поздно тушить! И не тебе бы за это дело браться! Сказано—уходи!

Мужики размахивали руками и возбужденно шумели...

Свет колоссального пожара озарял весь курган от подошвы до вершины фантастическим красноватым сиянием... Внизу, около подошвы кургана, отблески огня освещали огромную черную толпу народа...

От околицы села скакал к ней отряд казаков; с кургана было видно, как болтались за их спинами ружья. Мужики на кургане все обернулись лицом к Мирону. Освещенный красным заревом... он стоял выше всех

их на бугре, откуда только-что сошел Михайло Васильич... Лицо Мирона выражало напряженное, сумрачное внимание, глаза стали острыми и, словно вглядываясь во что-то, грозно смотрели поверх их голов, туда, где готовилась битва.

В воздухе пахло дымом.

Лес разгорался.

(Скиталец—„Лес разгорался").

НА ЗАВОДАХ.

Пошли слухи, что будут арестовывать всех, кто ходил на собрания. Рабочие заволновались. Как бы в отместку за аресты, в одну из ближних ночей кто-то разбил стекла в квартире управляющего и поджег штабеля леса, заготовленного для заводских построек... Каждое утро на дверях у заводской конторы и у ворот вывешивались угрожающие об'явления за подписью самого управляющего, а ночью эти об'явления кем-то срывались и заменялись прокламациями. Имя Федора Лысякова теперь не сходило с уст. Хотя его никто не видел, но все говорили, что это он действует. Аресты продолжались. Те из рабочих, кто постарше летами, присмирели, а молодежь, наоборот, начала бравировать.

— Тюрьма? Пусть тюрьма! Все в тюрьму пойдем!

Тюрьма скоро стала слишком обычной, и страх перед ней начал исчезать. На завод привели стражников. Но в первую же ночь кто-то поджег дом, где они спали... Кто-то портил дорогие машины и материалы. Работа, так налаженная, сразу заколебалась. Все работали плохо, нервничали, неуверенные в завтрашнем дне. Молодежь открыто говорила, что надо разбить тюрьму и освободить товарищей. В городе, где волнения начались еще раньше, убили пристава. Незнакомые люди появлялись открыто в мастерских, устраивали сходки. Иногда на этих сходках выступал и Федор, хотя все знали, что его и день и ночь ищут стражники. Администрация грозила закрыть завод, но угрозы не действовали. У всех было новое чувство, будто небо сейчас обрушится на голову.

И вот, однажды, по всему заводу была расклеена дерзкая грамота:

— Ждите, товарищи, решительного боя. Ночью, когда в городе зазвонит набат, вооружайтесь, кто чем может, идите выручать товарищей.

Ночью тревожно завопил заводский гудок... Из всех дверей бежали рабочие, одеваясь на ходу. Слышались истерические крики женщин. У ворот завода гудела толпа, вооруженная кольями, железными палками, охотничьими ружьями. На высоком шесте над толпой развевался красный флаг, при электрическом свете казавшийся темным, почти черным. Толпа быстро увеличивалась.

— В город, выручать товарищей!—слышались крики.

А гудок все выл. И в те короткие моменты, когда он останавливался, слышно было, как в городе тревожно звонили: дон... дон... дон...

— Все собрались?

— Все. Завод остановлен.

— Ну, двинулись, двинулись.

И толпа, тяжело дыша, как тысячеголовый зверь, пошла к городу. Вдруг вспыхнула песня: „Дружно, товарищи, в ногу“...

Толпа шла берегом Волги. Вот прошли завод, стали подходить к Белому утесу, за которым скрывался город...

Когда вышли из-за утеса, увидели яркое зарево, стоявшее над городом. Тревожный набат несся навстречу толпе.

— Ура! К тюрьме! Выручай!...

Вошли в улицы, и песнь теперь стала как будто громче и шаги тревожнее. Теперь пели во многих местах. Нестройно. Но все кругом двигалось, колыхалось, и вся улица была запружена черной могучей толпой.

Вдруг громкий треск раздался далеко впереди. Песня оборвалась.

— Что это?—раздались тревожные голоса.

— Стреляют. Держись, товарищи!..

Все кругом смешалось... Выстрелы затрещали ближе. Навстречу кто-то бежал.

— На мосту солдаты. Берегитесь!

Многие бросились убегать назад, к заводу. Мостовая стала пустеть... Где-то впереди гремели стекла, разбитые ударом кола. Зарево красным столбом поднималось до неба, и в улицах было видно далеко... Слышались выстрелы, набат, яростные крики и топот скачущих лошадей...

(Ал. Яковлев—„Порыв“).

ИЗВЕЩЕНИЕ О III С'ЕЗДЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

Товарищи-рабочие! Недавно состоялся III с'езд Р. С.-Д. Р.П., который должен открыть собой новую полосу в истории нашего социал-демократического рабочего движения. Россия переживает великий исторический момент. Революция вспыхнула и разгорается все шире, охватывая новые местности и новые слои населения. Пролетариат стоит во главе боевых сил революции. Он принес уже наибольшие жертвы делу свободы и готовится теперь к решительному бою с царским самодержавием. Сознательные представители пролетариата знают, что свобода не даст трудящимся избавления от нищеты, гнета и эксплоатации. Буржуазия, ныне стоящая за дело свободы, постарается на другой день после революции отнять у рабочих возможно большую часть ее завоеваний, выступит непримиримым врагом социалистических требований пролетариата. Но мы не боимся свободной, об'единенной и окрепшей буржуазии. Мы знаем, что свобода даст вам возможность широкой открытой массовой борьбы за социализм. Мы знаем, что экономическое развитие с неумолимой силой—и тем быстрее, чем свободнее оно пройдет—будет подкапывать власть капитала и подготовлять победу социализма.

Товарищи-рабочие! Чтобы достигнуть этой великой цели, мы должны сплотить всех сознательных пролетариев в единую Российскую С.-Д. Ра-

бочую Партию. Наша партия начала складываться уже давно, тотчас после широкого рабочего движения 1895 и 1896 годов. В 1898 году собрался первый с'езд, основавший Российскую Соц.-Дем. Рабочую Партию и наметивший ее задачи. В 1903 г. состоялся второй с'езд, давший партии программу, вынесший ряд резолюций о тактике и впервые попытавшийся создать цельную партийную организацию. Правда, эта последняя задача не удалась партии сразу. Меньшинство второго с'езда не захотело подчиниться большинству его и начало раскол, принесший глубокий вред с.-д. рабочему движению. Первыми шагами этого раскола было нежелание исполнять постановления второго с'езда, отказ работать под руководством созданных им центральных учреждений; последним шагом явился отказ принять участие в III с'езде. III с'езд был созван бюро, выбранным большинством комитетов, работающих в России, и Ц. К. партии. На с'езд были приглашены все комитеты, отделившиеся группы и недовольные комитетами периферии, и громадное большинство их, в том числе почти все комитеты и организации меньшинства, выбрали своих делегатов и послали их на с'езд за границу. Таким образом было достигнуто все, осуществимое при наших полицейских условиях, для созыва общепартийного с'езда, и только отказ трех заграничных членов бывшего Совета Партии повлек за собою бойкот с'езда всем меньшинством партии... Но тем не менее, III с'езд, несмотря на отсутствие меньшинства, принял все меры к тому, чтобы меньшинство могло работать вместе с большинством в одной партии. III с'езд признал неправильность того поворота к устарелым, отжившим взглядам экономизма, который наметился в нашей партии, но и в то же время с'езд создал точные и определенные, закрепленные уставом партии, обязательные для всех членов ее гарантии прав всякого меньшинства... Мы уверены, что именно сознательные рабочие, всего лучше умеющие ценить значение сплоченной дружной работы, всего глубже прочувствовавшие весь вред розни, шатаний и усобиц, будут настаивать теперь со всей энергией на всеобщем и безусловном признании партийной дисциплины всеми членами партии как из низов, так и из верхов ее.

Стремясь сохранить во всех своих организационных и тактических решениях преемственную связь с работами второго с'езда, III с'езд пытался учесть новые задачи момента в резолюциях о подготовке партии к открытому выступлению, о необходимости самого энергичного практического участия в вооруженном восстании и руководства им со стороны партии, наконец об отношении ее к временному революционному правительству. Российский пролетариат сумеет исполнить свой долг до конца. Он сумеет стать во главе народного вооруженного восстания... Победив в предстоящей демократической революции, мы сделаем этим гигантский шаг вперед к социалистической цели, мы сбросим со всей Европы тяжелое ярмо реакционной военной державы и поможем быстрее, решительнее и смелее пойти к социализму нашим братьям сознательным рабочим всего мира... А с помощью социалистического пролетариата Европы мы сумеем не только отстоять демократическую республику, но и пойти к социализму семимильными шагами.

Вперед же, товарищи рабочие, на организованную, дружную и стойкую борьбу за свободу!

Да здравствует революция!

Да здравствует международная, революционная социал-демократия!

Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П.

(„Пролетарий" № 1. Женева 27/14 мая 1905 г.).

О ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ.

Принимая во внимание:

1) что пролетариат, будучи по положению своему наиболее передовым и единственно последовательно революционным классом, тем самым призван сыграть руководящую роль в общедемократическом революционном движении России;

2) что это движение в настоящий момент уже привело к необходимости вооруженного восстания;

3) что пролетариат неизбежно примет в этом восстании самое энергичное участие, которое определит судьбу революции в России;

4) что руководящую роль в этой революции пролетариат может сыграть, лишь будучи сплочен в единую и самостоятельную политическую силу под знаменем социал-демократической рабочей партии, руководящей не только идейно, но и практически его борьбой;

5) что только выполнение такой роли может обеспечить за пролетариатом наиболее выгодные условия для борьбы за социализм против имущих классов буржуазно-демократической России,—

III с'езд Р.С.-Д.Р.П. признает, что задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием, путем вооруженного восстания, является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент.

Поэтому с'езд поручает всем партийным организациям:

а) выяснить пролетариату, путем пропаганды и агитации, не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего вооруженного восстания;

б) выяснять при этой пропаганде и агитации роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания;

в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников.

(Из резолюций III с'езда Р. С.-Д. Р. П.)[1].

---

[1] III-й с'езд Р. С.-Д. Р. П. состоялся в Лондоне в апреле—мае 1905 г.

ВОССТАНИЕ НА БРОНЕНОСЦЕ „ПОТЕМКИН“
(14 июня 1905 г.).

Вооружившись винтовками, группа матросов выбежала на палубу спардека и открыла оттуда сверху вниз стрельбу по офицерам. Когда был убит лейтенант Неупокоев, офицеры разбежались. Старший офицер, увидев себя окруженным матросами, выхватил у одного из остолбеневших от неожиданности и страха часовых винтовку и выстрелом из нее смертельно ранил матроса Вакуленчука... Вакуленчук упал, обливаясь кровью, на палубу... После этого на палубу был выведен капитан I-го ранга Голиков... Как только он показался на палубе, из толпы раздались голоса:

— Повесить его! Повесить! Ведь он пугал нас виселицей.

— Расстрелять,—решило большинство...

К вечеру броненосец пришел к Одессе и встал на якорь на внешнем рейде. От Матющенко мы узнали, что тело Вакуленчука свезено и лежит теперь на берегу, куда стекаются массы народа; что в Одессе уже несколько дней волнуются рабочие и происходят иногда кровавые столкновения между ними и полицией, поддерживаемой войсками...

Вечером в порту стали собираться так называемые босяки; между ними вскоре появились какие-то темные личности, которые открыто стали призывать их к погрому... В ответ на этот призыв масса босяков прежде всего набросилась на казенные винные лавки, разграбила водку и перепилась. После этого началась настоящая оргия: пьяная и жадная чернь разбивала, грабила, жгла все, что попадалось ей под руку. Напрасно рабочие просили босяков оставить это бессмысленное буйство; напрасно потом старались они силой унять их; озверевшая толпа, казалось, потеряла рассудок и не знала больше никаких пределов... Наконец пришли войска. Раздались выстрелы...

Мы получили известие, что в городском театре в данный момент заседает военный совет во главе с командующим войсками генералом Кохановским.

Около театра же, главным образом, были сосредоточены войска. Сама собой напрашивалась мысль бомбардировать театр: на этом сошлись все мнения членов комиссии... Пробили боевую тревогу, и комендоры зарядили орудия. Один за другим раздались три холостые выстрела. Через полчаса приготовились к боевым... Раздался сигнал „открыть огонь“, грохнул выстрел. По направлению к театру с гулом пронесся снаряд. Я впился глазами в театр. Но он стоял невредимый... Снова—сигнал, снова—выстрел, и снова снаряд пролетает мимо... Этот случай так обескуражил всех, что решено было приостановить стрельбу... К командующему войсками была послана депутация с написанным заявлением от команды „Потемкина“, которое гласило, что если не будет прекращена стрельба в рабочих на улицах, командой будут приняты самые решительные меры...

Мы было приступили к обсуждению плана дальнейших действий по отношению к Одессе, как вдруг одно новое обстоятельство отвлекло наше внимание в другую сторону.

Через открытый люк с верхней палубы спардека до нас отчетливо донеслись характерные звуки работающего беспроволочного телеграфа... Окликнули дежурного сигнальщика и спросили, в чем дело.

— Телеграфным аппаратом перехвачена телеграмма... „Три Святителя“ вызывает броненосец „Двенадцать Апостолов“...

Таким образом, с часу на час надо было ожидать эскадру... После недолгих совещаний было решено: как только появится на горизонте эскадра, итти полным ходом ей навстречу, в полной боевой готовности... Вступить с ней в решительный бой с тем, чтобы победить или погибнуть .. Воодушевление было в это время чрезвычайное...

Часов в шесть броненосец облетела весть о появлении на горизонте эскадры... Все встрепенулось... Каждый спешил к назначенному ему по боевому расписанию месту... „Потемкин“ летел полным ходом вперед, с шумом рассекая голубые волны...

Каждая минута быстро сближала нас с эскадрой... Все суда шли по направлению к нам, выстроившись в две колонны: впереди были броненосцы и минный крейсер, позади контр-миноносцы... Скоро можно было различить, что суда эскадры, как и „Потемкин“, шли по-боевому, с выставленными по бортам орудиями... Вот мы уже сошлись с эскадрой. „Потемкин“ врезывается в самую середину ее, так что броненосцы „Синоп“, „Георгий Победоносец“, „Двенадцать Апостолов“ и три контр-миноносца проходят по правому борту его, а броненосцы „Ростислав“ и „Три Святителя“, минный крейсер „Казарский“ и другие три контр-миноносца по левому. „Потемкин“ медленно направляет свои орудия на проходящие суда... „Ростислав“ и „Три Святителя“ в мрачном безмолвии отвечают ему тем же, а на палубах остальных трех броненосцев в явном смятении толпится команда... Вдруг на верхней палубе „Потемкина“ раздается: „Да здравствует свобода! Ура!“ и в ответ на это с трех броненосцев, как гром небесный, грянуло могучее дружное „ура“.

Трудно описать тот эффект, который произвело это на нашем броненосце. Многие матросы оставили свои посты и с криками „ура“ потоком ринулись к выходному люку, направляясь на верхнюю палубу...

Через несколько минут эскадра стала около Одессы, а мы очутились в море. На адмиральском судне подняли „Потемкину“ сигнал: „эскадра становится на якорь“. От нас отвечали: „офицерам оставить суда и с'ехать на берег“. Ответа не последовало. Тогда наш броненосец поворотил кругом и направился к берегу. Заметив этот маневр, эскадра начала отходить в море... Когда она была от нас на значительном расстоянии, „Георгий Победоносец“ вдруг стал от нее отставать и наконец остановился... „Георгию Победоносцу“ был дан сигнал подойти к нам. Он сейчас же направился к нам... Загремела якорная цепь, и „Георгий Победоносец“ стал немного позади нас...

Ликованию среди нашей команды не было предела! Ведь теперь у нас была уже до некоторой степени революционная эскадра: два броненосца, миноносец и госпитальное судно. С этой силой можно было действовать как угодно решительно...

Присоединение к нам нового броненосца произвело должный эффект и на властей и на население Одессы: к борту „Потемкина" под'ехал на паровом катере капитан над портом и спросил, чего мы хотим. От нас ему ответили: „Мы требуем, чтобы командующий войсками разоружил их и передал оружие народу, который таким образом мог бы образовать национальную гвардию для защиты своих прав"... Капитан уехал...

(А. Коваленко—„Одиннадцать дней на „Князе Потемкине Таврическом").

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА.

(Октябрь 1905 г.).

Появились озабоченные бюллетени хлебной, товарной, мясной, зеленной, рыбной и других бирж... Денежная биржа трепетала. Революция всегда была ее смертельным врагом. Как только они оказались лицом к лицу, биржа заметалась без памяти. Она бросилась к телеграфу, но телеграф враждебно молчал. Почта также отказывается служить. Биржа постучалась в государственный банк, но оказалось, что он не отвечает за срочность переводов. Акции железнодорожных и промышленных предприятий снялись с места, как стаи испуганных птиц, и полетели, но не вверх, а вниз. В темном царстве биржевой спекуляции воцарилась паника и скрежет зубовный. Денежное обращение затруднилось. Платежи из провинции в столицы перестали поступать. Фирмы, производящие расчет на наличные, приостановили платежи. Число опротестованных векселей стало быстро возрастать. Векселедатели, бланкодатели, поручители, плательщики и получатели засуетились, заметались и потребовали нарушения созданных на их предмет законов, потому что она—стачка, революция—нарушила все законы хозяйственного оборота.

Стачка не ограничивается железными дорогами. Она стремится стать всеобщей.

Выпустив пары и потушив вокзальные огни, она вместе с толпою железнодорожных рабочих уходит в город, задерживает трамвай, берет под уздцы лошадь извозчика и ссаживает седока, закрывает магазины, рестораны, кофейни, трактиры и уверенно подходит к воротам фабрики. Там ее уже ждут. Дается тревожный свисток, работа прекращается, толпа на улице сразу возрастает. Она идет дальше и уже несет красное знамя. На знамени сказано, что она хочет Учредительного Собрания и республики, что она борется за социализм. Она проходит мимо редакции реакционной газеты. С ненавистью оглядывается на этот очаг идейной заразы и, если под руку ей попадается камень, она запускает его в окно. Либеральная пресса, которая думает, что служит народу, высы-

лает к ней депутацию, обещает вносить „примирение“ в эти страшные дни и просит пощады. Ее ходатайство оставляется без внимания. Наборные кассы задвигаются, наборщики выходят на улицу.

Закрываются конторы, банки. Стачка царит[1]...

Л. Троцкий.—„Стачка в октябре“. См. сб. „1905 г.“).

ПЕРВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ.

Несмотря на запрещения, высшие учебные заведения 14-го вечером были переполнены народом. Всюду шли митинги... Из актового зала Технологического института мы перешли в помещение физической аудитории. Здесь мы впервые увидели возникший накануне Совет Депутатов. На скамьях, расположенных амфитеатром, сидело душ 100 рабочих представителей и членов революционных партий. За демонстрационным столом разместились председатель и секретари. Собрание походило больше на военный совет, чем на парламент. Многословия—этой язвы представительных учреждений — не было и следа... Чувствовалось, что каждый атом времени на счету... Особой депутации было поручено пред'явить Думе следующие требования: 1) немедленно принять меры для урегулирования продовольствия многотысячной рабочей массы; 2) отвести помещения для собраний; 3) прекратить всякое довольствие, отвод помещений, ассигновок на полицию, жандармов и т. д.; 4) выдать деньги на вооружение борющегося за свободу петербургского пролетариата.

16 октября, после ряда приключений, попыток ареста и пр., депутация Совета была принята в „частном совещании“ петербургской городской Думы. Прежде всего по требованию депутации, энергично поддержанному группой гласных, Дума постановила, в случае ареста рабочих депутатов, командировать к градоначальнику городского голову с заявлением, что гласные будут считать арест депутатов оскорблением Думы. Только после этого обратились к пред'явлению требований.

„Переворот, совершающийся в России, — так закончил свою речь оратор депутации, т. Радин (покойный Кнунианц),—есть переворот буржуазный, он в интересах имущих классов. В ваших собственных интересах, господа, чтоб он скорее завершился. И, если вы способны быть хоть сколько-нибудь дальнозоркими, если вы действительно широко понимаете выгоды вашего класса, то должны всеми силами помочь народу в целях скорейшей победы над абсолютизмом. Нам не нужно от вас ни резолюций сочувствия, ни платонической поддержки наших требований. Мы требуем, чтоб свое содействие вы оказали рядом практических действий.

---

[1] 10-го октября открывается всеобщая политическая стачка в Москве, Харькове и Ревеле. 11-го—в Смоленске, Козлове, Екатеринославе и Лодзи. 12-го—в Курске, Белгороде, Самаре, Саратове, Полтаве. 13-го—в Петербурге, Орше, Минске, Кременчуге, Симферополе. 14-го—в Гомеле, Калише. Ростове н/Д., Тифлисе, Иркутске. 15-го—в Вильне, Одессе, Батуме. 16-го—в Оренбурге. 17-го—в Юрьеве, Витебске, Томске. Бастовали еще Рига, Либава, Варшава, Полоцк, Белосток, Ковно, Двинск, Псков, Полтава, Николаев, Мариуполь, Казань, Ченстохов, Златоуст и другие.

Благодаря уродливой системе выборов, имущество города с полуторамиллионным населением находится в руках представителей нескольких тысяч имущих. Совет Рабочих Депутатов требует, — а он имеет право требовать, а не просить, так как является представителем нескольких сот тысяч рабочих жителей столицы,—а вы только горсти избирателей,— Совет Рабочих Депутатов требует, чтобы городское имущество было предоставлено всем жителям города для их надобности. И так как теперь важнейшая общественная задача есть борьба с абсолютизмом, а для этой борьбы нам нужны места для наших собраний, — откройте нам наши городские здания!

Нам нужны средства для продолжения стачки — ассигнуйте городские средства на это, а не на поддержку полиции и жандармов!

Нам нужно оружие для завоевания и отстаивания свободы—отпустите средства для организации пролетарской милиции!"

Под охраной группы гласных депутация покинула зал заседания. Дума отказала во всех главных требованиях Совета и выразила доверие полиции, как охранительнице порядка.

Л. Троцкий.—„Возникновение Совета Рабочих Депутатов". См. сборн. „1905 г.").

МАНИФЕСТ 17 ОКТЯБРЯ 1905 г.

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великою и тяжелою скорбью преисполняют сердце наше. Благо российского государя неразрывно связано с благом народным, и печаль народная — его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству державы всероссийской. Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев надлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы, для успешного выполнения общих предназначаемых нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым об'единить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли: 1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы, на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. 2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, по мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку. 3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог

воспринять силу без одобрения Государственной Думы, и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей[1].

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед родиной, помочь прекращению неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле.

Николай.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ МАНИФЕСТА.

18 октября было днем великого недоумения. Огромные толпы двигались растерянно по улицам Петербурга. Дана конституция. Что же дальше? Что можно и чего нельзя?

В тревожные дни я ночевал у одного из моих друзей, состоявшего на государственной службе... Утром 18-го он встретил меня с листом „Правительственного Вестника“ в руке. Улыбка радостного возбуждения, с которым боролся привычный скептицизм, играла на его умном лице:

— Выпустили конституционный манифест!

— Не может быть!

— Читайте.

Мы стали читать вслух. Сперва скорбь отеческого сердца по поводу смуты, затем заверения, что „печаль народная—наша печаль“, наконец категорическое обещание всех свобод, законодательных прав Думы и расширения избирательного закона.

Мы молча переглянулись. Трудно было выразить противоречивые мысли и чувства, вызванные манифестом. Свобода собраний, неприкосновенность личности, контроль над администрацией... Конечно, это только слова. Но ведь это не слова либеральной резолюции, это слова царского

[1] 6 августа 1905 г. были опубликованы: указ „об учреждении Государственной Думы“ и „Положение о выборах в Госуд. Думу“. — Государственная Дума должна была избираться тремя группами населения: землевладельцами, обладающими недвижимым имуществом в размере, равном цензу для выборов в земство; крестьянами и горожанами, в число которых включены крупные торговцы, промышленники, чиновники и квартиронаниматели, платящие квартирный налог не ниже 10 разряда (платящие в Петербурге за квартиру не ниже 1.320 р. в год). Госуд. Дума должна была обсуждать законопроекты, вносимые в нее министрами и в крайне ограниченном размере членами самой Думы. Законопроекты, рассмотренные Думой, одинаково, как принятые ею, так и отвергнутые, должны были поступать в Государств. Совет, а оттуда представляться на „высочайшее благоволение“... Таким образом, Государств. Дума, установленная законом 6 августа, являлась учреждением не законодательным, а законосовещательным, лишенным... собственной законодательной инициативы. Способ выборов членов Госуд. Думы, установленный этим законом, делал ее учреждением почти совершенно аристократическим. На основании закона 6 августа во всех городах России имело право голоса не более 18.000 человек. Госуд. Дума 6 авг., созданная общим революционным движением и являвшаяся первою уступкою ему со стороны правительства, была снесена тем же революционным движением, в его дальнейшем развитии, и раньше, чем она успела стать действительностью: революционная всероссийская забастовка... заставила правительство дать манифест 17 октября, коим обещан пересмотр закона о Госуд. Думе.

(Из „Календаря русской революции“, под редакц. Бурцева).

манифеста. Николай Романов, августейший патрон погромщиков, Телемак Трепова—вот автор этих слов! И это чудо совершила всеобщая стачка. Когда либералы одиннадцать лет тому назад пред'явили скромное ходатайство об общении самодержавного монарха с народом, тогда коронованный юнкер надрал им уши, как мальчишкам, за их „бессмысленные мечтания". Это было его собственное слово! А теперь он взял руки по швам пред бастующим пролетариатом.

— Каково?—спросил я своего друга.

— Испугались, дураки!—услышал я в ответ.

Это была в своем роде классическая фраза. Мы прочитали затем всеподданнейший доклад Витте с царской ремаркой: „Принять к руководству".

— Вы правы,—сказал я,—дураки действительно испугались.

Через пять минут я был на улице. Первая фигура, попавшаяся мне навстречу, запыхавшийся студент с шапкой в руке. Это был партийный товарищ. Он узнал меня.

— Ночью войска обстреливали Технологический институт... Говорят, будто оттуда в них бросили бомбу... очевидная провокация... Только что патруль шашками разогнал небольшое собрание на Забалканском проспекте...

— Так-с... Для начала недурно.

— Всюду бродят толпы народа. Ждут ораторов. Я бегу сейчас на собрание партийных агитаторов...

Я прошел мимо Технологического института. Он был попрежнему заперт и охранялся солдатами. На стене висело старое обещание Трепова: „не жалеть патронов" [1]. Рядом с ним кто-то наклеил царский манифест. На тротуарах толпились кучки народа.

— Идите к университету! —раздался чей-то голос,—там будут говорить.

Я отправился с другими. Шли молча, быстро. Толпа росла каждую минуту. Радости не было—скорее неуверенность и беспокойство... Патрулей больше не видно было. Одинокие городовые робко сторонились от толпы. Улицы были украшены трехцветными флагами.

— Ага, Ирод,—сказал громко какой-то рабочий,—теперь, небось, хвост поджал...

Ему ответили смехом сочувствия. Настроение заметно поднималось. Какой-то подросток снял с ворот трехцветное знамя вместе с древком, оборвал синюю и белую полосы и высоко поднял красный остаток „национального" флага над толпой. Он нашел десятки подражателей. Через несколько минут множество красных знамен поднималось над массой... Мы прошли через мост и вступили на Васильевский остров. На набережной образовалась огромная воронка, через которую нетерпеливо вливалась необозримая масса. Все старались протесниться к балкону, с ко-

[1] 14 октября по улицам Петербурга было расклеено об'явление генерал-губ. Трепова, в котором он заявлял, что войскам и полиции им отдан приказ немедленно и самым решительным образом подавлять попытки произвести беспорядки, „при оказании же к тому со стороны толпы сопротивления— холостых залпов не давать и патронов не жалеть».

(„Календарь русской революции").

торого должны были говорить ораторы. Балкон, окна и шпиц университета были украшены красными знаменами. С трудом проник я внутрь здания. Мне пришлось говорить третьим или четвертым. Удивительная картина открывалась с балкона. Улица была сплошь запружена народом. Синие студенческие фуражки и красные знамена яркими пятнами оживляли вид стотысячной толпы. Стояла полная тишина, все хотели слышать ораторов.

— Граждане! После того, как мы наступили правящей шайке на грудь, нам обещают свободу. Избирательные нрава, законодательную власть обещают нам. Кто обещает? Николай Второй. По доброй ли воле? С чистым ли сердцем? Этого никто не скажет про него. Он начал свое царствование с того, что благодарил молодцов-фанагорийцев за убийство ярославских рабочих,—и через трупы к трупам он пришел к кровавому воскресенью 9 января. И этого неутомимого палача на троне мы вынудили к обещанию свободы. Какое великое торжество! Но не торопитесь праздновать победу: она не полна. Разве обещание уплаты весит столько же, как и чистое золото? Разве обещание свободы то же самое, что свобода сама? Кто среди вас верит царским обещаниям, пусть скажет это вслух: мы все будем рады видеть такого чудака. Оглянитесь вокруг, граждане, разве что-нибудь изменилось со вчерашнего дня? Разве раскрылись ворота наших тюрем? Разве Петропавловская крепость не господствует над столицей? Разве вы не слышите подпрежнему стона и зубовного скрежета из-за ее проклятых стен? Разве вернулись к своим очагам наши братья из пустынь Сибири?..

— Амнистия! Амнистия! Амнистия!—закричали снизу.

— ... Если б правительство честно решило примириться с народом, оно бы первым делом дало амнистию. Но, граждане, разве амнистия—все? Сегодня выпустят сотни политических борцов, завтра захватят тысячи других. Разве рядом с манифестом о свободах не висит приказ о патронах? Разве не расстреливали этой ночью Технологический институт? Разве не рубили сегодня народ, мирно слушавший оратора? Разве палач Трепов не хозяин Петербурга?

— Долой Трепова!—закричали снизу.

— Долой Трепова!—но разве он один? Разве в резервах бюрократии мало негодяев ему на смену? Трепов господствует над нами при помощи войска. Гвардейцы, покрытые кровью 9 января,—вот его опора и сила. Это им он велит не щадить патронов для ваших грудей и для ваших голов. Мы не можем, не хотим и не должны жить под ружейными дулами. Граждане! Нашим требованием да будет—удаление войск из Петербурга! Пусть на 25 верст вокруг столицы не останется ни одного солдата. Свободные граждане сами будут охранять порядок. Никто не потерпит от произвола и насилия. Народ всех возьмет под свою защиту.

— Долой войска из Петербурга!

— ... Граждане! Наша сила в нас самих. С мечом в руке мы должны стать на страже свободы. А царский манифест—смотрите—это простой лист бумаги. Вот он перед вами, а вот он скомканный у меня в кулаке. Сегодня его дали, а завтра отнимут и порвут на клочки, как я теперь рву эту бумажную свободу на ваших глазах!..

(Л. Троцкий—«18 октября». См. сборн. „1905 г.")

ОППОЗИЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

На другой день после прекращения стачки я посетил одну знакомую семью, жившую в нормальной городской атмосфере мещанского радикализма. В столовой на стене висела программа нашей партии, только что отпечатанная на больших листах бумаги: это было приложение к первому после стачки номеру социал-демократической газеты. Вся семья была в возбуждении.

— Ну, ну... не дурно.

— Что такое?

— Еще спрашивает. Ваша программа: прочитайте-ка, что тут написано.

— Мне уже приходилось читать ее не раз.

— Нет, не угодно ли! Ведь тут буквально сказано: „партия ставит своей ближайшей задачей низвержение царского самодержавия—вы понимаете: низвержение,—и замену его демократической республикой... рес-пуб-ли-кой". Вы понимаете это?

— Кажется, понимаю.

— Ведь это же легально напечатано, ведь это же открыто продается на глазах полиции, ведь это у Зимнего дворца за пятак купить можно! Уничтожение царского самодержавия—„в розничной продаже пять копеек!" Нет, каково?

— Что же, нравится вам это?

— Ах, что там: „нравится"... Разве обо мне речь? Нет, вот те, в Петергофе, должны теперь все это нюхать. Я спрашиваю вас: нравится ли это им?.

— Сомневаюсь!

Больше всего был возбужден отец семейства. Еще две-три недели тому назад он ненавидел социал-демократию тупой ненавистью радикального мещанина, зараженного в молодости народническими предрассудками, сегодня он питал к ней совершенно новое чувство—смесь обоготворения с трепетом.

— Утром мы эту самую программу читали в дирекции Императорской Публичной Библиотеки,—туда тоже прислали этот номер... Вот бы вы поглядели на этих господ! Директор пригласил обоих помощников и меня, запер дверь и прочитал нам программу от А до Ижицы. Клянусь вам честью, у всех дыханье сперло. „Что вы на это скажете, Николай Николаевич?"—спрашивает меня директор. „Нет-с, что вы скажете, Семен Петрович?—отвечаю я ему". „Знаете,—говорит,—у меня язык отнялся. Давно ли пристава нельзя было в газете затронуть? А сегодня открыто говорят Его Величеству Государю Императору: пошел вон! Эти люди не заботятся об этике, нет, нет... Что на уме, то и на языке..." Один из помощников говорит: „Немножко только тяжеловато написана эта штучка, слог бы надо полегче"... А Семен Петрович посмотрел на него поверх очков: „Ведь это вам не воскресный фельетон, почтеннейший, а программа партии"... И знаете, на чем они закончили, эти господа из Публичной Библиотеки? „А как,—спра-

шивают они,—принимаются члены в социалдемократическую партию?"— Как вам это нравится?

— Чрезвычайно.

— Гм... а как в действительности принимаются члены в вашу партию?—спрашивает, слегка колеблясь, мой собеседник.

— Нет ничего проще. Главное условие — признание программы. Затем нужно вступить в местную организацию и правильно платить взносы. Ведь программа вам нравится?

— Чорт возьми, не дурная вещь, этого нельзя отрицать... Но как вы смотрите на настоящее положение? Только говорите со мной не как редактор социал-демократической газеты, а совершенно откровенно... До демократической республики, конечно, еще далеко, но ведь конституция всетаки на-лицо?

— Нет, на мой взгляд республика гораздо ближе, а конституция гораздо дальше, чем вам кажется.

— А что ж у нас теперь, чорт возьми? Разве это не конституция?

— Нет, это лишь пролог к военному положению.

— Что? Вздор. Это ваш газетный жаргон. Вы сами этому не верите. Фантасмагории!

— Нет, чистейший реализм. Революция растет в силе и в дерзости. Посмотрите, что делается на фабриках и заводах, на улицах... Поглядите, наконец, на этот лист бумаги, который висит на вашей стене. Две недели тому назад вы бы его не повесили. А как они в Петергофе на это смотрят?—спрошу я вас вашими же словами. Ведь они еще живут и хотят жить. И в их распоряжении еще армия. Не надеетесь ли вы, что они без боя сдадут свои позиции? Нет-с, прежде, чем очистить место, они пустят в ход всю свою силу—до последнего штыка.

— А манифест? А амнистия? Ведь это же факты.

— Манифест только об'явление мимолетного перемирия, только передышка. А амнистия?... Из ваших окон вы видите днем шпиц Петропавловской крепости: она стоит еще твердо. И „Кресты" тоже. И охранное отделение тоже... Вы сомневаетесь в моей искренности, Николай Николаевич, а я вам вот что скажу, я лично вполне подхожу под амнистию, однако я не спешу легализоваться. Я живу и буду жить до развязки по своему фальшивому паспорту. Манифест не изменил ни моего правового положения, ни моей тактики.

— Может быть, в таком случае, господа, вам следовало бы держаться более осторожной политики?

— Например?

— Не говорить о низвержении самодержавия.

— Значит, вы думаете, если мы будем вежливее выражаться, в Петергофе согласятся на республику и конфискацию земель?

— Гм... я думаю, что вы все-таки преувеличиваете...

— Поглядим... Прощайте! Мне пора на заседание Совета. А как же со вступлением в партию? Только прикажите—и мы вас в две минуты запишем.

— Спасибо, спасибо... время еще терпит с этим... положение так неопределенно... мы еще поговорим... Всего хорошего!

(Л. Троцкий—„Оппозиция и революция". См. сборн. „1905г .").

ПАМЯТИ Н. Э. БАУМАНА [1].

Гордый, могучий борец за свободу
Умер в борьбе за великий народ...
Вышел он в поле в тяжелые годы
С криком призывным: „Вперед!“
Двигаться было и страшно и трудно,
Грудь надрывалась... но голос звучал
В этом тумане так смело и дружно!..
Взяться за дело великое звал...
Годы тюрьмы... эти мрачные годы...
Всякий, кто честно и смело служил
Делу могучему, делу свободному,
Ужас их всех пережил...
Только что луч показался свободы,
Только что весь встрепенулся народ
И задрожали тюремные своды,
Вышел ты смело вперед...
Вышел... И гордо погиб за свободу,
Подлой сраженный рукой!..
Спи безмятежно, защитник народа,
Честный рабочий герой!..
Спи!.. Если гибнут великие силы,
Гибнут геройски за свет, за народ...
Гибнут... но даже у края могилы
Падают с криком призывным: „Вперед!“.
Так и орел, пораженный стрелою,
В темном туманном ущелии гор,
С криком последним, с последней слезою
К небу бросает спяющий взор...

В МОСКВЕ.

...Закрылись магазины, остановилась вода, вечером в Москве стало темно. В роскошных особняках зажигали свечи...

В одно октябрьское утро Петя проснулся часов в десять, потянулся и подумал, что хорошо бы посмотреть в газете, как дела забастовщиков. Вдруг в комнату влетела Лизавета, размахивая газетным листом.

— Петя,—закричала она, — ну это что-то удивительное! Ты слышишь, конституцию дали! Нет, ты вставай, ты понимаешь, забастовка кончена, правительство уступило.

Пока Петя одевался, смущенный, обрадованный, возбужденный, она читала вслух известные слова манифеста... Парламент, свобода печати,

---

[1] Н. Э. Бауман — член Центрального Комитета большевиков. Убит из-за угла, сзади неизвестным черносотенцем 17 октября 1905 г.—20 октября состоялись его похороны, превратившиеся в грандиозную рабочую демонстрацию.

амнистия! Странные для русского слова... Едва он успел одеться, Лизавета потащила его на улицу... Народ, возбуждение, демонстрации, все это приподымало, давало характер праздничности... Лизавета рвалась сразу всюду: и за демонстрантами, и на митинги, и освобождать заключенных. Петя был менее пьян, и когда на Никитской они встретились с процессией черносотенцев... его настроение порядочно упало...

Вечером они собирались на митинг... Аудитории ломились от публики. Под красным знаменем, у трибуны собирали пожертвования. Дамы бросали туда свои кольца...

Все пошло вверх дном. Их квартира стала пристанищем революционеров, приняла вид не принадлежащий им. Через день у них бывали явки. Приходили на совещания молодые люди в черных шляпах и синих рубашках... На десяток юношей приходилось по провокатору, но об этом узнали позднее, а тогда все они казались необыкновенными и героическими. Некоторые ночевали, иногда жили по неделе, ютясь в столовой. Всем было достаточно дела. То борьба с черной сотней, то образование союзов, подготовка новой забастовки и восстания... Были моменты яркие, были тяжелые.

Навсегда остались в памяти похороны революционера, убитого черносотенцами [1] —движение несметной толпы, песнь, певшаяся без шапок, под открытым небом, и напоминавшая гигантскую панихиду. Реянье красных знамен, тот восторг, что теснит в такие минуты сердца.

И рядом — расстрел из засады, насилия над студентами, грозные вести со всех концов России, погромы...

Наступил ноябрь, тот памятный месяц, когда казалось, что дело революции шагнуло вперед колоссально, когда готовился новый взрыв... К Лизавете приезжали молодые люди с корзинами, оставляли их, потом являлись другие, обкладывались под платьем листками и выходили потолстевшими. В диване лежало оружие...

(Б. Зайцев.—„Дальний Край“).

ВОССТАНИЕ В СЕВАСТОПОЛЕ.

(11—14 ноября 1905 г.).

В Севастополе традиции „Потемкина“ не умирали... Октябрьская стачка открыла эпопею колоссальных уличных митингов, на которых матросы и пехотные солдаты были не только постоянными участниками, но и ораторами. Матросский оркестр играл марсельезу во главе революционной демонстрации... Двери казарм были днем и ночью открыты для представителей севастопольского комитета нашей партии... Невдалеке плававший „Прут“, превращенный в каторжную тюрьму, постоянно напоминал, что тут же, в нескольких шагах, томятся за участие в потемкинском деле жертвы июньского восстания. Новый экипаж „Потемкина“ заявлял о своей готовности вести броненосец к Батуму для под-

[1] Похороны Н. Э. Баумана.

держки кавказского восстания. Рядом с ним по боевой готовности стоял недавно отстроенный крейсер „Очаков". Но социал-демократическая организация настаивала на выжидательной тактике: создать совет матросских и солдатских депутатов, связать его с организацией рабочих и поддержать надвигающуюся политическую забастовку пролетариата восстанием флота. Революционная организация матросов приняла этот план. Но события обогнали его.

Сходки учащались и расширялись... Собирались десятки тысяч... Постановлено было запретить митинги... 11-го ноября у ворот экипажей была поставлена с утра боевая рота. Контр-адмирал Писаревский во всеуслышание обратился к ней: „Никого не пропускать из казарм. В случае неповиновения—стрелять". Из роты, которой был отдан приказ, выделился матрос Петров, на глазах у всех зарядил винтовку и одним выстрелом убил подполковника брестского полка Штейна, другим—ранил Писаревского. Раздалось приказание офицера: „арестовать его". Никто ни с места. Петров бросил винтовку: „Что же вы стоите? Берите меня". Петрова арестовали. Сбежавшиеся со всех сторон матросы требовали его освобождения... Возбуждение достигло высшего предела.

— Петров, ты нечаянно выстрелил?—допрашивал его офицер, ища выхода.

— Какое нечаянно? Отделился, зарядил, прицелился. Разве это нечаянно?

— Команда требует твоего освобождения...

И Петров был освобожден. Матросы порывались немедленно открыть действия. Все дежурные офицеры были арестованы, обезоружены... Решено было отправиться парадным шествием, с музыкой к казармам пехотных полков, чтобы привлечь солдат к движению. Утром явилась депутация рабочих для совещания. Через несколько часов стал уже весь порт; железные дороги также прекратили движение...

Вечер 13-го ноября был решительным моментом в развитии событий: депутатская комиссия пригласила для военного руководства отставного флотского лейтенанта Шмидта, завоевавшего большую популярность во время октябрьских митингов. Он мужественно принял приглашение и с этого момента стал во главе движения. К вечеру следующего дня Шмидт перебрался на крейсер „Очаков", где и остался до последнего момента. Выбросив на „Очакове" адмиральский флаг и дав сигнал: „командую флотом—Шмидт", с расчетом привлечь этим к восстанию всю эскадру, он направил свой крейсер к „Пруту", чтобы освободить „потемкинцев"... „Очаков" принял матросов-каторжан на свой борт и об'ехал с ними всю эскадру. Со всех судов раздавалось приветственное „ура". Несколько из судов, в том числе броненосцы „Потемкин" и „Ростислав", подняли красное знамя...

Взяв на себя руководство восстанием, Шмидт оповестил о своем образе действий следующим заявлением:

„Г-ну городскому голове.

Мною послана сегодня государю императору телеграмма следующего содержания:

Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от вас, государь, немедленного созыва Учредительного Собрания и перестает повиноваться вашим министрам.

Командующий флотом
Гражданин Шмидт".

Из Петербурга прислан телеграфный приказ: подавить восстание... Город и крепость об'явлены на осадном положении, все улицы заняты войсками. Решительный час настал. Восставшие рассчитывали на отказ солдат стрелять по своим и на присоединение остальных судов эскадры... Масса народа толпилась на берегу, ожидая салюта, который должен был возвестить о присоединении эскадры. Но ожидания не сбылись... Усмирители... открыли огонь... Открылась стрельба со всех сторон. Стреляли с судов, стреляли из орудий крепостной и полевой артиллерии, стреляли пулеметы с Исторического бульвара. Одним из первых залпов на „Очакове" была разрушена электрическая машина. Едва дав шесть выстрелов, „Очаков" вынужден был замолчать и поднять белый флаг. Несмотря на это, обстрел крейсера продолжался, пока на нем не поднялся пожар... Береговые матросские экипажи держались дольше всех. Они сдались только тогда, когда не осталось ни одного патрона. Красное знамя развевалось над мятежными казармами до конца...

К трем часам ночи была закончена кровавая работа палачей „усмирения". Победители доносили: „Взятых в плен и арестованных более 2.000 человек. Освобождены: 19 офицеров и гражданских лиц, арестованных революционерами"... Адмирал Чухнин телеграфировал, с своей стороны, в Царское Село: „Военная буря затихла, революционная—нет"...

(Л. Троцкий—„Красный флот". См. сборник „1905 г.").

ЧЕРНАЯ СОТНЯ.

В углу за одним столом сидел низенький, рыжебородый человек с жирным румяным лицом и острыми глазами, которые так и бегали по сторонам, точно мыши. Он был одет в потертую желтую куртку и высокие сапоги, но руки были у него белы и нежны, как у барыни, а сытое розовое лицо его выделялось среди серых, испитых, обрюзглых лиц „капканщиков". Он что-то говорил.

— Филька Горох!..—прошептал Петька, дергая товарища за рукав.—Гляди-кась! Ведь это, никак, околоточный... Пес Иваныч?

— Молчи,—прошептал Филька, толкая Петьку в бок.—Ты смотри и слушай...

Петька прикусил язык и стал смотреть и слушать.

— Вот они там все кричат „долой правительство",—говорил Пес Иванович (так его прозвали „капканщики" — настоящее имя его было Псой Иванович). Кричат: министры плохи, да начальники плохи, оттого, мол, и Россия обедняла, и народ бедствует. Я знаю, есть дураки, которые им верят, ну, только все это один обман. Вот устроили забастовку,

остановили все железные дороги,—кому же от этого вред! Им что ль? Как же! У них денег много, им жиды платят, а терпит все больше бедный народ!..

— Что ж, верно!—послышались кругом голоса.—Конечно, бедный народ! Они там с жиру бесятся, а нам жрать нечего... Уж беднее насто никого нету: какой ни на есть рабочий—он жалованье получает, и го ему мало—давай прибавку! А нашему брату, стрельцу, никто не прибавит: начальство нас не жалеет, купцы собаками травят, одна надежда: бубновый туз в трефовом доме!

Многие захохотали. Но Псу Ивановичу это не понравилось, и, вильнув туда и сюда юркими глазами, он продолжал свою речь:

— Они все говорят: товарищи рабочие и мастеровые!.. Мы для вас сделаем и то, и се, и пятое, и десятое... А поди-ка, попробуй к такому товарищу подойти—он на тебя и глядеть не захочет! Собирают деньги будто бы для рабочих, а сами их пропивают на коньяк да на шампанское. Вот они какие, эти социалисты и забастовщики. Я их очень хорошо знаю, всю подноготную выследил. Самые первые смутьяны и безбожники. Царя не признают, в бога не верят. Заместо бога каторжному Марксу молятся. Сам видал, он у них в переднем углу заместо иконы висит!

— Тьфу,—плюнул какой-то мрачный старик, сидевший в углу.

— Перевешать бы их... сукиных сынов! На терке истереть!

Румяные щеки Пса Иванозича еще больше закраснели, и в глазах заиграли веселые огоньки. Он с торжеством посмотрел на „капканщиков“, которые притихли и, сдвинувшись вокруг его стола, ждали, что он скажет еще. Даже Скалдырин вылез из-за стойки и громадный, темный, неподвижный, как монумент, стоял в дверях.

— Теперь они что еще выдумали,—начал снова Пес Иванович.—Мало им, что все дороги остановили, рабочих одурачили, так хотят еще самодержавие искоренить. Как бешеные собаки, ходят по улицам, конфузят государя и кричат: „свобода“! А какая такая это свобода?

— Н-не допущу!—проревел вдруг Скалдырин.—Изничтожу!.. За царя-батюшку... за свое добро... г-гол-лову оторву!..

Опять гулкий смех пронесся под сырадными сводами „Капкана“, и удушливый туман задрожал и заволновался.

— Зацепило! Не хотца, хозяин, с добром-то расставаться?.. Должно нагреб здорово... Ишь, как озарился?..—загудели „капканщики“.

Глаза Псоя Иваныча беспокойно забегали; он как будто сбился и замолчал, подозрительно поглядывая на широкие пасти „капканщиков“, раскрытые в припадке неудержимого хохота. Все это был народ отчаянный...

Неожиданно на подмогу ему выступил какой-то человек, до сего времени смирно сидевший за спиной Псоя Иваныча. Гладкий, бритый, длинноволосый, он был похож на переодетую бабу, и голос у него тоже был бабий, пронзительный и тонкий.

— А все ихние делегаты называемые—все антихристы,—закричал он из-за спины Пса Иваныча.—Я сам видел! Сымет шапку, а у него там

рожки! Ей богу... Сам видел! Извести хотят народ православный. Всех нас японцам да жидам в неволю продают!

— Это кто такой?—шопотом спросил Петька у Гороха.

— Сыщик Тюлюлюкин..,—с уважением отвечал Филька.—Он все знает. По тайным делам!.. Слушай!

— Японцы нарочно их подослали!—визжал между тем человечек.— Не пришлось им, проклятым, нашу державу в войне одолеть, так они теперича хотят ее измором взять. И напустили на нас нечистую силу, делегатов да социалистов! Это во всех газетах написано... Дескать, взбунтуйте народ православный, пущай они от своего царя отрекутся, а мы их тогда под себя и покорим. Вот они и бунтуют... Прощай, наша матушка-Россия! Прощай, православный белый царь!

Он громко всхлипнул и в великой скорби своей спрятался снова за широкую спину Пса Иваныча. „Капканщики“ перестали смеяться— лица их насупились, глаза угрюмо сверкали. Скрывшийся было за стойку Скалдырин снова, как монумент, появился у дверей.

— Как так: „прощай“?—всей утробой своей возгласил он.—Рассея-то? Да я за Рассею... горло перерву!! Кишками наружу выверну...

— Верно, хозяин, верно!—одобрительно зашумели „капканщики“. Рассею японцам не дадим... Что такое? Де нешто это можно? Чтобы нехристь на нашей земле хозяйничал?.. Да ни в жисть!.. Одолеем. Измордуем вдрызг!.. Всю силу нечистую до корня изведем.

— Так их! Так!..—в восторге воскликнул Пес Иваныч.—Люблю... Вот молодцы ребята! Всех врагов отечества надо истребить... Бей—не жалей!.. Небось, бунтовать перестанут... Кто за царя батюшку? Кто за Русь православную?

— Я... Мы!.. Все!.. Все!..—ревели „капканщики“, черной тучей надвигаясь на Пса Иваныча.

— За царя-то?.. За Рассею-то?.. Да я... да мы...—хрипел Скалдырин.

Сыщик Тюлюлюкин продолжал хныкать и сморкаться, утирая невероятно грязным платком невидимые слезы. Минута была торжественная и величественная; даже мальчишки забыли свои обязанности и, разинув рты, стояли в оцепенении с чайниками в руках. Пес Иваныч поднялся со стула.

— Ну, так вот что, братцы!—начал он громко и серьезно, оглядывая кучу лохматых голов, свирепых лиц, сжатых кулаков, теснившуюся перед ним в багровом тумане „Капкана“.

— Вот что я вам скажу: готовьтесь! Великая битва будет, надо нам батюшку-государя из беды выручать! Кто согласен—выходи завтра на площадь к биржевому трактиру. Отслужим молебствие—и с божьей помощью пойдем на врага... Согласны?

Он замолчал, ожидая взрыва грозных криков... но, к его изумлению, в „Капкане“ вдруг наступила гробовая тишина, а Скалдырин осторожно протискался в дверь и исчез за стойкой. Румяные щеки Пса Иваныча побелели.

— Что же это вы?..—с смущением и досадой сказал Пес Иваныч.— Стало быть, как же это? Согласны или нет?

Из толпы „капканщиков“ выступил один, приземистый, сутуловатый парень с широким, бледным лицом, на котором вместо носа был безобразный рубец с двумя черными впадинами ноздрей. Низкий лоб его весь зарос черною щетиною: черные косматые брови шевелились, как живые, и из-под них выглядывали острые, пронзительные глаза—хитрые, недоверчивые глаза зверя. Видавший всякие виды, Пес Иванович даже отшатнулся немножко в сторону, очутившись лицом к лицу с этим страшным господином, похожим больше на призрак, чем на человека.

— Да кого бить-то надо, ваше благородие?—спросил Безносый, глядя на Пса Иваныча своими пронзительными глазами.

— Ну, как кого?—сказал Пес Иваныч, недовольно морщась оттого, что его назвали „ваше благородие“.—Сказано ведь... врагов отечества...

— Так точно. То-есть, стало быть, забастовщиков?

— Ну, конечно... всяких там... которые бастуют.

Безносый посмотрел на товарищей и хитро усмехнулся.

— Ти!..—щелкнул он языком.—Поди-ка, тронь их, чертей... Они все, небось, с кинжалами да с ливорвертами!

— А казаки на что? Попробуй кто выстрелить—казаки живо нагайками разгонят! Да и вы не с голыми руками пойдете!

— Так-то оно так... а все-таки шут их знает... Кабы одних жидов да студентов бить—это наплевать, а то забастовщиков... Ведь они проклятые, кузнецы да молотобойцы,—самый опасный народ! У них кулачища-то по пуду... да, верное слово!

Пес Иваныч начал сердиться. Он вес побагровел и посмотрел на Тюлюлюкина, который из-за спины делал какие-то таинственные знаки.

— Да что вы, ребята?—крикнул он нетерпеливо.—Неужто не хотите царю-батюшке послужить? Ваша служба не пропадет...

— А как примерно сказать?.. Какое награжденье будет?—деловито спросил Безносый.

— По полтиннику на брата... и кроме того угощенье.

Безносый опять щелкнул языком и покрутил головой.

— Не подойдет, ваше благородие... Мало по полтиннику! Все-таки не быков бить, а людей... да и самому, пожалуй, пузо прострелят.

— И оченно даже просто,—подхватил белобрысый с наглыми, на выкате, глазами паренек, которого товарищи звали „Пистолетом“.—Прострелят—да и вот тебе. Я сколько разов у них там на сборищах бывал, так они прямо заявляют: мы, говорят, ничего не боимся, подходи, кто хочет пулю получить, у нас готово.

— Готово, это верно,—подтвердили в один голос „капканщики“. Их сила огромная... Рысковой народ... Что ж за полтинник-то пузо подставлять?.. Себе дороже... Помирать-то, то бери сколько хочешь.

Пес Иваныч в сдержанном бешенстве скрипнул зубами, и ему захотелось ударить кого-нибудь по физиономии. Он с ненавистью посмотрел на Безносого, но удержался от соблазна и обернулся к Тюлюлюкину. Тот опять вскочил из-за его спины и завизжал:

— Что полтинник? не в полтиннике дело!.. У жидов нешто мало добра? Они богатые! У одного Левитина на Митрофаньевской сколько золота да серебра—на всех вас хватит... бери сколько хочешь!

У „капканщиков“ засверкали глаза и дух захватило; они обменялись взглядами и еще теснее сдвинулись вокруг Пса Иваныча.

— А нешто можно, ваше благородие?—шопотом спросил Безносый, обдавая околоточного зловонным дыханием.

Пес Иваныч махнул рукой... Его начинало тошнить. За него отвечал Тюлюлюкин. Он взгромоздился на стул и с каким-то вдохновенным видом, точно сорвавшись с цепи, вопил на весь трактир:

— Приказано!.. Дозволено!.. Что хочешь, делай—бей, колоти, бери, тащи, никакого запрету нету... постоим за Рассею!.. Всех изменников царских искореним!.. Режь, грабь, волоки—ничего не будет!..

Рев неистового восторга бурей пронесся по „Капкану“ и задушил пронзительные вопли Тюлюлюкина. В дверех показалась огромная испуганная рожа Скалдырина и сейчас же исчезла!

— Бей, режь, грабь!..

— Началось, началось! Шапки долой!—закричали в толпе, и среди мгновенно наступившей тишины раздалось церковное пение, сплетаясь с басовитым гулом монастырского колокола.

За плотною стеною молящейся толпы Пес Иваныч в новенькой парадной форме и белых перчатках, с озабоченным лицом, говорил толстому городовому с огромной синебагровой шишкой на носу:

— Что, Дедюрин, не идут еще?

— Никак нет, ваше благородие, они сичас! Им, должно, в „часте“ струмент раздают...

— Не может быть, чтобы так долго...—с беспокойством сказал Пес Иваныч, поглядывая на площадь.—Запьянствовали черти... ведь сказано, чтобы к молебну приходили.

— Да вы не беспокойтесь, ваше благородие, уж Тюлюлюкин знает. Парень надежный, все оборудует в настоящем виде.

— Ну, а ты... готов?—быстрым шопотом спросил Пес Иваныч.

— Мне, ваше благородие, готовиться нечего... только переодеться. Вот как они на Митрофаньевскую выдут, я в часть забегу, полушубок надену, рыло сопухой вымажу—и готово. Все будет, как приказано...

— То-то... Так ты смотри же, прямо в портрет стреляй. И как выстрелишь, так кричи: „Забастовщики стреляют в царя—бей их!“

— Да уж... не извольте беспокоиться, ваше благородие, как в театре разыграю. Вот они,—перебил он сам себя, показывая на площадь.

Пес Иваныч обернулся. На площади двигалась какая-то черная туча, и из недр ее неслось унылое завыванье, похожее на дикий стон ветра в зимнюю ночь. Два громадных трехцветных флага развевались над этой стонущей тучей, точно два крыла какой-то странной птицы, бьющейся в предсмертных судорогах. Пес Иваныч улыбнулся.

— Молодцы „капканщики“!—сказал он с удовольствием.

— „Спаси, господи, люди твоя“...—взывала туча, и трехцветные крылья судорожно забились и затрепетали в бессильном порыве улететь...

При первом взгляде на них Пес Иваныч убедился, что все они мертвецки пьяны, и чело его омрачилось...

Пес Иваныч махнул перчаткой... И шествие черным потоком потекло через площадь на Митрофаньевскую улицу. Колокола звонили; хлопали развеваемые ветром флаги; бежавшие впереди ребятишки радостно кричали „ура“.

И в ту же минуту над толпой пронесся чей-то отчаянный вопль:

— Назад! Назад!.. Рабочие идут...

Все смешалось, закрутилось и в безумном страхе понеслось назад. Мчался, приникая к земле, маленький чиновник, только что призывавший всех „положить свою жизнь“; крупной иноходью, подобрав обеими руками полы шубы, скакал толстый купец с блестящей шарообразной головой; с тяжким пыхтением, перекосив лицо в сторону, удирал Скалдырин и волочил за собою вцепившегося в портрет Тюлюлюкина. Мчались дамы, босяки, полицейские, чиновники, мальчишки, — все это выло, ревело, стонало на разные голоса:

— Рабочие идут!...

А на перерез бегущей толпе уже летели казаки, и впереди на белой лошади, с красным злым лицом, ехал полицмейстер, грозно вращая налитыми кровью глазами.

— Стой! стой! — закричал он, махая рукою. — Какие рабочие? Где? — Этот грозный окрик привел всех в чувство, и смущенная толпа остановилась. Кто-то сначала несмело, потом погромче крикнул „ура“, мальчишки подхватили. Тюлюлюкин дрожащим голосом затянул: „боже, царя храни“—и все пришло в порядок.

— Назад!—скомандовал полицмейстер, грозя кулаком.

— Бей забастовщиков!.. — заревел выскочивший откуда-то рыжеусый молодец, похожий на переодетого жандарма.

И вдруг из тумана вынырнула громадная черная фигура, сверкнул огонек, грохнул выстрел—и на мгновенье все исчезло, все заволоклось голубоватым дымком.

— Стреляют!.. В портрет стреляют!.. — завыли кругом. — Безбожники проклятые! Жиды!.. Бей их!..

— Бей! Бей!.. Здесь они!.. Отсюда стреляли. Вышибай окно!..

Безносый взмахнул колом... Трах... Жалобно треснула оконная рама; зазвенели разбитые стекла; отчаянный женский крик врезался в звериное рычание толпы... [1].

(В. Дмитриева.—„Тени прошлого“).

---

[1] В октябрьские дни 1905 г. более чем в ста городах, и притом на протяжении всего двух-трех недель, разыгрались однородные и по программе и по преступности сцены дикой расправы черной сотни с мирными жителями; было убито от трех с половиной до четырех тысяч человек и ранено и изувечено более десяти тысяч (В. Обнинский. „Полгода русской революции“).

ФИНАНСОВЫЙ МАНИФЕСТ.

(2 декабря 1905 г.).

Правительство—на краю банкротства. Оно превратило страну в развалины и усеяло их трупами. Измученные и изголодавшиеся крестьяне не в состоянии платить подати. Правительство на народные деньги открыло кредит помещикам. Теперь ему некуда деваться с заложенными помещичьими усадьбами. Фабрики и заводы стоят без дела. Нет работы. Общий торговый застой. Правительство на капитал иностранных займов строило железные дороги, флот, крепости, запасалось оружием. Иссякли иностранные источники — исчезли казенные заказы. Купец, поставщик, подрядчик, заводчик, привыкшие обогащаться на казенный счет, остаются без наживы и закрывают свои конторы и заводы. Одно банкротство следует за другим. Банки рушатся. Все торговые обороты сократились до последней крайности.

Борьба правительства с революцией создает беспрерывные волнения. Никто не уверен больше в завтрашнем дне.

Иностранный капитал уходит обратно за границу. Уплывает в заграничные банки и капитал „чисто русский". Богачи продают свое имущество и спасаются за границу. Хищники бегут вон из страны и уносят с собой народное добро.

Правительство издавна все доходы государства тратило на армию и флот. Школ нет. Дороги запущены. Несмотря на это, не хватает даже на продовольственное содержание солдат. Проиграли войну отчасти потому, что не было достаточно военных запасов. По всей стране подымаются восстания обнищавшей и голодной армии.

Железнодорожное хозяйство расстроено, кассы железных дорог опустошены правительством. Чтобы восстановить железнодорожное хозяйство, необходимы многие сотни миллионов.

Правительство расхитило сберегательные кассы и роздало вклады на поддержку частных банков и промышленных предприятий, нередко совершенно дутых. Капиталом мелких вкладчиков оно ведет игру на бирже, подвергая его ежедневному риску.

Золотой запас государственного банка ничтожен в сравнении с требованиями по государственным займам и запросом торговых оборотов. Он разлетится в пыль, если при всех сделках будут требовать размена на золотую монету.

Пользуясь безотчетностью государственных финансов, правительство давно уже делает займы, далеко превосходящие платежные средства страны. Оно новыми займами покрывает проценты по старым.

Правительство год за годом составляет фальшивую смету доходов и расходов, при чем и те и другие показывает меньше действительных, грабя по произволу, высчитывает избыток, вместо ежегодного недочета. Бесконтрольные чиновники расхищают и без того истощенную казну.

Приостановить это финансовое разорение может только после свержения самодержавия Учредительное Собрание. Оно займется строгим

расследованием государственных финансов и установит подробную, ясную, точную и проверенную смету государственных доходов и расходов (бюджет).

Страх перед народным контролем, который раскроет перед всем миром финансовую несостоятельность правительства, заставляет его затягивать созыв народного представительства.

Финансовое банкротство государства создано самодержавием так же, как и его военное банкротство. Народному представительству предстоит только задача по возможности скорей произвести расчет по долгам.

Защищая свое хищничество, правительство заставляет народ вести с ним смертную борьбу. В этой борьбе гибнут и разоряются сотни тысяч граждан и разрушаются в своих основах производство, торговля и средства сообщения.

Исход один — свергнуть правительство, отнять у него последние силы. Надо отрезать у него последний источник существования: финансовые доходы. Необходимо это не только для политического и экономического освобождения страны, но и, в частности, для упорядочения финансового хозяйства государства.

Мы поэтому решаем:

Отказываться от взноса выкупных и всех других казенных платежей. Требовать при всех сделках, при выдаче заработной платы и жалованья—уплаты золотом, а при суммах меньше пяти рублей—полновесной звонкой монетой.

Брать вклады из сберегательных касс и из государственного банка, требуя уплаты всей суммы золотом.

Самодержавие никогда не пользовалось доверием народа и не имело от него полномочий.

В настоящее время правительство распоряжается в границах собственного государства, как в завоеванной стране.

Посему мы решаем не допускать уплаты долгов по всем тем займам, которые царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну со всем народом.

Совет Рабочих Депутатов.

Главный Комитет Всероссийского Крестьянского Союза.

Центральный комитет и Организационная комиссия Российской социал-демократической рабочей партии.

Центральный комитет партии социалистов-революционеров.

Центральный комитет Польской социалистической партии.

ЦАРСКАЯ СВОРА О НАРОДНОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ.

Граф С. Ю. Витте. Все говорят о необходимости скорее созвать Думу. Но интересно было бы знать, находят ли приглашенные деятели возможным производить выборы там, где происходят беспорядки? Во многих местах все консервативные элементы бежали из деревни, и население находится всецело под влиянием революционеров...

Барон П. Л. Корф. Можно с уверенностью сказать, что революционеры не дадут помещикам приехать на выборы и будут препятствовать пройти им спокойно. А между тем, созыв Государственной Думы— это конец революции. Необходимы поэтому самые серьезные меры охраны. Для защиты избирателей нужны полиция и войска...

Д. Н. Шипов. Другой вопрос первостепенной важности — вопрос аграрный. Надо в издаваемом указе сказать, что вопрос этот будет представлен разрешению Государственной Думы на основаниях, предуказанных верховной властью. Этим путем будет устранен абсентеизм крестьян от выборов и достигнуто в их среде успокоение... Следовало бы провозгласить ныне же те начала, которых правительство предполагает держаться при проведении означенной реформы. При этом желательно, однако, избегать термина дополнительного надела...

С. Б. Рихтер. Крестьяне интересуются только землею. Если мы остановимся на всеобщем избирательном праве, мы откроем, в сущности, двери интеллигентному пролетариату. Между тем, этот элемент в Государственной Думе весьма нежелателен...

П. Н. Дурново. Излечить смуту нельзя никакими выборами. Не недовольство законом 6 августа, а другие более глубокие причины поддерживают революционное движение. Мы впадем в большую ошибку, если будем смотреть на Думу с оппортунистической точки зрения. При общем избирательном праве в Думу попадут негосударственные элементы. С третьим элементом нужно считаться. В 17 губерниях помещиков грабили: в Новооскольском уезде—пять, а в Петровском—всего лишь три помещичьи усадьбы остались неразграбленными. Помещики не пойдут в Думу вместе с фельдшерами, земскими статистиками и т. п. лицами, так недавно еще предводительствовавшими грабительскими шайками, разорявшими их усадьбы. Мы открываем двери таким людям, которые чужды всяких традиций и государственного дела обсуждать не могут...

Граф С. Ю. Витте. Если бы мы обсуждали вопрос, как организовать народное представительство вне пространства и времени, то в таком случае закон 6 августа был бы, может быть, самый совершенный, и я мог бы даже предложить сделать в нем некоторые поправки в еще более консервативном направлении. Нельзя, однако, забывать, что в настоящее время в России происходит революция. Пока движение это захватывает только высшие классы, правительство может с ним бороться. Совершенно иное дело, когда приходится водворять порядок в народе... В городах, конечно, можно наложить узду, но хаос, революция проникли уже в массу народа, вне городов. Затем я нахожу, что для того, чтобы вывести Россию из переживаемого ею кошмара, нельзя ставить Государственную Думу на ряду с государем. Между ними должен быть поставлен Государственный Совет в обновленном составе. Совет должен быть второю палатой и является необходимым противовесом Думе, умеряя ее... Нужно дать такую Думу, которая не обратилась бы в учредительное собрание. Весь вопрос в том, имеем ли мы возможность прекратить смуту силою, или же необходимо вступить на путь нравственного успокоения. Можем ли мы рассчитывать на успех в первом случае?.. Об этом нечего и ду-

мать: мы не располагаем достаточным количеством войска. Поэтому мы не можем отсрочить созыв Думы и должны принять тот принцип, который наиболее удовлетворит все население... Кто может решить теперь, какой проект даст нам лучшую Думу. В настоящее время погромы произвели поворот в общественном мнении. Явилась возможность арестовать 236 человек Совета рабочих депутатов, и этому в душе все радуются.

Н. С. Таганцев. Если русское общество стало спокойнее и консервативнее, то это об'ясняется не тем, что оно испугано крайними партиями, а тем, что последовал манифест 17 октября...

Э. Б. Фриш. Самая благомыслящая часть общества безусловно верит в манифест 17 октября... Поэтому в вопросе о расширении избирательного права нужно остаться на почве манифеста 17 октября, возвестившего развитие избирательного права, дарованного положением 6 августа. В основу же этого последнего закона положено представительство сложившихся интересов. Нельзя также уничтожить и специальное представительство от крестьян... Затем, для того, чтобы допустить рабочих к участию в выборах, нужно включить их в общую губернскую курию.

Граф С. Ю. Витте. Куда же, собственно, включить рабочих? В города или в села? Если в города, то ведь они будут отданы рабочим на с'едение. Наконец, где останутся железнодорожные рабочие и занятые на фабриках, находящихся вне городов? Включить же в число избирателей всех лиц, кто живет своим трудом, равносильно признанию всеобщего избирательного права.

Д. Ф. Трепов. При всеобщей подаче голосов мы получим революционную Думу.

Князь А. Д. Оболенский. Нельзя закрывать глаза на те последствия, которые произойдут от допущения в Думу 14 депутатов от рабочих, сплотившихся в организованный союз...

Граф С. Ю. Витте. Если допустить в Думу 14 членов от рабочих, они будут непременно требовать себе 25, а потом и 50 мест в Думе. И если вы это им не дадите, то без крови вы не будете впоследствии в состоянии отнять у них это право... Мы не можем, однако, не дать какого-либо удовлетворения трудовому классу. Опасно игнорировать право труда: в XX веке не признавать этого права нельзя...

Его императорское величество. Все обсуждено, все взвешено. Вопрос этот был мне совершенно непонятен и даже мало интересовал меня. Только после 17 октября я его изучил. Я находился в течение обоих заседаний в полном колебании. Но с сегодняшнего утра мне стало ясно... Итти слишком большими шагами нельзя. Сегодня—всеобщее голосование, а затем недалеко и до демократической республики. Это было бы бессмысленно и преступно [1].

(„Царскосельские совещания". Из протоколов секретного совещания, под председательством бывшего императора, по вопросу о расширении избирательного права 5 и 7 декабря 1905 г.).

---

[1] В результате „царскосельских совещаний", 11 дек. 1905 г. был опубликован новый закон о выборах в Госуд. Думу, который увеличил число городских избирателей, включив всех торговцев и промышленников и всех занимающих в пределах города на свое имя квартиру, независимо от ее стоимости.

ПРИЗЫВ К ВОССТАНИЮ

(Воззвание Московского Совета Рабочих Депутатов и Революционных Партий).

Ко всем рабочим, солдатам и гражданам.

Товарищи рабочие, солдаты и граждане!

С 17 октября, когда рабочий класс силой вырвал у царского правительства обещание разных свобод и „действительную" неприкосновенность личности, насилие со стороны правительства не только не прекращается, но усиливается, и попрежнему льется человеческая кровь.

Свободные собрания, где можно слышать свободное слово, разгоняются оружием, профессиональные и политические союзы жестоко преследуются.

Свободные газеты закрываются уже сразу десятками.

За стачки грозят тюрьмой. А над „действительною" неприкосновенною личностью русского гражданина учиняются такие издевательства и насилия, от которых кровь стынет в жилах.

Снова тюрьмы набиваются борцами за свободу.

Об'являются на военном положении целые области и губернии.

Без пощады избиваются и расстреливаются голодные крестьяне.

Матросов и солдат, не желающих быть братоубийцами и примкнувших к своему народу, гноят в тюрьмах, топят и убивают.

Если бы собрать всю кровь и слезы, пролитые по вине правительства лишь в октябре, оно утонуло бы в них, товарищи.

Но с особой ненавистью царское правительство обрушивается на рабочий класс: заключив союз с капиталистами, оно выбрасывает на улицу сотни тысяч рабочих, обрекает на нищету и голодную смерть. Оно десятками и сотнями сажает в тюрьмы депутатов и вождей рабочих.

Оно грозит принять против представителей соц.-дем. раб. партий и партий эс-эров какие-то „исключительные" меры. Оно снова организовало черные сотни и грозит новыми массовыми убийствами и погромами.

Революционный пролетариат не может дольше терпеть издевательства царского правительства и об'являет ему решительную и беспощадную войну.

Товарищи рабочие! Мы, избранные вами депутаты, Московский Комитет, Московская Окружная организация Российской социал-демократической рабочей партии и Московский Комитет партии социалистов-

---

Таким образом, число избирателей от горожан с 18.000 возросло до 2.000.000. Было увеличено также и число избирателей от землевладельцев, и право голоса получили все землевладельцы, уплачивающие налоги, независимо от величины земельного участка. Кроме того, было предоставлено избирательное право четвертой группе населения—рабочим. Однако было сохранено неравенство голосования всех групп: крестьяне имели четырехстепенное избирательное право, городские рабочие—трехстепенное, городские избиратели и помещики—двухстепенное. На основании этого закона была избрана 1 Дума, созванная 27 апр. 1906 г. и разогнанная 9 июля того же года. Для выборов во вторую Думу закон 11 декабря был изменен посредством сенатских „разъяснений", которые особенно стеснили участие в выборах крестьян и рабочих.

революционеров—об'являем всеобщую политическую забастовку и призываем вас в среду, 7 декабря, в 12 час дня, бросить и остановить работу на всех фабриках и заводах, во всех городских и правительственных предприятиях...

Товарищи солдаты! Вы наши кровные братья, дети единой с нами матери, многострадальной России. Вы уже сознали и подтвердили это участием в нашей борьбе. Ныне, когда пролетариат об'являет ненавистному врагу—царскому правительству—решительную войну, действуйте и вы решительно и смело. Отказывайтесь повиноваться своему кровожадному начальству, гоните его прочь и арестуйте. Выбирайте из своей среды надежных руководителей и с оружием в руках присоединяйтесь к восставшему народу. Вместе с рабочим классом добивайтесь распущения постоянной армии и всенародного вооружения, добивайтесь отмены военных судов и военного положения...

И вы, граждане, искренно жаждущие широкой свободы, помогите восставшим рабочим и солдатам чем только можете—и личным участием и общими средствами. Пролетариат и армия борются за свободу и счастье всей России и всего народа. На карту поставлено все будущее России. Жизнь или смерть, свобода или рабство. Соединенными силами мы свергнем, наконец, преступное царское правительство, созовем Учредительное Собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного голосования и утвердим демократическую республику, которая одна может обеспечить нам широкую свободу и действительную неприкосновенность личности.

Смело же в бой, товарищи рабочие, солдаты и граждане!
Долой преступное царское правительство!
Да здравствует всеобщая забастовка и вооруженное восстание!
Да здравствует всеобщее Учредительное Собрание!
Да здравствует демократическая республика!

Моск. Сов. Раб. Депутатов.
Московский Комитет. Р. С.-Д. Р. П.
Моск. Группа Р. С.-Д. Р. П.
Моск. Окр. Орг.
Моск. Ком. Партии Соц.-Рев.

6 декабря, 1905 года.

„МОСКВА В ДЕКАБРЕ".

Смолкли залпы запоздалые,
Смолк орудий гром.
Чуть дымятся лужи алые,
Спят кругом бойцы усталые,
Спят не здешним сном.
Вечер веет над скелетами
Павших барри́кад,
Над телами неотпетыми
Гимны скорбными приветами
В сумраке звучат.
Спите, братья, с честью павшие—
Близок судный час!
Спите, робости не знавшие:
Ночь в руках у нас.

Все, что днем у нас разрушено,
Выстроим во мгле.
Жажда битвы не задушена
В раненом орле.
Ночью снова баррикадами
Город обовьем,
Утром свежими отрядами
Новый бой начнем.
Спите, братья и товарищи!—
Близок судный час!
На неслыханном пожарище
Мы помянем вас!

(М. Тарасов).

НА ПРЕСНЕ.

В городе все было подавлено, только Пресня, пустынная и вся связанная баррикадами, угрюмо и гордо давала последний бой.

Мне пришлось ворочаться из города, и я попал на Пресню со стороны Горбатого моста. Надо было перейти через Большую Пресню. Меня остановили:

— Не ходите.

— А что?

— С каланчи охотятся... беспременно подстрелят...

Я глянул. На каланче, действительно, вырисовывались фигурки, и иногда доносился оттуда звук выстрела. Городовые и солдаты, обозленные бессилием взять Пресню, охотились на обывателей. Достаточно было кому-нибудь показаться, как его клали. Пули обстреливали вдоль всю большую улицу, летали по дворам, пронизывали окна.

Большая Пресня безлюдно тянулась в обе стороны, но во всех переулках, укрытых от каланчи, чернел народ. В эти дни невозможно было усидеть в комнатах. Я прислушался.

— Ночью у Горбатого моста студента арестовали, обыскали—револьвер, потом девушку, потом рабочего. Офицер ничего не спросил, не узнал, кто они, как и что, мотнул головой, ну и...

— Что?

— Расстреляли...

Стояло угрюмое и суровое молчание...

Рассвело. С нашего пятого этажа вся улица и Пресненский мост, с которого стреляли, видны, как на ладони.

— Да они расстреливают дома!..—вскрикнул хозяин, белый, как полотно.

Действительно, каждый раз, как из жерла орудия вырывалась длинная огненная полоса, в одном из домов таял клубочек дыма, брызгами разлетались осколки, валились кирпичи, чернея зияли бреши и мертво глядели провалы вместо окон.

Под нашим полом раздался гул. Густое облако зеленоватого дыма проплыло, относимое ветром, заслонив на секунду все мимо окна. Под нами, в квартиру четвертого этажа, попала граната.

Как сумашедший, я кинулся, уже не соблюдая никаких предосторожностей, схватил мальчиков и бегом бросился по коридору. За мной

бежали хозяева с детьми, прислуга. Пули то и дело чокали, и сыпалась штукатурка. Надо было сбежать по громадной, проходящей все пять этажей, лестнице. Сквозные окна, освещавшие ее, были пестры от пулевых дырок. Громадные огни орудийных выстрелов, вспыхивавшие на мосту, мелькали в глазах. Изо всех дверей квартир выскакивали полуодетые трясущиеся люди и бежали вниз. Дети, старики, женщины, мужчины,—все смешалось в живом потоке...

Я вбежал, с мальчиками в руках, в подвальное помещение.

Было темновато и сыро, и пахло мышами. Смутно виднелись силуэты сидевших, стоявших, прохаживавшихся людей. Звуки выстрелов глухо доносились сюда...

На кучке угля, сливаясь с темнотой, сидел кочегар, угрюмый и черный. Он был из Тульской губернии, ходил без места, и его из милости приютил управляющий. Он помогал около печки, и за то ему давали ночлег и кормили.

— Что, Иван, страшно?

— Все одно,—угрюмо послышалось из темноты.

— А как убьют?

— И убьют, не откажешься.—И, помолчав, прибавил:

— Нас давно убивают, не в диковинку.

— Как?

— А так. У меня в семействе, опричь меня с женой, было восьмеро детей, а теперя—двое.

— Куда же те?

— Померли... с голоду... голодная губерния...

— Ночь или день—трудно различить; должно быть, ночь, и полоса на потолке становится кровавее.

— Да мне одно ведро!..—звонко и дерзко нарушая, как искра темноту, напряжение и оцепенелость, раздается среди подавленности, тишины и мертвого шопота мальчишеский голос.

— Тссс!.. тише!..—шипят все, вскакивая и машут руками.— Тише... ради создателя тише.

Мальчуган, лет одиннадцати, краснощекий, с круглым лицом, скаля весело белые зубы, ловко подставляет под кран ведро, и струя, пенясь, наполняет шумом угрюмое помещение.

Его обступают.

— Да ты откуда?

— А во, наискосок, из белого дома...

— Значит, по улице ходить можно?

— С превеликим удовольствием... куда угодно.

Разом распадается давившая тяжесть, чудовище исчезает. Все шумно наперебой говорят торопливо и радостно.

— Ну, вот, я же вам говорил: не звери же они. С какой стати они будут жечь и расстреливать больных, детей, женщин... людей совершенно ни к чему не причастных.

— Слава тебе, господи... слава тебе, царю и создателю...— безумно радостно крестится, приподнявшись на локте, больная, подняв глаза к потолку.

Слышатся счастливые всхлипывания.

— Дети, одевайтесь!

— Иван Иванович, куда вы мои калоши дели?

— Значит, не стреляют?

— Стреляют!—весело бросает мальчишка, заворачивая кран, и мгновенно наступает мучительная, давящая тишина.—Двоих зараз подстрелили... лупят и по переулку, и по улице, и из Зоологического.

— Как же... как же ты?

— Да хозяин грит: чайку хоцца, сбегай, грит, Ванька, принеси ведро... у нас водопроводу-ти нету, водовозы боятся, не ездиют... а хозяин-ти с хозяйской в погребу сидят, со страху рябиновку тянут, как пуговички,—мальчишка заразительно хохочет, подхватывает ведро и исчезает.

Снова давящая тишина, снова шопот, снова покойник в доме...

— Солдаты... страсть их сколько... в окна в сторожку заглядывают... сказывают, расстреливать дом будут...

Разбросанные в безпорядке руки, ноги, головы шевелятся, отовсюду подымаются люди с заспанно-испуганными лицами.

— Что?

— Кто говорит?

— Откуда?

— Уже два часа... а все думаю—я сплю.

— Боже мой, какая долгая, какая мучительная ночь!..

— Да не может быть, за что будут расстреливать?..

— За что? а за что расстреливали целый день?

— Надо кого-нибудь послать...

Все глаза обращаются на обладателя спокойного глухого голоса. Он подымается и уходит...

Ждем. Проходит двадцать минут, полчаса... Томительное ожидание разрастается в беспокойство. Поминутно лазают за часами.

— Нет его!..

Прислушиваются к малейшему скрипу, но звука шагов нет. Одна и та же страшная мысль проползает в мозгу:—„убит“...

Вот шаги. Все с секунду напряженно вслушиваются. Может быть, солдаты? Он.

Бросаются:

— Что?...

— Сказал?..

— Будут?

Он ровно говорит таким же спокойным, глухим голосом:

— Вывели со двора. Все время штыки на меня. По переулку все освещено пожаром, ни души... Куда же вы ведете? „Иди“... Мне стало казаться, приколят где-нибудь у забора. Одним больше, одним меньше... Сколько таких трупов валяется по Москве. Вывели на улицу. Светло, как днем. Стоит офицер. Лица я у него не видал, нету лица, одни усы,

холеные, громадные, смотрят к бровям. Излагаю ему: дети, женщины, больные... Он стоит ко мне спиной. Потом небрежно цедит сквозь зубы: „если завесят окна, если никто не будет подходить к ним, никто не выйдет из дому, и если... со стороны дома и двора не раздастся ни одного выстрела, мы... не будем расстреливать“... [1].

(А. Серафимович.—„На Пресне“).

КАРАТЕЛЬНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ.

В тот самый день, когда уже стало смеркаться и дальний перелесок начал сереть на посиневшем снегу, полным ходом без фонарей, как зловещая ночная птица, вылетевшая из темного леса, с свистом и гулом промчался одинокий черный паровоз из Москвы. С страшным шипением тормоза и скрежетом мерзлых рельс, он на секунду остановился у станции, и кто-то, свесившись с площадки тендера, закричал отчаянным надорванным криком:

— То-варищи!.. Все пропало!.. Бологое взято войсками... Баррикадируйте путь... Идет поезд с солдатами!

Паровоз двинулся, качаясь... перешел стрелку и, оставляя позади себя клочья белого пара и дыма, понесся дальше. А в наступившей внезапно тишине еще звенел удаляющийся одинокий напряженный крик:

— То-варищи! Сначала — наши... Наш поезд сначала, смотрите!..

На станции поднялась зловещая, тревожная суета. Толпы людей со всех сторон бежали на крик... Анисимов, расставив ноги, неподвижно стоял там, где его остановил зловещий крик с промчавшегося паровоза...

Начали строить баррикады... Из вокзала тащили мебель; два человека, толкаясь и торопясь, пронесли мимо Анисимова длинную промерзлую шпалу, откуда-то послышался звон разбиваемого стекла...

Анисимов понял, что никто не знает хорошенько, что нужно делать, и что именно ему надо направить всю эту оживленную, смутную силу. Он знал на этой станции каждую шпалу, его потом она была скреплена и им делала свое дело... Анисимов побежал до платформы, замахал красной фуражкой и закричал:

— Не так, товарищи!.. Вагоны надо поперек рельс! Баррикадируйте все пути, кроме главного! Аким, Аким... давай кран!..

За ним уже послушно и охотно со всех сторон бежали разные люди...

Возясь с установкой крана, чтобы перевернуть тяжелый пульмановский вагон, Анисимов пропустил момент прихода поезда. А когда услышал крики „ура“ и оглянулся, увидел уже остановившийся тяжело ды-

---

[1] По данным бюро Медицинского союза (составленным по сообщениям 47 лечебниц) число, убитых и умерших от ран за дни декабрьского восстания выразилось в следующ. цифрах: 1011 человек мирного населения (из них детей 97 душ), 35 челов.—со стороны войск (солдат, городовых) и 13 чел. дружинников. Последняя цифра не может считаться точной в виду того, что революционеры скрывали своих раненых от глаз полиции.

шащий высокий черный паровоз и длинный ряд вагонов, из которых в обе стороны сыпались черные вооруженные люди. Всю станцию запрудила огромная движущаяся толпа...

С паровозной площадки на него глядел знакомый машинист.

— Не доехали до Москвы... Что там делается...

— Ну, ну, ничего, голубчик! — ободряющим тоном возразил Анисимов...—Слушайте, гоните вы свой паровоз на вагоны, загородим путь...

— Идет, идет!—издали закричали нестройные, тревожные голоса...

— Милости просим...—тихо и злобно проговорил сзади Анисимова незнакомый телеграфист и, волоча ружье за дуло, побежал к баррикаде...

Толпа хлынула вперед, потом назад и быстро расплылась вдоль баррикад.

В прозрачных сумерках, из-за перелеска тихо и осторожно выдвинулся мрачный, без огней, поезд...

— Они...—сказал машинист и присел за кучей угля и дров...

Неожиданно, заставив вздрогнуть, где-то правее Анисимова, коротко и одиноко бахнул громкий выстрел, и, точно по условленному сигналу, все заборы, рвы, кучи щпал и обломков покрылись короткими, сверкающими огоньками...

Потом начало с ужасным треском разражаться в воздухе что-то необыкновенное, огромное... Что-то невидимое, но всесокрушающее било прямо в черную стену баррикад. И там раздавался крик, вой, и оттуда во все стороны бежали ополоумевшие люди... Бой тянулся с четверть часа... Пушки вдруг замолчали, и стало казаться тихо, несмотря на крики и выстрелы. Серые солдаты бежали от станции в поле, догоняли отдельных, вязнувших в снегу, черных людей и судорожно возились с ними и бежали дальше...

Была уже ночь... На под'ездном пути горели неизвестно кем и зачем подожженные вагоны...

Теперь он уже знал, что завтра утром через несколько часов его расстреляют...

— Ну, вставайте... Господин Анисимов! Пожалуйте!

Анисимов быстро приподнялся на локте и острыми глазами пристально уставился в лицо офицеру...

— Разве уже пора?—торопливо спросил он.

Офицер криво усмехнулся.

— Н-да...

Анисимов засуетился еще больше и стал искать свою фуражку... Руки у него дрожали, глаза бегали.

— Ну, вы скоро?—сердито спросил офицер.

— Сейчас... тут шапка...

— Да все равно, можно и без шапки! — нетерпеливо возразил офицер...

Его привели на маленькое кладбище, лежавшее в полуверсте от станции. Там было пусто и тихо; белели холмики могил и чернели кривые, покосившиеся кресты... Треск ружейных выстрелов беглой дробью

далеко отлетел в поле. Вздрогнули тоненькие березки, и ворона, сидевшая на дальнем кресте, взлетела вверх и низко над снегом полетела прочь от людей... Солдаты, опустив ружья и раскрыв посиневшие губы, бессмысленно смотрели на труп...

(М. П. Арцыбашев.—„Кровавое пятно")

ГОЛУТВИНО, ПЕРОВО, ЛЮБЕРЦЫ.

Тихо, спокойно в безмолвьи ночном
Снежное поле блестит серебром...
Чу!.. Что за звук средь безмолвья встает?
Риман с отрядом гвардейцев идет...
Тихо... Ни звука... Погасли огни...
Спят, как умеют в трегожные дни...
Полон кровавых видений их сон...
Чу!.. На яву-ль этот грохот и звон?
Риман с отрядом стучит у дверей:
„Эй, кто там есть—выходи поскорей!"
Окрик солдатский угрозой звучит:
Новое горе он спящим сулит.
Злобно-насмешлив полковника взгляд,
Мрачны безмолвные лица солдат.
Грозно сверкают штыки при луне...
Жутко в безмолвной ночной тишине...
„Марш!" Окружили стеною... Идут...
Молча... Куда и зачем их ведут?
Нет им ответа... Все грозно молчит.
Снежное поле пред ними лежит...
Громко полковник командует: „Стой!"
Стал неподвижно послушный конвой...
Пленники стали... Опять тишина...
Скрылась пугливо за тучи луна...
Пленники ждут... В них тревога и страх...
Звякнули ружья в солдатских руках...
Риман небрежно взмахнул палашом—
Дрогнуло поле от треска кругом...
Падают люди густою толпой,
Пули жужжат, словно бешеный рой...
Верен и скор их убийственный бег,
Тает под кровью алеющий снег [1].

---

[1] Карательная экспедиция Семеновского полка, под начальством полковника Римана, выступила из Москвы 16 декабря 1905 г.—Карательным отрядом расстреляно по линии Казанской жел. дор. около 150 человек.

УБИЙСТВО ГАПОНА.

Рабочие находились в верхнем этаже, в боковой маленькой комнате, за дверью с висячим замком. Предполагалось, что, когда я открою эту дверь, чтобы войти вместе с Гапоном, рабочие его обезоружат. Если надо будет, связать его, потом судить.

Но вышло так, что Гапон первый поднялся наверх. Войдя в первую большую комнату, сбросил с себя шубу и уселся на диване, стоящем в противоположном от дверей углу. Открыть дверь и выпустить оттуда людей я не мог. Началась бы стрельба, и я всех и всех провалил бы. Я ходил по комнате, думал, как быть. А Гапон говорил. И неожиданно для меня заговорил так цинично, каким я его ни разу не слыхал. Он был уверен, что мы одни, что теперь ему следует говорить со мной на чистую.

Рабочие все слышали. Мне оставалось только поддерживать разговор.

— Надо кончать. И чего ты ломаешься? 25.000—большие деньги.

— Ты ведь говорил мне в Москве, что Рачковский дает 10,000?

— Я тебе этого не говорил. Это недоразумение. Они предлагают хорошие деньги. Ты напрасно не решаешься. И это за одно дело, за одно. Но можешь свободно заработать и сто тысяч за четыре дела... Они в очень затруднительном положении. Рачковский говорит, что у эс-эров у них сейчас никого нет. Были да провалились.

— Он назвал кого-нибудь?

— Нет. Сказал только, что два человека, очень серьезных, совсем было добрались до центра. Да провалились. Товарищи узнали. А им надо,— понимаешь?

Я высказал опасение, что Рачковский меня обманет. Все расскажу, а он денег не даст.

Гапон уверял, что этого не случится.

— Завтра в 10 часов вечера у Кюба. Ты можешь свободно ему все говорить. Он безусловно порядочный человек и не надует... На всякий случай можно всех карт сразу не открывать. А если надует, мы его убьем...

— А если бы рабочие, хотя бы твои, узнали про твои сношения с Рачковским?

— Ничего они не знают. А если бы и узнали, я скажу, что сносился для их же пользы.

— А если бы они узнали все, что я про тебя знаю? Что ты меня назвал Рачковскому членом Боевой Организации, другими словами, выдал меня, что ты взялся соблазнить меня в провокаторы, взялся узнать через меня и выдать Боевую Организацию, написал покаянное письмо Дурново?

— Никто этого не знает и узнать не может.

— А если бы я опубликовал все это?

— Ты, конечно, этого не сделаешь, и говорить не стоит... А если бы и сделал, я напечатал бы в газетах, что ты сумасшедший, что я

знать ничего не знаю. Ни доказательств, ни свидетелей у тебя нет. И мне, конечно, поверили бы...

Я дернул замок, открыл дверь и позвал рабочих.

— Вот мои свидетели!—сказал я Гапону.

То, что рабочие услышали, стоя за дверью, превзошло все их ожидания. Они давно ждали, чтобы я их выпустил. Теперь они не вышли, а выскочили, прыжками бросились на него со стоном: „А-а-а-а!“ и вцепились в него.

Гапон крикнул было в первую минуту: „Мартын!“, но увидел перед собой знакомое лицо рабочего и понял все.

Они поволокли его в маленькую комнату. А он просил:

— Товарищи! Дорогие товарищи! Не надо!

— Мы тебе не товарищи! Молчи!

Рабочие его связывали. Он отчаянно боролся.

— Товарищи, все, что вы слышали, неправда!—говорил он, пытаясь кричать.

— Знаем! Молчи!..

— Я сделал все это ради бывшей у меня идеи,—сказал Гапон.

— Знаем твои идеи!..

Гапону дали предсмертное слово.

Он просил пощадить его во имя его прошлого.

— Нет у тебя прошлого! Ты его бросил к ногам грязных сыщиков!—ответил один из присутствующих...

Гапон был повешен в 7 часов вечера во вторник 28 марта 1906 г. Я не присутствовал при казни. Поднялся наверх только, когда мне сказали, что Гапон скончался. Я видел его висящим на крюке вешалки в петле.

На этом крюке он остался висеть. Его только развязали и укрыли шубой.

Все ушли. Дачу заперли.

(П. Рутенберг.—„Дело Гапона“).

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

(Внесенный на об'единительный с'езд Р. С.-Д. Р. П.).

Принимая во внимание:

1) что избирательный закон 11 декабря и фактические условия выборов лишили пролетариат и социал-демократию возможности участвовать в выборах, выставляя и самостоятельно проводя действительно партийных кандидатов;

2) что в виду этого реальное значение участия рабочих в выборах неизбежно должно было свестись и фактически свелось, как показал опыт, к затемнению строго-классовой позиции пролетариата вследствие соглашений с к.-д. или другими буржуазными группами;

3) что только полный и последовательный бойкот дал возможность с-д. поддержать лозунг созыва революционным путем Учр. Собр., воз.

ложить всю ответственность за Госуд. Думу на партию к.-д. и предостерегать пролетариат и крестьянскую или революционную демократию от конституционных иллюзий;

4) что Госуд. Дума, с обрисовавшимся уже теперь к.-д. (по преимуществу) составом ни к каком случае не может выполнить роли настоящего народного представительства, служа лишь косвенно развитию нового, еще более широкого и глубокого революционного кризиса;—

мы признаем и предлагаем с'езду признать:

1) что партийные организации, бойкотируя Гос. Думу и выборы в нее, поступили правильно;

2) что попытка создания парламентской фракции с.-д. при современных политических условиях и при отсутствии в Думе действительно партийных и способных представлять партию с.-д., не обещает серьезного успеха, грозя скорее компрометировать Р. С.-Д. Р. П. и возложить на нее ответственность за особенно вредный тип парламентариев, средний между к.-д. и с.-д.;

3) что в силу всего вышеизложенного нет еще условий для вступления нашей партии на парламентский путь;

4) что с.-д. должна использовать Госуд. Думу и столкновение ее с правительством или конфликты внутри ее, борясь с реакционными ее элементами, беспощадно разоблачая непоследовательность и шаткость к.-д., особенно внимательно следя за элементами крестьянской революционной демократии, об'единяя их, противопоставляя их к.-д., поддерживая те их выступления, которые отвечают интересам пролетариата, готовясь призвать пролетариат к решительному натиску на самодержавие в такой момент, когда, быть может, в связи с думским кризисом—наиболее обострится общий революционный кризис;

5) в виду возможности распущения Госуд. Думы правительством и созыва ее в новом составе, с'езд постановляет, что в течение новой избирательной кампании недопустимы никакие блоки и соглашения с партией к.-д. и им подобными нереволюционными элементами; самый же вопрос о возможности участия нашей партии в новой избирательной кампании будет решаться российской с.-д-ией в зависимости от конкретных обстоятельств момента [1].

БОЛЬШЕВИКИ О СОВЕТАХ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ.

Принимая во внимание: 1) что Советы Рабочих Депутатов стихийно возникают на почве массовых политических стачек, как беспартийные организации широких рабочих масс; 2) что эти Советы неизбежно изменяются в ходе борьбы как по своему составу, включая в себя наиболее революционные элементы мелкой буржуазии, так и по содержанию своей деятельности превращаясь из чисто-стачечных организаций в органы обще-революционной борьбы; 3) что поскольку эти Советы являются

[1] Об'единительный (IV-ый) С'езд Р. С.-Д. Р. П. состоялся в Стокгольме в апреле 1906 г.

зачатками революционной власти, их сила и значение зависят всецело от силы и успеха восстания—мы признаем и предлагаем с'езду признать:

1) что в беспартийных Советах Рабочих Депутатов Росс. Соц.-Дем. Партия должна участвовать, образуя непременно возможно более сильные группы членов партии внутри каждого Совета и направляя деятельность этих групп к строгой связи с общей деятельностью партии; 2) что создание таких организаций, в целях расширения и углубления влияния соц.-дем. на пролетариат и пролетариата на ход и исход демократической революции, может быть, при известных условиях, задачей местных организаций нашей партии; 3) что к участию в беспартийных Советах Рабочих Депутатов должно привлекать возможно более широкие слои рабочих, а также представителей революционной демократии, особенно крестьян, солдат, матросов; 4) что при расширении деятельности и сферы влияния Советов Рабочих Депутатов необходимо указывать на то, что такие учреждения, не опираясь на революционную армию и не свергая правительственных властей (т.-е. не превращаясь во Временные Революционные Правительства), неизбежно осуждены на падение, поэтому вооружение народа и укрепление военной организации пролетариата должны быть рассматриваемы, как одна из главных задач таких учреждений во всякий революционный момент.

(Из резолюций, предложенных большевиками на Об'единительном (IV) С'езде Р. С.-Д. Р. П.).

МЕНЬШЕВИКИ О СОВЕТАХ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ.

Принимая во внимание: 1) что пролетариат при всех своих революционных выступлениях нуждается в органах, которые, связывая воедино самые широкие рабочие массы и опираясь на их доверие, руководили бы его действиями и в то же время давали бы возможность согласовать в интересах революции борьбу революционной и оппозиционной части народа;

2) руководя отдельными выступлениями широких пролетарских масс и содействуя росту их боевой готовности, тем самым расширяют основы для плодотворного воздействия на них социал.-демократии и для дальнейшего успеха революции;

3) эти органы только тогда могут целесообразно выполнять свою задачу, когда они с самого начала об'единяют самые широкие пролетарские массы, сохраняют это единство во все продолжение своей деятельности, постоянно выдвигая на первый план общие цели борьбы, диктуемые всему пролетариату данным соотношением общественных сил, и, наконец, принимают все меры к тому, чтобы не оставить пролетариат изолированным.

Мы признаем и предлагаем с'езду признать, что Социал-Демократическая партия обязана не только поддерживать стихийно возникающие беспартийные пролетарские организации такого рода, как Советы рабо-

чих депутатов, но и содействовать созданию их в моменты революционного под'ема, помогая им в то же время в выполнении всех лежащих на таких организациях задач.

(Из резолюций, предложенных меньшевиками на Об'единительном (IV) С'езде Р. С.-Д. Р. П.).

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ, МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

императоръ и самодержецъ всероссийскій, царь польскій, великій князь финляндскій и прочая, и прочая, и прочая.

Об'являемъ всемъ нашимъ верным подданным:

Волею нашею призваны были к строительству законодательному люди, избранные от населения.

Твердо уповая на милость божию, веря в светлое и великое будущее нашего народа, мы ожидали от трудов их блага и пользы для страны.

Во всех отраслях народной жизни намечены нами были крупные преобразования, и на первом месте всегда стояла главнейшая забота наша рассеять темноту народную светом просвещения и тяготы народные облегчением условий земельного труда. Ожиданиям нашим ниспослано тяжкое испытание. Выборные от населения, вместо работы строительства законодательного, уклонились в непринадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от нас местных властей, с указанием нам на несовершенство законов основных, изменения которых могут быть предприняты лишь нашею монаршею волею, и к действиям явно незаконным, как обращение от лица Думы к населению.

Смущенное же таковыми непорядками крестьянство, не ожидая законного улучшения своего положения, перешло в целом ряде губерний к открытому грабежу, хищению чужого имущества, неповиновению закону и законным властям.

Но пусть помнят наши подданные, что только при законном порядке и спокойствии возможно прочное улучшение народного быта. Да будет же ведомо, что мы не допустим никакого своеволия или беззакония и всею силою государственной мощи приведем ослушников закона к подчинению нашей царской воле. Призываем всех благомыслящих русских людей об'единиться для поддержания законной власти и восстановления мира в нашем дорогом отечестве. Да восстановится же спокойствие в земле русской и да поможет нам всевышний осуществить главнейший из царственных трудов наших—поднятие благосостояния крестьянства. Воля наша к сему непреклонна, и пахарь русский без ущерба чужому владению получит там, где существует теснота земельная, законный и честный способ расширить свое землевладение. Лица других сословий приложат по призыву нашему все усилия к осуществлению этой великой задачи, окончательное разрешение которой в законодательном порядке будет принадлежать будущему составу Думы.

Мы же, распуская нынешний состав Государственной Думы, подтверждаем вместе с тем неизменное намерение наше сохранить в силе самый закон об учреждении этого установления и соответственно с этим указом нашим, правительствующему сенату 8 июля данным, назначили время нового ее созыва на 20 февраля 1907 г.

С непоколебимою уверенностью в милость божию и в разум русского народа мы будем ждать от нового состава Государственной Думы осуществления желаний наших и внесения в законодательство страны соответствия с потребностями обновленной России.

Верные сыны России!

Царь ваш призывает вас, как отец своих детей, сплотиться с ним в деле обновления и возрождения нашей святой родины.

Верим, что появятся богатыри мысли и дела и что самоотверженным трудом их воссияет слава земли русской.

Дан в Петергофе в 9 день июля, в лето от рождества Христова 1906-е, царствования же нашего двенадцатое [1].

ВОССТАНИЕ В КРОНШТАДТЕ.

(19 июля 1906 г.).

Неоднократно матросы поднимали вопрос о „выступлении", но, хотя и с большим трудом, все же удавалось сдерживать их.

Между тем последовал разгон Думы. Настроение среди матросов сразу повысилось. Возмущение, негодование, жажда мести за поругание представителей целого народа наполнили сердца. О восстании заговорили громче. 18-го июля пришло известие о Свеаборгском восстании [2] и, конечно, еще более подняло настроение.

— Пора!—говорили матросы,—пора сбросить правительство, захватить власть и передать ее народным представителям, чтобы был правильный закон, поставленный самим народом...

Положение дел становилось серьезнее. Приходилось готовиться определенно к восстанию. Дни и ночи просиживали над разработкой подробностей плана восстания. Спать не приходилось—было не до того...

В ночь на 19 июля мы сидели в своем экипаже и рассуждали: можем ли мы и имеем ли право оставаться спокойными, когда вся родина находится в нестерпимом положении, когда голодающих крестьян вместо хлеба кормят пулями и штыками, когда стон и плач стоит над землей.

---

[1] Манифест о роспуске Гос. Думы был расклеен на улицах Петербруга в ночь на 9 июля; к дверям Гос. Думы был приставлен отряд полиции, не пропускавший депутатов в зал заседаний. 10 июля депутаты (к.-д. и левых фракций) съехались в Выборг на совещание и составили воззвание („Выборгское воззвание"), в котором обращались к народу с призывом: не давать ни одной копейки в казну, ни одного солдата в армию.

[2] Восстание крепостной артиллерии в Свеаборге, поддержанное финской красной гвардией, началось 17 июля, подавлено 21 июля.

Прочли „манифест“ [1] членов Думы и революционных партий и союзов к армии и флоту. Каждый высказывал свое мнение. Мнения сходились: терпеть дальше не было силы, медлить больше нельзя...

Наша ночная беседа была прервана появлением дежурного матроса:

— Егоров!—позвал он меня,—тебя вызывают. Иди к воротам!..

За воротами стоял вольный товарищ, бледный и, видимо, взволнованный.

— В чем дело?—спросил я.

— Получена телеграмма. Восставшие суда идут в Кронштадт. Соберите скорей комитетских, приведите в обычное место,—отвечал товарищ скороговоркой.

— Значит начинать?—спрашиваю.

— Вероятно—да. Обсудим—видно будет...

Телеграмма из Свеаборга означала, что восставшие суда идут к Кронштадту, а раз это так, надо было выступать немедленно, иначе правительство заняло бы форты черносотенными войсками и расстреляло бы суда. Для всех дело было ясно. Поставили на голосование... Все высказались за выступление. Оставалось еще раз повторить план восстания...

В один миг весь двор покрылся матросами в темных фланелевых форменках (рубахах). Пробило 11 часов. Настало время действовать. Назначенные заранее для захвата оружия люди выстроились и, во главе с предводителем, в стройном порядке двинулись со двора в канцелярию нашего экипажа. У входа в пирамидах стояли винтовки. Немного поодаль, у денежного ящика—часовой, а у окна, с газетой в руках, сидел дежурный офицер Стояновский. Войти в помещение и схватить винтовки было делом одной минуты. С винтовкой в руках я побежал к Стояновскому и, прежде, чем он успел крикнуть, нанес ему несколько штыковых ран...

Так пал первый из встретившихся нам врагов.

Пока мы справлялись с Стояновским, другие взламывали ящик с патронами и револьверами. Разобрав патроны, мы по команде выстроились и зарядили винтовки. В полном порядке мы вышли на двор, где к нам стали пристраиваться безоружные...

Мы двинулись к арсеналу, где должны были ожидать рабочие и матросы, но ни тех, ни других мы не нашли. Решено было оставить арсенал и итти к Енисейцам, чтобы попытаться поднять их... Подходим к казармам Енисейского полка, видим—боевой знак (красный фонарь). Приходилось действовать осторожнее, и мы двинулись в обход. Выйдя на эту же улицу с противоположной стороны, мы заметили выстроенных Енисейцев, которые при нашем приближении отошли в угол. Мы стали кричать им:

— Товарищи! присоединяйтесь к нам! Будем вместе биться за свободу!

Тотчас же затрещали по нас выстрелы. Было ясно: перед нами во всяком случае не союзники. Отстреливаясь, мы стали отходить назад.

---

[1] Манифест, выпущенный к армии и флоту 12 июля фракцией с.-д. и трудовой группой Гос. Думы, с призывом бороться за право народного представительства.

В то же время с другой стороны загрохотали пулеметы. Началась беспрерывная трескотня... Мы пользовались всяким прикрытием, занимали дворы, стреляли из-за заборов, прятались за углы зданий, в канавки. Положение наше становилось скверным: впереди—Енисейцы, сбоку—пулеметы, с тылу подходили также Енисейцы. А нас небольшая кучка, и притом почти без патронов... А кроме того, мы были отрезаны Енисейцами от центра города. Оставался один выход—бежать...

И мы... бежали.

Было горько и обидно. Отчаяние и неистовая злоба доводили нас до бешенства. Смерть легче перенести, чем пережить такую минуту. Так долго ждали, верили, трудились, всю душу вложили в дело и вдруг... в несколько часов все рухнуло...

Несколько часов продолжались поиски бежавших. Тысячи были арестованы, и немногим удалось спастись, выбравшись из этого ада...

(Николай Егоров—„Кронштадтское восстание").

МАКСИМАЛИСТЫ-ЭКСПРОПРИАТОРЫ.

— Слушай, Ольга,—наконец начал он.—Есть две дороги. Одна с партией... Дорога с'ездов, уставов, программ, комиссий и, чорт их дери, канцелярий... По этой дороге я шел... К чему она привела? Восстание раздавлено, террор прекращен... Может быть, партия и растет, но революция погибает... Да... да... погибает. Есть другая дорога, Ольга. Слушай меня. Война—так война. Понимаешь ли? Я решил. Пусть я сегодня один... Завтра нас будет много. Не хочу белых ручек, благоразумных советов... Не хочу бумажных угроз... Не умею и не буду прощать...

— А деньги?

— Какие деньги? что деньги? Деньги даст комитет.

Ольга задумчиво покачала головой.

— Комитет денег не даст.

— Не даст? ну, и чорт с ним тогда!—Володя с размаху стукнул кулаком по столу.—Я найду деньги! Я!

— Но где же, Володя?

— Где? Нет денег,—убей! Я миллионы достану! Я открою решетки банков, я взломаю чугунные сундуки! Я с оружием в руках возьму деньги. Слышишь? Ты мне поверишь? Что мне Берговский Комитет? Я один в поле воин! О, будет им на орехи! Запылают дворянские гнезда! Вспомнят они Степана Тимофеевича... Да!..

Володя верил в свою звезду. Он чувствовал в себе полноводный источник неистраченных сил: силы мужества, ненависти, воодушевления и веры. Он не сомневался в удаче. Он не сомневался, что избранный им одинокий путь—разумен и неизбежен. Но, потрудившись месяца два над созданием крепкой дружины и готовясь к первому шагу, к большой

и сложной экспроприации,—он иногда со страхом думал, что будет, если первое дело кончится поражением?.. В Одессе ходила молва об одиночке-революционере, беглом матросе „Мухе“. После недолгого колебания Володя решил повидаться с ним. Он втайне надеялся, что найдет, наконец, достойного друга. Свидание он назначил в Москве...

Муха рассказывал свою жизнь...

— Начал я, стало быть, тихо жить. Домишко был у меня, жена... Только в скорости примечаю, жена моя, то-есть супруга моя превосходная... извините... шу-шу-шу да шу-шу-шу... с господином урядником. И понять невозможно, то ли дело у них политическое, то ли, попросту говоря, амурное... Ну-с. Не стал я тут долго ждать. Чего в самом деле? Осенью это было. Ночка темная... Снял я с гвоздя двухстволку, вышел на улицу. На улице темно, в окнах, стало быть, свет. Сидит это жена, на швейной машине Зингера шьет, лампа при ней на столе. Всю ее во как видно. Ну я, господи благослови, двухстволку к плечу, нацелился, постоял... Раз-раз. Раз-раз...

— Убил?

— Так точно, убил...

— А за что ты в дисциплинарном батальоне сидел?

— В дисциплинарном?

— Ну да...

— Да что говорить-то, Владимир Иванович. Речь коротка, а веревка длинна. Ну, желаете знать, высекли меня в дисциплинарном начальники благосклонные. Да.

— Высекли?.. А ты?

— Я? Что же я?.. Надо полагать, я им попомнил потом. Я, чай, до сих пор не забыли?

— Убил?

— Так точно. Убил. Его благородие господина начальника батальона... Ну, стало быть, на нелегальное положение перешел. С комитетом, извините, я не поладил.—„Разбойник ты“,—говорят. То-есть это они, члены Губернского Комитета, господа студенты так выражаются... „Так точно“, — отвечаю: — „разбойник“. — „Нам таких, говорят, — не нужно“...—„И мне такие, как вы, не очень с руки“... Ушел...

— Пьешь?—неожиданно спросил Володя.

— Так точно, пью,—не смутился Муха и поднял глаза...

— Ну?..

— Дальше? Дальше я филеров стал бить.

— Филеров?

— Охранников, то-есть...

— И много ты их?

— Да чтобы не соврать, штук восемь, а то и больше.

— Только филеров?

Муха сощурил глаза и быстро покрутил головой:—Всякое было...

— Да ты говори.

— Нет, что уж? Не на духу я, Владимир Иванович... Что старое вспоминать? Да и не все ли одно? Все одним миром мазаны. Жандарм ли,

купец, господин ли помещик... Что там? Я так понимаю. А вы-с?.. Вот тоже винные лавки... Беда...

— Один грабил?

— Никак нет. Не один. Товарищи были. Да что? Не стоит приятного разговора. Разве это дела? Так, баловство, скуки ради... Грязью играть, только руки марать...

— А деньги куда девал?

— Деньги?..—Муха махнул рукой. — Да много ли их? А нужно мне жить или нет... Вы как на этот счет полагаете? — спросил он посмеиваясь.—На партию отдавал.

„Ну что же, плевать... Война—так война. Полюбите нас черненькими... Он прав“,—овладел Володя собою и приказал Мухе немедленно ехать в Тверь...

Ускорив шаги и уже боясь опоздать, он вышел к Под'ческой. У открытой казенной лавки, на тротуаре, под фонарем, он заметил одного из мастильщиков. Но не успел он сделать пяти шагов, как сзади часто и звонко весело застучали копыта, и, значительно раньше срока, размашисто четкой рысью промелькнула карета. Справа у самых колес, приподнимаясь на седлах, такой же рысью, трусили казаки. Их было шесть человек... Володя понял, что сейчас, через полминуты, здесь на Под'ческой, неизбежно начнется то, чему он все еще не смел верить... Но вот среди спокойствия улицы, среди мирного стука копыт, властно нарушая тишину утра, прозвенел полный, огромный, оглушительный звук. Что-то звонкое, тяжелое ухнуло, тяжелее, чем пушка, чем грохот близкого грома...

Володя, не оглядываясь, распахнул у кареты дверцы. В углу, среди холщевых доверху набитых мешков, плотно прижавшись к подушкам, сидел бледный, лет 25, с черными усами артельщик... „Вот они, деньги...“— молнией пронеслось у Володи... Володя и Муха, быстро, молча, торопясь и толкая друг друга и неловко задевая артельщика, выбрасывали мешки...

Когда они выбросили последний мешок, Володя осмотрелся кругом. Полиции не было. Крупной рысью, во весь свой широкий мах, уходил по Под'ческой серый, в яблоках, рысак Прохора, и из-под верха пролетки мелькала женская шляпа. Володя понял, что это Ольга увозит деньги...

— Уходить, Владимир Иванович...

Он хотел уйти. Но за спиною раздался громкий, отчаянно-пронзительный крик:

— Держи! Держи!

И сейчас же Володю схватили сильные руки... Широко, по-медвежьи, развертываясь плечами и напрягая гибкие мускулы рук, он рванулся всем телом... Но уже бежали городовые, свистели свистки, мчались казаки—и через минуту стальное, неразрывное кольцо окружило Володю...

(В. Ропшин—„То, чего не было“).

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Между двумя революциями (1907—1916 г.г.).

НАСТРОЕНИЯ БЕЗВРЕМЕНЬЯ.

— Отчего вы такой мрачный, Генрих? Вы изменились за последнее время,—сказала Мирра.

— Нет причин для веселья, товарищ Мирра,—сразу раздражаясь, заговорил он.—Я не могу так работать! Ведь мы притворяемся, играем в социал-демократическую деятельность! Разве не ясно, что все идет врозь? Движение мелеет, а мы тешимся иллюзией массовой организации. Пора, наконец, признать, что мы разбиты, и посмотреть в лицо этому факту. Мы делаем вовсе не то, что нужно в нашем положении потерпевших крушение, и окончательно губим дело.

— Ну, Генрих! Уж и крушение. Ведь все не так плохо. А что работа мелеет... Ведь не работы нет, а людей не хватает. Интеллигенция уходит от нас. Но среди рабочих и теперь хорошо...

— Эх, Мирра!.. Знаете, эта кружковщина, эта жизнь в партийном муравейнике лишает вас, да и всех нас, способности видеть вещи, как они есть, не с точки зрения муравья. Вам важно, чтобы ваш кружок шел хорошо!.. И вы думаете, что-нибудь изменится оттого, что десяток социал-демократов попадет в Думу?

— Вы сами знаете, как это важно,—робко сказала она...

Многие говорили теперь, что работа идет на убыль, и вместо того, чтобы удвоить силы на ее поддержание, уходили в сторону... Разубедить других было трудно, она и сама знала, что говорят они не пустые слова, но ей казалось, что говорят они с какою-то ожесточенною радостью и с облегчением умывают руки...

В сущности, все споры сводились всегда к одному: скоро ли вновь начнется под'ем общественного настроения?

— Подождите,—говорил Каленов,—ненужно тешить себя несбыточными надеждами. Рабочие устали от безрезультатных усилий. Им надо собраться с силами. Вся интеллигенция уходит от движения. Рабочим надо создать собственные „верхи“, пусть хотя бы ценой временного за-

стоя. Рабочие жадно берутся за книжку. Им надо учиться—в этом все. Рабочим неважно, что говорит в Думе от лица пролетариата адвокат, если сам пролетарий сидит и молчит... В конце концов не все ли равно, разгонят эту дурацкую Думу, или ей дадут дальше болтать...

— Значит, ты примирился с поражением?—перебивая его, нетерпеливо спрашивал Кирюша...

— Что же это значит „примириться" или „не примириться"?—досадливо отвечал Каленов.—А если не премириться, какой практический вывод из этого... Что можно делать теперь?

— Работать... хотя бы и при неблагоприятных условиях... под пулями...

— Чтобы быть убитым?

— Хотя бы! Только не уходить...

— Итти и подставлять свою грудь? Зря растрачивать последние силы?

— Да, только не мириться с поражением...

— Кирюша, милый, ведь никто не говорит о примирении. Разве Каленов предлагает бездеятельность? Конечно, мы будем работать, но наша деятельность должна приспособиться к условиям времени...—вмешивалась Нелли, но рабочие не слушали ее.

— Это не партийная деятельность, а кликушество!—кричал Каленов.

— Ты торопишься об'явить конец революции, чтобы отдохнуть на досуге!—запальчиво возражал Кирюша...

Утром товарищи прибежали сообщить Николаю Васильевичу, что накануне вечером Петров стрелял в пристава Шаланду и арестован на месте. И этот новый удар привел Николая Васильевича в отчаянье. Каждый день Николай Васильевич надеялся, что именно сегодня удастся ему наладить, наконец, распадающуюся работу, но каждый день его постигали новые неудачи. За последнее время Лидия, Лев Абрамович и Генрих под разными предлогами уклонялись от возлагаемых на них поручений. Третьего дня ночью арестовали на массовке Мирру и пять лучших рабочих. А вчера выбыл из строя Петров. Его Николай Васильевич особенно ценил, считал убежденным марксистом и теперь никак не мог понять его дикой выходки. Николай Васильевич, хотя и видел, как с каждым днем редеют вокруг него ряды работников, как оттягивается куда-то рабочая масса, словно сжимаясь и образуя пустоту вокруг партийной организации, но, всегда поглощенный частностями, не замечал общей картины развала...

(Р. Григорьев—„На ущербе").

БЫЛОЕ.

Не верь дням тишины, раздумья и покоя,
Бессцветным, тягостным и горьким, как обман...
Пока сочится кровь из неостывших ран,
Нет, не умрет „былое“,
А будет вдаль манить сквозь мертвенный туман...

* * *

В молчаньи сдержанном бездомной нищеты,
В железном скрежете бессонного завода,
В толпе, таящей боль и прошлые мечты,
О, уловил ли ты,
Как зреет гнев и мощь плененного народа?..

* * *

С пожарищ бедственных, с покинутых полос,
С погостов, где растут голодные кресты,
С небес, овеянных печалью братских слез,
О, услыхал ли ты
Дыханье близкое готовящихся гроз?..

* * *

Не верь дням тишины, раздумья и покоя...
Они обманчивы, как предрассветный сон...
Под пеплом жертвенным не умерло „былое“...
Народ не поражен:
Мечи заветные в темницах точит он.

(А. Богданов—„Из песни безвременья 1909 г.“).

ЛЕНСКИЕ ДЕМОНСТРАЦИИ.

(15 апр. 1912 г.).

На далеких ленских приисках прозвучали залпы наемников капитала, и этими залпами были выведены из строя 500 рабочих ранеными и убитыми. Расправа над рабочими возмутила рабочие массы до глубины души. Крик протеста прокатился по всей России, всколыхнув застоявшуюся атмосферу фабрик, заводов и мастерских... Разбитый, разрозненный, раз'едаемый язвой ликвидаторства пролетариат вдруг стихийно поднялся...

Как центр, так и все окраины города были полны десятками тысяч демонстрантов. Они запрудили улицы: там и тут гремела марсельеза и слышался напев похоронного марша, или звучал напев: „Вечная память“. Над толпами взвивались там и тут красные флаги, к которым, как раз'-

яренные, бросались наряды полиции и жандармов, казачьи отряды. Наряды жандармов и городовых сплошными цепями преграждали отдельные улицы и, оцепив толпы демонстрантов, удаляли их от центра, или шло избиение демонстрантов...

Отголоски ленской бойни и грандиозной ленской демонстрации прокатились по России. Вспыхнули стачки в Москве, Киеве, Варшаве [1]...

Это движение не могло остановиться после того, как устами министра внутренних дел Макарова на запрос оппозиции в III Думе о расстреле на Лене прозвучал полный насмешки и издевательства над рабочим классом ответ: „Так было и так будет",—т.-е. расстреливали и будем расстреливать...

Ленская бойня подтянула к жизни партийные центры: в союзах везде появились партийные кружки; живая нить партии потянулась к заводам, фабрикам, мастерским; ликвидаторству с каждым днем вырастала все большая угроза усиления большевистского влияния...

Кипела работа партийных групп большевиков, беспартийных активных работников. Устраивали тайные собрания активных групп рабочих, делегатов мастерских, заводов, где ставили вопрос о стачке. Полиция и охранное отделение в свою очередь также мобилизовали свои силы, — шли массовые аресты и обыски...

Эти дни наконец принесли осуществление давнишней мечты рабочего класса России: 22 апреля вышла так долго жданная рабочая газета „Правда"...

(Б. Иванов—„Звезда" и „Правда" и рабочее движение 1908—1913 г.г.").

ВЫХОД „ПРАВДЫ".

(22 апр. 1912 г.).

Ждали этого дня за неделю еще на заводе. Точно сговорившись, спрашивали друг друга: „какое сегодня число?" И так каждый день.

— Ребята,—не выдержал „старик", „отец Васильев",—отчего бы вам календаря своего не завести? Эка трудность! А то каждый день справляться... Вся эта неделя как один день пройдет, а завтра воскресенье...

— Воскреснем, отец?—отозвался молодой столяр.

— Воскреснем, верно...

— Гляди, как хорошо оно выходит... Как раз в точку. Воскресенье—первый номер и воскресение нашего брата, выходит...

Это заметил рабочий, тот самый, что заказал токарям каждый день зажигать в фонаре вырезанные им на жестяной пластинке слова: „двадцать второе апреля". Токаря исправно каждый раз „зажигали свой

---

[1] „Официальные отчеты правительства, как об этом сообщает „Правда" в № 239 от 12 февраля 1913 г., показывают, что число участвовавших в стачках за 1912 г. достигло 633.361 рабочих; стачек было в общей сложности 1.918, из них политических 1.216 с 511.309 участниками; 90 этих стачек пали на период ленской и майской стачки" (Б. Иванов). О ленских событиях см. Хрестом., ч. I.

факел" и из окна показывали всем им. Но как ни бодрствовали ребята, все же чувствовалась „жуть ожидания". Долго тянулась неделя. Штрафных много набралось, а токари чуть даже не забастовали, желая хоть чем-нибудь скоротать время. После работы ходили без толку друг к другу, выбирали шрифт, самый красивый, для заголовка газеты. Расходясь же домой, каждый раз условливались, кому отправиться в первое утро за газетой.

— Не нарваться бы на мента, — опасливо замечал кто-нибудь на тюремном жаргоне.—Дело такое: воскреснешь уже в участке.

И из того, что спорили, кому пойти за первым номером, всем казалось, что воскресенье становилось ближе к ним, и — они весело разбегались домой. А утром опять спрашивали друг друга, доподлинно ли в воскресенье 22-е число. Они все знали, что это так, но им „хотелось, чтобы внутренний голос верил в светлое завтра".

Наконец наступил день, когда они уже смело друг другу говорили:

— Ага, ребятушки, дождались.

Ни разговоры, ни обед, ни работа—все не шло, а в третьем часу ночи уже стояли у ворот типографии вместе с газетчиками. Конечно, у первого же газетчика, „вылетевшего, как бомба", они забрали все экземпляры и разделили между собой.

— А заголовок-то не такой, какой думали,—сказал один.—Надо бы покрепче.

— Товарищи,—закричал другой,—смотрите, про нас тут написано! Ей-ей про нас, маляров, про мастера...

(Л. Клейнборт—„Очерки рабочей интеллигенции" 1905—1916 г.г.).

ОБ'ЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ.

Божиею милостию мы, Николай Вторый, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и прочая, и прочая, и прочая... об'являем нашим верным подданным:

Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови с славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особою силою пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия пред'явила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования.

Презрев уступчивый и миролюбивый ответ сербского правительства, отвергнув доброжелательное посредничество России, Австрия поспешно перешла в вооруженное нападение, открыв бомбардировку беззащитного Белграда.

Вынужденные, в силу создавшихся условий, принять необходимые меры предосторожности, мы повелели привести армию и флот на военное положение, но, дорожа кровью и достоянием наших подданных, прилагали все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров.

Среди дружественных сношений, союзная Австрии Германия, вопреки нашим надеждам на вековое доброе соседство и не внемля заве-

рению нашему, что принятые меры отнюдь не имеют враждебных ей целей, стала домогаться немедленной их отмены и, встретив отказ в этом требовании, внезапно об'явила России войну.

Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целость России и положение ее среди великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные наши подданные.

В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение царя с его народом и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага.

С глубокою верой в правоту нашего дела и смиренным упованием на всемогущий промысел, мы молитвенно призываем на святую Русь и доблестные войска наши божие благословение.

Дан в Санкт-Петербурге, в двадцатый день июля, в лето от рождества Христова тысяча девятьсот четырнадцатое, царствования же нашего двадцатое.

Николай.

РЕЧЬ НИКОЛАЯ II.

С спокойствием и достоинством встретила наша великая матушка-Русь известие об об'явлении нам войны. Убежден, что с таким же чувством спокойствия мы доведем войну, какая бы она ни была, до конца. Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский солдат не уйдет с земли нашей. И к вам, собранным здесь представителям дорогих мне войск гвардии и петербургского военного округа, и в вашем лице обращаюсь я ко всей единородной, единодушной, крепкой, как стена гранитная, армии моей и благословляю ее на труд ратный.

20 июля 1914 г.

ОТНОШЕНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ К ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ.

(Манифест Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.).

Европейская война, которую в течение десятилетий подготовляли правительства и буржуазные партии всех стран, разразилась. Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей империалистической стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы, наиболее отсталых, восточно-европейских монархий, неизбежно должны были привести и привели к этой войне. Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, раз'единение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда, в целях ослабления революционного движения пролетариата —

таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны.

На социал-демократию прежде всего ложится долг раскрыть это истинное значение войны и беспощадно разоблачить ложь, софизмы и „патриотические" фразы, распространяемые господствующими классами, помещиками и буржуазией, в защиту войны.

Во главе одной группы воюющих наций стоит немецкая буржуазия. Она одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов, ради разрушения реакционного царизма...

Во главе другой группы воюющих наций стоит английская и французская буржуазия, которая одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну за родину, свободу и культуру, против милитаризма и деспотизма Германии. А на деле эта буржуазия на свои миллиарды давно уже нанимала и готовила к нападению на Германию войска русского царизма, самой реакционной и варварской монархии Европы...

Обе группы воюющих стран нисколько не уступают одна другой в грабежах, зверствах и бесконечных жестокостях войны; но, чтобы одурачить пролетариат и отвлечь его внимание от единственной действительно освободительной войны, именно гражданской войны против буржуазии, как „своей" страны, так и „чужих" стран, для этой высокой цели буржуазия каждой страны ложными фразами патриотизма старается возвышать значение „своей" национальной войны и уверить, что она стремится уничтожить противника не ради грабежа и захвата земель, а ради „освобождения" всех других народов, кроме своего собственного.

Но чем усерднее стараются правительства и буржуазия всех стран раз'единить рабочих и направить их друг на друга, чем свирепее применяется для этой возвышенной цели система военных положений и военной цензуры (гораздо более преследующей даже теперь, во время войны, „внутреннего", чем внешнего врага),—тем настоятельнее долг сознательного пролетариата отстоять свое классовое сплочение, свой интернационализм, свои социалистические убеждения против разгула шовинизма „патриотической" буржуазной клики всех стран.

С чувством глубочайшей горечи приходится констатировать, что социалистические партии главнейших европейских стран этой своей задачи не выполнили, а поведение вождей этих партий—в особенности немецкой—граничит с прямой изменой делу социализма. В момент величайшей всемирной исторической важности большинство вождей теперешнего, второго (1889—1914), социалистического Интернационала пытаются подменить социализм национализмом...

Германские и австрийские с.-д. пытаются оправдать свою поддержку войны тем, что этим самым они будто бы борются против русского царизма. Мы, русские с.-д., заявляем, что такое оправдание считаем софизмом. Революционное движение против царизма вновь приняло в нашей стране в последние годы громадные размеры... Не далее, как накануне войны, президент Французской республики Пуанкаре, во время своего ви-

зита Николаю II, сам мог видеть на улицах Петербурга баррикады, построенные руками русских рабочих... Но мы должны сказать, что, если что может при известных уловиях отсрочить гибель царизма, если что может помочь царизму в борьбе против всей российской демократии, так это именно нынешняя война, отдавшая на службу реакционным целям царизма денежный мешок английской, французской и русской буржуазии. И если что может затруднить революционную борьбу российского рабочего класса против царизма, так это именно поведение вождей германской и австрийской соц.-демократии, которое не перестает нам ставить в пример шовинистская печать в России...

Наша партия, Российская С.-Д. Рабочая Партия, понесла уже и еще понесет громадные жертвы в связи с войной. Вся наша легальная рабочая печать уничтожена. Большинство союзов закрыто, множество наших товарищей арестовано и сослано. Но наше парламентское представительство,—Российская С.-Д. Рабочая фракция в Государств. Думе,—сочло своим безусловным социалистическим долгом не голосовать военных кредитов и даже покинуть зал заседания Думы для еще более энергичного выражения своего протеста, сочло долгом заклеймить политику европейских правительств, как империалистическую...

Крах II Интернационала есть крах оппортунизма, который вырощивался на почве особенностей миновавшей (т. наз. „мирной“) исторической эпохи и получил в последние годы фактическое господство в Интернационале. Оппортунисты давно подготовляли этот крах, отрицая социалистическую революцию, и подменяли ее буржуазным реформизмом, — отрицая классовую борьбу с ее необходимым превращением в известные моменты в гражданскую войну и проповедуя сотрудничество классов...

При данном положении нельзя определить с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских соц.-демократов, не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии...

В России задачами соц.-демократии, в виду наибольшей отсталости этой страны, не завершившей еще своей буржуазной революции, должны быть попрежнему три основные условия последовательного демократического преобразования: демократическая республика (при полном равноправии и самоопределении всех наций), конфискация земель и 8-мичасовой рабочий день. Но во всех передовых странах война ставит на очередь лозунг социалистической революции, который становится тем насущнее, чем больше ложатся тяжести войны на плечи пролетариата, чем активнее должна будет стать его роль при воссоздании Европы, после ужасов современного „патриотического“ варварства в обстановке гигантских технических успехов крупного капитализма...

Превращение современной империалистской войны в гражданскую есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом

Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистической войны между высоко развитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом.

Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистической буржуазии и, в той или иной форме, более или менее быстро, сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму.

Да здравствует международное братство рабочих против шовинизма и патриотизма буржуазии всех стран!

Да здравствует пролетарский Интернационал, освобожденный от оппортунизма.

Центральный Комитет Российской С.-Д. Рабочей Партии.

ОБОРОНЦЫ.

(Манифест об'единенной группы социал-демократов и социалистов-революционеров, выработанный на Женевском совещании в 1915 г.).

„Мы обращаемся к сознательным рабочим, крестьянам, ремесленникам, приказчикам, короче — ко всем тем, которые едят свой хлеб в поте лица своего и, страдая от недостатка материальных средств и от политического бесправия, борются за лучшее будущее для себя, для своих детей и братьев. Мы шлем им свой горячий привет и настойчиво просим их:

Выслушайте нас в это роковое время, когда, овладев западными крепостями России, неприятель занял значительную часть ее территории и угрожает Киеву, Петрограду и Москве, т.-е. важнейшим центрам ее общественной жизни.

И прежде случалось нашей родине переживать кровавые ужасы неприятельского нашествия. Но никогда еще не приходилось ей отбиваться от врага так хорошо вооруженного, так умело организованного и так заботливо обдумавшего свое хищническое предприятие, как теперь...

Вы очень ошибетесь, если вообразите, что рабочему народу нет надобности защищать нашу страну. На самом деле ничьи интересы не страдают так жестоко от нашествия неприятеля, как интересы трудящегося населения.

Война вообще вызывает теперь невероятно большие расходы. России, как стране экономически отсталой, гораздо труднее выносить эти расходы, нежели богатым государствам Западной Европы... Если окончательная победа достанется немцам, то они потребуют от нас огромного военного вознаграждения... И этим не ограничатся наши победители. Наиболее последовательные и откровенные глашатаи политики германского империализма уже теперь говорят, что нужно потребовать от России уступки значительной территории...

Легко представить себе, какой договор навяжет нам теперь победоносный германский империализм. В экономическом отношении Россия станет германской колонией...

Победив Россию, Германия, конечно, расторгнет ее союз с Англией, Францией и другими странами европейского Запада. Тогда возобновится печальной памяти союз трех императоров. Само собою разумеется, что крайне жалкую роль будет играть в этом союзе представитель побежденной России... Беда, великая, неизбежная беда, будет в том, что, под предлогом союза с Россией, Берлин возьмет на себя заботу о поддержании „порядка“ в Петрограде... И тогда вам надолго придется сказать „прощай“ своим освободительным планам.

А к чему поведет победа Германии на Западе Европы? Англия, Франция и даже Бельгия с Италией далеко опередили в политическом отношении Германскую империю, до сих пор еще не доросшую до парламентского режима. Победа Германии над этими странами была бы победой монархического принципа над демократическим, победой старого над новым. И если вам дорог демократический идеал, если вы стремитесь у себя дома устранить самодержавие царя и заменить его самодержавием народа, то вы должны желать успеха нашим западным союзникам, вы не можете не желать его...

Первой задачей революционного правительства в России явилась бы борьба на жизнь и смерть с германским империализмом. Это было бы обязательно для него как в интересах союзных с нами демократических стран, так и для окончательного торжества революции над темными силами международной реакции.

Равнодушное отношение к исходу нынешней войны было бы для нас равносильно политическому самоубийству, т.-е. отказу от роли вождей трудового народа в его движении к лучшему будущему... Не смущайтесь доводами людей, утверждающих, что тот, кто защищает свою страну, отказывается от участия в борьбе классов. Эти несчастные сами не знают, что говорят. Во-первых, для успешного хода классовой борьбы необходимы известные политические условия, которых у нас не будет, если восторжествует Германия. Во-вторых, если трудящееся население России не может защищать себя, когда его эксплоатируют российские помещики и капиталисты, то непонятно, отчего ему следует оставаться бездеятельным, когда на его шею хотят накинуть аркан эксплоатации германские помещики („юнкера“) и германские капиталисты, к величайшему сожалению поддерживаемые теперь значительной частью германского пролетариата, изменившего своему долгу солидарности и пролетариям других стран...

Те же неразумные люди скажут вам еще, что, защищаясь от немецкого нашествия, вы поддерживаете наш старый политический порядок. Они желают поражения России из ненависти к царскому правительству... Но Россия принадлежит не царю, а трудовому народу. Защищая ее, он защищает самого себя, защищает дело своего освобождения...

Всякое революционное „вспышко-пускательство“ в тылу армии, борющейся с неприятелем, по своему значению равнялось бы измене, так как было бы услугой внешнему врагу и сильно облегчало бы поло-

жение врага внутреннего, плодя недоразумения и рознь между вооруженной силой России— с одной стороны и передовой частью ее населения—с другой. Даже к стачкам можно прибегнуть теперь во время войны, только всесторонне взвесив все их возможные военно-технические, нравственные и политические последствия...

Гром войны, конечно, не сделает российских предпринимателей более бескорыстными, чем они были в мирное время... Вы будете вполне правы, возмущаясь таким их поведением. Но во всех тех случаях, когда вам захотелось бы ответить на него стачкой, вам надо подумать, не повредит ли она делу обороны России...

Положение таково, что к свободе нам нельзя прийти иначе, как идя путем национальной самообороны. Заметьте, что мы вовсе не говорим: „сначала победа над внешним врагом, а потом уже свержение врага внутреннего". Вполне возможно, что свержение этого последнего явится предварительным условием и залогом избавления России от германской опасности...

Мы, подписавшиеся под этим воззванием, принадлежим к различным направлениям российской социалистической мысли. Между нами есть социалисты-революционеры и есть социал-демократы. Мы расходимся во многом. Но мы решительно сходимся в том, что поражение России в борьбе с Германией явилось бы также поражением ее в борьбе за свободу. И мы думаем, что, руководясь этими убеждениями, наши действующие на местах единомышленники должны были бы сблизиться между собою для дружного служения народу в час переживаемой им смертельной опасности.

Члены Российской социал-демократической рабочей партии и партии социалистов-революционеров Г. Плеханов, А. Бах, Л. Дейч, Э. Зиновьева-Дейч, П. Аксельрод, И. Бунаков, Н. Авксентьев, А. Любимов (Марк З—р), В. Воронов, А. Аргунов. Члены II Государственной Думы Г. Белоусов и Г. Алексинский.

10 сентября 1915 г.

К РАЗОРЯЕМЫМ И УМЕРЩВЛЯЕМЫМ НАРОДАМ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

„Два года мировой войны! Два года опустошения! Два года кровавых жертв и бешенства реакции!"

Кто несет за это ответственность? Кто скрывается за теми, которые бросили пылающий факел в бочку с порохом? Кто давно хотел войны и подготовлял ее?

Это—господствующие классы!

Когда мы, социалисты воюющих и нейтральных стран, в сентябре 1915 г., не взирая на кровавую свалку, протянули друг другу руки и среди бешенства разгоревшихся военных страстей об'единились в Циммервальде, мы сказали в нашем манифесте:

„Правящие силы капиталистического общества, в руках которых покоились судьбы народов,—монархические, равно как и республиканские правительства, тайная дипломатия, могущественные предпринимательские организации, буржуазные партии, капиталистическая пресса, церковь — они все несут на себе всю тяжесть ответственности за эту войну, которая возникла из питающего их и ими охраняемого общественного порядка и ведется во имя их интересов"...

Уложив миллионы людей в могилу, повергнув в горесть миллионы семей, превратив миллионы в вдов и сирот, нагромоздив развалины на развалины и разрушив незаменимые культурные ценности, война попала в тупик.

Несмотря на горы жертв на всех фронтах, никаких решающих результатов. Чтобы только поколебать эти фронты, правительства должны были бы пожертвовать новые миллионы людей.

Ни победителей, ни побежденных или вернее все побежденные, т.-е. все изошли кровью, все разорены, все истощены — таков итог этой полной ужасов войны. Таким образом, фантастические мечты господствующих классов об империалистическом мировом господстве не сбылись.

И вновь обнаружилось, что только те социалисты сослужили службу интересам народов, которые, несмотря на клевету, выступили против националистического безумия и потребовали немедленного мира без аннексий.

Об'единимся поэтому под боевым лозунгом:

Долой войну! Да здравствует мир!

Рабочие городов и деревень!

Правительства, империалистические клики и их пресса говорят там, что нужно вести войну до конца, чтобы освободить угнетенные народы. Из всех средств обмана, пущенных в ход во время этой войны, это средство самое грубое. Истинная цель этой всеобщей бойни—это обеспечение для одних того, что они награбили в течение столетий, в течение многих войн; другие хотят нового раздела мира, чтобы увеличить свои владения; они хотят аннексировать новые области, разорвать на части народы, низвести их к роли простых рабов и илотов.

Ваши правительства и их пресса говорят вам, что войну необходимо продолжать, чтобы уничтожить милитаризм.

Не давайте себя обманывать! Милитаризм той или иной нации может быть ниспровергнут лишь ею самою, и во всех странах надо его преодолеть.

Ваши правительства и их пресса говорят вам, что войну надо продолжать, чтобы сделать ее последнею.

Но и это обман. Никогда война не убивала войну. Наоборот. Она пробуждает желание возмездия, насилие порождает насилие.

Таким образом, после каждой жертвы ваши мучители будут требовать от вас новых жертв...

Существует одно лишь единственное средство помешать будущим войнам—это завоевание политической власти и отмена собственности рабочим классом.

„Прочный мир“ будет плодом победы социализма...

. . . . . .

Еще яснее, чем в мирное время, выступает во время войны социальная несправедливость и классовое господство.

Во время мира капиталистическая система отнимает у рабочего всякую радость в жизни, во время войны она отнимает у него все, даже жизнь.

Довольно убийств! Довольно страданий!

. . . . . .

Требуйте немедленного прекращения войны! Поднимайтесь на борьбу, разоряемые и умерщвляемые народы!

Смелей! Помните, что вы большинство и, если захотите, можете стать силой...

Да здравствует мир, немедленный мир, без аннексий!

Да здравствует международный социализм!

1 мая 1916 г.

Вторая Социалистическая Международная Циммервальдская Конференция.

КАНУН 1917 ГОДА.

Дорогие друзья! Наконец-то имею возможность поделиться с вами новостями и материалами... Сюда попал только в конце октября по старому стилю... Всех друзей и знакомых застал еще здравствовавшими. Однако уже с 5 ноября начались потери... В ночь на 16 ноября были произведены обыски среди рабочих и интеллигенции всех направлений, причем большинство публики, — „старая“, уже бывшая на счету у охранки...

В настроении рабочей массы и демократии вообще наблюдается полнейшее отсутствие патриотического дурмана. Дороговизна, хищная эксплоатация, варварская политика—все это достаточно убедительно доказывает массам истинный характер войны. Клич „война до победы“ остался только боевым лозунгом военной промышленности. Рабочие, работницы, солдаты и простые „обыватели“ открыто выражают свое неудовольствие продолжением войны. Скоро ли это кончится? — звучит положительно всюду. Рабочее движение в этом году отмечает рост стачек по всей стране. Стачки были в Москве, Питере, Донецком бассейне, Екатеринбурге и Баку... Дороговизна жизни приняла катастрофический характер. Отсутствие продуктов взволновало широкие круги. Люди поглощены мыслью, как бы добыть тот или иной продукт. Бросились в кооперацию, в организацию закупок и т. д. Цены возросли в 5—10 раз по сравнению с прошлогодними. Одежда и обувь становятся почти недоступными... К осени положение дел стало ухудшаться, и в сентябре, октябре бывали дни, когда в рабочих кварталах не было хлеба. О мясе и гово-

рить уже не приходится. То же самое наблюдалось в Москве. В первой половине октября Петербургский Комитет предпринял массовую кампанию борьбы с „продовольственной разрухой", путем организации митингов протеста и проч. Митинги проходили по заводам с большим под'емом и под лозунгами „долой войну" и „долой правительство".—Были выпущены листовки. Появление на заводах листков массою было принято за приглашение к стачке, и она быстро охватила весь Выборгский район. Были манифестации... Около завода „Новый Леснер" помещаются казармы 181 пехотного полка. Когда началась забастовка, то полиция бросилась разгонять демонстративно выходивших с пением рабочих. В толпе были солдаты, которым полиция угрожала всяческими карами... В это время на дворе 181 запасного полка происходило учение, и солдаты, привлеченные шумом, подошли к казарменному забору, были приглашены рабочими на помощь против полиции. Запасные и молодые солдаты быстро откликнулись на зов рабочих, повалили забор и выбежали на улицу, присоединились к толпе и стали бросать камни в полицию (оружия у солдат не было). Последняя, отстреливаясь, отступила. Вскоре прибыли казаки, оцепили завод, и вокруг казармы были поставлены часовые. Полк был „арестован".

После этого по городу распространились слухи, что арестовано много солдат и предано военно-полевому суду. Слухи эти проверить было трудно, но на 26 ноября был назначен военный суд над матросами Балтийского флота, обвиняемыми в принадлежности к Военной Организации Р. С.-Д. Р. П. (б.). На скамье военно-окружного суда было 17 унтер-офицеров и 3 статских. Петербургский Комитет решил оказать поддержку матросам и об'явил в тот день всеобщую стачку протеста. В стачке участвовало 116.000 рабочих, все учебные заведения, много мелких мастерских и типографий, число работников которых не поддается учету. Стачка оказала большое влияние на суд, и приговор был относительно „мягкий"... Забастовка протеста длилась от 1 до 3 дней... Настроение рабочих кругов после этой стачки стало бодрящее. На „продовольственную нужду" стачка имела благотворное действие: появились хлеб, мясо и другие продукты в изобилии...

8 декабря... Получил кое-какие сведения из различных концов провинции... О настроении провинции и всей России можно судить по следующему факту, переданному приезжими товарищами из Кременчуга. Около одного магазина собралась большая толпа „очередников" за сахаром—большинство женщины. Произошла ссора женщин с блюстителями порядка—городовыми. Ссора перешла в избиение полицейских и разгром магазинов. На „усмирение" были вызваны солдаты, но они стрелять отказались. Призвали казаков,—они тоже отошли в сторонку. Тогда власти пустили в ход последнюю силу: конную стражу — полицию. Последняя повиновалась и открыла стрельбу по толпе. Это возмутило казаков и солдат они бросились на полицию и уничтожили ее. После этого толпа соединилась с казаками и с солдатами; начали громить участки, квартиру полицмейстера, который был ранен, но успел скрыться. Разбили воинское присутствие, а воинского начальника убили... Стихийный бунт

длился два дня, а потом прибыли новые силы, и началось подавление с обычными зверствами. Много убитых и раненых...

„Общество“ полно всяких слухов и толков. Сообщают, что будто еще летом было совещание некоторых военных кругов действующей армии, на котором обсуждался вопрос о низложении царя Николая II. Вообще, даже убежденные монархисты — и те очень смущены всем, что творит царское самодержавие...

(А. Шляпников.—«Канун семнадцатого года»).

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ ПРИДВОРНОЙ КАМАРИЛЬИ (УБИЙСТВО РАСПУТИНА).

...Мы уселись за круглым чайным столом, и Юсупов предложил нам выпить по стакану чая и отведать пирожных до тех пор, пока мы не дадим им нужную начинку... Закончив чаепитие, мы постарались придать столу такой вид, как будто его только что покинуло большое общество...

Приведя стол в должный вид, мы принялись за два блюда с птифурами. Юсупов передал д-ру Лазаверту несколько камешков с цианистым калием и последний, надев перчатки, стал строгать яд на тарелку, после чего, выбрав все пирожные с розовым кремом и отделив их верхнюю половину, густо насыпал в каждое яду, после чего, наложив на них снятые верхушки, придал им должный вид... Мы поднялись в гостиную. Юсупов... передал Дмитрию Павловичу и мне по склянке с цианистым калием в растворенном виде, каковым мы должны были наполнить до половины две из четырех рюмок, стоявших внизу в столовой за бутылками, через двадцать минут после отъезда Юсупова за Распутиным.

Исполнив свое дело, мы вновь поднялись наверх...

„Едут!“...

Поручик С. кинулся к граммофону и через несколько секунд раздался звук американского марша „янки-дудль“... Еще мгновенье—слышим стук автомобиля уже во дворе... топот ног внизу и голос Распутина: „Куда, милый?“ Засим дверь в столовую закрылась...

Затаив дыхание, мы перешли в тамбур и стали у перил лестницы, ведущей вниз... Первым у лестницы я, с кастетом в руках...

Прошло еще добрых полчаса... Наконец нам послышалось хлопанье одной за другой двух пробок, звон рюмок...

— Пьют,—прошептал мне над ухом Дмитрий Павлович,—ну теперь уже ждать не долго...

Неслышно вошел Юсупов, расстроенный и бледный...—Представьте себе, он выпил две рюмки с ядом, съел несколько розовых пирожных и... ничего, решительно ничего, а прошло уже после этого минут, по крайней мере, пятнадцать... Господа, что вы посоветуете мне?..

— Возвращайтесь обратно... яд должен, наконец, сделать свое дело...

Через пять минут Юсупов появился снова.

— Господа... положение все то же: яд не действует... Время уходит, ждать больше нельзя; решим, что делать...

— Если нельзя ядом, — ответил я ему, — нужно пойти ва-банк, в открытую...

Юсупов... подошел к своему письменному столу и, достав из ящика его браунинг... быстро повернулся и твердыми шагами направился по лестнице вниз...

Не прошло и пяти минут... как раздался глухой звук выстрела, вслед затем мы услышали продолжительное..: А-а-а!—и звук грузно падающего на пол тела... Все мы не сошли, а буквально кубарем слетели по перилам лестницы вниз...

Нам представилась следующая картина: перед диваном... на шкуре белого медведя лежал умирающий Григорий Распутин, а над ним, держа револьвер в правой руке, заложенной за спину, совершенно спокойным, стоял Юсупов, с чувством непередаваемой гадливости, вглядываясь в лицо им убитого „старца".

Крови не было видно... Я стоял над Распутиным, впившись в него глазами. Он не был еще мертв: он дышал, он агонировал...

Раздался голос Юсупова: — „ну-с, господа, идемте наверх, нужно кончать начатое". Мы вышли из столовой, погасив в ней электричество...

Был уже четвертый час ночи, и приходилось спешить...

Поручик С. облачился поверх своей военной шинели в шикарную мехозую шубу Распутина... вслед за ним Лазаверт... облачился в шоферское одеяние, и оба они, предводительствуемые великим князем Дмитрием Павловичем, сели на автомобиль и уехали на нем к моему поезду с тем, чтобы сжечь одежду Распутина в моем классном вагоне... Мы с Феликсом Юсуповым остались вдвоем и то не надолго: он через тамбур прошел в половину своих родителей...

Не могу определить, долго ли продолжалось мое одиночество... как вдруг снизу раздался дикий, нечеловеческий крик, показавшийся мне криком Юсупова:

— „Пуришкевич, стреляйте, стреляйте, он жив! он убегает!"...

Одну секунду я остался оторопевшим, но до меня совершенно ясно стали доноситься снизу чьи-то быстрые грузные шаги, пробиравшиеся к выходной двери во двор... Медлить было нельзя...

Григорий Распутин, которого я полчаса тому назад созерцал при последнем издыхании... переваливаясь с боку на бок, быстро бежал по рыхлому снегу во дворе дворца вдоль железной решетки, выходившей на улицу...

Первое мгновение я не мог поверить своим глазам, но громкий крик его в ночной тишине на бегу: „Феликс, Феликс, все скажу царице!"... убедил меня, что это он, что это Григорий Распутин, что он может уйти... Я бросился за ним вдогонку и выстрелил... Промах...

Распутин поддал ходу: я выстрелил вторично на-бегу—и... опять промахнулся... Распутин подбегал уже к воротам... тогда я остановился... и выстрелом в третий раз, попал ему в спину. Он остановился, я дал четвертый выстрел... он снопом упал ничком в снег и задергал головой.

Я подбежал к нему и изо всей силы ударил его ногой в висок... Он лязгал и скрежетал зубами...

В то время, когда солдаты Юсупова, втаскивали труп в переднюю... Юсупов, увидев, над кем они возятся... бросился в кабинет, схватил с письменного стола резиновую гирю, данную ему Маклаковым, и бросился вниз по лестнице к трупу Распутина... Подбежав к нему, стал изо всей силы бить его двухфунтовой резиной по виску с каким-то диким остервенением... Я крикнул солдатам скорее оттащить Юсупова от убитого, ибо он может забрызгать кровью и себя и все вокруг и, в случае, обысков, следственная власть раскроет дело... Наконец, князя оттащили.

(„Убийство Распутина".—Из дневника В. Пуришкевича).

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Февральская революция 1917 г.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ.

Знамя красное, знамя свободное,
Символ равенства, братства, любви,
Вейся выше за дело народное
В алых каплях рабочей крови.

За тобою пойдут изнуренные
В рудниках, за сохой, за станком,
И на лица, трудом изможденные,
Цвет твой брызнет победным огнем.

Заблистают глаза, просиявшие
Верой в силу великих идей,
И порвут, и размечут восставшие
Звенья ржавых, позорных цепей.

Знамя красное, знамя свободное,
Символ равенства, братства, любви,
Вейся выше за дело народное
В алых каплях рабочей крови.

(Илья Ионов).

НАЧАЛО „ФЕВРАЛЬСКИХ ДНЕЙ“ В ПЕТЕРБУРГЕ.

Во время последнего дежурства Иван Ильич заметил особенную тревогу у рабочих. Они поминутно бросали станки и совещались, видимо ждали каких-то вестей. Когда он спросил у Василия Рублева—о чем совещаются рабочие, Васька вдруг со злобой накинул на плечи ватный пиджак и вышел из мастерской,—хлопув дверью.

— Ужасный, сволочь, злой стал Василий,—сказал Иван Ильич,—револьвер где-то раздобыл, в кармане прячет.

Но Василий скоро появился опять и в глубине мастерской его окружили рабочие, сбежались от всех станков. „Командующего войсками Петербургского Военного Округа генерал-лейтенанта Хабалова, об'явление"—громко, с ударениями начал читать Васька белую афишку.—„В последние дни отпуск муки в пекарнях и выпечка хлеба производится в том же количестве, что и прежде"...

— Врет, врет!—сейчас же крикнули голоса,—третий день хлеба не выдают...

— „Недостатка в продаже хлеба не должно быть"...

— Приказал, распорядился!

— „Если же в некоторых лавках хлеба не хватило, то потому, что многие, опасаясь недостатка хлеба, скупили его в запас, на сухари"... [1].

— Кто это сухари печет? Покажи эти сухари,—уже источно завопил чей-то голос.—Ему самому в глотку сухарь заткнуть!..

— Молчите, товарищи,—перекрикнул Васька,—пусть нам Хабалов эти сухари покажет. Товарищи, мы должны выйти на улицу... С Балтийского завода четыре тысячи рабочих идут на Невский... И с Выборгской бабы идут... Довольно нас об'явлениями кормили!..

— Верно! Пусть хлеб покажет! Хлеба хотим!

— Хлеба вам не покажут, товарищи. В городе только на три дня муки, а больше хлеба и муки не будет. Поезда все за Уралом стоят... За Уралом элеваторы хлебом забиты... В Челябинске три миллиона пудов мяса на станции гниет... В Сибири свечи топят из сливочного масла...

— Снимайся!.. Бросай работу!.. Гаси горны!..—заговорили рабочие, разбегаясь по мастерской.

К Ивану Ильичу подошел Васька Рублев...

— Уходи,—проговорил он внятно,—ходи, покуда цел!..

Толпа увеличивалась, занимала теперь всю улицу, тревожно гудела и двинулась по направлению к мосту... Прохожие, как щепки по пути увлекались этим потоком...

На Литейный проспект с Выборгской стороны вливалась вторая толпа, далеко растянувшись по мосту. По пути ее все ворота были набиты любопытными, во всех окнах виднелись возбужденные лица.

Иван Ильич остановился у ворот рядом со старым чиновником, у которого тряслись собачьи щеки. Направо, вдалеке, поперек улицы стояла цепь солдат, неподвижно опираясь на ружья.

Толпа подходила, ход ее замедлялся. В глубину полетели испуганные голоса:—Стойте, стойте!.. И сейчас же начался вой тысячи высоких женских голосов:—Хлеба, хлеба, хлеба!..

— Нельзя допускать,—проговорил чиновник и строго поверх очков взглянул на Ивана Ильича...

---

[1] Об'явление Хабалова было выпущено 23 февраля. В это время запасы ржаной и пшеничной муки в Петрограде достигали 500 тысяч пудов.

Толпа надвигалась...

— Знамя вперед, знамя вперед!—пошли голоса.

В это же время перед цепью солдат появился рослый, тонкий в талии офицер, в заломленной папахе... Он кричал и можно было разобрать: „Дан приказ стрелять... Не хочу кровопролития... Разойдитесь!..“

— Хлеба, хлеба, хлеба!—закричали голоса...И толпа двинулась на солдат...

Вдруг, точно рванули коленкор вдоль улицы. Сразу все стихло... Залп дан был в воздух, второго залпа не последовало, но толпа отступила... Часть ее с флагом двинулась к Знаменской площади... Выйдя на Невский, Иван Ильич опять услышал гул множества голосов. Это двигалась третья толпа, перешедшая Неву с Васильевского Острова. Тротуары были полны нарядных женщин, военных, студентов... К стеклам магазинных дверей липли напудренные, с черными бантами продавщицы. А посреди улицы, удаляясь в туманную ее ширину, шла оборванная, грязная, злая толпа работниц и рабочих...

— Хлеба, хлеба, хлеба!..

Утром, 25 февраля, Знаменская площадь была полна войсками и полицией...

У вокзала стояли казаки в заломленных папахах, с торками сена за седлами, бородатые и веселые. Со стороны Невского виднелись грязно-серые шинели павлоградцев...

В это же время на Старом Невском черно и густо волновались головы подошедшей толпы колпинских рабочих... Конные полицейские отделились от фасада Северной гостиницы и вдруг блеснули в руках их выхваченные широкие шашки. Неистовый крик поднялся в толпе. Иван Ильич опять увидел жандармского полковника,—он бежал, поддерживая кобур револьвера, и другой рукой махал казакам. Из толпы колпинцев полетели осколки льдин и камни в полковника и в конных городовых... Слабо захлопали револьверные выстрелы, появились дымки у подножия памятника,—это городовые стреляли в колпинских. И сейчас же в строю казаков, в десяти шагах от Ивана Ильича, взвилась на дыбы рыжая горбоносая донская кобыла; казак, нагнувшись к шее, толкнул ее, в несколько махов долетел до жандармского полковника и на-ходу, выхватив шашку, на-отмашь свистнул ею...

Всем строем двинулись к месту убийства казаки. Толпы народа, прорвав заставы, разлились по площади... Кое-где хлопнули выстрелы и были покрыты общим криком:—Урра!.. [1].

(Ал. Н. Толстой—„Хождение по мукам“).

---

[1] В этот день царица Александра послала Николаю в ставку письмо, в конце которого пишет: „Рабочим прямо надо сказать, чтобы они не устраивали стачек, а если будут, то посылать их в наказание на фронт...“.

ГОЛОС БОЛЬШЕВИКОВ.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Жить стало невозможно. Нечего есть. Не во что одеться. Нечем топить.

На фронте—кровь, увечье, смерть. Набор за набором. Поезд за поездом, точно гурты скота, отправляются наши дети и братья на человеческую бойню.

Нельзя молчать!

Отдавать братьев и детей на бойню, а самим издыхать от холода и голода и молчать без конца—это трусость бессмысленная, преступная, подлая.

Все равно не спасешься. Не тюрьма—так шрапнель; не шрапнель—так болезнь или смерть от голодовки и истощения.

Прятать голову и не смотреть вперед—недостойно. Страна разорена. Нет хлеба. Надвинулся голод. Впереди может быть только хуже. Дождемся повальных болезней, холеры...

Требуют хлеба—отвечают свинцом! Кто виноват?

Виновата царская власть и буржуазия. Они грабят народ в тылу и на фронте. Помещики и капиталисты на войне наживаются, не успевают считать барыши. Тянут войну без конца. Ради военных барышей и ради захвата Константинополя, Армении и Польши гонят на бойню народ. Нет конца их жадности и зверству.

По доброй воле они не откажутся от наживы и не прекратят войну. Пора укротить черносотенного и буржуазного зверя.

Либералы и черносотенцы, министры и Государственная дума, дворянство и земство—все слились во время войны в одну озверевшую шайку.

Царский двор, банкиры и попы загребают золото. Стая хищных бездельников пирует на народных костях, пьет народную кровь. А мы страдаем. Мы гибнем. Голодаем. Надрываемся на работе. Умираем в траншеях. Нельзя молчать!

Все на борьбу! На улицу! За себя, за детей и братьев!..

Поднимайтесь все! Организуйтесь для борьбы! Устраивайте комитеты Российской Социал-Демократической Рабочей Партии по мастерским, по заводам, по районам, по городам и областям, по казармам, по всей России. Это будут комитеты борьбы, комитеты свободы. Объясняйте крестьянам, горожанам, солдатам, что их спасение только в победе социал-демократов.

Надвинулось время открытой борьбы. Забастовки, митинги, демонстрации не **ослабят** организацию, а усилят ее. Пользуйтесь всяким случаем, всяким удобным днем. Всегда и везде с массой и со своими революционными лозунгами...

Всех зовите к борьбе. Лучше погибнуть славной смертью, борясь за рабочее дело, чем сложить голову за барыши капитала на фронте

или зачахнуть от голода и непосильной работы. Отдельное выступление может разрастись во всероссийскую революцию, которая даст толчок к революции в других странах.

Впереди борьба, но нас ждет верная победа. Все под красные знамена революции! Долой царскую монархию! Да здравствует Демократическая Республика! Да здравствует 8-ти часовой рабочий день! Вся помещичья земля народу! Да здравствует всероссийская всеобщая стачка! Долой войну! Да здравствует братство всего мира! Да здравствует социалистический Интернационал!

(Листок Петерб. Комитета РС-ДРП, изданный 25 февраля 1917 г.).

СОЛДАТЫ.

В казармах П-овского полка царило напряженное состояние; ждали чего-то необыкновенного... Говорили, что будто-бы рабочие, по выражению фельдфебеля учебной команды Жохова,—„хотят заварить кашу“.—„Только не думаю я, чтобы из этого могло выйти что путное,—говорил он,—потому что вся сила вот в них“—указал он на винтовки, стройными рядами стоявшие вдоль грязной, пожелтевшей от сырости, высокой стены...

— А против кого же это они выступать-то собираются?—виновато краснея, спросил безусый и румяный, добродушный и глуповатый Иван Махоточкин, самый молодой солдат из всей учебной команды.

— А знамо против кого,—загадочно ухмыляясь ответил Жохов, и, осторожно оглядываясь вокруг себя, прибавил:

Против царизму, дурья ты голова...

В последнее время офицеры, редко вообще заглядывавшие в казарму, стали появляться несколько раз в день, а иногда даже и ночью, нарушая покой спящих „учебников“ звоном шпор и сердитыми окриками на дневальных и дежурных взводных.

Наконец, учебной команде был об'явлен приказ быть наготове при полном вооружении, на случай тревоги.

Три дня и три ночи подряд ели и спали, не раздеваясь; на четвертый день приказано было выходить из казарм... Солдатам предварительно выдали сверх установленной нормы по несколько патронов—добавочных.

Перед выходом из казарм, в помещение учебной команды, как бомба, влетел командир полка и, не поздоровавшись с „ребятами“, начал отчитывать за „все старое, новое и за два года вперед“,—как острили П-овцы...

Распекши всю команду, полковник, отчеканивая каждое слово, произнес:

— Помните присягу. Слушать и беспрекословно исполнять то, что прикажет начальство. Прикажет стрелять, стреляйте. Патронов не жалеть! Те-же, которые посмеют ослушаться, будут немедленно расстреляны. Слышите ли вы, болваны? Ну, а теперь шагом марш!

Солдаты, не глядя на командира полка, начали выходить из казарм. Принцип „ешь глазами начальство“ был нарушен.

— Это что такое?—взвизгнул полковник и исступленно начал топать ногами, звеня шпорами.—Мерзавцы, подлецы! Расстреляю всех—до одного!.. Безобразие! Распущенность! Полное отсутствие дисциплины!..

Когда П-овцы пришли на Невский, то им сразу же стало ясно, что каша, о которой им говорил фельдфебель Жохов, уже заварилась...

В вечернем сумраке, при свете фонарей, впереди на пустой улице показались черные точки, делаясь все больше и больше. Постепенно они сливались в одно общее темное пятно.

— Рабочие идут,—услыхал Махоточкин сдавленный шопот своего соседа...

— Рабочие идут!—машинально повторил Махоточкин:—вот „сейчас“... Сейчас... начнется...—шептали его побелевшие губы...

Неожиданно на боковой улице появилось несколько фигур близко, близко от солдат...

— Товарищи! Братья!—громко закричал один из рабочих.—Не стреляйте! Вы, солдаты, наши братья. Мы с вами...

— Пли!—услышал Махоточкин короткий крик команды...

Раздался сухой треск ружейных выстрелов. Один из рабочих, широко взмахнул руками, закачался и медленно свалился на трамвайном пути... Лица солдат были суровы и нахмурены. Кто-то кого-то злобно ругал, но по чьему адресу это было, Махоточкин плохо понимал.

— Дьяволы... проклятые!—услышал он позади себя голос ефрейтора Малыгина.—Пролили братскую кровь... ни за что, ни про что...

Приехавший верхом на лошади капитан Чикулич, жестикулируя, в повышенном тоне об'яснял что-то ротному, князю Чеколдаеву. Князь иронически ухмылялся и недоверчиво покачивал головой.

— Ерунда! Не может быть. Не верю.

— Я передал вам то, что видел, что знаю, и что мне приказано, выкрикивая каждое слово, произнес капитан Чикулин и, повернув коня, уехал.

— Подлецы! Мерзавцы!—взвизгнул ротный.—Значит, правда... и, теребя усы, он обратился к фельдфебелю:—Они идут сюда по Екатерининскому каналу, ты слышал?.. Веди команду по Садовой. Через Марсово поле в казармы... А я тут по делу в Аничков дворец,—скороговоркой отдал приказ Чеколдаев и быстро пошел в сторону Аничкова.

Фельдфебель ничего ему не ответил, посмотрел на солдат и скомандовал:—Трогайся!

Солдаты шли, плотно сдвинувшись рядами...

— Вот так каша, ребята, заварилась! Ну! Ну!..

— А что?—спросил Махоточкин.

— А то, что четвертая рота взбунтовалась... Когда, стало быть, четвертая рота узнала, что мы это палить начали в рабочих, за винтовки, да на двор. Ну из ворот-то их не выпустили. Они обратно в казармы, да давай прыгать из окон... Тут на них налетел командир полка с револьвером, ну а они его бац, и готово...

Солдат ввели в помещение, и дан был приказ не раздеваться...

Голодные и замерзшие они разбрелись по казармам... Не раздеваясь и не выпуская из рук винтовок, люди провели всю ночь.

Когда же утром в окна забрезжил рассвет, за дверьми послышались громкие голоса и шум. Солдаты мгновенно встрепенулись и насторожились... Наконец двери широко распахнулись, и на пороге появилась группа в несколько человек солдат четвертой роты.

— Эй вы, молодчики! Выходи все... Да не бойся... А за вчерашние грехи простим или накажем, потом видно будет...

— Выходи! Ну, живо! С винтовками!

— Ребята, грянула революция. Слышите? Все заводы, все вышли. Сейчас идем в крепость освобождать наших товарищей... Поняли, ребята?..

— Поняли!—живо и весело откликнулись все хором.

— Ну-ка, кто за революцию, выходи! Вперед!—скомандовал рыжебородый...

Гремя прикладами и громко возбужденно разговаривая, ринулись к выходу...

Вся площадь перед зданием казармы П-овского полка была запружена людьми... В утреннем морозном воздухе глухо трещал вдали пулемет и гремели ружейные выстрелы.

Подошедшие гренадеры, соединившись с Павловцами, с пением Марсельезы, под музыку двух соединенных оркестров, двинулись к Троицкому мосту. Шли брать Петропавловскую крепость.

Вперемежку с солдатами шагали рабочие, вооруженные также винтовками и револьверами, ручными гранатами и бомбами..

(П. Арский.—„Кровь рабочего").

ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗ ТЮРЕМ.

В воскресенье, 26-го февраля, снизу стучит кто-то по трубе: „Мой сосед ходил в суд, а вернулся только сегодня".

— Почему?—перебиваю я с изумлением.

— В городе забастовка, улицы полны народа, конвойные боялись вести его вечером...

К этому известию я отнесся, конечно, с весьма большим интересом, но совершенно не представляя всего размера событий...

В понедельник утром, 27 февраля, я встал совершенно спокойно. Сдал для обмена в библиотеку книги и с нетерпением стал ждать обеда, после которого происходила раздача новых книг...

Вдруг, с улицы доносится какой-то неясный гул и крики. Бросаюсь к окну, открываю форточку, и в камеру врывается хаос звуков, среди которых явственно выделяется:

— Товарищи, ломай двери! Ломай двери! Ура-а-а-а!..

В голове быстро пронеслась картина наступления толпы к той же предварилке в октябре 1905 года, участником которого был я.

— „Ведь в городе забастовка. Очевидно, возбужденная толпа рабочих подошла, как и тогда, к тюрьме,—мелькнула у меня мысль.—Как же ее допустили?".

Но мысли прервал страшный стук, от которого, казалось, дрожали стены, а крики превратились в рев...

„Толпа пришла в исступление,—бежит моя мысль,—бьет тюрьму. Это ее нарочно спровоцировали, подпустив к тюрьме. Сейчас начнется расстрел. У.., негодяи“!

И я, стиснув зубы, содрогаясь услышать выстрелы по толпе, схватываю жестяную кружку и начинаю бешено бить в дверь. Бью кружкой, кулаками, ногами... А хаос звуков растет. Кажется, что все кругом шатается... Сам прихожу в исступление и бью, бью, ничего не сознавая. А в мозгу сверлит одно до боли ярко́е:—„Вот сейчас будет расстрел“...

Сразу полная тишина! Растерянно останавливаюсь и слушаю. Что это значит? Где-то вдали слабо слышен звук отпираемых дверей, он приближается. „Ага, волокут в карцер тех, кто бил двери Не пойду, пусть берут силой, пусть бьют“...

Что за странность? Нет ни криков избиваемых, ни звуков сопротивления, щелкает спокойно замок за замком, все ближе и ближе... Вот щелкнула соседняя дверь, вот отпирается мой замок, и надзиратель, приотворив мою камеру, пошел открывать дальше...

Бросаюсь в коридор... Навстречу бежит старший надзиратель из „хороших“.

— В чем дело?—кричу я ему.

— Не знаю. Революция! Нас разоружили,—растерянно бросает он, разводя руками, и бежит дальше. Я замечаю его испуганное лицо и болтающийся конец оборванного револьверного шнура...

Стремглав, едва нацепив на себя пальто, бросаюсь по коридору. На четвертом этаже встречаю солдат и рабочих с винтовками. Один из них спокойно бьет прикладом дверь не открытой почему-то камеры. Чем ниже этаж, тем больше в коридорах рабочих с винтовками, солдаты теряются среди них. В конторе полный хаос. Пол устлан толстым слоем разорванных бумаг, а в одном углу горит костер из папок с „делами“. Цейхгауз разбит, перед ним толпа уголовных торопливо переодевается в статское платье. Наконец, выхожу на наружный тюремный двор с широко открытыми воротами на улицу.

Густая толпа вооруженных людей заполняет двор — рабочие, солдаты и женщины... Слышу восклицание какой-то женщины по моему адресу: „Господи, до чего человека-то довели“, и попадаю в об'ятия „Федора“ (Комарова), который стоит с узелком вещей в руке и оглядывается вокруг. Расцеловались.—„Что это значит, куда теперь?“ —спрашиваю,—„к нам, конечно, в Лесной, там все узнаем“.

Не успели мы сделать пары шагов, как из-за угла показывается отряд солдат с двумя молодыми офицерами во главе. У солдат на штыках красные флажки, офицеры и их лошади тоже украшены красным.

— „Ура, солдаты!“—кричит толпа, и отряд чинно проходит по Шпалерной.—„В Думу идут“,—говорят в толпе. Безумная радость пронизывает весь мой организм. Вооруженные рабочие, солдаты с красными флажками—вот она революция. Скорей в рабочие кварталы! Мы с Федором почти бежим.

У Литейного моста нам встречается новый отряд. Но мы его не опасаемся—наверно, наши... Хочется крикнуть приветствие, поговорить с ними... Федор не выдерживает.

— Что это, революционные войска?—обращается он к офицеру.

— Да,—с гордостью отвечает тот, приостанавливая лошадь.

— Можно пройти в Лесной?

— У Финляндского не пройдете, там войска правительства, идите в обход по набережной.

Мы с Федором бежим по набережной. Навстречу нам Бройде и Гвоздев, лидеры рабочей группы Военно-Промышленного Комитета.

— Откуда?—спрашивают они нас.

— Из предварилки!

— А мы из крестов!

— Куда?

Отвечают:—В Государственную Думу.

— Ну, а мы в рабочие кварталы,—бросаем мы им, расходясь.

Эта встреча в первый день „воли" вспоминалась мне потом не однажды. Здесь что-то символическое: освобожденные восставшими рабочими большевики и ликвидаторы с первых же шагов разошлись—одни пошли в рабочие кварталы к массе, другие в Думу, которая уже на другой день сделала попытку призвать восставших рабочих к „спокойствию и порядку"...

(В. Н. Залежский—„Первый легальный Пека". См. „Пролет. Рев." № 13)

НА ПОМОЩЬ ВОССТАВШЕМУ ПЕТРОГРАДУ.

Известие о вооруженном восстании рабочих и солдат в Петербурге быстро докатилось до ближайших к Питеру гарнизонов и крепостей. Вечером 27 февраля начались волнения в гарнизоне гор. Ораниенбаума... Были разбиты склады с оружием и патронами, и войска вооружились. Офицерство пыталось противодействовать, внести раскол среди восставших, но потерпело неудачу и вынуждено было скрыться.

Восставшие решили в ту же ночь итти на помощь боровшимся рабочим и солдатам Петрограда. На пути к железнодорожной станции были обстреляны из пулеметов, потеряли убитыми и ранеными около двух десятков людей...

Путь на Петроград держали по шоссе, через целый ряд местечек, в которых были расположены войсковые части. И ораниенбаумские товарищи по пути снимали все части, поднимали их на восстание, разбирали оружейные склады, запасались провиантом и двигались дальше, увеличивая свои силы с каждой верстой приближения к столице...

Колонны войск, буквально всех родов оружия, растянулись в пути более чем на двадцать верст. Шли в полном боевом порядке, руководимые только низшими командирами. Зрелище было захватывающее. Все эти войска вступили в город утром 28 февраля через Нарвскую заставу, переполненную рабочими Путиловского гиганта-завода. Встреча рабочих с солдатами была трогательна и полна высокого энтузиазма. Оркестр во-

енной музыки играл Марсельезу, которую подхватывали тысячные толпы демонстрантов. По пути к центру войска выдержали несколько огневых атак со стороны засевших на домах городовых...

(А. Шляпников.—„Семнадцатый год").

МАНИФЕСТ РОССИЙСКОЙ СОЦПАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

Ко всем гражданам России.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Граждане! Твердыни русского царизма пали. Благоденствие царской шайки, построенное на костях народа, рухнуло. Столица в руках восставшего народа. Части революционных войск стали на сторону восставших. Революционный пролетариат и революционная армия должны спасти страну от окончательной гибели и краха, который приготовило царское правительство.

Громадными усилиями, кровью и жизнями русский народ стряхнул с себя вековое рабство.

Задача рабочего класса и революционной армии создать Временное Революционное Правительство, которое должно встать во главе нового нарождающегося республиканского строя.

Временное Революционное Правительство должно взять на себя создание временных законов, защищающих все права и вольности народа, конфискацию монастырских, помещичьих, кабинетских и удельных земель и передать их народу, введение 8-ми-часового дня и созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права с тайной подачей голосов.

Временное революционное правительство должно взять на себя задачу немедленного обеспечения продовольствием населения и армии, а для этого должны быть конфискованы все военные запасы, заготовленные прежним правительством и городским самоуправлением.

Гидра реакции может еще поднять свою голову. Задача народа и его революционного правительства подавить всякие противонародные контр-революционные замыслы.

Немедленная и неотложная задача временного революционного правительства—войти в сношения с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей и порабо тителей, против царских правительств и капиталистических клик и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана порабощенным народам.

Рабочие фабрик и заводов, а также восставшие войска должны немедленно выбрать своих представителей во Временное революционное

правительство, которое должно быть созвано под охраной восставшего революционного народа и армии.

Граждане, солдаты, жены и матери! Все на борьбу! На открытую борьбу с царскою властью и ее приспешниками!

По всей России поднимается красное знамя восстания. По всей России берите в свои руки дело свободы, свергайте царских холопов, зовите солдат на борьбу.

По всей России, по городам и селам создавайте правительство революционного народа.

Граждане! Братскими, дружными усилиями восставших мы закрепим нарождающийся новый строй свободы на развалинах самодержавия.

Вперед! Возврата нет! Беспощадная борьба!

Под красное знамя революции!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует революционный рабочий класс!

Да здравствует революционный народ и восставшая армия!

Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии [1].

26 Февраля 1917 г.

ОТ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ.

Старая власть довела страну до полного развала, а народ до голодания. Терпеть дальше стало невозможно. Население Петрограда вышло на улицу, чтобы заявить о своем недовольстве. Его встретили залпом. Вместо хлеба царское правительство дало народу свинец.

Но солдаты не захотели итти против народа и восстали против правительства. Вместе с народом они захватили оружие, военные склады и ряд важных правительственных учреждений.

Борьба еще продолжается; она должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить место народному правлению. В этом спасение России.

Для успешного завершения борьбы в интересах демократии народ должен создать свою собственную властную организацию.

Вчера, 27 февраля, в столице образовался Совет Рабочих Депутатов из выборных представителей заводов и фабрик, восставших воинских частей, а также демократических и социалистических партий и групп.

Совет Рабочих Депутатов, заседающий в Государственной Думе, ставит своей основной задачей организацию народных сил и борьбу за окончательное упрочение политической свободы и народного правления России.

Совет назначил районных комиссаров для установления народной власти в районах Петрограда.

---

[1] Манифест был напечатан в № 1 „Известий Совета Рабочих Депутатов" вышедшем 28 февраля.

Приглашаем все население столицы немедленно сплотиться вокруг Совета, образовать местные комитеты в районах и взять в свои руки управление всеми местными делами.

Все вместе, общими силами будем бороться за полное устранение старого правительства и созыв Учредительного Собрания, избранного на основе всеобщего, равного. прямого и тайного избирательного права.

Совет Рабочих Депутатов.

27 февраля 1917 г.

СЛУГИ СТАРОГО РЕЖИМА.

Всю ночь с 27 на 28 февраля шли аресты бывших сановников. С утра их стали доставлять под усиленным конвоем в Таврический дворец. Прежде всех в 8 часов утра был доставлен бывший председатель Совета министров Б. В. Штюрмер; за ним в 10 часов утра знаменитый генерал А. А. Курлов, правая рука Протопопова, одновременно с ним митрополит Питирим.

В 11 часов вечера к одному из студентов, проходившему по двору Таврического дворца, подошел какой-то немолодой господин с изможденным лицом, в дорогой шубе, и обратился с следующим вопросом:

— Скажите, вы студент?

— Студент,—ответил тот.

— Прошу вас, проводите меня в Исполнительный Комитет Государственной Думы. Я—бывший министр внутренних дел, Протопопов. Я тоже желаю блага нашей родине и потому я явился добровольно. Проводите же меня к тем, к кому нужно...

Бледный, едва стоя на ногах, с отвисшей губой, предстал Протопопов перед одним из членов Исполнительного Комитета. Узнав Протопопова, член Исполнительного Комитета позвал конвой, который отвел его в министерский павильон. Вскоре туда явился А. Ф. Керенский. При его входе, Протопопов встал и, подойдя к нему, заплетающимся языком произнес:

— Ваше превосходительство, отдаю себя в ваше распоряжение!

На это А. Ф. Керенский твердым голосом, с суровым лицом произнес, стукнув палкой о пол:

— Бывший министр внутренних дел Протопопов, от имени Исполнительного Комитета арестую вас...

Тут Протопопов потерял всякое присутствие духа. Он умолял часовых отпустить его, совал караульному начальнику и часовым деньги, лишь бы отпустили его, давал честное слово, что он придет на другой день...

Унтер-офицер Круглов уложил Протопопова на диван, сказав ему:

— Лежи и ожидай, что тебе прикажут!

9 марта... появился в министерском павильоне арестованный в Гомеле бывший министр двора граф Фредерикс. Худой, высокого роста, с отвисшей нижней губой, с безумным блуждающим взглядом, граф, в сопровождении своего ад'ютанта, прапорщика Петрова и камердинера, был

доставлен в Таврический дворец около полудня... Когда графу отвели назначенную ему комнату, он обратился к одной из курсисток, работавших в министерском павильоне от продовольственной комиссии с вопросом:

— А когда тут у вас дают вино?

И был очень удивлен, когда ему сказали, что вина здесь не полагается.

— Как же я буду, когда я привык к вину?

Затем он попросил, чтобы к нему заехал министр юстиции. Просьба была передана по телефону в министерство, и А. Ф. Керенский любезно исполнил желание бывшего министра. Но, к сожалению, когда приехал Керенский, граф был в состоянии невменяемости и лепетал какие-то несвязные слова...

Утром 10 марта граф Фредерикс подал через коменданта Таврического дворца рапорт военному министру, в котором излагал свое ходатайство об увольнении его в отставку, по расстроенному здоровью, с пенсией и „мундиром действительной службы“...

(Полк. Г. Г. Перетц.—„В цитадели русской революции“).

АГОНИЯ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

В то время, как в Могилеве происходили сборы, литерные (свитский и императорский) поезда в 4 и в 5 часов утра двинулись по направлению Смоленск—Вязьма—Ржев—Лихославль. Генералы Хабалов, Занкевич и Беляев... с кучкой верных им офицеров и солдат перешли из Зимнего дворца в здание Адмиралтейства, заняли фасады, обращенные к Невскому, артиллерию поставили на дворе, во втором этаже разместили пехоту, а на углах, подходящих для обстрела, расставили пулеметы. Снарядов у них было мало, патронов не было вовсе, а есть было нечего; с большим трудом достали немного хлеба для солдат. У казачьей сотни, расквартированной в кагармах Конного полка, лошади были непоены и некормлены. По Адмиралтейству постреливали, но оттуда не отвечали. Тут и происходил ночной разговор с Ивановым по прямому проводу. Ночью от Хабалова ответили, что он не знает, где переговорить с Ивановым и не может выйти на улицу без риска быть арестованным. Иванов вызвал его к прямому проводу к 8 часам утра, и они обменялись следующим: Иванов передал десять вопросных пунктов... Хабалов отвечал телеграммой по пунктам:

1) „В моем распоряжении здание главного Адмиралтейства, четыре гвардейских роты, пять эскадронов и сотен две батареи, прочие войска перешли на сторону революционеров или остаются, по соглашению с ними, нейтральными. Отдельные солдаты и шайки бродят по городу, стреляя в прохожих, обезоруживая офицеров. 2) Все вокзалы во власти революционеров, строго ими охраняются. 3) Весь город во власти революционеров, телефон не действует, связи с частями города нет... 5) Министры арестованы революционерами... 8) Продовольствия в моем распоряжении нет... 9) Все артиллерийские учреждения во власти революцио-

неров. 10) В моем распоряжении лично начальник штаба округа; с прочими окружными управлениями связи не имею"...

В то же утро, генералы Тяжельников и Михайличенко, сидя в Адмиралтействе, с удивлением слушали, как Беляев в соседней комнате диктовал телеграмму, которая начиналась словами очень умеренными: „Положение попрежнему продолжает оставаться тревожным"...

Около полудня, 28 февраля, в Адмиралтейство явился ад'ютант морского министра, который потребовал очистки здания, так как в противном случае восставшие угрожали открыть по нему артиллерийский огонь из Петропавловской крепости. На совещании было решено, что дальнейшее сопротивление бесполезно...

(Ал. Блок.—„Последние дни императорской власти").

ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ В МОСКВЕ.

Вдали желтел огонек электрической лампочки над под'ездом Юридического клуба, где сегодня, в половине десятого вечера, под влиянием сумасшедших слухов из Петербурга, было устроено кадетской фракцией публичное собрание для обмена впечатлениями и для нахождения общей формулы действия в эти тревожные дни.

Сестры вбежали по лестнице во второй этаж и, не снимая шуб, только откинув платки, вошли в полную народом залу, напряженно слушающую румяного, бородатого, тучного барина с приятными движениями больших рук:

— События нарастают с головокружительной быстротой,—говорил он, блестя зубами,—в Петрограде вчера вся власть перешла к генералу Хабалову, который расклеил по городу следующую афишу:

„В последние дни в Петрограде произошли беспорядки, сопровождаемые насилием и посягательством на жизнь воинских и полицейских чинов. Воспрещаю всякое скопление на улицах. Предваряю население Петрограда, что мною подтверждено, в войсках употреблять в дело оружие, не останавливаясь ни перед чем для водворения порядка в столице"...

— Палачи! — прогудел чей-то семинарский бас из глубины залы. Оратор тронул колокольчик.

— Это об'явление, как и следовало ожидать, переполнило чашу терпения. Двадцать пять тысяч солдат всех родов оружия петроградского гарнизона перешли на сторону восставших...

Он не успел договорить, — зала треснула от рукоплесканий. Несколько человек вскочило на стулья и кричало что-то... Оратор с широкой улыбкой глядел на бушующий зал, — снова тронул колокольчик и продолжал:

— Только что получена чрезвычайной важности телефонограмма... Сегодня председателем Государственной Думы, Родзянко, послана государю телеграмма по прямому проводу:

„Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное рас-

стройство. На улице происходит беспорядочная стрельба. Частью войска стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца"...

Румяный барин опустил листок и веселыми глазами обвел зал.

— Мы стоим, господа, на грани готового совершиться величайшего события нашей истории,—продолжал он бархатным рокочущим голосом,—быть может в эту минуту, там,—он вытянул руку, как на статуе Дантона,—там уже свершилось чаяние стольких поколений, и скорбные тени декабристов отомщены... Быть может, завтра вся Россия сольется в одном светлом, братском хоре—свобода.

— Уррра!... Свобода!... неистово закричали голоса.

Барин опустился на стул и провел обратной стороной ладони по лбу своему. С угла стола поднялся вялый человек с соломенными длинными волосами, с рыжей мертвой бородкой. Не глядя ни на кого, он начал говорить...

— Заслушанные здесь сообщения весьма любопытны. Дело видимо всерьез идет к ликвидации дворянско-бюрократического правящего класса. Неожиданного в этом ничего нет: не завтра, так через месяц, войска взбунтуются, и рабочие будут стремиться захватить власть...

Позади Даши, сидевшей в дверях на одном стуле с сестрой, чей-то голос спросил:

— Кто это говорит?

— Товарищ Кузьма,—ответили быстрым шопотом, — в 1905 году был в Совете рабочих депутатов, недавно вернулся из ссылки...

— Я не разделяю восторгов предыдущего оратора, — продолжал товарищ Кузьма, — если даже на этих днях царское правительство и сдаст власть, глупо впадать в восторг: власть попадет в руки буржуазному классу, и драки в дальнейшем все равно не избежать. Давно бы пора бросить маниловские бредни... Революция — штука серьезная... Братский хор с пением свободы—занятие для безземельных дворянчиков, да для разжиревших купеческих сынков...

— Кто такой?.. Что он говорит?.. Заставьте его замолчать,—раздались злые крики. Товарищ Кузьма возвысил голос:

— Уже двенадцать лет в стране идет революционный процесс. Сейчас его можно считать назревшим. И наша задача — сделать глубокий надрез, чтобы выпустить весь гной на поверхность. Мы должны поставить, наконец, лицом к лицу, без посредников, пролетариат и буржуазно-дворянские классы... Нам нужна гражданская война...

Последние его слова едва можно было разобрать за шумом в зале. Несколько человек в визитках подбежало к столу. Товарищ Кузьма попятился, слез с эстрады... На его месте появилась знаменитая деятельница по детскому воспитанию—полная дама в пенсне, с тиком:

— Мы только что слышали возмутительную...

Кирпично-грязное здание с колоннами, похожими на бутылки, все в балясинах, балкончиках и башенках,—главный штаб революционеров,—Городская Дума, было убрано красными флагами... Перед крыльцом на мерзлой мостовой стояли четыре серые пушки на высоких колесах. На крыльце сидели согнувшись пулеметчики с пучками красных лент на погонах. Большие толпы народа глядели с веселой жутью на красные флаги, пыльно-черные окна Думы.

Наглядевшись на флаги и пушки, народ уходил по изъеденному оттепелью грязному снегу через глубокие арки Иверской на Красную площадь, где у Спасских и Никольских ворот восставшие воинские части вели переговоры с выборным от запасного полка, сидевшего затворившись в Кремле...

Катя, Даша и Телегин были перенесены толпой к самому крыльцу Думы...

— Товарищи, посторонитесь... Товарищи, соблюдайте законность!—раздались молодые взволнованные голоса. Сквозь неохотно раступившуюся толпу пробивались к крыльцу Думы, размахивая винтовками, четыре гимназиста и хорошенькая растрепанная барышня с саблей в руке. Они вели арестованных десять человек городовых, огромного роста усатых мужиков, с закрученными за спиной руками, с опущенными хмурыми лицами. Впереди шел пристав, без фуражки, на сизобритой голове его, у виска, чернела запекшаяся кровь; рыжими, яркими глазами он торопливо перебегал по ухмыляющимся лицам толпы, погоны на пальто его были сорваны с мясом.

— Дождались, соколики!—говорили в толпе.

— Пошутили над нами,—будя...

— Племя проклятое!.. Фараоны!

— Схватить их и зачать мучить...

— Ребята, наваливайся!..

— Товарищи, товарищи, пропустите, соблюдайте революционный порядок!—сорванными голосами кричали гимназисты; взбежали, подталкивая городовых, на крыльцо Думы и скрылись в больших дверях. Туда же за ними протиснулось несколько человек, в числе их—Катя, Даша, и Телегин...

На скамьях амфитеатра сидели, развалясь, подпирая головы, потемневшие, обросшие щетиной, измученные люди. Несколько человек спало, уткнувшись лицом в пюпитры. Внизу... у зеленого, с золотой бахромой длинного стола сидели в черных рубашках, в рваных пиджаках молодые скуластые люди, с осунувшимися лицами...

— Даша, видишь,—товарищ Кузьма за столом,—сказала Катя...

— Городской голова Гучков вторично заявил, что рабочим оружие выдано не будет. Предлагаю голосовать без прений протест против действий революционного Комитета, принявшего буржуазно-реакционную окраску ..

Все руки поднялись.

Телегин, наконец, допытался, что здесь, в Екатерининском зале, происходит, не прерывающееся вторые сутки, заседание Совета рабочих депутатов...

(Ал. Н. Толстой—„Хождение по мукам").

КРОНШТАДТЦЫ.

В ночь с 28 февраля под 1 марта никто не спал.

В 8 часов вечера из Петербурга прибыл делегат от рабочих и сделал доклад о положении дела в Питере.

Кронштадт был уже готов к выступлению...

В 10 часов вечера на улицу вышел 3 Кронштадтский пехотный полк. Шел он стройно с музыкой. Впереди полка был солдат Соколов.

Несмотря на ранний час, окна домов были темны... Полк шел по слепым улицам, направляясь на Павловскую улицу, где помещались казармы моряков.

Навстречу полку шел отряд.

— Кто идет?

— Первый революционный кронштадтский полк.

— А вы кто?

— Свои. Первый революционный минный отряд.

Отряд вел матрос Колбин.

После краткого совещания решено было итти к первому Балтийскому экипажу. Кто-то бросил в темноте:

— Они, пожалуй, стрелять будут...

В первом Балтийском экипаже была назначена генералом Стронским рота для усмирения, и, когда восставшие подошли туда, действительно началась стрельба. Офицеры подбадривали матросов, но уже с вечера среди „оплота Вирена“ находились партийные работники.

Стрельба быстро утихла, дежурная рота усмирителей с криками „ура“ присоединилась к восстанию.

— На митинг!

Этот крик раздавался возле каждой казармы, и матросы, и солдаты высыпали на улицу. Площади и улицы ожили. Кто говорил, неизвестно—было темно. Но все слова одинаково были огненны. Как раскаленным железом они жгли сердца...

— К тюрьмам, к тюрьмам!—послышались крики...

В два часа ночи подошли к кораблям. На кораблях была мертвая тишина. Все спали. Из темноты послышался оклик:

— Кто идет?

— Восставший народ! Товарищи, выходите, присоединяйтесь к нам.

Вскоре ожили корабли. По палубам забегали огни. Появились люди. Не прошло и получаса, как судовые команды слились с пришедшими.

— На митинг! На митинг!

Пошли на Якорную площадь. Путь лежал мимо дома Вирена. Часовых возле дома не было—они давно уже пристали к восставшим.

У дома военного губернатора остановились и устроили демонстрацию. Кричали:

— Ваше высокопревосходительство, идем на Якорную площадь!

— Не опоздайте, ведь, вы нам назначали там свидание в 9 часов утра... [1].

Дом был немой. В окнах не было света.

Толпа ушла. Через два часа она снова вернулась сюда, но уже не в столь мирном и шутливом настроении...

Часа в три начали громить полицейские и жандармские учреждения.

Кто-то сообщил собравшейся на Якорной площади толпе, что некоторые из несознательных элементов начали громить магазины и таможню... Сейчас же был выделен караул в 200 человек, который рассеялся по городу водворять порядок...

Между тем, на Якорной площади шел беспрерывный митинг. Часов в 5—6 было решено арестовать представителей царской власти. Толпа разбилась на три части. Первая пошла арестовывать контр-адмирала Вирена. Вторая—начальника порта контр-адмирала Бутакова. Третья—генерала Стронского, командира I Балтийского экипажа.

Вирен старался быть спокойным... Остановившись перед толпой, он сделал над собой отчаянное усилие, чтобы не выдать своего волнения, и закричал:

— Смирррно!

Грозная команда так не соответствовала тону, которым она была отдана, что толпа не выдержала и... расхохоталась.

Вирена повели на Якорную площадь, куда, по приглашению адмирала, должен был прийти в 9 часов утра „недовольный народ" для получения от него ответа на его требования. Было только шесть часов утра. И „недовольный народ" и гордый адмирал прибыли на площадь на целых три часа раньше...

На чердаках, прилегающих к площади домов, еще стояли пулеметы, которые должны были дать народу ответ на вчерашние требования...

С адмирала сорвали погоны... Адмирал забыл про наполеоновские жесты, про грозные окрики и все время уверял, что он всегда был другом народа и сделается верным слугой его, если ему будет дарована жизнь.

Поздно было... Народный суд свершился над Виреном. Он был убит.

Также были убиты генерал Стронский и контр-адмирал Бутаков...

Матросы и солдаты бросились искать офицеров. Их вытаскивали из казарм и убивали. Вековая ненависть к мучителям—потомкам целых поколений мучителей и истязателей—вырвалась наружу с неудержимо бешеной силой...

(О. Л. Д'Ор.—„Красный часовой—Кронштадт").

---

[1] Волнения в Кронштадте начались с 24 февраля. На ряд требований, предъявленных рабочими Пароходного завода адм. Вирену,—он обещал дать им ответ на Якорной площади, куда приказал им собраться в 9 ч. утра 1 марта. Спустя час после этого приказа, Вирен издал другой приказ о запрещении собираться на улицах, говорить речи и проч.; а к вечеру на крышах домов, окружающих Якорную площадь, были расставлены пулеметы.

ПРИКАЗ № 1.

1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградского Округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов постановил:

1. Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2. Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет Рабочих Депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной Думы к 10 часам утра 2 сего марта.

3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и своим комитетам.

4. Приказы военной Комиссии Государственной Думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

5. Всякого рода оружие, как то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.

6. В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, обще-гражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане.

В частности, вставание во фронт и обязательное отдание чести вне службы отменяется.

7. Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п., и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и, в частности, обращение к ним на ты, воспрещается и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и проч. строевых и нестроевых командах [1].

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

---

[1] Приказ № 1 был выработан комиссией, выделенной из состава Совета Р. и С. Депутатов, во главе с Н. Д. Соколовым. Приказ был вызван попытками временного Комитета Государственной Думы разоружить революционные войска.

РЕЧЬ МИЛЮКОВА.

— Мы присутствуем при великой исторической минуте. Еще три дня тому назад мы были скромной оппозицией, а русское правительство казалось всесильным. Теперь это правительство рухнуло в грязь, с которой сроднилось, а мы и наши друзья слева выдвинуты революцией, армией и народом на почетное место членов нового русского общественного кабинета (Шумные и продолжительные аплодисменты)...

Правительство мы низвергли легко и скоро. Но это еще не все, что нужно сделать. Остается еще половина дела—и самая большая. Остается держать в руках эту победу, которая нам так легко досталась. Как сделать это? Ответ прост и ясен. Нам нужно организовать победу, а для этого, прежде всего, надо сохранить то единство воли и мысли, которое привело нас к победе. Между нами, членами теперешнего кабинета, было много старых и важных споров и разногласий. Быть может, скоро эти разногласия станут важными и серьезными, но сегодня они бледнеют и стушевываются перед той общей и главной задачей, которая еще не разрешена вполне: задачей создать новую народную власть на месте той старой, упавшей. Будьте же и вы едины в достижении этой цели, как едины мы. Будьте едины в устранении политических споров, быть может, и важных, но сегодня могущих еще вырвать из наших рук плоды победы... Сохраните же это единство для себя и для нас и покажите, что после того, как мы так легко свергнули бессильную старую власть,— первую общественную власть, выдвинутую народом, не так легко будет низвергнуть (шумные и продолжительные рукоплескания).

Я слышу: меня спрашивают кто вас выбрал? Нас никто не выбирал, ибо если бы мы стали дожидаться народного избрания, мы не могли бы вырвать власти из рук врага. Пока мы спорили бы о том, кого выбирать, враг успел бы организоваться и победить и вас и нас. Нас выбрала русская революция (шумные, продолжительные аплодисменты). Так посчастливилось, что в ту минуту, когда ждать было нельзя, нашлась такая кучка людей, которая была достаточно известна народу своим политическим прошлым и против которой не могло быть и тени тех возражений, под ударами которых пала старая власть... Поверьте, господа, власть берется в эти дни не из-за слабости к власти. Это не награда и не удовольствие, а заслуга и жертва (шумные рукоплескания). И как только нам скажут, что жертвы эти больше не нужны народу, мы уйдем с благодарностью за данную нам возможность. Но мы не отдадим этой власти теперь, когда она нужна, чтобы закрепить победу народа и когда, упавшая из наших рук, она может достаться только врагу (рукоплескания, возгласы: кто министры?). Для народа не может быть тайн. Эту тайну вся Россия узнает через несколько часов и, конечно, не для того мы стали министрами, чтобы скрывать в тайне свои имена. Я вам скажу их сейчас. Во главе нашего министерства мы поставили человека, имя которого означает организованную русскую общественность (крики—„ц е н з о в у ю!“), так непримиримо преследовавшуюся старым правительством. Кн. Г. Е. Львов, глава русского земства (крики: „ц е н з о в о г о“!)...будет

нашим премьером и министром внутренних дел, который заместит своего гонителя. Вы говорите: „цензовая" общественность, да, но единственная организованная, которая даст потом возможность организоваться и другим слоям русской общественности (рукоплескания).

Но, господа, я счастлив сказать вам, что и общественность нецензовая тоже имеет своего представителя в нашем министерстве. Я только что получил согласие моего товарища А. Ф. Керенского занять пост в первом русском общественном кабинете (бурные рукоплескания). Мы бесконечно рады были отдать в верные руки этого общественного деятеля, то министерство, в котором он отдаст справедливое возмездие прислужникам старого режима, всем этим Штюрмерам и Сухомлиновым...

Вы хотите знать другие имена (крики—„а вы?"). Мне мои товарищи поручили взять руководство внешней русской политикой (бурные и продолжительные рукоплескания, разростающиеся в овации оратору, который кланяется на все стороны). Быть может на этом посту я окажусь и слабым министром, но я могу обещать вам, что при мне тайны русского народа не попадут в руки наших врагов (бурные и продолжительные рукоплескания). Теперь я назову вам имя, которое, я знаю, возбудит здесь возражения. А. И. Гучков был моим политическим врагом (крики—„д р у г о м!") в течение всей жизни Гос. Думы. Но, господа, мы теперь политические друзья, да и к врагу надо быть справедливым. Ведь, Гучков в 3-й Думе приступил к переустройству русской армии, да еще дезорганизованной маньчжурской неудачей, и он положил первый камень той победы, с которой наша обновленная и возрожденная армия выйдет из настоящей великой борьбы. Мы с Гучковым люди разного типа. Я—старый профессор, привыкший читать лекции, а Гучков—человек действий. И вот теперь, когда я в этой зале говорю с вами, Гучков на улицах столицы организует нашу победу (рукоплескания)... (Вопрос: „А м о р с к о й м и н и с т р?") Пост морского министра, пока мы подыщем достойную кандидатуру, мы также оставим в руках Гучкова. Далее мы дали два места представителям той либеральной группы русской буржуазии, которая впервые в России попыталась организовать общественное представительство рабочего класса (рукоплескания, крики— „г д е о н о?").. господа, это сделало старое правительство.

А. И. Коновалов помог сорганизоваться рабочей группе при Петроградском военно-промышленном комитете, а М. И. Терещенко сделал то же самое относительно Киева... (вопросы с места: „кто Т е р е щ е н к о"?... Да, господа, это имя, которое громко звучит на юге России. Россия велика и трудно везде знать наших лучших людей... („а з е м л е д е л и е?")...

Мы назначили министром земледелия А. И. Шингарева, которому мы думаем обеспечена та общественная поддержка, отсутствие которой обеспечило провал г. Ритиха (Бурные и продолжительные рукоплескания. Вопрос: „а п у т и с о о б щ е н и я?")... На этот другой важный для нашей родины пост мы выдвинули Н. В. Некрасова, товарища председателя Государственной Думы, особенно любимого нашими левыми товарищами... (Оживленные рукоплескания)... Ну вот, кажется, почти все, что вас может интересовать (Вопрос: „А п р о г р а м м а?").

... Я очень жалею, что в ответ на этот вопрос не могу прочесть вам бумажки, на которой изложена эта программа. Но, конечно, я могу и сейчас сказать вам важнейшие пункты... (Шум, громкие крики: „А династия?“)... Вы спрашиваете о династии? Я знаю наперед, что мой ответ не всех вас удовлетворит, но я его скажу. Старый деспот, доведший Россию до полной разрухи, добровольно откажется от престола или будет низложен (Рукоплескания)... Власть перейдет к регенту, Великому Князю Михаилу Александровичу... (Продолжительный шум, рукоплескания, снова шум)... Наследником будет Алексей... (Крики: „Это старая династия“!)... Да, господа, это старая династия, которую может быть не любите вы, а может быть не люблю и я. Но дело сейчас не в том, кто что любит. Мы не можем оставить без ответа и без решения вопрос о форме государственного строя. Мы представляем его себе, как парламентскую и конституционную монархию. Быть может, другие представляют иначе, но теперь, если мы будем об этом спорить, вместо того, чтобы сразу решить, то Россия очутится в состоянии гражданской войны, возродится только что разрушенный режим.

Этого сделать мы не имеем права ни перед вами, ни перед собой. Однако, это не значит, чтобы мы решили вопрос бесконтрольно. В нашей программе вы найдете пункт, согласно которому, как только пройдет опасность и водворится прочный порядок, мы приступим к подготовке созыва Учредительного Собрания (громкие аплодисменты), собранного на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Свободно избранное народное представительство решит, что вернее выразит общее мнение России: мы или наши противники [1]...

РЕЧЬ КЕРЕНСКОГО В СОВЕТЕ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ [2].

Товарищи, я должен сделать вам сообщение чрезвычайной важности. Товарищи, доверяете ли вы мне? (возгласы: „доверяем, доверяем!“).

В настоящий момент образовалось Временное Правительство, в котором я занял пост министра юстиции (бурные аплодисменты, возгласы: браво!) Товарищи, я должен был дать ответ в течение 5 минут и потому не имел возможности получить ваш мандат до решения моего о вступлении в состав Временного Правительства.

Товарищи, в моих руках находились представители старой власти, и я не решился выпустить их из своих рук (бурные аплодисменты, возгласы: правильно!). Я принял сделанное мне предложение и вошел в состав Временного Правительства в качестве министра юстиции (новый взрыв аплодисментов).

---

[1] Произнесена в Таврическом Дворце 2 марта.

[2] Речь произнесена 2 марта в заседании Совета Рабочих Депутатов, во время обсуждения вопроса, об организации Временного правительства. 1 марта было постановлено в правительство Милюкова представителей не посылать и участия в нем не требовать; ограничиться лишь предъявлением к правительству определенных политических требований и осуществлением контроля над выполнением их. Керенский вошел в правительство лишь с санкции конференции Петербургских эс-эров.

Немедленно по вступлении на пост министра, я приказал освободить всех политических заключенных и, с особым почетом, препроводить из Сибири сюда к нам наших товарищей-депутатов, членов социал-демократической фракции четвертой Думы и депутатов второй Думы (бурные аплодисменты, переходящие в овацию). Освобождаются все политические заключенные, не исключая и террористов.

Я занял пост министра юстиции до созыва Учредительного Собрания, которое должно будет, выражая волю народа, установить будущий государственный строй (бурные аплодисменты). До этого момента будет гарантирована полная свобода пропаганды и агитации по поводу формы будущего государственного устройства России, не исключая и республики (бурные аплодисменты).

В виду того, товарищи, что я принял на себя обязанности министра юстиции до получения от вас на это полномочий, я слагаю с себя звание товарища председателя Совета Рабочих Депутатов. Но для меня жизнь без народа немыслима, и я вновь готов принять от вас это звание, если вы признаете это нужным (просим, просим!).

Товарищи, войдя в состав Временного Правительства, я остался тем же, кем был,—республиканцем (шумные аплодисменты). В своей деятельности я должен опираться на волю народа. Я должен иметь в нем могучую поддержку. Могу ли я верить вам, как самому себе? (бурные овации, возгласы: верим, верим, товарищ!). Я не смогу жить без народа и в тот момент, когда вы усомнитесь во мне—убейте меня! (новый взрыв оваций). Я заявлю Временному Правительству, что я являюсь представителем демократии, что Временное Правительство должно особенно считаться с теми мнениями, которые я буду отстаивать в качестве представителя народа, усилиями которого была свергнута старая власть (аплодисменты, возгласы: да здравствует министр юстиции!).

Товарищи, время не ждет! Я призываю вас к организации, к дисциплине, прошу вас поддержать нас, ваших представителей, готовых умереть во имя интересов народа и отдавших ему всю жизнь.

Я полагаю, что вы не осудите меня и дадите мне возможность осуществить все необходимые гарантии свободы до созыва Учредительного Собрания (аплодисменты). Товарищи, позвольте мне вернуться к Временному Правительству и об'явить ему, что я вхожу в его состав с вашего согласия, как ваш представитель (бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Возгласы: да здравствует Керенский!).

ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ РОМАНОВА.

Мы вошли в салон-вагон, ярко освещенный, крытый чем-то светло-зеленым. Тут был Фредерикс, министр двора и еще какой-то генерал.

Через несколько мгновений вышел царь... Поздоровался он с нами скорее любезно, чем холодно, подал руку. Затем, сел сам и просил всех сесть, указав место А. И. Гучкову рядом с собой, около маленького столика, а мне—напротив А. И. Гучкова... В это время вошел Рузский

и, извинившись перед государем, поздоровался с нами и занял место рядом со мной... Началась беседа.

Стал говорить Гучков. Я боялся, что Гучков скажет царю что-нибудь злое, безжалостное. Но этого не случилось. Гучков говорил довольно долго, гладко, даже стройно... Он совершенно не касался прошлого, а изложил только современное положение, стараясь выяснить, до какой бездны мы дошли. Он говорил, не глядя на царя, положив правую руку на стол. Он не видел лица царя и, вероятно, так ему было легче договорить все до конца, и он сказал все до конца, закончив тем, что единственным выходом из этого положения было бы отречение царя от престола в пользу маленького Алексея, с назначением регентом великого князя Михаила...

— Я вчера и сегодня целый день обдумывал и принял решение отречься от престола. До трех часов дня я готов был пойти на отречение в пользу моего сына. Затем, я понял, что расстаться с сыном я неспособен... Вы это, надеюсь, поймете?.. Поэтому я решил отречься от престола в пользу моего брата.

Царь закончил, как бы ожидая ответа. Тогда я сказал:

— Это положение застает нас врасплох. Мы предвидели только отречение в пользу цесаревича Алексея.

Поэтому я просил разрешения поговорить с Гучковым четверть часа, чтобы дать ответ. Царь согласился, но не помню уж как разговор снова завязался, и мы очень скоро сдали эту позицию. Гучков сказал, что не чувствует себя в силах вмешиваться в отцовские чувства и считает невозможным в этой области какое-бы то ни было давление. Мне показалось, что в лице царя промелькнуло слабо выраженное удовлетворение.

Я, с своей стороны, сказал, что желание царя, насколько я могу его оценить, хотя имеет против себя то, что оно противоречит принятому решению, но и за себя имеет также очень многое. При неизбежной разлуке создастся очень трудное, щекотливое положение, так как маленький царь будет все время думать о своих отсутствующих родителях и быть может в душе его будут расти недобрые чувства по отношению к людям, разлучившим его с отцом и матерью. Кроме того, большой вопрос, сможет ли регент принять присягу на верность конституции за малолетнего императора. Между тем такая присяга при настоящих обстоятельствах совершенно необходима для того, чтобы опять не создалось двойственного положения. Это препятствие, при вступлении на престол Михаила Александровича, будет устранено, ибо он может принести присягу быть конституционным монархом.

Таким образом, мы выразили согласие на отречение в пользу Михаила Александровича. После этого царь спросил нас, можем ли мы принять на себя известную ответственность, дать гарантию в том, что отречение действительно успокоит страну и не вызовет каких-либо осложнений. На это мы ответили, что насколько можно предвидеть, мы осложнений не ждем...

Царь встал и ушел в соседний вагон подписать отречение...

— Вот акт отречения. Прочтите.

Мы стали читать вполголоса...

Когда мы прочли и одобрили акт, мне кажется, что произошел обмен рукопожатий, как-будто имевший сердечный характер. Впрочем, в это время я уже был взволнован и потому мог ошибиться. Может быть этого и не было.

Я помню, что когда я в последний раз взглянул на часы, было без 12-ти 12. Поэтому надо думать, что все это событие исторической важности произошло между 11 и 12 часами в ночь на 3 марта.

Я помню, что когда это случилось, у меня мелькнула мысль: „Как хорошо, что было 2 марта, а не 1“...

(Сообщение В. В. Шульгина. „Русск. Слово“, № 53. 8 марта 1917 г.).

АКТ ОТРЕЧЕНИЯ.

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ,
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКИЙ, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКИЙ
и прочая, и прочая, и прочая.

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, господу богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победоносного конца. Жестокий враг напрягает последние силы и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками может окончательно сломить врага.

В эти решительные дни жизни России сочли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы, и, в согласии с Государственной Думой, признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принося в том ненарушимую присягу во имя горячо любимой родины. Призываем всех верных сынов отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему вместе с представителями народа вывести государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет господь бог России.

НИКОЛАЙ.

2 марта 1917 г. 3 часа дня, гор. Псков.

МАНИФЕСТ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне императорский Всероссийский престол в годину беспримерной войны и волнений народных.

Одушевленный единою со всем народом мыслию, что выше всего—благо родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном Собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского.

Посему, призывая благословение божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа.

МИХАИЛ.

3 марта 1917 года, г. Петроград.

ДЕКЛАРАЦИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА [1].

Граждане!

Временный Комитет членов Государственной Думы при содействии и сочувствии столичных войск и населения достиг в настоящее время такой степени успеха над темными силами старого режима, который дозволяет ему приступить к более прочному устройству исполнительной власти...

В своей настоящей деятельности кабинет будет руководиться следующими основаниями:

1) Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям, аграрным преступлениям и т. д.

2) Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек, с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями.

3) Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

4) Немедленная подготовка к созыву, на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, Учредительного Собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

5) Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

---

[1] Опубликована 3/16 марта. Декларация была составлена Временным Правительством, по соглашению с С.-Р. и С. Депутатов.

6) Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

7) Разоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении.

8) При сохранении строгой воинской дисциплины в строю и при несении военной службы—устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам.

Временное Правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления по осуществлению вышеизложенных реформ и мероприятий.

Председатель Гос. Думы М. Родзянко.
Председатель Совета министров кн. Львов.

Министры: Милюков, Некрасов, Коновалов, Мануйлов, Терещенко, Вл. Львов, Шингарев, Керенский.

НА ФРОНТЕ.

— Граждане, солдаты отныне свободной русской армии, мне выпала редкая честь поздравить вас со светлым праздником: цепи рабства разбиты, в три дня, без единой капли крови, русский народ совершил величайшую в истории революцию. Кровавый царь Николай отрекся от престола, царские министры арестованы, Михаил, наследник престола, сам отклонил от себя непосильный венец. Ныне вся полнота власти передана народу. Во главе государства стало Временное Правительство для того, чтобы в возможно скорейший срок произвести выборы во Всероссийское Учредительное Собрание на основании прямого, всеобщего, равного и тайного голосования... Отныне,—да здравствует Русская Революция, да здравствует Учредительное Собрание, да здравствует Временное Правительство...

— Урррааа,—протяжно заревела тысячеголосая толпа солдат...

Перед трибуной на ровном поле с черными и грязными пятнами снега стояли солдаты, тысячи две человек, без оружия, в железных шапках, в распоясанных мятых шинелях и слушали, разинув рты, удивительные слова, которые говорил им багровый, как индюк, барин. Вдалеке, в серенькой мгле, торчали обгоревшие трубы деревни. За ней начинались немецкие позиции...

— Солдаты!—вытянув перед собой руку с растопыренными пальцами, продолжал Николай Иванович...—еще вчера вы были нижними чинами, бессловесным стадом, которое царская ставка бросала на убой... Вас не спрашивали, за что вы должны умирать... Вас секли за провинности и расстреливали без суда... Я, назначенный Временным Правительством, комиссар армий западного фронта, об'являю вам... отныне нет более нижних чинов. Название отменяется. Отныне вы, солдаты, равноправные граждане государства российского: разницы больше нет между сол-

том и командующим армией... Отдача чести солдатом какому-бы то ни было офицерскому чину—отменяется навсегда. Вы можете здороваться за руку с генералом, если вам охота.

— Го, го, го—весело прокатилось в толпе солдат. Улыбался и полковник Тетькин, помаргивая испуганно.

— И, наконец, самое главное: солдаты, прежде война велась царским правительством, нынче она ведется народом—вами. Посему, Временное правительство предлагает вам образовать во всех армиях солдатские комитеты,—ротные, батальонные, полковые и т. д. вплоть до армейских... Отныне солдатский палец будет гулять по военной карте рядом с карандашем главковерха... Солдаты, я поздравляю вас с главнейшим завоеванием революции...

— А скоро замиряться с немцами станем?...

— Третий месяц в окопах гнием... Износились...

Один из солдат, рыжеватый, радостно злой, в шинели в накидку... поймал Николая Ивановича за ремень френча и, бегая кругом глазами, начал спрашивать:

— Господин военный комиссар, вы нам сладко говорили, мы вас сладко слушали... Теперь вы на мой вопрос ответьте... Получил я из деревни письмо, сдохла у меня дома коровешка, сам я безлошадный, и хозяйка моя с детьми пошла по миру, просить у людей куски... Значит, теперь имеете вы право меня расстрелять за дезертирство?—я вас спрашиваю...

— Солдаты,—Николай Иванович поднялся на цыпочки, — здесь происходит недоразумение... Первый завет революции, господа,—это верность нашим союзникам... Свободная, революционная армия со свежей силой должна обрушиться на злейшего врага свободы, на империалистическую Германию...

— А ты сам-то кормил вшей в окопах?..

— Он их сроду не видал...

— Ты нам про свободу не говори, ты нам про войну говори:— мы три года воюем... Это вам хорошо в тылу брюхо отращивать, а нам надо знать, как войну кончать...

— Солдаты,—воскликнул опять Николай Иванович,—знамя революции поднято: свобода и война до последней победы...

— Вот чорт, дурак непонятный...

— Да, мы три года воюем, победы не видали...

— А зачем тогда царя скидывали?..

— Чего на него смотрите, товарищи, он подкупленный...

— Подославный, сразу видно...

Полковник Тетькин, раздвигая локтями солдат, протискивался к Николаю Ивановичу, и видел, как сутулый, огромный черный артиллерист схватил комиссара за грудь и, тряся, кричал в лицо:

— Зачем ты сюда приехал?... Говори—зачем приехал?..

Круглый затылок Николая Ивановича уходил в шею, вздернутая борода металась. Отталкивая солдата, он разорвал ему пальцами ворот рубахи. Солдат, сморщившись, сдернул с себя железный шлем и с силой ударил им Николая Ивановича несколько раз в голову и лицо...

(Ал. Н. Толстой.—„Хождение по мукам").

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ МИР и БРАТСТВО НАРОДОВ.

Воззвание Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов к народам всего мира.

Товарищи пролетарии и трудящиеся всех стран!

Мы, русские рабочие и солдаты, об'единенные в Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, шлем вам наш пламенный привет и возвещаем о великом событии: российская демократия повергла в прах вековой деспотизм царя и вступает в вашу семью полноправным членом и грозною силою в борьбе за наше общее освобождение.

Наша победа, есть великая победа всемирной свободы и демократии. Нет больше главного устоя мировой реакции и жандарма Европы.

Да будет тяжким гранитом земля на его могиле!

Да здравствует свобода!

Да здравствует международная солидарность пролетариата и его борьба за окончательную победу!

Наше дело еще на завершено. Еще не рассеялись тени старого порядка, и немало врагов собирают силы против русской революции. Но все же огромно наше завоевание. Народы России выразят свою волю в Учредительном Собрании, которое будет созвано в ближайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

И уже сейчас можно с уверенностью предсказать, что в России восторжествует демократическая республика.

Русский народ обладает полной политической свободой. Он может ныне сказать свое властное слово во внутреннем распорядке страны и во внешней ее политике.

Мы обращаемся ко всем народам, истребляемым и разоряемым в чудовищной войне. Мы заявляем, что наступила пора начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран.

Наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире.

В сознании своей революционной силы, российская демократия заявляет, что она будет всеми мерами противодействовать захватной политике своих господствующих классов, и она призывает народы Европы к совместным решительным выступлениям в пользу мира.

Мы обращаемся к нашим братьям пролетариям австро-германской коалиции и прежде всего к германскому пролетариату.

С первых дней войны вас убеждали в том, что, поднимая оружие против самодержавной России, вы защищаете культуру Европы от азиатского деспотизма. Многие из нас видели в этом оправдание той поддержки, которую вы оказали войне. Ныне не стало и этого оправдания. Демократическая Россия не может быть угрозой свободе и цивилизации. Мы будем стойко защищать нашу собственную свободу от всяких реакционных посягательств, как изнутри, так и извне. Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силе.

Но мы призываем вас сбросить с себя иго вашего полусамодержавного порядка.

Подобно тому, как русский народ стряхнул с себя царское самовластие, откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров, и дружными об'единенными усилиями мы прекратим страшную бойню, позорящую человечество и омрачающую великие дни рождения русской свободы.

Трудящиеся всех стран! Братски протягивая вам руку через горы братских трупов, через реки неповинной крови и слез, через дымящиеся развалины городов и деревень, через погибшие сокровища культуры, мы призываем вас к восстановлению и укреплению международного единства. В нем залог наших грядущих побед и полного освобождения человечества.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! [1].

ПРИЕЗД ЛЕНИНА

(3 апреля 1917 г.).

Поезд тем временем незаметно подходит к Петрограду. Вот наш вагон уже втянулся под навесы длинных пассажирских платформ. Вдоль этой платформы, к которой подходит наш поезд, по обеим ее сторонам, оставляя широкий проход в середине, выстроились матросы 2 Балтийского флотского экипажа. Командир экипажа Максимов, молодой офицер из прапорщиков флота... выступает вперед, пересекает путь т. Ленину и произносит приветственную речь. Он заканчивает ее курьезным выражением надежды, что т. Ленин войдет в состав Временного Правительства. На наших лицах появляются улыбки.—„Ну,—думаю,—покажет вам Ленин участие во Временном Правительстве. Не обрадуетесь!“... В ответ на пожелание о вступлении в состав Временного Правительства, тов. Ленин громко бросает боевой лозунг: „Да здравствует социалистическая революция!“

На вокзале масса народу. Преобладает рабочая публика.

Тов. Ленин проходит в „парадные покои“ Финляндского вокзала, где его приветствуют представители Петроградского Совета. Он кратко отвечает, снова заканчивает свои слова восклицанием: „Да здравствует социалистическая революция!“

Наконец, с тем же лозунгом, он обращается к тысячной толпе, собравшейся на площади перед вокзалом, чтобы приветствовать старого вождя российского пролетариата.

Эту речь т. Ленин произносит, стоя на броневике.

Целый ряд закованных в сталь автомобилей вытянулся у Финляндского вокзала. Лучи их прожекторов прорезают вечернюю темноту и бросают длинные снопы света вдоль улиц Выборгской стороны.

---

[1] Воззвание принято Петроградским Советом Раб. и Солд. Депутатов 14/27 марта, опубликовано в № 15 „Изв. Петр. Сов. Раб. и Солд. Депут.“—31/28 марта 1917 г.

Тов. Ленин уезжает в цитадель большевизма, бывший дом фаворитки Кшесинской, после февральской революции занятый нашими руководящими партийными учреждениями...

Вокруг дома Кшесинской мы застали огромную толпу рабочих и солдат, внимательно слушавших горячую речь Ленина, произносимую им с балкона второго этажа. Он говорил о развитии и перспективах мировой революции.

„В Германии—кипит. В Англии правительство держит в тюрьме Джона Маклина"—доносились до меня слова Ильича.

Тов. Рошаль поднялся на балкон и от имени кронштадцев приветствовал Ленина. Ильич ответил краткой речью...

Затем все снова вернулись в комнаты, где непрерывно происходила встреча старых друзей, разлученных годами тюрьмы и эмиграции, и знакомство новых работников, выросших в эпоху „Звезды" и „Правды"—с ветеранами революции и большевизма... Вскоре все присутствующие спустились вниз, в большую комнату с роялем и примыкающим к ней зимним садом, где прежде была фешенебельная гостиная балерины, а теперь обычно происходили многолюдные заседания рабочих. Здесь состоялось чествование Ильича. Один за другим выступали ораторы, выражая чувство глубочайшей радости по поводу возвращения в Россию закаленного вождя партии.

Ильич сидел и слушал все речи с полуулыбкой и нетерпеливо ждал конца.

Когда список ораторов был исчерпан, Ильич сразу ожил, поднялся и приступил к делу.

Он решительным образом напал на тактику, которую проводили руководящие партийные группы и отдельные товарищи до его приезда. Он едко высмеял пресловутую формулу поддержки Временного правительства „постольку, поскольку", и провозгласил лозунг: „Никакой поддержки правительству капиталистов", одновременно призывая партию к борьбе за передачу власти в руки советов, за социалистическую революцию.

На нескольких ярких примерах Ленин блестяще доказал всю фальшь политики Временного правительства, вопиющие противоречия между его обещаниями и делами, словами и фактами, подчеркивая нам долг беспощадного разоблачения его, по существу, контр-революционных и анти-демократических поползновений и действий. Речь тов. Ленина длилась около часа. Аудитория застыла в напряженном и неослабном внимании. Здесь были представлены наиболее ответственные работники. Но и для них речь Ильича явилась настоящим откровением. Она положила рубикон между тактикой вчерашнего и сегодняшнего дня.

Тов. Ленин ясно и отчетливо поставил вопрос: „Что делать?" и от полупризнания, полуподдержки правительства призвал к непризнанию и непримиримой борьбе.

Конечно, торжество Советской власти, мерещившееся многим в туманной дали более или менее неопределенного будущего, тов. Ленин перевел в плоскость неотложного и в ближайшем времени достижимого

завоевания революции. Эта речь была в полном смысле исторической. Здесь тов. Ленин впервые изложил свою политическую программу, позже формулированную в известных тезисах. Эта речь произвела Октябрьскую революцию в сознании руководителей партии и легла в основу всей дальнейшей работы большевиков...

(Р. Раскольников.—„Приезд тов. Ленина в Россию", см. „Пролетарск. Рев." № 1/13)

НОВАЯ ТАКТИКА БОЛЬШЕВИКОВ.

(Тезисы Ленина) [1].

1. В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К° безусловно остается грабительской империалистской войной, в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки „революционному оборончеству".

На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала.

В виду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, в виду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо раз'яснять им их ошибку, раз'яснять неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильническим, миром нельзя без свержения капитала.

Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии.

Братанье.

2. Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата,—ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия сейчас самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма.

---

[1] Доклад Ленина на собрании фракции большевиков, делегатов всероссийского совещания Советов Р. и С. Депутатов,—4 апр. 1917 г. В тот же день доклад был повторен на собрании большевистских и меньшевистских делегатов желавших обсудить вопрос об об'единении РС-ДРП.

Это своеобразие требует от нас уменья приспособиться к особым условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политичйской жизни, масс пролетариата.

3. Никакой поддержки Временному правительству, раз'яснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии, „требования", чтобы это правительство, правительство капиталистов, перестало быть империалистским.

4. Признание факта, что в большинстве Советов Рабочих Депутатов наша партия в меньшинстве и пока в слабом меньшинстве перед блоком всех мелкобуржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат, элементов от Н.-С., С.-Р. до О. К. (Чхеидзе, Церетелли и пр.), Стеклова и проч. и проч.

Раз'яснение массам, что Советы Рабочих Депутатов есть единственно возможная форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей , пока это правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, раз'яснение ошибок и тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей Государственной власти к Советам Рабочих Депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок.

5. Не парламентарная республика,—возвращение к ней от Советов Рабочих Депутатов было бы шагом назад,—а республика Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов по всей стране, снизу до верху.

Устранение полиции, армии, чиновничества.

Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

6. В аграрной программе перенесение центра тяжести на Совет Батрацких Депутатов.

Конфискация всех помещичьих земель.

Национализация всех земель в стране, распоряжение землею местными Сов. Батр. и Крест. Депутатов. Выделение Советов Депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере около 100 дес. до 300, по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцового хозяйства под контролем Батрацких Депутатов и на общественный счет.

7. Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны Совета Рабочих Депутатов.

8. Не „введение" социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны Совета Рабочих Депутатов за общественным производством и распределением продуктов.

9. Партийные задачи.

а) немедленный с'езд партии;

б) перемена программы партии, главное:

1) об империализме и империалистской войне,

2) об отношении к государству и наше требование „Государства Коммуны“,

3) исправление отсталой програмы-минимум;

в) перемена названия партии [1].

10) Обновление Интернационала.

Инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против социал-шовинистов и против „центра“.

НОТА МИЛЮКОВА.

(Нота союзным Державам, 18 апр. 1917 г.) [2].

Министр иностранных дел телеграммою от 18 апреля 1917 года поручил Российским представителям при союзных державах передать правительствам, при коих они аккредитованы, нижеследующую ноту:

„27 марта с. г. Временное правительство опубликовало обращение к гражданам, в котором содержится изложение взглядов Правительства свободной России на задачи настоящей войны. Министр иностранных дел поручает мне сообщить вам означенный документ и высказать при этом следующие замечания.—Враги наши в последнее время старались внести раздор в межсоюзные отношения, распространяя вздорные сообщения, будто Россия готова заключить сепаратный мир с срединными монархиями—Текст прилагаемого документа лучше всего опровергает подобные измышления. Вы усмотрите из него, что высказанные Временным правительством общие положения вполне соответствуют тем высоким идеям, которые постоянно высказывались, вплоть до самого последнего времени, многими выдающимися государственными деятелями союзных стран, и которые нашли себе особенно яркое выражение со стороны нашего нового союзника, великой заатлантической республики, в выступлениях ее президента. Правительство старого режима, конечно, не было в состоянии усвоить и разделить эти мысли об освободительном характере войны, о создании прочных основ для мирного сожительства народов, о самоопределении угнетенных национальностей и т. п. Но Россия освобожденная может в настоящее время заговорить языком понятным для передовых демократий современного человечества, и она спешит присоединить свой голос к голосам своих союзников. Проникнутые этим новым духом освобожденной демократии, заявления Временного правительства, разумеется, не могут подать ни малейшего повода думать, что совершившийся переворот повлек за собой ослабление роли России в

---

[1] Тогда же Ленин предложил назвать партию „Коммунистической“.

[2] Под давлением Совета Р. и С. Депутатов Временное правительство обратилось к союзным правительствам с декларацией о „целях войны“, на основе формулы „мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения национальностей“. Эта декларация сопровождалась нотой Милюкова, говорившей о „войне до победного конца“. 20—22 апр., когда содержание ноты стало известно рабочим и солдатам, произошли демонстрации против Временного правительства. 27 апр. состоялась отставка Милюкова.

общей союзной борьбе. Совершенно напротив, всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось, благодаря сознанию общей ответственности всех и каждого. Это стремление стало более действенным, будучи сосредоточено на близкой для всех и очередной задаче—отразить врага, вторгнувшегося в самые пределы нашей родины. Само собой разумеется, как это и сказано в сообщаемом документе, Временное правительство, ограждая права нашей родины, будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников. Продолжая питать полную уверенность в победоносном окончании настоящей войны, в полном согласии с союзниками, оно совершенно уверено и в том, что поднятые этой войной вопросы будут разрешены в духе сознания прочной основы для длительного мира и что проникнутые одинаковыми стремлениями передовые демократии найдут способ добиться тех гарантий и санкций, которые необходимы для предупреждения новых кровавых столкновений в будущем".

ВОСЕМНАДЦАТОЕ ИЮНЯ.

Вечером Исполнительный Комитет [1] собрался снова в Таврическом Дворце. Было довольно много народа. Делегаты делали доклады о своих посещениях ненадежных мест. Доклады все были оптимистического свойства. Настроение всюду было „лойяльное", эксцессов не предполагалось, оружия брать не собирались... Церетелли, под влиянием благоприятных сообщений, вдруг торжественно обратил гневно назидательную речь к большевикам—в частности, к Каменеву:

— Вот, теперь перед нами открытый и честный смотр революционных сил. Завтра будут манифестировать не отдельные группы, а вся рабочая столица не против воли Совета, а по его приглашению. Вот, теперь мы все увидим, за кем идет большинство—за вами или за нами. Это не подстроенные действия исподтишка, а состязание на открытой арене. Завтра мы увидим.

Каменев скромно молчал...

На другой день, в воскресенье, 18 июня я вышел из дома часу в двенадцатом. Участвовать в шествии я, по обыкновению, не предполагал,—хотя было решено, что с'езд пойдет в полном составе... Я направился неподалеку, к Горькому. Может быть, он или кто-нибудь из близких литературных людей, пойдет со мною посмотреть на манифестацию. Но из литературных людей никого на-лицо не было. А Горький заявил:

— Манифестация не удалась. Мне говорили из нескольких мест. Ходят мелкие кучки. На улицах пусто. Нечего смотреть. Не пойду...

Я пошел один, направляясь к Марсову полю... навстречу мне двигались густые колонны.

— Большевистская!—подумал я, взглянув на лозунги знамен...

---

[1] I Всеросс. С'езд Советов.

Колонны шли быстро и густо. О „неудаче“ не могло быть речи. Но было некоторое своеобразие этой манифестации. Не было заметно ни энтузиазма, ни праздничного ликования, ни политического гнева. Массы позвали, и они пошли. Пошли все—сделать требуемое дело и вернуться обратно... На всей манифестации был д е л о в о й налет. Но манифестация была грандиозна... в ней попрежнему участвовал весь рабочий и солдатский Петербург.

— Опять большевики,—отмечал я, смотря на лозунги,—и там, за этой колонной идет тоже большевистская...

— Как будто, и следующая тоже,—считал я дальше, вглядываясь в двигавшиеся на меня знамена и в бесконечные ряды, уходящие к Михайловскому замку, вглубь Садовой.

— „Вся власть Советам!“ — „Долой министров-капиталистов!“ — „Мир хижинам, война дворцам!“

Так твердо и увесисто выражал свою волю авангард российской и мировой революции, рабоче-крестьянский Петербург... Кое-где цепь большевистских знамен и колонн прерывалась специфическими эс-эровскими и официальными, советскими лозунгами. Но они тонули в массе; они казались исключениями, нарочито подтверждающими достоверность правила...

— „Вся власть советам!“ — „Долой десять министров-капиталистов!“... Скромный, но хорошо понимающий политику, „глава правительства“, премьер-министр Львов, по поводу этого лозунга в частных разговорах пожимал плечами:

— Не понимаю, чего они хотят! Они сами не знают, чего хотят. „Десять министров-капиталистов!“... Но у нас в правительстве всего д в а капиталиста—Терещенко и Скобелев!

Глядя на мирно-ступающие боевые колонны революционной армии, казалось, что коалиции уже пропета отходная, что она уже ликвидирована, что господа министры, по случаю явного народного недоверия, сегодня же очистят место, не дожидаясь, пока их попросят более внушительными средствами...

Я вспоминал вчерашний задор слепца-Церетели. Вот оно,—состязание на открытой арене! Вот он честный смотр сил на легальной почве, на общественной манифестации!..

Ровно два месяца назад, 18 апреля, состоялся грандиозный первомайский смотр революционных сил. Это был праздник, торжество революции... В тот же день, 18 апреля, из тайников министерских кабинетов ей наносился предательский удар: Милюков писал свою знаменитую ноту, утверждавшую старую царистскую программу войны, сводившую на-нет всю борьбу, всю победу, все значение демократии.

Теперь через два месяца, 18 июня снова состоялся грандиозный смотр рабоче-солдатской революционной армии. Он также свидетельствовал о новых достижениях, об огромном движении вперед, о под'еме революции на новые высоты. И в тот же день ей наносили новый пре-

дательский удар... Как и два месяца назад, о нем в этот день в столице еще ничего не знали...

Предательство 18 июня совершилось не в кабинете. Его ареной были бесконечные равнины и поля, а его действенными участниками— бесчисленные невинные жертвы.

Дня два-три тому назад в газетах было напечатано странное сообщение: военный и морской министр Керенский отбыл в Казань!.. Но Керенский поехал не в Казань. В день манифестации, 18 июня, он на фронте повел в наступление революционные полки.

Свершилось! Союзный капитал мог праздновать долгожданную и огромную победу. Всеевропейская каннибальская кампания завершилась счастливым концом. Русская революция, с высоты англо-французской биржи, могла казаться совершенно аннулированной...

(Ник. Суханов.—„В июне 1917". См. „Красная Новь". Кн. II. 1922 г.).

3—5 ИЮЛЯ [1].

Еще 3 июля по городу пролетел слух о колебаниях коалиционного министерства, о нерешительности в такой момент меньшевиков и эс-эров.

На заводах, в казармах и улицах, в рабочих кварталах начались бурные обсуждения всех этих вопросов.

Кроме того, в отдельных частях солдаты и рабочие начали вооружаться, занимать автомобили, ставили туда нулеметы и двинулись на Невский.

Вся „чистая" публика с Невского, как только появились автомобили с вооруженными солдатами и красногвардейцами, пропала.

Вооруженные автомобили бродили всю ночь. Также всю ночь происходили совещания представителей заводских, войсковых и других комитетов.

Все в один голос заявляли, что оценивая момент и рост недовольства масс, необходимо, несмотря ни на какие возможные запрещения,— демонстрацию организовать. Необходимо, чтобы все прошло наиболее организованно и по возможности без кровопролития.

За полночь в этом смысле была принята резолюция, а с раннего утра началась организация демонстрации.

С 10 — 11 часов из районов потянулась огромная вооруженная демонстрация рабочих и солдат по направлению к Государственной думе. Делегаты от заводов и воинских частей стали являться в Совет, в то время заседавший в Таврическом дворце, с решительным требованием взять Совету власть в свои руки.

---

[1] В демонстрации 3—5 июля Временное п—во и соглашательский Совет Р. и С. Депутатов увидели „большевистский заговор". На большевиков посыпались инсинуации о подкупе на германское золото. Троцкий, Каменев, Луначарский, Коллонтай и др. были схвачены и посажены в тюрьму. Ленину и Зиновьеву удалось во время скрыться. Большевистские газеты были закрыты, и редакция „Правды" разгромлена.

По районам движение обрисовывалось так: 3 июля в 9 часов вечера по Большому проспекту Петроградской стороны промчалось несколько автомобилей с пулеметами.

Обыватели недоумевали. В 11 часов ночи всюду на улицах были вооруженные команды солдат и значительные кучки народа, обсуждавшие положение; однако, никто не знал, какая организация или партия вызывает на улицу.

Стихийный характер движения стал выясняться сразу...

Многие обрадовались, когда стало известно что ЦК РС-ДРП (Больш.) решил поддержать движение и призвать к мирному выступлению с требованием передачи всей власти Советам.

В это время Большой проспект уже пересекала манифестация рабочих завода „Вулкан"; на мосту их приветствовала масса автомобилей с пулеметами и вооруженными командами солдат... Манифестация двинулась к Невскому.

Невский был заполнен солдатами и рабочими.

Около 12 часов ночи, когда Гренадерский полк проходил около Гостиного и Публичной библиотеки, откуда-то была открыта стрельба.

Солдаты залегли, публика бросилась бежать.

Были раненые и убитые.

Вскоре стрельба прекратилась. Тут подошли рабочие Путиловского завода вооруженной стройной, гигантской колонной. К ним присоединилась вся остальная масса демонстрантов с тем, чтобы направиться к Таврическому дворцу и требовать перехода всей власти к Совету Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и ухода всех министров—капиталистов.

4 июля массовые демонстрации начались с утра.

В 12 часов дня пришли войска из Кронштадта. Отряды матросов чередовались с отрядами солдат. За ними шли огромные манифестации рабочих...

Вдруг совершенно неожиданно по кронштадтцам из углового дома, в котором помещалась контора „Вечернего Времени", или из соседнего с ним, раздалась беспорядочная и частая стрельба... Против дома Елисеева демонстрация снова была обстрелена с крыш. Дальнейший обстрел рабоче-солдатская демонстрация выдержала у Литейного проспекта. Здесь, самообороняясь, солдаты открыли огонь по домам...

Все эти единичные провокаторские покушения на массовую демонстрацию, всюду проходившую в порядке и спокойствии, закончились вечером на Литейном проспекте кровавой схваткой между казаками и солдатами-пулеметчиками и 1-м запасным полком... Казаки выстрелили из орудий, солдаты ответили залпом, с Литейного моста подоспел вооруженный автомобиль, открывший огонь по казакам. Казаки, очутившись под перекрестным огнем, разбежались. Были убитые и раненые...

К вечеру, когда положение определилось в том смысле, что никакие делегации и никакие демонстрации не могли убедить эс-эро-меньшевистский Совет взять власть в свои руки и наоборот Совет, вместе с Временным правительством, стал рассматривать обращение к нему трудящихся масс, как движение „противореволюционное", как движение

„меньшинства против большинства демократии", когда выяснилось, что меньшевики и эс-эры из Совета окончательно об'единились в своей оценке июльских событий с буржуазией, а с фронта были экстренно вызваны еще в то время, „надежные" кавалерийские части—ЦК РС-ДРП (больш.) решил демонстрацию прекратить.

Время для настоящего захвата власти, для настоящего вооруженного восстания еще не наступило...

(К. Шелавин.—„Июльское дело". См. сб. „3-го—5-го июля 1917 г.").

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ В МОСКВЕ.

(Декларация большевиков, членов делегации на Государственном совещании 12—14 августа [1]).

Смертельная опасность грозит делу революции: помещики и буржуазные партии готовят рабочим, солдатам и крестьянской бедноте кровавую расправу, собираются восстановить неограниченное угнетение и насилие над народными массами, целиком вернуть себе власть над ними.

В этот час правительство, называющее себя правительством „спасения революции", не выступает против контр-революции, против партий, отстаивающих восстановление помещичье-буржуазной кабалы и требующих продолжения разбойничьей войны. Наоборот, оно призывает от'явленных контр-революционеров на государственное совещание в Москву, обеспечивает им там подавляющее большинство, собирается окончательно договориться с ними и открыто опереться на них в дальнейшей своей работе. Клейменных врагов народа Временное правительство всенародно признает спасителями страны, могильщиков революции об'является ее живыми силами. Так, Временное правительство подводит итог всей своей политике, направленной на борьбу с рабочими, газеты и организации которых оно громит, на борьбу с солдатами, которых оно одарило восстановлением смертной казни, на борьбу с крестьянами, которым оно не дает земли.

Временное правительство само стало орудием контр-революции и международной реакции. Оно созвало Московское совещание, чтобы здесь почерпнуть новые силы для нового подхода на все завоевания революции...

Московское совещание показывает самым широким слоям городской и крестьянской бедноты, что необходима энергичная борьба против контр-

---

[1] Отношение московского пролетариата к государственному совещанию было резко отрицательное. Вопреки постановления соглашательского московского Совета Р. и С. Депутатов,—в день открытия государственного совещания, 12 августа вспыхнула забастовка протеста, охватившая почти все заводы и фабрики Москвы.—На совещании выступили генералы Корнилов, Алексеев, Каледин с явно контр-революционными речами. Тем не менее „представители революционной демократии" в лице Керенского и Церетелли поддержали их, как „живые силы страны", сплочение которых необходимо для „спасения родины и революции". В это время к Москве подходил „неизвестно кем вызванный", по словам Керенского, Оренбургский казачий полк, а к Петербургу, из Финляндии,—корпус кн. Долгорукого.

революции; рабочий класс—надежный страж и оплот революции—первый заявил свой открытый протест против московского смотра контр-революционных сил, организованного Временным правительством. Всеобщая забастовка московского пролетариата выражает мысль и волю всего сознательного пролетариата России, разгадавшего игру контр-революции. Боевому кличу мобилизовавшейся буржуазии рабочий класс противопоставил свой лозунг пролетарско-крестьянской революции.

Мы, члены революционной партии пролетариата, явились сюда не для того, чтобы вступать в переговоры с врагами революции, а для того, чтобы протестовать от имени рабочих и беднейших крестьян против созыва контр-революционного собора, чтобы разоблачить перед всей страной истинный его характер. Но нам решили закрыть рот, и это решение проведено при содействии с.-р. и меньшевиков из советского большинства. Однако, мы уверены, что наш голос и наш протест дойдут до народных масс, которые все более сплачиваются вокруг нас, вокруг революционной партии пролетариата. От имени его мы заявляем: пролетариат не допустит торжества буржуазных насильников. Пролетариат доведет революцию до конца, обеспечит крестьянам—землю, народу—мир, хлеб и свободу.

Российский пролетариат, сообща с международным пролетариатом, положит конец господству капитала над порабощенным человечеством.

Большевики Делегаты от Городского Самоуправления.
Большевики Делегаты от Профессиональных Союзов.
Большевики Члены делегации рабочих кооперативов.
Большевики Представители Комитетов Общественных Организаций.
Большевики Делегаты Союза городских служащих.
Большевики Делегаты Армейского и Флотского Комитетов.
Большевики Члены Делегации Ц. И. К. Советов, не допущенные на Совещание.

КОРНИЛОВЩИНА.

Не помню точно, когда именно, но рано утром прибегает начальник типографии. Лицо взволновано, движения порывисты.

Ну, думаем, что-нибудь новое...

И верно. Не прошло и полчаса после его прихода, как дежурный собирает собрание. Собрались.

Пришел начальник, вежливо поздоровался и сказал:

„Друзья, дело дрянь: сегодня ночью Керенский уехал из ставки, а командование временно сдал Духонину. В двадцати верстах в южном направлении города двигается генерал Корнилов с дивизией терских казаков и тремя батальонами ударников, который, по моему личному взгляду, идет с намеченной целью: занять ставку и провозгласить себя диктатором. Без драки не обойдется".

Поняв, что царский генерал едет с тем, чтобы восстановить прежнее, мы, как один, сказали:

„Лучше умрем под пулями и шашками терцев, чем покоримся Корнилову".

На другой день город был об'явлен на осадном положении. Но так как в городе гарнизон состоял только из одного батальона для несения караульной службы при ставке, а Корнилов шел, как я указывал выше, с дивизией терцев и тремя батальонами ударников, то о сопротивлении не могло быть и речи.

Спустя два дня после нашего собрания, в обеденный перерыв один из наших дежурных прибегает в типографию бледный, запыхавшись, и, еле переводя дух, говорит:

— Едут с музыкой, страшные.

Мы вскочили, как полоумные, окружили прибежавшего и спрашиваем:

— Кто, с какой музыкой?

— Корнилов на белой лошади впереди, а сзади терцы с пиками,— отвечает он.

Как обухом, ударил он нас этими словами. Минут двадцать стояли мы молча, переглядываясь. Наконец, некоторые из нас, более любопытные, побежали посмотреть, что делается в городе, а остальные разошлись по кучкам и стали оживленно беседовать и предполагать, что будет дальше. Кто говорил, что он нас перебьет, кто говорил, что опять „будет Николай". Вообще же говорили разное. Наконец, все разошлись по своим местам, но до самого вечера разговор на эту тему не прекращался.

На следующий день, в три часа утра, раздается тревожный свисток дежурного.

Вскакиваем, бежим в типографию (она была в другом флигеле). Видим, стоит начальник с бумажкой в руках. В ней приблизительно говорилось следующее:

„Всем, всем, всем.

Я, генерал Корнилов, уличаю Временное правительство во главе с Керенским в тайном заговоре с германским генеральным штабом, а посему я, как истинно русский, защищая родную страну, волею бога беру верховное командование и временное управление страной на себя, а Временное правительство об'являю вне закона" [1].

Прочтя эту бумажку, начальник говорит:

— Товарищи, мне приказано сейчас же этот заказ исполнить и часть его сдать к 6 часам утра в штаб. Вы будете его набирать?

Мы, как окаменелые, стояли, не зная, что на это ответить.

---

[1] Корнилов обратился к народу со следующим об'явлением: „Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час кончины. Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство, под давлением большевистского большинства советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба, одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на рижском побережьи. Убивает армию и потрясает страну внутри... Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь, путем победы над врагом, довести народ до Учредительного Собрания"...

Тогда он сам заговорил:

— Конечно, это между нами будет: но я со своей стороны не посоветовал бы вам.

Поговорив между собою, хорошенько взвесив, мы пришли к заключению. И велели начальнику это воззвание снести обратно и сказать, что мы отказываемся его исполнить.

Но весь город был на осадном положении, и солдату, не исполнившему боевой приказ, грозил расстрел. Зная это и вообще зная, что Корнилов нас не помилует, мы стали приготовляться к смерти, продали все лишнее, писали письма родным и передавали их жителям города, чтобы они, по возобновлении почтовых сношений, отправили их.

В этот же день, часов в 12, приходит начальник, которого мы с нетерпением ждали. Он собрал нас и говорит:

— Я передал ваше решение Бонч-Бруевичу (начальнику штаба), который долго говорил с Корниловым по этому поводу, но последний, несмотря на уговоры начальника штаба, приказал „расстрелять"...

(С. Шленов—„Пять лет назад". См. Сб. „5-й Октябрь").

ПРЕДПАРЛАМЕНТ.

(Тезисы Ленина [1]).

1) Участие нашей партии в „предпарламенте" или „Демократическом Совете", или „Совете Республики" есть явная ошибка и отступление от пролетарски-революционного пути.

2) Об'ективное положение таково, что в стране, несомненно, нарастает революция против бонапартистского правительства Керенского (крестьянское восстание, усиление недовольства и конфликтов с правительством в армии и среди национальных групп, конфликт с железнодорожниками и почтовыми служащими, полный крах соглашателей меньшевиков и эс-эров на выборах и пр.).

3) При таком нарастании революции итти в поддельный парламент, подтасованный для обмана народа, значит облегчать этот обман, затруднять дело подготовки революции, отвлекать внимание и силы партии от насущной задачи борьбы за власть и за свержение правительства.

4) С'езд партии должен поэтому отозвать членов нашей партии из предпарламента, об'явить бойкот его, призвать народ к подготовке сил для разгона этой церетелиевской „булыгинской думы".

---

[1] Тезисы выработаны Лениным для Петроградской Общегородской Конференции и наказа делегатам на партийный с'езд.
Открытие Предпарламента состоялось 7/20 октября.

КАНУН ОКТЯБРЯ.

На ряду с организационной работой шла бурная агитация. Это был период непрерывных митингов на заводах, в цирках „Модерн“ и „Чинизелли“, в клубах, в казармах. Атмосфера всех митингов и собраний была насыщена электричеством. Каждое упоминание о восстании встречалось бурей аплодисментов и кликами восторга. Буржуазная печать усугубляла настроение всеобщей тревоги. Подписанный мною ордер Сестрорецкому оружейному заводу о выдаче пяти тысяч винтовок красной гвардии вызвал неописуемую панику в буржуазных кругах. Повсюду говорили и писали о подготовляющейся всеобщей резне... Становилось все яснее для обеих сторон, что кризис должен разрешиться в течение ближайших дней.

Здание Смольного находилось в этот период уже всецело в распоряжении Петроградского Совета и нашей партии. Меньшевики и правые соц.-рев. перенесли свою политическую деятельность в Мариинский дворец, где едва родившийся предпарламент доживал свои последние дни. Керенский выступил в предпарламенте с большой речью, в которой, под бурные аплодисменты буржуазного крыла, пытался за крикливыми угрозами скрыть свое бессилие. Штаб сделал последнюю попытку сопротивления. Он разослал всем частям гарнизона приглашение прислать по два делегата от каждой части для переговоров о выводе войск из столицы. Совещание было назначено на час дня 22 октября. Из полков нам немедленно дали знать об этом приглашении. По телефону мы созвали гарнизонное совещание на 11 час. утра. Часть делегатов все же попала в штаб, но только для того, чтобы заявить, что без решения Петроградского Совета они не двинутся никуда... Попытка штаба только ярче обнаружила, что у нас под ногами твердая почва. В первом ряду стоял Волынский полк, тот самый, который ночью 4 июля, под звуки своего оркестра, вступил в Таврический дворец для усмирения большевиков...

День 22 октября стал днем смотра сил пролетарской армии. Он во всех отношениях прошел прекрасно... Народные массы валом валили на митинги Петроградского Совета... Все общественные помещения были заполнены. Митинги шли непрерывно в течение ряда часов. Выступали ораторы нашей партии, с'езжавшиеся на Советский С'езд делегаты, представители фронта, левые соц.-рев. и анархисты...

Десятки тысяч народа омывали волнами здание Народного Дома, перекатывались по коридорам, заполняли залы. На железных колоннах висели огромные гирлянды человеческих голов, рук, как гроздья винограда. В воздухе царило то электрическое напряжение, которое знаменует наиболее критические моменты революции. „Долой правительство Керенского! Долой войну! Вся власть Советам!“ Никто из среды прежних советских партий уже не решался выступить перед этими колоссальными толпами со словами возражения. Петроградский Совет господствовал безраздельно. Кампания была уже в сущности выиграна. Оставалось нанести призрачной власти последний военный удар...

Смольный был превращен в крепость. На чердаке его имелось еще, как наследство от старого Центрального Комитета, десятка два пулеметов, но за ними не было ухода... Нами был вызван в Смольный дополнительный пулеметный отряд. Рано утром по каменным полам длинных и полутемных коридоров Смольного солдаты с грохотом катили свои пулеметы. Из дверей высовывались недоумевающие или испуганные лица оставшихся еще в Смольном немногочисленных соц.-рев. и меньшевиков...

На третьем этаже Смольного, в небольшой угловой комнате непрерывно заседал Военно-Революционный Комитет. Там сосредоточивались все сведения о передвижении войск, о настроении солдат и рабочих, об агитации в казармах, о выступлении погромщиков, о совещании буржуазных политиков, о жизни Зимнего дворца, о замыслах прежних советских партий. Осведомители являлись со всех сторон. Приходили рабочие, офицеры, дворники, социалистические юнкера, прислуга, дамы. Многие приносили чистейший вздор, другие давали серьезные и ценные указания. Надвигалась решительная минута. Было ясно, что назад возврата нет.

24 октября вечером Керенский явился в предпарламент и потребовал одобрения репрессивным мерам против большевиков. Но предпарламент находился в состоянии жалкой растерянности и полного распада. Кадеты склоняли правых соц.-рев. принять резолюцию доверия, правые соц.-рев. давили на центр, центр колебался, „левое“ крыло вело политику парламентской оппозиции. После совещаний, споров, колебаний прошла резолюция левого крыла, в которой осуждалось мятежное движение Совета, но ответственность за движение возлагалась на антидемократическую политику правительства...

Самой тревожной была ночь с 24 на 25 октября. По телефону нам сообщили из Павловска, что правительство вызывает оттуда артиллеристов, из Петергофа—школу прапорщиков. В Зимний дворец Керенским были стянуты юнкера, офицеры и ударницы. Мы отдали распоряжение выставить на всех путях к Петрограду надежные военные заслоны и послать агитаторов навстречу вызванным правительством частям. Если не удержать словами—пустить в ход оружие...

В течение этой решающей ночи все важнейшие пункты города перешли в наши руки—почти без сопротивления, без боя, без жертв...

(Л. Троцкий—„Октябрьская революция“).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Октябрьская революция.

(1917—1922 г.г.).

ЗАВЕТ.

Нужно быть прямым, суровым
И стойким до конца.
И, как боец, могучим словом
Воспламенять сердца.
Нужно быть бесстрашным коммунаром,
Час битвы—впереди...
И перед вражеским ударом
Не отклонять груди.
Нужно знать, что даром не дается
Над темной жизнью власть,
Нужно знать, что, может быть, придется
Сраженным в битве пасть.
Нужно даль бесстрашным взором мерить
Сквозь грозные года
И, умирая, безз ветно верить
В бессмертие труда.

(Маширов—Самобытник).

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ ОКТЯБРЯ.

Цепи с каждым часом все ближе и ближе подходили к площади Зимнего дворца и становились все гуще и гуще. К 6 часам Зимний был словно окутан в солдатских цепях. Солдаты и матросы все ближе и ближе подползали к нему цепью, оставляя за собою резервные узлы. Перебежкою они последовательно занимали все, исходные для штурма Зимнего, углы улиц и прикрытия—по Адмиралтейской и Дворцовой набережным, по Морской улице, по Невскому проспекту, Конногвардей-

скому бульвару. Эти, пересеченные горизонталями, вертикальные радиусы человеческой массы шли от решетки сада Зимнего дворца, находившейся уже в наших руках, от победной арки, замыкающей выход с Морской улицы на площадь Зимнего дворца, от канавок у Эрмитажа, от головы Александровского сада, выходящего на площадь Зимнего дворца, от углов Адмиралтейства и Невского.

Юнкера, забаррикадировавшись штабелями дров у ворот дворца, зорко следили за движениями наших головных цепей и всякое передвижение их встречали ружейным и пулеметным огнем.

На Миллионной, на набережных, открытых огню, наши солдаты занимали каждую впадину и казались влитыми в гранитные стены.

Везде было напряжение и ожидание великой минуты штурма...

Уже к трем часам положение Временного Правительства было безвыходное... Уже все вокзалы, телефоны, телеграф, электрическая станция, водопровод находились в наших руках...

Несколько мгновений... И, впервые после схватки декабристов с самодержавием, почти после столетнего молчания, на улицах Петербурга завизжали ядра орудий, но не против народа, а за народ.

Несколько гранат разорвалось в коридорах Зимнего. Колебаниям был положен конец. Матросы, красногвардейцы, солдаты, под пулеметную перекрещивающуюся трескотню, перелетели через баррикады у Зимнего, смяли их защитников и ворвались в ворота Зимнего... Двор занят... Летят на лестницы... На ступенях схватываются с юнкерами... Опрокидывают их... Бросаются на второй этаж... Разметают защитников правительства... Рассыпаются... Несутся в третий этаж, везде по дороге опрокидывая юнкеров и поражая их... Юнкера бросают оружие... Солдаты, красногвардейцы, матросы потоком устремляются дальше... Ищут виновников бедствий. Взламывают двери запертых комнат... Вот они подбегают к дверп, у которой на карауле стоят окостеневшие от ужаса скованные долгом юнкера.

— Здесь Временное Правительство!..

Наставляют штыки.—„Долой!“.. Массы врываются в комнату, в массе тов. Антонов. То, что называлось Временным Правительством—тут... почти мертво физически...

— Именем Военно-Революционного Комитета Петроградского Совета об'являю Временное Правительство низвергнутым,—декретирует Антонов.— Все арестованы!.. Низвергнутые лепечут о защите от масс... Матросы выводят их из комнаты. Крики: Керенского!... Керенского!.. Он удрал накануне из Петрограда, чтобы привести войска с фронта.

По коридорам несется гул негодования, злобы, возмущения, крики... Арестованных ведут вниз... по двору... в ворота... через баррикады... на площадь Зимнего...

На площади крики солдатского негодования... „Расстрелять“!.. Смерть!.. смерть!.. Терещенко, Коновалову и еще паре других наносится несколько ударов... Красногвардейцы унимают солдат. Кричат: „не омрачайте пролетарского торжества“.. Разъяренные солдаты отгесняются от арестованных. Красногвардейцы окружают кольцом бывшее правительство. „Вперед!“—Кольцо двинулось по Миллионной улице в Петропав-

ловскую крепость. Уводят в казематы, созданные против революции. Солдатские массы колыхнулись за уводимыми, требуют вести не в Петропавловку, а в Смольный.

Команда: „но своим частям стройсь!“ — заканчивает победное 25 Октября.

В полночь, в Смольном, на с'езде Советов об'является о взятии Зимнего дворца и аресте бывшего Временного Правительства, а через пару часов тов. Антонов лично доносит о размещении бывших министров в казематах Петропавловской крепости.

(Подвойский.—Из „Воспоминаний об Октябрьском перевороте“. См. „Пролетарск. Револ.“, № 10).

КРОНШТАДТ В ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Ночь подготовки к выступлению в Питер была исключительной ночью. Вряд ли в эту ночь в Кронштадте кто-нибудь сомкнул глаза. „Морское собрание“ переполнено матросами, солдатами и рабочими. У всех боевой вид готовых к походу. Приходят за распоряжениями, выносят приказы. Революционный штаб точно намечает план операций, определяет части и команды к выступлению, подсчитывает запасы, шлет назначения. Ночь проходит в напряженной работе. К выступлению намечены суда: минный заградитель „Амур“, только что прибывший в Кронштадт из действующего флота, старый броненосец „Заря Свободы“ (б. „Александр III“), посыльное судно „Ястреб“ и ряд других. „Амур“ и „Ястреб“ с десантом матросов и солдат в Петербург. „Заря Свободы“, по высадке десанта в Ораниенбауме, встанет у входа в Морской канал, чтобы в случае надобности взять под обстрел Балтийскую железную дорогу.

Когда план наступления был готов и важнейшие приказы отданы, мы с Каллисом вышли на улицу. Здесь большое, но молчаливое движение. К военной гавани движутся отряды моряков и солдат, при свете факелов видишь только первые ряды серьезных, решительных лиц. Ни смеха, ни говора,—четкий шаг, редкие слова команды. Тишину ночи нарушает лишь громыхание грузовиков, перебрасывающих из интендантских складов крепости запасы на суда. В гавани идет тоже молчаливая, напряженная и спешная работа погрузки. Отряды притулились к набережной и терпеливо ждут посадки...

Брезжило пасмурное осеннее утро, когда началась посадка. В черных бушлатах, с винтовкой за плечами и патронными сумками у пояса, с морской быстротой и ловкостью взлетали по веревочным лестницам на корабль. Неуклюже карабкались непривычные солдаты гарнизона и красногвардейцы...

Медленно тронулся „Амур“ с матросами, сплошь покрывшими палубу. Было их свыше двух тысяч, жались, громоздились где могли и не двигались—ходить не было места...

„Амур“ стал невдалеке от „Авроры“. Через несколько минут на палубу взбирался Антонов-Овсеенко. Наскоро сообщает новости и пере-

дает распоряжение Военно-Революционного Комитета. Зимний дворец окружается. Часть наших отрядов займет место в цепи окружения, часть высадить на Васильевский Остров. К „Амуру“ подходят мелкие суда, чтобы переправить десант к берегу. Высадка идет споро и быстро, палуба пустеет, на корабле остается только боевая вахта. Устанавливаем связь с „Авророй“ и Петропавловской крепостью.

Одним из первых вопросов, ставших на обсуждение штаба, был вопрос об артиллерийском обстреле Зимнего дворца, если в этом явится надобность. Хотелось бы избежать лишнего разрушения, но, если понадобится, делать нечего: успех революции важнее сохранности дворцов. Узнали, что в Зимнем дворце есть лазарет с больными. Вот и решили— послать министрам Временного Правительства ультиматум: 1) сдаться под угрозой неизбежного обстрела; 2) если откажутся, предложить немедля убрать из дворца лазарет, иначе за последствия ответственность ляжет на них...

Наступил уже вечер, начало темнеть, когда долгожданная делегация вернулась с отрицательным ответом. На „Аврору“ был отдан приказ приготовить условленный выстрел, и стали ждать сигнала крепости. Набережные Невы усыпаны глазеющей публикой...

— „Корабли идут!“ — Все высыпали на палубу. Линии корабельных огней сверкали у входа в Неву и быстро сблизились. Крейсер „Олег“, „Новик“, „Забияка“ и „Самсон“...

Как ни были мы уверены в победе наличными силами, но подарок действующего флота вызвал у всех чувство огромного под'ема и ликования. Долго несмолкаемое могучее ура на всех судах, звоны оркестра, шум судовых машин...

С приходом новых судов, на Неве образовалась солидная революционная эскадра...

В комнату влетел запыхавшийся матрос, один из ординарцев, обслуживавших связь с крепостью. Он принес записку, написанную на клочке карандашем, но не возбуждающую ни малейших сомнений. В записке было предложение открыть немедленно орудийную стрельбу по дворцу, чтобы не тянуть осаду до утра.

Предстояло отдать последний приказ, который мог иметь роковое значение не только для министров „демократии“, но и для самого дворца. Мы порешили выждать еще четверть часа, инстинктом чуя возможность смены обстоятельств. И мы не ошиблись. На исходе последних минут новый гонец. Этот прямо от Зимнего:—„Дворец взят“!...

(И. Флеровский.—„Кронштадт в Октябрьской революции“. См. „Пролет. Рев.“, № 10).

В МОМЕНТ ПЕРЕВОРОТА.

(25 окт.).

В 10 часов 45 минут вечера, в большом актовом зале, белом от огней огромных хрустальных люстр, переполненном до головокружения своими и чужими, открылся, наконец, С'езд: оттягивать дольше было не зачем. Настроение фракций определилось: было известно, что правые социалистические партии, оказавшиеся в ничтожном меньшинстве, со С'езда уйдут, независимо от программы и тактики; с другой стороны, „боевые действия" в городе шли также к концу: Временное Правительство было обнаружено в Зимнем дворце, дворец со всех сторон обложен. „Аврора" стояла уже под самыми его окнами, и долго упрямившиеся орудия Петропавловских верков были, наконец, направлены на беспомощные стены катафалка Керенщины... Дело должно было кончиться с минуты на минуту...

Заседание, по чину, открыл от имени старого В. Ц. И. К.—меньшевик Дан...

— Сейчас не место политическим речам... Наши товарищи, заседающие в Зимнем дворце, находятся под обстрелом... Предлагаю приступить к выбору президиума...

Аванесов подходит с готовым листком в руках:

„Ленин... Зиновьев... Каменев... Луначарский... Коллонтай... Спиридонова... Мстиславский"...

Под далекий глухой удар Петропавловской пушки я поднимаюсь вместе с остальными членами вновь избранного президиума на прогибающийся под тяжестью толпящихся на нем неструганный, точно наскоро сколоченный, помост.

Каменев сменяет на председательском месте Дана...

„Порядок дня:

„Вопрос об организации власти.

„О войне и мире.

„Об Учредительном Собрании".

— Возражений нет?

Снова глухой, далекий удар... Какие тут возражения!..

Слово за мной—от имени фракции. Трудно говорить... Но все же я должен говорить. И я говорю. О том, что с момента открытия С'езда — ему, никому другому, принадлежит суверенная власть, что не время судить—прав или не прав был Петроградский Исполнительный Комитет, собственной волей, не дождавшись властного слова С'езда, дунувший на карточный домик „Временной власти", — но дальнейшее руководство действиями должно принадлежать открытому ныне С'езду Советов... Слишком ответственны, слишком велики стоящие перед нами решения, чтобы принимать их—отвлекаясь, волнуясь гулом канонады.

Слово это подхватывает Троцкий: „Кому могут мешать звуки перестрелки? Напротив! Они помогают работать"...

Очередь за „старым“ Таврическим. Он начинается — спор „марта“ с „октябрем“! Хинчук—от меньшевиков, Гандельман—от правых эс-эров—протестуют против „преступления, совершенного над Родиной и Революцией“...

А воздух за старыми стенами дрожит от участившихся ударов... Жутко перезваниваются, вздрагивают в такт им высокие чванные окна. Там, за колоннами...

Уже под утро—в 6 часов (дрожит в окнах белесый, хмурый рассвет) принимает С'езд декларацию „рабочим, солдатам и крестьянам“...

Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, Второй Всероссийский С'езд Советов Р. и С. Д. берет власть в свои руки.

„Временное Правительство низложено. Большинство членов Временного Правительства уже арестовано.

„Советская власть предложит немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах. Она обеспечит безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов, отстоит права солдата, проведя полную демократизацию армии, установит рабочий контроль над производством, обеспечит своевременный созыв Учредительного Собрания, озаботится доставкой хлеба в города и предметов первой необходимости в деревню, обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение.

„С'езд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок.

„С'езд призывает солдат в окопах к бдительности и стойкости, С'езд Советов уверен, что революционная армия сумеет защитить революцию от всяких посягательств империализма, пока новое правительство не добьется заключения демократического мира...

„Солдаты, рабочие, служащие, в ваших руках судьба революции и судьба демократического мира“.

„Да здравствует Революция!..“

(С. Мстиславский.—„Пять дней“).

КРАХ КЕРЕНЩИНЫ.

... В седьмом часу утра, переговорив еще раз по прямому проводу со ставкой Главкосева о всяческом ускорении высылки в СПБ верных войск, так и не дождавшись казаков, которые все еще „седлали лошадей“, мы с Коноваловым, разбитые впечатлениями этой ночи и переутомленные, отправились назад в Зимний дворец хоть немного вздремнуть...

Лежал с закрытыми глазами в какой-то полудреме. Не прошло и часа, как из этого состояния вывел меня фельд'егерь, вошедший в комнату с экстренным сообщением. Большевики захватили центральную телефонную станцию, и все наши дворцовые телефонные сообщения с го-

родом прерваны; Дворцовый мост (под окнами моих комнат) занят пикетами матросов-большевиков; Дворцовая площадь совершенно безлюдна и пуста; о казаках ни слуху, как и следовало, впрочем, ожидать.

Не прошло и 10 минут, как мы оба—Коновалов и я, с ад'ютантами—мчались назад в штаб округа... Никаких сведений о высланных с Северного фронта эшелонах, хотя они должны были уже быть в Гатчине, не поступало. Началась паника... Переполненное с вечера здание штаба быстро пустело...

В этих условиях было очевидно, что только действительное появление через короткое время подкреплений с фронта могло еще спасти положение.

Но как их получить? Оставалось одно: ехать, не теряя ни минуты, навстречу эшелонам... Посоветовавшись с министрами Коноваловым и Кишкиным... я решил прорваться через все большевистские заставы и лично встретить подходившие, как мы думали, войска...

Я приказал подать мой превосходный открытый дорожный автомобиль... Беру с собой в дорогу, кроме двух ад'ютантов, еще капитана Кузьмина, пом. командующего войсками и его штаб-офицера. Каким образом не знаю, но весть о моем от'езде дошла до союзных посольств. В момент самого выезда ко мне являются представители английского и, насколько помню, американского посольств с заявлением, что представители союзных держав желали, чтобы со мною в дорогу пошел автомобиль под американским флагом... С благодарностью принял это предложение, как доказательство внимания союзников к русскому правительству и солидарности с ним...

Пожав в последний раз руку Кишкину, взявшему на время моего отсутствия руководительство оборопой столицы, я с самым беззаботным видом сошел, вместе со своими спутниками, во двор штаба. Сели в автомобиль... Наконец мы пустились в путешествие. Вся привычная внешность моих ежедневных выездов была соблюдена до мелочей... Сел я, как всегда, на свое место—на правой стороне заднего сиденья в своем полувоенном костюме, к которому так привыкло население и войска...

Благополучно проехав через центральные части города, мы, в'езжая в рабочие кварталы и приближаясь к Московской заставе, стали развивать скорость и, наконец, помчались с головокружительной быстротой...

В Гатчине мы в'ехали прямо под ворота дворца к под'езду коменданта...

Узнав, к нашему величайшему удивлению, о том, что никаких эшелонов с фронта в Гатчине нет и никто о них ничего не слышал, решаем сейчас же ехать к Луге, а если понадобится то и до Пскова...

Не стоит описывать нашу безумную погоню за неуловимыми эшелонами с фронта, которых мы так нигде и не нашли, вплоть до самого Пскова...

Вскоре, по моему вызову, явился сам главнокомандующий. Произошло весьма тяжелое об'яснение. Генерал не скрывал, что в его намерение вовсе не входит в чем-либо связывать свое будущее с судьбой „обреченного" Правительства... Тут же Черемисов сообщил, что он уже

отменил свой приказ, ранее данный в соответствии с моим требованием из СПБ., о посылке войск...

Поздней ночью мы выехали в Остров. На рассвете были там... Поход на Петербург об'явлен. Мы не знали тогда, что правительство, на помощь которому мы спешили, уже во власти большевиков, а сами министры сидят в Петропавловской крепости. Но мы воочию наблюдали, с какой стремительной быстротой Петербургские события отзывались на фронте, разрушая дисциплину... Не успели мы в'ехать в Остров, как стали кругом поговаривать о том, что местный гарнизон решил прибегнуть к силе, чтобы не выпустить казаков из города... Постепенно вокруг самого здания штаба III корпуса скапливалась, все разрастаясь, солдатская толпа, возбужденная и частью вооруженная...

С большим опозданием поезда, груженные эшелонами III конного корпуса двинулись в путь. Вся „боевая мощь" корпуса сводилась к 500—600 казаками и к нескольким пушкам...

В тот же вечер, 30 октября, воспользовавшись новым приездом ко мне моих друзей из СПБ., я на „всякий случай" передал им письмо на имя Авксентьева, которым я вручал Председателю Совета Республики права и обязанности Министра-Председателя и предлагал немедленно пополнить состав Временного Правительства. Я считал необходимым написать это письмо, чтобы сохранить формально бесспорной преемственность Верховной Власти, полученной Временным Правительством из рук последнего законного представителя павшей династии...

Только чудо могло спасти положение. Но даже неминуемая грозная опасность не об'единяла, не возбуждала энергии и инициативы; напротив, она как-то окончательно разлагала, отравляла все кругом... Казаки все с большим ожесточением посматривали на своих начальников, видя в них виновников своей гибели; офицеры, чувствуя себя все более неудобно под враждебными взглядами большевистской солдатни и своих собственных станичников, — офицеры все чаще задумывались над вопросом, какой ценой они, в случае падения Гатчины, могли бы купить у большевиков жизнь...

Так началась ночь на первое ноября. Никаких сведений от парламентеров с „фронта". Никаких известий из СПБ. В полутемных и мрачных бесконечных коридорах старого Павловского дворца толпятся настороженные, обозленные люди... Долгая осенняя ночь никогда не кончится. Минуты кажутся часами. А крысы бегут с тонущего корабля. В моих комнатах, вчера еще переполненных, ни души. Тишина и покой смерти царствуют вокруг...

(А. Ф. Керенский.—„Гатчина").

МОСКВА В ОКТЯБРЕ.

События развивались так, будто их кто подхлестывал. Вечером Кремль был окружен юнкерами Александровского училища.

Тщетно мы ночью в казармах Кремля, среди бушующей солдатской толпы, уговаривали Рябцева увести юнкеров от ворот Кремля.

— Стоит мне пять минут поговорить по прямому проводу, и в мое распоряжение будут присланы надежные части с фронта, — говорил Рябцев...

В эту ночь т. Тихомиров и я отправились на автомобиле стягивать части московского гарнизона к Совету...

На другой день весь дом Совдепа буквально превратился в какой-то солдатский муравейник.

Вечером этого дня происходил последний раз разговор по телефону между т. Ногиным и Рябцевым, который пообещал через десять минут двинуть свои отряды на нас.

А через два часа после этого пролилась первая солдатская кровь на Красной площади. Это была кровь наших товарищей-двинцев, которых окружили юнкера...

Не молчали и наши. Нам, штабу, удалось лишь ненадолго остановить орудийный огонь. Ненадолго, потому что часа в три загремели пушки у Алексеевского училища, где руководил неукротимый и неудержимый т. Демидов.

Помню, как т. Яковлева, Варвара Николаевна, подошла ко мне, и разводя руками, с искорками гнева в глазах спросила:

— Что же это вы делаете? Ведь ваши пушки продолжают разносить Москву.

— Нет сил удержать солдат,—ответил я,—попробуйте поговорить с ними.

Чтобы подтвердить свои слова, я подошел к нашему полевому телефону, соединился с Лефортовским районом, вызвал Демидова.

В трубку было слышно, как ухнул снаряд.

... Буххх!

— Демидыч, прекрати немедленно огонь. Это распоряжение Комитета, будешь строго отвечать за неподчинение.

Но Демидов, при всей своей неукротимости не лишенный хитрости, отвечает протяжно:

— Не слы-шу!

Снаряд опять: бух!

— Именем Военно-Революционного Комитета приказываю тебе прекратить огонь!

... Бух!

— Ни чорта не слышу. Ты лучше пришли распоряжение письменно.

— Хорошо, Демидыч, я посылаю тебе человека на автомобиле.

И опять снаряд: бух!

— Нет, на автомобиле не присылай, его обстреляют. Лучше на лошади и в коляске.

— Как же ты теперь-то слышишь, что я тебе говорю?

— Так вот, присылай, брат, распоряжение, мне некогда.

И трубку Демидов бросил.

Снаряды безудержно ухали. Мое распоряжение о прекращении огня, посланное верховым, достигло до Демидова тогда, когда суточное „перемирие“ уже кончалось.

Помню также, как пошли укрощать наших и юнкеров на позицию у Никитских Ворот представители Викжеля и наш—т. Савва-Степняк.

Переговорив с нашей стороны, эта „примирительная“ комиссия направилась к юнкерам. Юнкера пропустили к себе представителей Викжеля, а когда узнали, что Савва-Степняк наш, какой-то юнкер взял да выстрелил в него. Раненый в голову, весь обвязанный т. Савва-Степняк возвратился к нам, а юнкера открыли огонь по нашим позициям, несмотря на „викжельские“ усилия примирить непримиримых.

Бои еще продолжались два дня. Победа наша была полной.

Когда наши мирные делегаты поехали в думу подписывать мир, мы, грязные, неумытые с воспаленными от бессонницы глазами, сидели в комнате Военно-Революционного Комитета.

Рядом со мною на диване т. Розенгольц, наклонившись к моему плечу, тихо, устало по-дружески сказал:

— Надо будет заготовить приказ, что Муралов назначается командиром... или нет, комиссаром округа, а Рябцев должен ему сдать должность.

— Комиссаром или Командующим?—спросил я.

— Комиссаром округа, но это и значит командующим...

Написал. Барышня на машинке отхлопала этот приказ. Потом его голосовали, и т. Муралов стал не Муралов а командующий округом.

Через час т. Муралов стоял уже во дворе Совета около автомобилей. Вокруг него стояли т.т. Коган, Саблин, Лопашев, я и еще несколько товарищей. Все мы толкались в ожидании автомобилей.

Т. Муралов будто от нечего делать, ткнув пальцем в сторону Лопашева, спросил:

— Ну, а вы какую должность будете нести?

— А там, кажется, есть должность „дежурный генерал“,—сказал кто-то.

— Ха-ха-ха „дежурный генерал“,—весело хохотали все.

— Ну, ладно,—заключил т. Муралов,—вы будете дежурным генералом.

— А я у тебя буду генералом для поручений, хочешь?—спросил т. Коган Муралова.

— Вали!—ответил Муралов.

И поехали мы на двух автомобилях в Александровское училище, а оттуда в Штаб. Подходя к Штабу с Всеволожского переулка, мы натолкнулись на генерала, служившего при Рябцеве. Генерал знал Муралова.

— Здравствуйте, т. Муралов!—сказал он,—а где бы, не знаете ли, я хотел бы попросить вас, где я могу увидеть ко... ко... это, как его, комиссара округа?

— Я—комиссар округа,—ответил Муралов.

— Вы?.. Очень, очень приятно. Простите, а командующий?

— Я—комиссар,—еще раз подтвердил недоумевающий Муралов.

— Да это то же самое, что командующий. Это—командующий,— вмешался я.

— Ах, вот как!—генерал совсем растаял.—Очень приятно, весьма приятно!—говорил он и козырял.

Мы толпой проследовали в Штаб через двор.

В штабе все комнаты были пусты и забаррикадированы грудами пыльных бумаг и синих папок с унылыми надписями казенного образца: „Дело". Окна разбиты, мебель в беспорядке расшвырена. Два-три сонных писаря и какой-то седоватый полковник.

Вот все, что нам досталось от Рябцева...

(А. Аросев.—„Как было". См. сб. „Москва в Октябре 1917 г.").

РЕВОЛЮЦИЯ СВЕРШИЛАСЬ!

(Речь Ленина в Петербургском Совете Р. и С. Д. 26 октября 1917 г.).

Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего значение этого переворота состоит в том, что у нас будет советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создают власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья, русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма. Одной из очередных задач наших является немедленная ликвидация войны. Но для того, чтобы окончить войну, тесно связанную с нынешним капиталистическим строем, ясно всем, что для этого необходимо побороть самый капитал.

В этом деле нам поможет то всемирное рабочее движение, которое уже начинает развиваться в Италии, Англии и Германии.

Справедливый, немедленный мир, предложенный нами международной демократии, повсюду найдет горячий отклик в международных пролетарских массах. Для того, чтобы укрепить это доверие пролетариата, необходимо немедленно опубликовать все тайные договоры.

Внутри России громадная часть крестьянства сказала: довольно игры с капиталистами, мы пойдем с рабочими. Мы приобретем доверие со стороны крестьян одним декретом, который уничтожит помещичью собственность. Крестьяне поймут, что только в союзе с рабочими спасе-

ние крестьянства. Мы учредим подлинный рабочий контроль над производством. Теперь мы научились работать дружно. Об этом свидетельствует только что происшедшая революция. У нас имеется сила массовой организации, которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции.

В России мы должны сейчас заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

Да здравствует всемирная социалистическая революция!

(См. Сб. „25 лет Р. К. П. (большевиков)" 1898—1923 г.г.).

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ И МИР.

(Постановления II С'езда Советов, 26 окт. 1917 г.).

1. Об учреждении Совета Народных Комиссаров.

Образовать для управления страной временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров. Заведывание отдельными отраслями государственной жизни поручается комиссиям, состав которых должен обеспечить проведение в жизнь провозглашенной С'ездом программы, в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, солдат, крестьян и служащих. Правительственная власть принадлежит коллегии председателей этих комиссий, т.-е. Совету Народных Комиссаров.

Контроль над деятельностью Народных Комиссаров и право смещения их принадлежит Всероссийскому С'езду Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов и его Центральному Исп. Комитету.

В настоящий момент Совет Народных Комиссаров составляется из следующих лиц: Председатель Совета Народных Комиссаров—Владимир Ульянов (Ленин), Народные Комиссары: по внутренним делам—А. И. Рыков; земледелия—В. П. Милютин; труда—А. Г. Шляпников; по делам военным и морским — комитет в составе: В. А. Овсеенко (Антонов), Н. В. Крыленко и Ф. М. Дыбенко; по делам торговли и промышленности — В. П. Ногин; народного просвещения — А. В. Луначарский; финансов—И. И. Скворцов (Степанов); по делам иностранным—Л. Д. Бронштейн (Троцкий); юстиции—Г. И. Оппоков (Ломов); по делам продовольствия—И. А. Теодорович; почт и телеграфов—Н. П. Авилов (Глебов); по делам национальностей—И. В. Джугашвили (Сталин).

2. О мире.

Рабочее и Крестьянское Правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной

рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии,—таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т.-е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает Правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас все решительно шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями представителей всех стран и всех наций...

Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, Правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет своею решимость немедленно подписать условия мира, прекращающие эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей, условиях.

Вместе с тем Правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанные условия мира ультимативными, т.-е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию Правительство отменяет, с своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 года. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, Правительство об'являет безусловно и немедленно отмененным...

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, при чем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не меньше как на три месяца, т.-е. на срок, в течение которого вполне возможны, как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех стран, Временное Рабочее и Крестьянское Правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств: Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма... Рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения

человечества от ужасов войны и ее последствий... и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплоатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплоатации.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ПЕРЕВОРОТА.

Решил искать работы. Сначала мне предлагали войти в коллегию Наркомпочтеля, но я не чувствовал больше никакой охоты возиться с делом, которого я не понимал.

Я решил пойти к Троцкому и выставить свою кандидатуру в Наркоминдел. Я рассуждал так: „Я старый партиец и знаю иностранные языки, этого достаточно". Поймав Троцкого, я изложил ему мою просьбу. Троцкий вполне согласился с „основательностью" моей кандидатуры, но заявил следующее: „Жаль вас на эту работу. Там у меня уже работают Поливанов и Залкинд. Больше не стоит брать туда старых товарищей. Я ведь сам взял эту работу только потому, чтобы иметь больше времени для партийных дел. Дело мое маленькое: опубликовать тайные договоры и закрыть лавочку". Хотя я удивился такому упрощенному взгляду на задачи Наркоминдела, но не спорил дальше.

После этого я отправился к Ильичу и предложил себя в „работники". Ильич выслушал меня внимательно, улыбнулся, когда я ему передал взгляд Троцкого на задачи Наркоминдела, и сказал: „Работа, без сомнения, для вас найдется. Мы ждем из Москвы Рыкова, который назначен Наркомвнуделом. Подождите его приезда, тогда устроим вас наверняка".

Я решил „ждать". Сперва уселся в коридоре, на скамейке, около кабинета Ильича. Место было очень удобное для наблюдений. В кабинет Ильича „перла" разная публика из Питера и приезжие. Но вскоре этот способ ожидания надоел мне, я открыл двери в комнату, находящуюся против кабинета Ильича и вошел туда.

Комната была довольно большая. В одном углу работал у столика секретарь Совнаркома, т. Н. П. Горбунов. При другом столике т.т. Залкинд и Поливанов допрашивали только что арестованного крупного чиновника бывшего министерства иностранных дел. Дальше, на диване полулежал, с утомленным видом, т. Менжинский. Над диваном красовалась надпись: „Народный Комиссариат Финансов".

Я уселся около Менжинского и вступил с ним в беседу. С самым невинным видом т. Менжинский расспрашивал меня о моем прошлом и полюбопытствовал, чему я учился.

Я ответил ему, между прочим, что учился в Лондонском университете, где в числе других наук, штудировал и финансовую науку.

Менжинский вдруг приподнялся, впился в меня глазами и заявил категорически:

— В таком случае мы вас сделаем управляющим государственным банком.

Я испугался и ответил ему, что у меня нет никакой охоты занять этот пост, так как это совершенно „не по моей части". Менжинский, ничего не говоря, попросил меня обождать и вышел из комнаты. Через некоторое время вернулся с бумагой, в которой за подписью Ильича удостоверялось, что я и есть управляющий госбанком.

Я еще больше опешил и стал просить Менжинского об отмене постановления. Но он остался непоколебимым.

Затем, он мне об'яснил положение. Дело в том, что нам до зарезу нужны деньги, хотя бы несколько миллионов. Государственный банк и казначейство бастуют и „легальным образом" денег получить нельзя. А финансовое дело—дело тонкое, и поэтому нужно соблюдать формальности. Единственный способ—сменить „головку" банка, и затем взять деньги...

Когда мы приехали в банк, нам представилась картина, напоминающая мне мое пребывание на телеграфе. Служащие толпились массами по коридорам: из их толпы падали по нашему адресу разные „словечки". Мы направились прямо в кабинет управляющего. Там мы застали совет банка в полном сборе, за исключением самого управляющего, г. Шипова. Совет представлял из себя кучу „почтенных стариков"...

Менжинский твердым голосом прочел „декларацию Наркомфина", где служащим предписывалось стать на работу; отказывающимся грозила отставка, с посылкой на фронт военнообязанных. Наша декларация была принята враждебными возгласами. Когда затем Менжинский заявил, что Шипов устраняется, а на его место назначаюсь я, галдеж усилился: совет заявил, что подает в отставку. Поспорив еще пару минут, мы все удалились.

Единственным элементом в государственном банке, который оказал нам сочувствие и некоторую поддержку, были курьеры и низшие служащие...

Я опять стал налегать на Менжинского, прося освободить меня от непосильного бремени. Два дня спустя Менжинский уступил: вместо меня управляющим банком был назначен т. В. В. Осинский.

Покончив с „финансовой" карьерой, я опять стал думать, куда бы „приткнуться". Проэкзаменовав себя строго, я пришел к тому убеждению, что после иностранных дел единственным ведомством, подходящим для меня, является комиссариат по делам национальностей. „Я сам инородец,—рассуждал я,—следовательно, у меня не будет того великорусского национализма, который вреден для работы в этом комиссариате. Кроме того, я кое-что читал по национальному вопросу. Решившись пойти по новой линии, я отправился к Сталину.

— Тов. Сталин,—сказал я,—вы народный комиссар по делам национальностей?

— Я.

— А комиссариат у вас есть?

— Нет.

— Ну, так я вам „сделаю" комиссариат.

— Хорошо! Что вам для этого нужно?

— Пока только мандат на предмет „оказания содействия".

— Ладно!

Здесь не любящий тратить лишних слов Сталин удалился в управление делами Совнаркома, а через несколько минут вернулся с мандатом. Получив мандат, я стал рыскать по Смольному, высматривая место для Наркомнаца.

Задача была нелегкая, везде было тесно.

Наконец, я набрел на какую-то большую комнату, где при одном столике заседали: „комиссия“ по вещевому снабжению Красной гвардии, а при другом—выдавались разрешения на право ношения оружия. Здесь я вдруг наткнулся на моего товарища по каторге, впоследствии погибшего на Западном фронте, т. Феликса Сенюту.

— Ты что тут делаешь?—спросил я.

— Работаю по вещевому снабжению Красной гвардии.

— Переходи к нам, в народный комиссариат национальностей.

— Хорошо.

— Можно ли „устроиться“ нам в этой комнате?

— Конечно, можно.

Тут мы с покойным Сенютой нашли какой-то свободный столик и поставили его у стены. Затем Сенюта взял большой лист бумаги и, начертав на нем: „Народный Комиссариат по Делам Национальностей“, прикрепил к стене над столиком. Достали два стула.

— Готов комиссариат!—воскликнул я.

И сейчас же пустился обратно в кабинет Ильича, где, за неимением собственного кабинета, пребывал Сталин.

— Тов. Сталин,—сказал я,—идите посмотреть ваш комиссариат.

Невозмутимый Сталин даже не удивился такому быстрому „устройству“ и зашагал за мной по коридору, пока мы не пришли в „комиссариат“.

Здесь я отрекомендовал ему т. Сенюту, назвав его „заведующим канцелярией“ Наркомнаца.

Сталин согласился, окинул взглядом „комиссариат“ и издал какой-то неопределенный звук, выражающий не то одобрение, не то недовольство, и направился обратно в кабинет Ильича.

Я отправился в город, заказал бланки и печать. Уплатив за бланки и печать, я израсходовал все мои деньги и деньги т. Сенюты.

Решился итти к Сталину.

— Тов. Сталин,—сказал я,—денег ни гроша у нас нет.

Я знал, что „изъятие“ из банка еще не произведено.

— Много ли нужно?—спросил Сталин.

— Для начала хватит тысячи рублей.

— Придите через час.

Когда я вернулся через час, Сталин велел мне „сделать заем“ у Троцкого на три тысячи рублей.

— У него деньги есть, он нашел их в бывшем министерстве иностранных дел.

Я пошел к Троцкому, дал ему форменную расписку на три тысячи рублей и получил их...

(С. Пестковский.—„Об Октябрьских днях в Питере.“ См. „Пролет. Рев“.. № 10).

ДВЕНАДЦАТЬ.

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер—
На всем божьем свете!

Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком—ледок.
Скользко, тяжко,
Всякий ходок
Скользит—ах, бедняжка!

От здания к зданию
Протянут канат.
На канате—плакат:
„Вся власть Учредительному Собранию!“
Старушка убивается—плачет,
Никак не поймет, что значит,
На что такой плакат,
Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят.
А всякий—раздет, разут...

Старушка, как курица,
Кой-как переметнулась через сугроб.
— Ох, матушка-заступница!
— Ох, большевики загонят в гроб!
Ветер хлесткий!
Не отстает и мороз!
И буржуй на перекрестке
В воротник упрятал нос.

А это кто?—Длинные волосы
И говорит вполголоса:
— Предатели!
— Погибла Россия!
Должно быть писатель—
Вития...

А вон и долгополый
Сторонкой—за сугроб...
Что нынче не веселый,
Товарищ поп?

Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?

Вон барыня в каракуле
К другой подвернулась:
— Уж мы плакали, плакали...
Поскользнулась
И—бац—растянулась!

Ай, ай!
Тяни, подымай!

Ветер веселый
И зол, и рад,
Крутит подолы,
Прохожих косит.
Рвет, мнет и носит
Большой плакат:
„Вся власть Учредительному Собранию“...
И слова доносит:

...И у нас было собрание...
Вот в этом здании...
...Обсудили—
Постановили:
На время—десять, на ночь—двадцать пять...
...И меньше—ни с кого не брать...
...Пойдем спать...

Черное, черное небо.
Злоба, грустная злоба...
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...
Товарищ! Гляди
В оба!

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.

Винтовок черные ремни,
Кругом—огни, огни, огни...

В зубах—цыгарка, примят картуз,
На спину-б надо бубновый туз!

Свобода, свобода.
Эх, эх, без креста!
Тра-та-та!
. . . . . .
Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь—

В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!

Эх, эх, без креста!..

Как пошли наши ребята
В красной гвардии служить,—
В красной гвардии служить—
Буйну голову сложить!

Ох ты, горе-горькое
Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови—
Господи, благослови!..

Не слышно шуму городского
Под невской башней тишина,
И больше нет городового—
Гуляй, ребята, без вина!

Стоит буржуй на перекрестке
И в воротник упрятал нос,
А рядом жмется шерстью жестокой
Поджавши хвост паршивый пес.

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос,
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост...
. . . . . .

Вдаль идут державным шагом...
— Кто еще там? Выходи!
Это ветер с красным флагом
Разыгрался впереди...

Впереди—сугроб холодный,
— Кто в сугробе—выходи!..
Только нищий пес голодный
Ковыляет позади.

Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком пощекочу!
Старый мир, как пес паршивый,
Провались—поколочу!..
. . . . . .

— Кто там машет красным флагом?
— Приглядись-ка, эка тьма!
— Кто там ходит беглым шагом,
Хоронясь за все дома?

— Все равно, тебя добуду,
Лучше сдайся мне живьем!
— Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, стрелять начнем!
Трах-тах-тах!—И только эхо

Откликается в домах...
Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах.
Трах-тах-тах!
Трах-тах-тах...

(Ал. Блок.—„Двенадцать").

ОБЫВАТЕЛИ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ.

Дамы давно уже приняли — каждая — чашку и, не торопясь, медленно покусывают сухарики, положив рядом с собой на столе черные шелковые сумочки, различно расшитые бисеринками; из сумочек пахнет духами.

Вдруг — переполох. Из коридора в столовую, стуча гвоздистыми башмаками, вбегает Матреша, как была, с улицы, в большом шерстяном платке, лицо круглое, оторопело-сияющее.

— Что такое? В чем дело?

— Сказывают, большевики идуть... Казаков семь тыщ и большевиков четыреста человек, видима-невидима, с Балабаньевской рощи. Которые на митингу ходили своими глазами видели, а на нашем доме, Анна Ивановна, барыня, пулемет поставють. Всех, говорять, которые к центре, тех, говорять, ближе к черте города из помещениев выселять будют...

— Будют, будют, говори толком! Откуда ты взяла? Кто это тебе сказал!..

Дамы вскочили с мест, обступили Матрешу.

— Анна Ивановна, это же ужасно, если пулемет. У вас брат — член совета депутатов, позвоните по телефону!..

Иван Иванович из клуба забегает к сестре.

— Что же происходит? Ради бога!

— Пустяки. Опять большевистская авантюра. Им мало, видишь ли, июльского урока. Ходят слухи, будто опять выступили, изнасиловали целый батальон...

— Что ты, как батальон?

— Ну да, женский, который у Зимнего дворца. Потом Зимний дворец разграбили до-чиста, сняли гобелены и нашили себе портянок. А у нас в Совете большевики радуются: „поддержим питерских товарищей“...

— Господи, да что же это такое?

— Не волнуйся, казаки близко, у нас не допустят...

К полудню по площади, мимо собора, промчались казаки, пригнувшись к седлам, с винтовкам за плечами, процокали конские копыта по камням, остуженным и уже высохшим от вчерашнего дождика, уже опыленным. За ними помчался ветер, крутя осенние рыжие, черные, красные листья, вздымая осеннюю жесткую крупную пыль. Вслед за ветром прокаркали галки, перелетая по телеграфным столбам и полуголым деревьям.

— С 12-ой линии выселить всех вплоть до двадцатой и двадцать четвертой, очистить Соборную.

Кто-то издал приказ, кто-то разнес его по обитателям, и все, кому надо было узнать, узнали. Новые беженцы, новые волны людей с подушками, тачками, курами в клетках, визжащими поросятами, влекомыми веровочкой за ногу и упирающимися в ноги бегущих. Шубы, шапки,

шинели, поддевки, картузники, шляпники, шапошники с дамскими шляпками и платочками и даже простоволосыми перемешались.

— Вот дожили! То, было, принимали беженцев с западного и восточного фронтов и расселяли их в домах, что похуже, по двенадцати душ в одну комнату, да с города получали на ремонт, а теперь и сами, здорово живешь, побежали.

— И еще побежишь! Нынче с юга на север, а завтра с севера к югу, по компасу...

— Нашли время для шуток!

... Подвалы переполнены, хозяев не спрашивают, лезут, где есть калитка, а заперта—стучат остервенело, пугая домовую охрану:

— Пустите, взломаем, пустите!

Но вот расселились по новым местам. Верхние этажи опустели. Снаружи захлопнуты и спущены жалюзи, внутри окна заставлены ставнями, свету никто не зажигает. В подвалах, в повалку, дыша друг на друга учащенным дыханием, прячутся люди, ругаются, молятся богу; советуют друг другу успокоиться и не волноваться...

К вечеру пули усилились, сыпались словно горох, а над ними стоял непрекращающийся гул от разрыва снарядов: бум, бум, бум... Беженцы затыкали уши руками, держали детей на коленях, ни глотка не могли проглотить от тошного страха—кто за себя, кто за близкого, кто за имущество. Но на утро вдруг стало тихо, как после землетрясения.

В ворота спокойно вошла молочница, баба Лукерья, с ведром молока и степенно сказала домовой охране — студенту, стоявшему за учредилку:

— Большаков-то выкурили. Чисто.

Вышли, еще не веря и протирая глаза, отсидевшиеся из подвалов, покупали бутылками молоко и расспрашивали подробности. В открытые ворота уже видно было, как проскакало с десяток казаков по улице, мрачно обмеривая обывателей взглядами.

Начались обыски по квартирам. Искали рабочих, оружие, красногвардейцев. Брали же деньги, вино, кто и шубу снимал или брюки с вешалки—что поближе висело. Обыватели кланялись, клялись, что и не думали, чисты, как перед богом... Город стал—город казачий. Казаки приказывают, казаки хозяйничают...

А газеты пишут про историю, этнографию, фольклор и мифологию казачества, делают ссылки и справки, очень захваливают и надеются на преуспеяние края. Брошена журналистами и крылатая мысль о Вандее.

Между тем, на Степной, со стороны последней, 32-ой линии, видели люди:

Гнали казаки перед собой рабочих. Рабочие были обезоружены и в разодранных шапках и шубах: с них поснимали что было получше. Когда останавливались, били прикладами в спину. Их загоняли в Балабановскую рощу. Там издевались: закручивали, как канаты, им руки друг с дружкой, выворачивали суставы, перешибали коленные чашечки,

резали уши. Стреляли по ним напоследок, и, говорят, было трупов нагромождено с целую гору. Снег вокруг стаял, собаки ходили к Балабановской роще и выли...

Порядок, можно сказать, окончательно восстановлен.

Мало-по-малу остановились трамваи, водопровод не работает, почта не ходит, железные дороги стоят, на полотне набежали друг на дружку вагоны в три ряда, как бусы на шее цыганки. Подвоз продуктов совсем прекратился. Место на карте „Ростов—Нахичевань" стало пустым местом; оттуда в мир не доходит вестей, ни туда из мира не доходит вестей. Даже сами казаки не знают, что будет дальше...

На утро со стороны Ростова раздались выстрелы.

Анна Ивановна, и Анна Петровна, и Марья Саменовна, и д-р Геллер с семьей и сотня-другая еще председательствовавших, митинговавших, ратовавших за братство и равенство и аплодировавших казакам, с вещами, баулами, кожаными чемоданчиками, залепленными печатями заграничных таможен, устремились из города на Кубань, чрез прорыв большевистского фронта, кольцом окружившего город...

А казаки... Одни, отстреливаясь, отступали от большевиков, шаг за шагом, покрывая трупами степь. Другие, с оружием и со знаменами, переходили к большевикам и сдавались:

— Товарищи, больше не можем. Тошно служить генеральским последышам против Советов. И мы ведь из безземельных. Что там, и мы за Советы!

Все малочисленнее круги отступающих, все многочисленнее отряды переходящих.

Бой идет на улицах в рукопашную. Пули зюзюкают, пролетая над головами. Жители, спрятавшись в задние комнаты, затыкая уши руками, держат детей меж коленками, не могут глотка проглотить от тошного страха—кто за себя, кто за близких, кто за имущество.

Но на утро вдруг стало тихо, как после землетрясения. В ворота спокойно вошла молочница, баба Лукерья, с ведром молока и степенно сказала жильцам, подошедшим из кухонь:

— Казаков-то выкурили. Чисто.

Вышли оторопелые люди, протирая глаза и робко заглядывая за ворота.

А там уже людно. Соборная площадь залита рабочими, красноармейцами, городской беднотой. Лица сияют, красное знамя взвилось у дверей комендатуры, перед участками, перед думой. Мальчишки-газетчики, торговки подсолнухами, подметальщики снега, трамвайные кондуктора, почтальоны и все, кто не носит ни шуб, ни жакеток, ни шляпок. безбоязненно ходят по улицам, на их улице праздник, да и все улицы стали ихними!

А Куся, напрыгавшись и наметавшись по площади, красная от мороза и от возбуждения, шепчет матери на ухо прыгающими от смеха и гнева губами:

— Нет, мамочка, нет, ты подумай только. Сейчас Людмила Борисовна в рваном платочке и в чьих-то мужских сапогах, будто баба,

ходит по улице и изображает из себя пролетария. Я сзади иду и слышу, как она говорит: „Товарищ военный, только прочней укрепитесь и не допустите, чтоб в городе грабили". А сама норовила сбежать на Кубань— сундуков, сундуков наготовила! Ах, она врунья!

И Куся сжимает шершавенькие кулачки.

(Маринэтта Шагинян.—„Перемена")

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ.

(Декларация Фракции Р. С.-Д. Р. П. Большевиков [1]).

Громадное большинство трудовой России—рабочие, крестьяне, солдаты—пред'явили Учредительному Собранию требование признать завоевания великой Октябрьской революции, советские декреты о земле, мире, рабочем контроле и, прежде всего, признать власть Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

В. Ц. И. К., выполняя волю этого громадного большинства трудящихся классов России, предложил Учредительному Собранию признать для себя обязательной эту волю. Большинство Учредительного Собрания, однако, в согласии с притязаниями буржуазии, отвергло это предложение, бросив вызов всей трудящейся России.

В Учредительном Собрании получила большинство партия правых эс-эров, партия Керенского, Авксентьева, Чернова. Эта партия, называющая себя социалистической и революционной, руководит борьбой буржуазных элементов против рабочей и крестьянской революции и является на деле партией буржуазной и контр-революционной.

Учредительное Собрание в его нынешнем составе явилось результатом того соотношения сил, которое сложилось до великой Октябрьской революции. Нынешнее контр-революционное большинство Учредительного Собрания, избранное по устаревшим партийным спискам, выражает вчерашний день революции и пытается встать поперек дороги рабочему и крестьянскому движению.

Прения в течение целого дня показали воочию, что партия правых эс-эров, как при Керенском, кормит народ посулами, на словах обещает ему все и вся, но на деле решила бороться против власти Рабочих, Кр. и Солд. Советов, против социалистических мер, против перехода земель и всего инвентаря без выкупа крестьянам, против национализации банков, против аннулирования государственных долгов.

Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем Учредительное Собрание с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контр-революционной части Учредительного Собрания.

(„Первый день Всеросс. Учредит. Собр." Стенографический отчет).

[1] Оглашенная Ф. Раскольниковым на Заседании Учредительного Собрания 5/18 января 1918 г.

О РОСПУСКЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ [1].

... Мы знаем Учредительное Собрание по его делам, по его составу, по его партиям и по его вождям. Они хотели создать вторую палату, палату теней февральской революции, и мы нисколько не скрываем и не затушевываем того, что в борьбе с этой попыткой мы нарушили формальное право. Мы не скрываем также и того факта, что мы употребили насилие, но мы сделали это в целях уничтожения всякого насилия, мы сделали это в борьбе за торжество величайших мировых идеалов. Мы знаем, что никогда еще всеобщее избирательное право не разрушало духовных чар буржуазии и что государство до сих пор лишь завершало систему ее классового господства. Мы же стремились к господству трудящихся и в этих целях мы разрушили и прежние государственные формы и господствовавшее до сих пор формальное право...

(Из речи Л. Троцкого на III С'езде Советов. 10 янв. 1918 г.).

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ТРУДЯЩЕГОСЯ И ЭКСПЛОАТИРУЕМОГО НАРОДА.

I. 1) Россия об'является Республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам.

2) Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик.

II. Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплоатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплоататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах, III Всеросс. С'езд С. Р., С. и Кр. Деп. постановляет далее:

1) В осуществление социализации земли, частная собственность на землю отменяется, и весь земельный фонд об'является общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа на началах уравнительного землепользования.

Все леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельско-хозяйственные предприятия об'являются национальным достоянием.

2) Как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и пр. средств производства и транспорта в собственность Советской Рабоче-Крестьянской Республики, подтверждается советский закон о рабочем контроле и о Высшем Совете Народного Хозяйства в целях обеспечения власти трудящихся над эксплоататорами.

---

[1] Декрет о роспуске Учредительного Собрания был опубликован Советом Народных Комиссаров 7/20 янв. 1918 г.

Как первый удар международному банковому, финансовому капиталу, III С'езд Советов рассматривает советский закон об аннулировании (уничтожении) займов, заключенных правительством царя, помещиков и буржуазии, выражая уверенность, что Советская власть пойдет твердо по этому пути, вплоть до полной победы международного рабочего восстания против ига капитала.

3) Подтверждается переход всех банков в собственность рабоче-крестьянского государства, как одно из условий освобождения трудящихся масс из под ига капитала.

4) В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства, вводится всеобщая трудовая повинность.

5) В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплоататоров, декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической красной армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов.

III. 1) Выражая непреклонную решимость вырвать человечество из когтей финансового капитала и империализма, заливших землю кровью в настоящей, преступнейшей из всех войн, III С'езд Советов всецело присоединяется к проводимой Советской властью политике разрыва тайных договоров, организации самого широкого братания с рабочими и крестьянами воюющих ныне между собой армий и достижения во что бы то ни стало революционными мерами демократического мира трудящимися, без аннексий и контрибуций, на основе свободного самоопределения наций.

2) В тех же целях III С'езд Советов настаивает на полном разрыве варварской политики буржуазной цивилизации, строившей благосостояние эксплоататоров в немногих избранных нациях на порабощении сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях и вообще в малых странах.

III С'езд Советов приветствует политику Совета Народных Комиссаров, провозгласившего полную независимость Финляндии, начавшего вывод войск из Персии, об'явившего свободу самоопределения Армении.

IV. III Всеросс. С'езд Советов Р., С. и Кр. Деп. полагает, что теперь, в момент решительной борьбы с эксплоататорами, эксплоататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству—Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Вместе с тем, стремясь создать действительно свободный и добровольный, а следовательно, тем более полный и прочный союз трудящихся классов всех наций России, III С'езд Советов ограничивается установлением коренных начал федерации советских республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельно решение на своем собственном полномочном советском с'езде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеративном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях [1].

---

[1] Принята на III Всеросс. С'езде Советов 16/29 янв. 1918 г.

МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ.

Товарищи! Советской России приходится не только строить новое, но и подводить итоги старого, до известной степени—и притом до очень высокой—расплачиваться по старым счетам, прежде всего по счетам войны, которая длилась три с половиной года... Вы помните, товарищи, при каких условиях ваша делегация выезжала в Брест-Литовск в последний раз непосредственно с одного из заседаний III Всероссийского С'езда Советов. Тогда мы докладывали вам о состоянии переговоров и требованиях противной стороны. Эти требования сводились к замаскированным, вернее полузамаскированным, аннексионистским вожделениям на Литву, Курляндию, часть Лифляндии, Моонзундские острова и к полузамаскированной контрибуции, которую мы тогда исчисляли в 6—8, даже в 10 миллиардов рублей. Во время перерыва, который длился около десяти дней, в Австро-Венгрии разыгралось крупное движение, вспыхнули стачки рабочих масс, и эти стачки были тем первым признанием нашего метода вести мирные переговоры, которые мы встретили со стороны пролетариата центральных империй перед лицом аннексионистских требований германского милитаризма... Мы наблюдали движение в Австро-Венгрии, и многое говорило за то,—на это ссылались и представители германской социал-демократии в рейхстаге,—что Германия находилась у преддверия подобных же событий. Мы ехали с этой надеждой. И в первые же дни нашего нового пребывания в Бресте радиотелеграф принес нам через Вильну первые вести о том, что в Берлине развернулось огромное стачечное движение, которое, как и в Австро-Венгрии, прямо и непосредственно было связано с ходом переговоров в Бресте. Однако... именно широкий размах пролетарского выступления, какого Германия еще не видела, должен был толкнуть имущие классы к более тесному сплочению и к большей непримиримости... Уступки в том положении, в каком они находились, теснимые собственными народными массами,—уступки хотя-бы частичные означали бы капитуляцию перед идеей революции. И вот почему, после первого периода растерянности... как только стачка была ликвидирована, как только Кюльман убедился, что в данный момент его хозяевам не грозит смертельная опасность, он вернулся к тону самоуверенности и удвоенной агрессивности.

Переговоры наши осложнились участием Киевской Рады.. 9 февраля мы узнали, что ведшиеся за нашей спиной мирные переговоры между Радой и центральными державами, подписаны... Ни на какие уступки, само собой разумеется, Гофман не шел. Тогда настал час решения. Об'явить войну мы не могли. Мы оказались слишком слабы. Армия утратила внутреннюю связь. Нам для спасения нашей страны, для преодоления развала, необходимо восстановить внутреннюю связь трудовых масс... Нам необходимо трудовые массы, которые были подвергнуты колоссальным страданиям, катастрофическим испытаниям на войне, вернуть на пашни, на заводы, где они должны будут снова найти себя и упрочиться в труде, и воссоздать внутреннюю дисциплину. Это един-

ственный путь спасения для страны, которая расплачивается сейчас за грехи царизма: „Мир, который вы нам навязываете, есть мир войны, и мы выводим армию из бойни". Вместе с тем мы сказали перед лицом германского милитаризма: „Мир, который вы нам навязываете, есть мир насилия и грабежа. Мы не можем допустить того, чтобы вы, господа дипломаты, могли сказать немецким рабочим: „вы называли наши требования захватными, аннексионистскими, но смотрите—под этими требованиями мы привезли вам подпись русской революции". Да, мы слабы, мы не можем сейчас воевать, но у нас есть достаточно революционной силы, чтобы сказать, что мы не поставим добровольно нашей подписи под тем договором, который вы пишете вашим мечом на теле живых народов". Мы отказались поставить наши подписи, и я думаю, что мы правильно поступили, товарищи. (Рукоплескания)...

(Из речи Л. Троцкого на заседании В.Ц.И.К. 14 февраля 1918 г.).

ВТОРАЯ ВОЙНА И ПОДПИСАНИЕ МИРА

Германское правительство в первые дни после разрыва мирных переговоров колебалось, не зная, какой путь избрать. Политики и дипломаты считали, повидимому, что главное достигнуто и что нет основания гоняться за нашими подписями... Все это нисколько не помешало генералу Гофману об'явить—на пятый день после прекращения брестских переговоров—перемирие законченным...

Новое немецкое наступление развернулось в условиях, убийственных для России. Вместо обусловленного предупреждения за неделю, мы получили предупреждение только за два дня... О сопротивлении почти не могло быть и речи. Солдаты не хотели верить, что немцы будут наступать, после того как мы об'явили состояние войны прекращенным... В рабочих кварталах Петрограда и Москвы негодование против вероломного и поистине разбойничьего немецкого нашествия достигло высшего напряжения. Рабочие готовы были десятками тысяч записываться в армию в те тревожные дни и ночи. Но организационная сторона дела оставалась далеко позади. Отдельные партизанские отряды, полные воодушевления, убеждались в своей несостоятельности при первых же серьезных стычках с немецкими регулярными частями... Единственным серьезным препятствием на пути немецкого нашествия являлось пространство...

Главное внимание австро-венгерского правительства было устремлено на Украину. Рада обратилась через свою делегацию к правительствам центральных империй с прямой просьбой о военной помощи против Советов, которые тем временем одержали полную победу на всей территории Украины. Таким образом, украинская мелкобуржуазная демократия, в борьбе с рабочим классом и крестьянской беднотой, добровольно открыла ворота иноземному нашествию.

Одновременно правительство Свинхвуда искало помощи немецких штыков против финляндского пролетариата. Германский милитаризм

брал на себя открыто перед лицом всего мира роль палача рабочей и крестьянской революции в России.

В рядах нашей партии поднялись острые прения о том, должны ли мы в этих условиях подчиниться немецкому ультиматуму и подписать новый договор, который—в этом никто не сомневался—будет заключать в себе условия, несравненно более отяготительные, чем те, какие были нам пред'явлены в Брест-Литовске... Течение, во главе которого стоял Ленин, находило, что всякая отсрочка, всякая, даже короткая, передышка будет иметь большое значение для внутреннего упрочения и повышения обороноспособности России... Задача состоит не в том, чтобы с честью погибнуть, а в том, чтобы в конце концов победить. Русская революция хочет жить, должна жить и обязана всеми доступными ей средствами уклоняться от непосильного для нее боя и выигрывать время в ожидании того, как на помощь ей придет революционное движение Запада... Благо революции—высший закон! Нужно принять мир, который мы не в силах отклонить...

На С'езде Коммунистической партии, как и на IV С'езде Советов, победу одержали сторонники заключения мира. К ним присоединились многие из тех, кто в январе считал невозможным подписать брест-литовский договор.

„Тогда,—говорили они,—наше подписание было бы понято английскими и французскими рабочими как жалкая капитуляция без попытки борьбы... Но, после того как мы отказались подписать договор, после нового немецкого нашествия, после нашей попытки дать ему отпор, после того как наша военная слабость с ужасающей несомненностью обнаружилась перед всем миром, никто не посмеет нам бросить упрека в сдаче без боя".—Брест-Литовский договор второго усугубленного издания был подписан и ратифицирован...

(Л. Троцкий—„Октябрьская революция").

ИЗМЕНЕНИЕ НАЗВАНИЯ ПАРТИИ И ПАРТИЙНОЙ ПРОГРАММЫ.

(Резолюция VII С'езда Р. С.-Д. Р. П. (большевиков).

1. С'езд постановляет именовать впредь нашу партию (Р. С.-Д. Р. П. большевиков) Российской коммунистической партией с добавлением в скобках „большевиков".

2. С'езд постановляет изменить программу нашей партии, переработав теоретическую часть или дополнив ее характеристикой империализма и начавшейся эры международной социалистической революции.

3. Затем изменение политической части нашей программы должно состоять в возможно более точной и обстоятельной характеристике нового типа государства, Советской Республики, как формы диктатуры пролетариата и как продолжения тех завоеваний международной рабочей революции, которые начаты Парижской Коммуной.

4. Программа должна указать, что наша партия не откажется от использования и буржуазного парламентаризма, если ход борьбы отбро-

сит нас назад, на известное время, к этой, превзойденной теперь нашей революцией, исторической ступени. Но, во всяком случае и при всяких обстоятельствах, партия будет за Советскую республику, как высший по демократизму тип государства и как форму диктатуры пролетариата, свержения ига эксплоататоров и подавления их сопротивления.

5. В том же духе и направлении должна быть переработана экономическая, в том числе и аграрная, а равно педагогическая и прочие части нашей программы. Центр тяжести должен состоять в точной характеристике начатых нашей Советской властью экономических и других преобразований с конкретным изложением ближайших конкретных задач, поставленных себе Советской властью и вытекающих из сделанных уже нами практических шагов экспроприации экспроприаторов.

6. С'езд поручает особой комиссии из семи человек (в состав ее избраны: Ленин, Бухарин, Зиновьев, Троцкий, Сталин, Сокольников и В. Смирнов) составить по возможности безотлагательно, на основании изложенных указаний, программу нашей партии и утвердить ее, как программу нашей партии [1].

КАЗНЬ НИКОЛАЯ РОМАНОВА.

(16 июля 1918 г.).

Местом заключения Романовых Екатеринбургским Советом был избран дом Ипатьева. Владелец дома был выселен, а вокруг дома впоследствии устроен был легкий забор, защищающий дом от любопытных взглядов...

Дом Ипатьева двух-этажный, при чем нижний этаж, полуподвальный, благодаря сильному уклону почвы с Вознесенского проспекта, был занят главным образом помещениями, приспособленными под канцелярию, кухни, кладовые. В верхнем этаже Романовым было отведено пять комнат, в которых они и содержались в условиях полутюремного режима.

Привезенные в мае из Тобольска сын и остальные дочери Романова были также заключены в доме Ипатьева.

Не применяя к заключенным особо репрессивных мер и строгого тюремного режима, Областной Совет в тоже время ввел строгую охрану дома, и заключенные находились в нем всегда под неусыпным надзором красной гвардии, отряд которой помещен был в одном из зданий напротив „дома специального назначения"...

Обед семья получала из советской столовой, лучшей в городе; ежедневно отпускалось по два обеда на каждого заключенного. В распоряжении семьи имелся „примус" для подогревания обеда.

Ежедневно заключенных выводили гулять в садик при доме, где в их распоряжение предоставлены были приспособления и инструменты для физической работы. Часы прогулки они назначали сами.

---

[1] VII С'езд Р. С.-Д. Р. П. (б.) состоялся в марте 1918 г.

Во внутреннюю жизнь заключенных комендатура дома не вмешивалась, предоставляя семье возможность распределять день по своему усмотрению...

В первые же дни после перевода Николая в Екатеринбург, сюда стали стекаться монархисты всех мастей. Начиная с полупомешанных барынь, графинь и баронесс, монахинь, духовенства, кончая представителями иностранных держав.

Доступ к Николаю был ограничен чрезвычайно узким кругом лиц и членов Областного Совета Урала. Вообще же разрешения на свидания с Николаем давались ВЦИК'ом.

Просьбы о свидании, как с Николаем, а также и с другими представителями дома Романовых, были довольно часты. Мотивировки были самые разнообразные: „повидаться, так как состоят в родстве", „услужить, что надо будет" и т. д. Являлись представители Красного Креста от разных дипломатических миссий. Однажды явился даже член генерального штаба сербских войск, Мигич, для получения личной информации от Николая о мировой войне...

Становилось совершенно очевидным даже для широких кругов населения, что монархисты свивали в Екатеринбурге организацию для освобождения Николая, так что Областной Совет был однажды поставлен перед фактом возможности неорганизованного, стихийного выступления рабочих с целью расправы над царем и собиравшейся вокруг него кликой...

С приближением фронта к Екатеринбургу и местное контр-революционное, „верное престолу", офицерство пытается завязать связи с царской семьей и, главным образом, с его женой, проявляющей большую активность и непримиримость.

Вот одно из писем, которыми обменивались заключенные с заговорщиками, пытавшимися устроить в Екатеринбурге восстание еще в июне с целью освобождения Романовых.

„Час освобождения приближается, и дни узурпаторов сочтены. Славянские армии все более и более приближаются к Екатеринбургу. Они в нескольких верстах от города. Момент становится критическим, и теперь надо бояться кровопролития. Этот момент наступил. Надо действовать"...

Вопрос о расстреле Николая Романова и всех бывших с ним принципиально был разрешен в первых числах июля.

Организовать расстрел и назначить день поручено было президиуму Совета...

Когда президиум Областного Совета подписал смертный приговор Николаю Романову и его семье, чехо-словацкий фронт был уже близко, и контр-революционные банды с двух сторон—от Челябинска и по Западно-Уральской ж. д.—двигались на Екатеринбург.

С расстрелом Романовых надо было спешить.

Организация расстрела и уничтожение трупов расстрелянных поручены были одному надежному революционеру, уже побывашему в боях на Дутовском фронте, рабочему В.-Исетского завода—Петру Захаровичу Ермакову

Самую казнь бывшего царя нужно было обставить такими условиями, при которых было бы невозможно активное выступление приверженцев старого режима. Поэтому избран был такой путь.

Семье Романовых было об'явлено, что из верхнего этажа, в комнатах которого они помещались, им необходимо спуститься в нижний. Вся семья Романовых—бывший царь Николай Александрович, жена его Александра Федоровна, сын Алексей, дочери—домашний доктор семьи Боткин, „дядька" наследника и бывшая принцесса-фрейлина, оставшиеся при семье,—около 10 час. вечера сошли вниз. Все были в обычном домашнем платье, так как спать всегда ложились позже.

Здесь, в одной из комнат полуподвального этажа, им всем предложили стать у стены. Комендант дома, бывший в то же время и уполномоченным Уралсовета, прочитал смертный приговор и добавил, что надежды Романовых на освобождение напрасны—все они должны умереть...

Около часа ночи трупы казненных были отвезены за город, в лес, в район Верхне-Исетского завода и деревни Палкиной, где и были на другой день сожжены...

(П. Быков.—„Последние дни последнего царя". См. сборн. „Рабочая революция на Урале").

ПОД ВЛАСТЬЮ БЕЛЫХ.

Город еще не взят—но поражение решено. Хлопают двери покидаемых комнат — везде на полу бумаги, брошенные вещи. Нет хуже отступления. Изо всех углов появляются лица неприметных соседей, отсутствовавших в течение многих месяцев. Какие-то пуговицы с потертым блеском, нечто похожее на кокарду, даже на орденскую ленточку — но это все еще под спудом, в полумраке опустошенных бегством коридоров, еще не смеющих крикнуть свое трусливое и бешеное: „ату его". Перед крыльцом—смутный очерк батареи, пыльные, сжатые и злые лица, резкие окрики, где-то по мостовой грохочут колеса, стучит конница. Готовится последнее сопротивление. Окна дребезжат от несущихся мимо грузовиков—их шумное бегство убивает последнюю надежду. У дверей, на которых еще ненужно белеют вывески „оперативное", „секретариат"—несколько женщин прощаются со своими близкими: чьи-то плачущие глаза, чьи-то руки, вырывающиеся из других рук, а за ними, по „красным половикам наглые лакеи уже выметают" революционный сор—летит пыль, царапают вызывающе метлы.

На мне навешаны бумаги, печати, еще что-то очень секретное, что велено унести и передать в первом штабе, который удастся встретить. Не оборачиваюсь на свист снарядов, которые все чаще ударяют в белый карниз „сибирских номеров". Стараюсь не думать о лакеях, взметающих клубы пыля; о броневике и ужасной, размытой дороге, которой он пройдет—или не пройдет. Рядом бежит семейство с детьми, шубами и самоварами; несколько впереди женщина тянет за веревку перепуганную козу. На руках висит младенец. Куда ни взглянешь вдоль золотых осен-

них полей, поток бедноты, солдат, повозок, нагруженных домашним скарбом, все теми же шубами, одеялами и посудой...

Целая Россия, схватив узел на плечи, по вязкой дороге пошла прочь от чехо-словацких „освободителей“...

После маленькой разведки мы залезли в первую встречную деревню. Сперва все шло хорошо: прохладное крылечко, яйца вкрутую, чай, огурцы и безразличный ко всему хозяин. И вдруг, только мы разблаженствовались—вынырнул откуда-то господин в синей суконной поддевке, красном кушаке, с бородой „а ля рюс“—нечто вроде урядника на покое, или воинствующего помещика. Наш хозяин только глянул на него боком и стал еще серее и молчаливее. А тот все бегает любопытными глазками от „портфеля“ к его портфелю, от Иподиматопулы, спокойно пьющего чай,—к очень благопристойно и даже благожелательно настроенным морякам. И начался у нас самый невинный, самый тихий разговор.

— Вы из Казани беженцы?

— Отвечает за всех „Иподи“:—„Нет, дачники. Ищем домик с хорошим видом на реку, и вообще с удобствами. Не порекомендуете ли?“— У „Иподи“ рожа небритая и зверская, он чистокровный южанин, черный, веселый и отчаянный.

Поддевка хихикает:—„Ну, господа, не притворяйтесь. Выгнали из Казани, здорово выгнали? Вот товарищ даже портфель захватил второпях; да вы верно из наших?—И подмигивает глазом—шариком масла...

„Иподи“ делает вольт. Начинает расписывать подкрепления, полученные Красной армией: — „Помилуйте, 20-ти дюймовые орудия из Кронштадта, бомбы, начиненные лунином—через два-три дня“.

И вдруг пристально глянул на хозяина, повернувшего голову куда-то в сторону к открытой степи. Очень далеко маячат тени верховых, как черные иголочки их пики. Поддевка всполошилась, но тут „Иподи“ так весело опустил руку в карман, а все мы так быстро скрылись через сад и ближнее поле, что ему не пришлось ничего сделать...

Наконец — Волга, переправа, станция, сон на полу холодной продувной теплушки. Еще сутки, потерянные на мокрых, пустых дорогах. Утром—мы в настоящем Свияжске. И в Свияжске их нет. В комендатуре толчея, разговоры, расспросы... Наконец, приходит телеграмма товарища Троцкого о том, что Раскольников (мой муж) — взят в плен белогвардейцами...

Тут мы с „Иподи“ решаем итти обратно в Казань. Товарищ Бакинский пишет на крохотной папиросной бумаге пропуск через все наши линии...

— Уж я вижу, вы люди хорошие, порядочные. Не первый день живу на свете, славу богу, понимаю, кто к кому относится.

— А если нас остановят, что вы скажете?

— Скажу, что дачники, домой едут господа. Меня ведь знают, поверят.

И правда, теплым росистым утром телега киргиза повезла нас тихими проселочными дорогами..

Ни один патруль не остановил нашу телегу и в Адмиралтейскую слободу мы в'ехали, едва веря своей удаче, хотя непреложное уродство улиц и домов со всех сторон спешило нас уверить, что это уже не сон, а сама кривобокая, скуластая, охваченная белогвардейским бредом, Казань.

— А куда же вы нас везете, кум? у кого устроите?

Киргиз обернул веселое, лукаво улыбающееся лицо.

— Вам ведь надо, где поспокойнее. Так уж лучше не найдете— к приставу слободскому вас отвезу. Человек свой, т.-е. надежный и положительный. Мы с ним старые двузья.

И радостно щелкнул вожжами по круглой спине лошади. Мы с „Иподи" только переглянулись. Угодил нам кум, нечего сказать! Пристава! Телега в'ехала в пыльную, широкую слободскую улицу.

В это-то время, когда суд божий, а также и чехо-словацкий, находился в полном разгаре, мы и поселились у пристава...

Растягивая удовольствие, не чаще, чем один раз в три дня, он ехал в город, причем вся улица и „подвальные" отлично знали, что „сам" отправился в штаб с доносом на кого-нибудь из них. Вечером милиция чинно забирала очередного жильца; наверху пили чай, мамаша чутко прислушивалась к возне внизу, папаша невинно, бесконечно долго и радостно толковал о том, что ему и самому жаль, но, „как христианин и офицер", он не имеет права укрывать и пр...

На следующее утро „Иподи", взяв деньги и бумаги, ушел в город на разведку. Пристав отправился в обход, отыскивать и отнимать оружие у рабочих...

Ни вечером, ни утром следующего дня не вернулся мой спутник. Я осталась одна, без денег и без документов. Пристав заволновался, но затем решил, что моего „мужа" как офицера-добровольца, могли просто мобилизовать в штабе, куда он явился,—и посоветовал с'ездить в город, навести справки. Знакомые улицы, знакомые дома, и все-таки их трудно узнать. Точно десять лет прошло со дня нашего отступления. Все другое и по другому. Офицеры, гимназисты, барышни из интеллигентных семейств в косынках сестер милосердия, открытые магазины и разухабистая, почти истерическая яркость кафе—словом, вся та минутная и мишурная сыпь, которая мгновенно выступает на теле убитой революции. В предместьи трамвай остановился, чтобы пропустить подводу, груженную все теми же голыми, торчащими как дерево, трупами расстрелянных рабочих. Она медленно, с грохотом, тащилась вдоль забора, обклеенного плакатами „Вся власть Учредительному Собранию". Вероятно люди, налепившие это конституционное вранье, не думали, что их картинки станут частью такого циничного, общепонятного революционного плаката...

Белый штаб помещался на Грузинской улице. В общем, без особого труда удалось получить пропуск — в канцелярии мимо меня пробежали штабные офицеры, всего несколько дней тому назад служившие в Рев-военсовете...

Два дня продолжались мои визиты на Грузинскую — от нескольких секретарей и дежурных удалось окончательно узнать список расстре-

лянных и бежавших друзей—пора было подумать об обратном исходе. Пристав, тщетно прождав моего без вести пропавшего „мужа“, начал проявлять признаки беспокойства... и мои подвальные соседи настойчиво советовали уходить пока не поздно... Однажды утром, я тихонько оделась, ощупала в кармане засохшую корку хлеба, в которой окаменел запрятанный в мякиш пропуск, и решила уйти из дому, чтобы уж не возвращаться в него никогда. Жена рабочего успела сунуть мне в руку трехрублевую бумажку. Но у ворот меня остановил пристав.

— Вы куда, сударыня, в такое раннее время?

— В штаб, сегодня обещали дать точную справку.

— Позвольте вас проводить, я помогу, окажу, так сказать, протекцию...

Как я ни оттоваривалась, пристав стоял на своем...

В штабе, точно из-под земли, вынырнул расторопный секретарь, а пока мы с ним проходили через общую залу, за спинами просителей и барышень, с любопытством провожавших нас глазами, блеснул уже белесый холодок штыка. Кабинет поручика Иванова помещался наверху, в трех маленьких комнатах. Первая из них, приемная, была густо набита просителями, арестованными, родственниками всякого рода и часовыми. Пока мой почетный конвоир бегал докладывать Иванову, тому самому, который „за революцию“ бил по пяткам казанских железнодорожных рабочих, я успела оглядеться. И вот, в двух шагах, лицом ко мне, группа знакомых матросов, из нашей флотилии. Сильные, голые шеи, загорелые лица, фуражки „Андрея“, „Севастополя“ и просто „Красный флот“. Боцман смотрит знакомыми глазами, пристально так, что видно его голую душу, которая через двадцать минут станет к стенке, с крестиком, который болтается на сапожном шнурке—не для бога, а так, на счастье. Стучит, стучит пульс: секунда, две, три, не знаю сколько. И глаза, громко зовущие к себе на помощь, уже не смотрят. Стукнули приклады — матросов уводят. В дверях боцман осторожно оборачивается. „Ну, говорит, прощай“...

Зеленый стол, за ним три офицера. Конечно, этот слева и есть Иванов. Бледная лысая голова, до того белая, что кажется мягкой, как яйцо, сваренное вкрутую. Светлые глаза без бровей, белый китель, белые чистенькие руки на столе. Второй—японец; его лица не помню. Так, нечто любопытно брезгливое и бесконечно холодное. Третий—протокол. Перо, прямой пробор, заглавная буква вверху листа с размашистым, нафиксатуаренным хвостиком.

— Ваша фамилия? возраст? общественное положение?

На мои ответы Иванов улыбается широкой, почти добродушной улыбкой.

— А Раскольникова вы знаете?..

— Рас-коль-никова? Нет, а кто это?

— Один крупный прохвост.

— Господин поручик, нельзя же знать всех прохвостов, их так много.

— Всех не всех, а одного вам все-таки придется вспомнить.

Я молчу.

И вдруг этот изящный, небрежный, остроумный прокурор треснул кулаком по столу и заорал по-русски, вскочив с места от истерического бешенства:

— Я тебе покажу, так твою мать, ты у меня запоешь, мерзавка!—И грубо офицеру, имевшему бестактность засидеться на отеческом допросе:—идите вниз, когда можно будет, позову!

Японец прошел мимо легкими шагами, полоснув меня и своего коллегу и союзника презрительными, равнодушными, почти злорадными глазами. И опять Иванов заговорил спокойно, со своей прежней мягкой, двусмысленной, неверной улыбкой:

— Одну минуту, нам не обойтись без следователя.

В комнате было три двери. Направо та, через которую вышел Иванов; посередине — зимняя, заколоченная войлоком, запертая. И третья, крайняя слева — в приемную. Возле нее — часовой. Бывают в жизни минуты сказочного, безумного, божественного счастья. Вот в это серое утро, которое я видела через окно, перекрещенное безнадежным крестом решетки, случилось со мною чудо. Как только Иванов вышел...— часовой наполовину высунулся за двери „прикурить". В комнате оставались только растопыренные фалды его шинели и тяжелая деревянная нога винтовки. Сколько секунд он прикуривал? Я успела подбежать к заколоченной средней двери, дернуть ее несколько раз—из последних сил—она открылась, пропустила меня, бесшумно опять захлопнулась. Я оказалась на лестнице, успела снять бинт, в котором было завязано лицо, и выбежать на улицу. У окна общей канцелярии, спиной ко мне, стоял в ожидании пристав и давил мух на стекле. Мимо штаба неспешной рысцой проезжал извозчик. Он обернулся, когда я вскочила в пролетку.

— Вам куда? — Не могу ему ничего ответить. Хочу и никак не могу. Он посмотрел на мой полупрозрачный костюм, на лицо, на штаб; стал на облучке во весь рост и бешенно хлестнул лошадь. С грохотом неслись мы по ужасной казанской мостовой все задворками и переулками, пока сивка-бурка, вспотев до пены и задрав кверху редкий хвост, не влетела в ворота извозного двора. У моего извозчика сын служил в Красной армии...

Через часа два, завернутая в платок с розанами, имея при себе фунт хлеба и три рубля деньгами, я уже выходила за казанскую заставу. Занятый осмотром проезжавшего воза, дозорный пост меня легко пропустил, мимо другого я пробралась кустами. Попутчик-крестьянин, который согласился меня довезти до первой деревни, еще раз милостиво даровал мне жизнь в этот счастливейший день моей жизни. Протрусив рысцой верст шесть, он сказал голосом, который был голосом моей подвальной соседки, и рыжебородого извозчика, и Авдотьи Марковны, и всей российской бедноты, которая в те дни первоначальной революционной неурядицы, поражений и отходов безусловно была на нашей стороне и нашу победу спасала так же просто и крепко, как меня, как тысячи других товарищей, разбросанных по ее большим дорогам.

— Ну, слезай, девка. Полно врать, я вижу, кто ты есть за птица. Иди налево — там твои. А направо, вон, ходит облачко будто черное, это чехи, кавалерия.

Пробежав полем версты две, я действительно встретила нашу передовую цепь... [1].

(Лариса Рейснер.—„Казань". См. „Пролетарск. Рев." № 12).

АМЕРИКАНСКИЕ ВОЗЗВАНИЯ НА АРХАНГЕЛЬСКОМ ФРОНТЕ.

Ко всем большевикам.

Обращение.

Союзники пришли в Россию не сражаться с русскими людьми, а помочь им. Союзники совсем не хотят возвести старый режим в России, они хотят только сделать ее великой и свободной.

Если вы, стоящие на позициях в Тургасове, придете к нам без оружия, то мы, союзники, гарантируем вам безопасность, свободу и пищу. Поспешите сделать это теперь же. Это обращение есть американского офицера, который прибыл в Россию со многими тысячами американцев, желающих помочь вам. Не бойтесь, если вы придете к нам, вас никто не будет расстреливать. Верьте словам американского офицера, офицера великой свободной Америки.

Подписал Филипс, 339 полка Сев.-Ам. Соедин. Штатов.

Обращение к крестьянам.

Мы, союзники, готовы послать в Россию колоссальные запасы муки и продовольствия,—только мы желаем, чтобы вы, крестьяне, присоединились к нам и не помогали большевикам, которые работают вместе с германцами и которые продают Россию немцам. Верьте этому обращению, обращению американского офицера, который приехал сюда со многими тысячами американцев, желающими помочь России сделаться великой и свободной. Мы, союзники, не пошлем вам муки до тех пор, пока у вас находятся большевики.

Подписал лейтенант Филипс.

РАСПРАВА АМЕРИКАНЦЕВ СО СВОИМИ БОЛЬШЕВИКАМИ.

Транспорт вошел в область ледяных гор, низко нависших туманов, скалистых утесов, покрытых снегом и стаей морских чаек, летающих над ними. Целыми днями и ночами плыли они в этих арктических водах и прибыли, наконец, в Белое море и в Архангельскую гавань...

---

[1] Л. Рейснер в 1918 г. была комиссаром разведки при штабе V армии.

Джимми считал, что эта экспедиция предназначается для того, чтобы сражаться с германцами; но теперь у него явилось подозрение: повидимому, она будет сражаться с большевиками! Социальная революция совершилась в Архангельске и Совету рабочих и крестьян принадлежал уже полный контроль, когда британские войска и моряки произвели внезапную атаку и захватили порт, гоня перед собой революционеров, пришедших в замешательство.

Теперь они отправили одну экспедицию по железной дороге, а другую на пароходах вверх по Северной Двине... А теперь прибыли американские войска, которые спешно высаживались на берег, снабжались всем необходимым и готовились присоединиться к тому, что, как казалось Джимми, было открытием военных действий против организованных рабочих!..

Все смотрели на большевиков, как на бешеных собак, предателей, преступников, сумасшедших, одним словом, называли их самыми скверными именами, которые только могут прийти в голову. Большевики отступились от дела союзников, они вошли в союз с Германией, чтобы предать демократию, поэтому теперь американцы явились сюда, чтобы дать им урок законности и порядка. Американцы глядели на себя, как на авангард огромной экспедиции, которая должна будет пройти до Петрограда и Москвы и стереть с карты самую идею большевизма. А Джимми Хиггинс должен помогать! Джимми Хиггинс, в окопах, с заткнутым ртом, привязанный к колеснице милитаризма, должен принимать участие в уничтожении первого в истории пролетарского правительства!

Чем больше думал об этом Джимми, тем в большее негодование он приходил; он считал личным оскорблением ту низкую шутку, которую с ним сыграли. Он проглатывал их пропаганду, он набивал себя их патриотизмом, он бросил все решительно, чтобы итти сражаться за демократию. Он участвовал в битве, рисковал своей жизнью, перенес раны и страдания за них. А теперь они разорвали заключенный с ним договор, привезли сюда и приказывают ему драться с рабочими, как будто он какой-нибудь полицейский там в Америке! Вот так демократия! Теперь они выступают в поход, величаясь своим намерением покорить русских революционеров!

Джимми корчился от одной мысли об этом. Не утешился он и тогда, когда один из солдат его роты рассказал ему „не подлежащую дальнейшему распространению" историю о том, что здесь происходит: для того, чтобы убедить британцев подчинить свои армии контролю французского генерала и тем спасти положение во Франции, американцы были принуждены подчинить французскому командованию также и свои армии. А теперь им дано приказание выступить в поход и сражаться с революционным правительством, которое не признает своего долга Франции и, таким образом, наносит оскорбление бережливому по природе своей народу...

— Меня зовут Калинкин. Я большевик.

У Джимми сердце так и подпрыгнуло, хотя он, конечно, уже и сам начал догадываться.

— Мы назвали нашу местную группу в Айронтоне большевистской,—сказал он.

— Я остался в тылу для пропаганды. Я ищу товарищей среди американцев, среди англичан. Я говорю: не сражайтесь с рабочими, сражайтесь с хозяевами, с капиталистами. Вы понимаете?.. Вы пойдете к американским солдатам, вы скажете: русский народ был рабом столько лет; теперь он получил свободу, а вы пришли убивать русских и снова обращать их в рабов! Зачем это?..

— Расскажите мне, что надо делать, товарищ?

Калинкин спросил:

— Вы вели пропаганду в Америке?

— Конечно,—сказал Джимми.—Я сидел однажды в тюрьме за произнесение речи на улице.

Тогда его собеседник пошел в угол комнаты, порылся под несколькими кочанами капусты и принес пакет. В нем были листки... и протянул один из них Джимми, с таким об'яснением:

— Меня спрашивают, как нам сделать, чтобы американцы нас поняли. Я говорю: они должны узнать, как мы ведем пропаганду среди германцев. Я говорю: печатайте прокламации, которые мы раздавали германским войскам, и переведите их на английский язык, тогда американцы и англичане смогут их прочесть. Как вы думаете, это принесет нам помощь? Джимми взял листок, придвинул лампу поближе и прочел... „Вы ведете войну за автократию против Революции, свободы и справедливости... Мы знаем, что силы Революции в конечном итоге окажутся более могущественными, чем сила пушек... Вы должны понять свои собственные и в то же самое время всеобщие интересы, напрячь все ваши неизмеримые силы против империализма и пойти рука об руку с нами—к жизни и свободе!“

— Чудесно!—вскричал Джимми.—Как раз это то, что нужно! Никто ничего не сможет возразить на это...

— Показывайте его только тем, кому вы можете доверять... Вот видите, разве большевики не сражаются с кайзером? А в таком случае, нужно ли вам с ними сражаться?..

— Я раздам их, и они принесут свои результаты, бьюсь об заклад...

Лейтенант сидел за столом прямой и чопорный, грозно нахмурив брови и сурово глядя через очки.

— Хиггинс,—прогремел он,—где вы достали этот листок?

— Я нашел его в канаве.

— Вы лжете!—сказал лейтенант.—Сколько вы их нашли?

— Три, сэр,—сказал он и добавил:—я так думаю.

— Вы лжете! — опять загремел лейтенант. — Кому вы их роздали?..

— Я... я не хотел бы этого говорить,—сказал он.

— Я приказываю вам это сказать,—сказал лейтенант.

— Сожалею, сэр, но не могу...

— Вы обыскали его?—спросил офицер у солдат...

Они осмотрели все решительно, даже отпороли подошвы у сапог, и, конечно, одной из первых вещей была найдена во внутреннем кармане куртки красная карточка.

— Ага!—воскликнул лейтенант.

— Это карточка социалистической партии,—сказал Джимми.

— Разве вам не известно, что возвращающихся обратно в Америку солдат, у которых оказывается такая карточка, посылают в тюрьму на двадцать лет?..

Последовало молчание...

— Ну, Хиггинс, — сказал лейтенант, — вы пойманы с поличным и уличены в измене своей родине и флагу... Он вынул из ящика пару наручников и проследил, чтобы их надели на Джимми... На улице их ждал автомобиль, и офицер с арестованным и с двумя конвойными поехал в военную тюрьму...

Сержант Перкинс схватил его за плечо, повернул к себе лицом и заглянул в глаза:

— Ну, ты, сукин сын, слушай, что я буду говорить. Я расследовал дело и узнал имена большей части тех большевиков, с которыми ты общался. Но я хочу знать всех их, и я узнаю—понимаешь?

Несмотря на весь страх, испытываемый Джимми, сердце у него запрыгало от радости. Перкинс лжет! Он ровно ничего не узнал...

— Ну, ты мне все расскажешь,—продолжал он...—Я буду вырывать у тебя член за членом... я сделаю все... чтобы ты у меня заговорил. Понимаешь? Ну, кто они?

— Никого и нет. Они...

— Ах, так? Хорошо, мы посмотрим.—И сержант повернул Джимми к себе спиной.—Держите его,—сказал он двум солдатам... Сержант схватил его за кисти рук, скованных вместе, и начал загибать их Джимми за спину... Это была самая ужасная боль, какая когда-либо снилась Джимми... Джимми корчился в конвульсиях... Он молил, он рыдал и стонал. Но стены подземелья были так построены, чтобы владельцы собственности, находящиеся за их пределами, не могли взволноваться, узнав, что делается в их интересах...

— Назови мне имена, — сказал он. Он загнул обе руки Джимми ему до затылка и налегал на Джимми, продолжая тянуть и тянуть... Это было слишком ужасно, этого не могло быть...

— Так не годится; придется вздернуть его ненадолго.

И Перкинс вынул из кармана крепкую веревку, обвязал одним концом оба больших пальца Джимми, а другой конец продернул через железное кольцо в стене подземелья, — ввинченное каким нибудь царским агентом для использования его в интересах демократии. Двое других солдат стали подтягивать Джимми кверху, пока ноги его не отделились от полу, а затем закрепили веревку, так что Джимми всей своей тяжестью повис на больших пальцах рук, все еще закованных в наручники за его спиной...

Теперь он уже не доставлял никаких беспокойств троим тюремщикам — за тем исключением, что своим пурпуровым лицом, искаженным

судорогами, и окровавленным, закушенным языком являл отвратительный для зрелища предмет... Однако, текли минуты, и гнев Перкинса все возрастал... Он дал обещание получить сведения, и поэтому его репутация была поставлена на карту.

— Будешь ты говорить?.. Придется попробовать лечение водой. — Коннор, принесите мне пару кувшинов воды и воронку хорошего размера... Слушай, ты, чортова сучка... Мы собираемся налить тебя доверху водой. Мы оставим тебя часа два мокнуть, а потом вольем в тебя еще воды и будем так продолжать днем и ночью, пока ты не признаешься...

Джимми прижался лицом к стене... Джимми вступил в битву — самую грозную битву, в которой когда-либо принимал участие человек: в борьбу совести со слабостью плоти.—Говорить или не говорить?..

„Ты—революция. Ты—социальная справедливость, ведущая борьбу за жизнь в этом мире. Ты—человечество, обратившее свое лицо к свету, напрягающее все усилия, чтобы достичь новых пределов, оставить позади них старый ужас... Ты должен вытерпеть! Ты должен перенести это!.. Ты должен выносить все—вечно—так долго, как это понадобится!..“

Перкинс страдал от ярости, смешанной с немалой дозой страха. Что это за чортова идея, которая может сделать маленького заморыша-рабочего сильнее всех властей? И что это за идея, которой нужно помешать распространяться и не давать ей погубить уютный и прекрасно устроенный мир, где Перкинс надеется получить в скором времени следующий воинский чин!..

(У. Синклер.—«Джимми Хиггинс»).

АННУЛИРОВАНИЕ БРЕСТСКОГО ДОГОВОРА.

(Декрет В. Ц. И. К.).

Всем народам России, населению всех оккупированных областей и земель. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов всем торжественно заявляет, что условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 года, лишились силы и значения. Брест-Литовской договор... в целом и во всех пунктах об'является уничтоженным. Все включенные в Брест-Литовский договор обязательства, касающиеся уплаты контрибуции или уступки территории и областей, об'являются недействительными...

Брест-Литовский мир насилия и грабежа пал под соединенным ударом германских и русских пролетариев-революционеров [1].

Трудящиеся массы России, Лифляндии, Эстляндии, Польши, Литвы, Украины, Финляндии, Крыма и Кавказа, освобожденные германской революцией от гнета грабительского договора, продиктованного германской военщиной, призваны ныне решать свою сульбу. На место империалистического мира должен прийти социалистический мир, заключен-

[1] 9 ноября 1918 г. в Германии началась революция, а с нею пали и все договоры, заключенные правительством кайзера Вильгельма II.

ный освободившимися от гнета империалистов трудящимися массами народов России, Германии и Австро-Венгрии. В основу истинного мира народов могут лечь только те принципы, которые соответствуют братским отношениям между трудящимися всех стран и наций и которые были провозглашены Октябрьской революцией и отстаивались русской делегацией в Бресте...

Построенные на этих основах международные отношения России, Германии и Австро-Венгрии будут не только мирными отношениями. Это будет союз трудящихся масс всех наций в их борьбе за создание и укрепление социалистического строя на развалинах строя милитаризма и экономического рабства. Этот союз трудящиеся массы России, в лице Советского Правительства, предлагают народам Германии и Австро-Венгрии. Они надеются, что к этому могущественному союзу освободившихся народов... примкнут народы всех остальных стран, еще не сбросивших ига империализма... Впредь же до того момента, когда трудящиеся массы этих держав заставят свои правительства принять мир с рабочими, крестьянами и солдатами России, правительство Республики будет, опираясь ныне на революционные силы всей средней и восточной Европы, сопротивляться попыткам вновь вернуть Россию под иго чужеземному и туземному капиталу...

Насильнический мир в Брест-Литовске уничтожен. Да здравствует истинный мир и мировой союз трудящихся всех стран и наций!

Подписали: Председатель В. Ц. И. К.
Я. Свердлов.
Секретарь В. Ц. И. К.
В. Аванесов.

13 ноября 1918 г.

МАНИФЕСТ КОЛЧАКА.

Офицеры и солдаты русской армии! В настоящий день решаются судьбы мира и вместе с ними судьба нашей родины.

Великая война окончилась великой победой, но мы не участники на мировом ее торжестве; второй год мы, отказавшиеся от борьбы с историческим нашим врагом, немецкими бандами, ведем внутреннюю борьбу с немецким большевизмом, обратившим наше великое государство в разоренную, залитую кровью и покрытую развалинами страну... и вот теперь или, может быть, никогда решается вопрос о бытии независимой свободной России или окончательной гибели ее.

Красная армия германо-большевиков с основой и примесью немцев, мадьяр, латышей, эстов, финнов и даже китайцев, управляемая немецкими офицерами, продавшими свою родину предателями и изменниками, еще занимает большую часть России...

В час колебаний государственной власти и угрозы новой анархии я на свою совесть принял страшную тяжесть верховной власти, всю ответственность, с нею связанную перед родиной нашей.

Быть может, это последняя попытка, последнее усилие, которые выполняются в передаче всей верховной власти в руки солдата, каким являюсь я. Передав мне верховную власть, правительство признало тем самым, что в эти последние часы жизни государства только вооруженная сила, только армия явится спасением,—все остальное должно быть подчинено ее интересам и задачам...

Как ни тяжело наше положение, но мы не одни—с нами братские чехо-словацкие войска и союзная героическая добровольческая армия генерала Деникина, партизанские и добровольческие отряды Бичераховых и Покровского и других, действующих на Северном Кавказе, и пришедшие на помощь нашей родине отряды Великобритании, закаленные в великой борьбе народов, с юга и севера помогают нам охватить германо-большевизм в железное кольцо, внутри которого он захлебнется в крови и грязи...

Да поможет нам господь бог всемогущий, которого многие из нас в годы великих испытаний забыли, выполнить свои обязательства перед родиной и принести труд наш к ее возрождению, счастью и свободе.

Верховный правитель и верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России,

Адмирал Колчак.

23 ноября 1918 г.

ПАРТИЗАНСКАЯ БОРЬБА С КОЛЧАКОВЩИНОЙ.

В ближайшие дни после избиения поляков отряд стал пополняться. Ехали, в большинстве, из соседних с Улею деревень, боясь мести из города, такие приезжали вместе со скарбом, с женами и ребятами. Но были и из дальних деревень, почти все солдаты германской войны, они приходили в пешую, с котомками и с берданками, у некоторых были даже винтовки.

Становище перенесли глубже в чернь [1] к Лудяной горе и здесь разбили палатки. Уже было около полусотни человек.

Встретившись с Кубдей, Селезнев сказал:

— Начальника надо выбирать...

Назначили собрание.

Кубдя влез в телегу, мужики сели на траву и закурили.

Кубдя говорил:

— Товарищи!.. Собрались мы сюда, известно зачем; вам рассказывать не к чему. Никто никого не гнал, по доброй воле... А только против одного: не надо нам колчаковского старорежимного правления, желаем свою крестьянскую власть. Что мы — волки, всякого охотника бояться? У самих сила есть, а кроме—идет из-за Урала советская армия. Нужно продержаться, а там как уж получится—видно будет. Та-ак... А теперь нужно выбрать начальника, потому овца—и та своего козла

[1] Тайга.

имеет, чтобы водить... А так как назначать кандидатов, то мой голос за Антона Семеновича Селезнева...

Долго мужики галдели на сходке. Начали поднимать руки. Большинство было за Селезнева...

Под вечер в лагерь пришел учитель из Улеи, Кобелев-Малишевский. Он поздоровался со всеми мужиками за руку и сел рядом с Кубдей.

— А я, ведь, к вам,—сказал он неожиданно для себя.

Когда он шел, он думал только взглянуть на лагерь и уйти.

Селезнев увидел учителя и обрадовался:

— Вас то ведь нам и надо, Николай Осипович! Приказ надо написать. А грамотного человека нету.

— Какой приказ?—спросил Кубдя.

— А вот, что отряд действует, и пусть идут, кому надо. А набе рется больше—мобилизуем округу.

Все одобрили. Селезнев достал бумаги. Учитель сел, взялся за перо, и робость его исчезла. Он весело вглянул на Кубдю и сказал:

— Что писать-то?

— Пиши,—говорил кратко Селезнев,—но приказу правительства...

Учитель запротестовал.

— Надо поставить—какого правительства.

— Лешего ли у нас в деревне знают. Им на любое правительство начхать, абы их не трогали... По приказу правительства, написал?.. Пиши дальше. Об'является сбор всех желающих... воевать с колчаковскими войсками... пешие и конные... старые и малые... брать с собой обязательно берданку али винтовку... оружия у нас мало... Нет, это не надо. Сами догадаются. Являться на сборный пункт... Во-о!... Как воинский начальник, чисто! А куда являться—и не знаю.

Кубдя подумал и вставил:

— Говорим так: первый партизанский отряд Антона Селезнева— и никаких...

... В деревнях шел слух, что в город приехал из Омска казачий отряд атамана Анненкова. Деревни заволновались. Казаки отличались особенным сладострастием жестокости при подавлении восстаний...

Атамановцы на погонах носили изображения черепа и двух скрещивающихся костей.

На базарах загромыхали рыдваны, заскрипели телеги—с'езжался народ, и после базара, у поскотины, за селом долго митинговали. Выступали какие-то ораторы, призывали к восстанию, говорили, что Омск накануне падения, в Славгороде и Павлодаре—Советская власть, и поутру, с котомками и винтовками за плечами, видно было на таежных дорогах мужиков, направляющихся к Антону Селезневу.

Город тоже жил тревожно... Телеграммы „РТА“ сообщали, что красные уже взяли Курган и подступают к Петропавловску, Омск эвакуируется, и, словно подчеркивая эти сообщения жирной красной чертой, ползли по линии железной дороги эшелоны с эвакуируемыми учреждениями и беженцами.

По ночам тайга горела—шла пальба и полнеба освещало алое зарево. И при свете этого зарева из низенькой кирпичной тюрьмы выводили за город к одинокой белой цистерне „Нобеля" арестованных крестьян. Крестьяне крестились на горевший оранжевой ленточкой восток, и тогда в них стреляли. И неизвестно было никому, кто их хоронил и где...

В средине июля поехал в тайгу отряд атамана Анненкова. Была это, вернее, часть отряда, две роты с пулеметами при четырех офицерах... Солдаты отряда были озлоблены и неудачами на фронте и тем, что сильнее разгорается восстание и их перевозят из одного места в другое и убивают и заставляют убивать других. Озлобленно они жгли деревни, скирды, пороли и вешали крестьян, а те отплачивали тем, что пристреливали отставших или поджигали избы с ночевавшими там атамановцами...

— Бегут, бают, колчаковские-то войска!.. Чуть-ли не Омск взяли. Вся земля под Советской властью, паре, будет, во-о!..

Маленький веснущатый Беспалых даже присел на корточки, словно не мог выдержать такой мысли.

Между возами ходили мужики с тоскливыми и озабоченными лицами, в бору звенели топоры, ржали лошади.

— Где зимовать-то придется?—сказал Горублин...—Одуреешь без работы-то. Мается-мается народ и сам не знает пошто.

— Знал бы—так и не маялся. Анненков-то близко!

— Лихоманка его дери, сломит и он шею.

— А там уж как придется. Либо он, либо мы, — кому-нибудь придется.

Между возами шла спокойная, широкая фигура Селезнева. Он хозяйственным взглядом окидывал телеги и рыдваны и, как поторапливал раньше при молотьбе, немного покрякивая, так и теперь торопил:

— Собирайся, крещеные, собирайся! Эку уйму лапотины-то набрали!

Какая-то старуха в грязном азяме всплакнула

— Жалко ведь барахлоть, Антон Семеныч.

— Так... так... — сказал Селезнев...

Через час по узким таежным тропам, подпрыгивая на корнях, тянулись в черни ирбитские телеги, трашпанки, короби. Пищали ребятишки, в коробах гоготала птица, мычали привязанные за рога к телегам на веревках коровы, а мохноногие, пузатые лошаденки все тащили и тащили телеги. Поспевала земляника, и пахло ею тихо и сладостно. Как всегда, чуть вершинами шебуршали кедры. А внизу, на далекие версты в тропах ехали люди, плакали и перекликались на разные голоса, как птицы.

Человек триста партизан пошли за обозами, за Золотое озеро; на елани осталось не больше сотни. Ушедшие были вооружены пистонами, дробовиками, а оставшиеся—винтовками. Расставили сторожевые посты, часовых и по тайге секреты. Стали ждать...

Через два дня, поутру, партизаны встретились с атамановцами у Поневеских ворот...

Атамановцы растянулись по елани длинной цепью, окопались, поставили два пулемета и начали стрелять. Мужики стреляли по-одиночке; тщательно прицеливаясь и разглядывая, не высунется ли казак. Несколько раз атамановцы вскакивали и с неверными криками: „ура!“ бежали на партизан. Но тотчас же падало несколько убитыми и ранеными; атамановцы опять окапывались и торопливо щелкали затворами. Мужики лежали за кедрами и молчали...

Так они перестреливались около полутора часов.

Наконец, офицеры устроили совет и приказали наступать, то-есть во что бы то ни стало итти на стрелявших из-за деревьев партизан и перебить их...

До кедров осталось не более ста шагов, как вдруг из-за таежных стволов на окаемок выскочили мужики в озямах, в ситцевых рубахах и нестройно заорали:

— Товарищи! бросай винтовки-и!..

— Конец...—думали атамановцы и бежали сами не зная куда.

Насилу добежав до конца елани, атамановцы увидали здесь свои пулеметы. Тогда они вновь почему-то почуствовали силу и начали отстреливаться.

— Назад! — оглушенно заорал Селезнев. Мужики побежали в тайгу...

Чем они выше поднимались крутыми под'емами между плитами камней, величиной с избу, серых с ровными, словно отпиленными краями,—тем сильнее они чувствовали какую то ждущую их неизвестную опасность. Они начинали прибавлять шагу, несмотря на усталость, и не обходить россыпи...

Вдруг россыпь расширилась, и они увидели перед собою голое холмистое поле. По полю ровной цепью стояли люди с винтовками... Люди были одеты в английские шинели...

Через неделю сводка „на внутренних фронтах“ сообщала, что в районе Улеи бандитские шайки Антона Селезнева рассеяны, а сам он погиб в перестрелке.

А еще через два месяца партизаны и регулярные войска Красной Армии взяли Ниловск, и крестьяне привезли с белков трупы Селезнева, Кубди и еще четырех неизвестных. Вырыли глубокую могилу, пришли рабочие с красными знаменами, оркестр играл „Интернационал“, ораторы в серых шинелях, с жестяными звездочками на белых заячьих шапках, долго говорили и указывали рукой на восток...

(Всев. Иванов.—„Партизаны“).

СЫН КОММУНАРА.

Промчится вихрь с неслыханною силой...
Сиротка-мальчик спросит мать свою:
„Скажи, родная, где отец мой милый?“
И сыну мать, склонившись над могилой,
Ответит гордо:
— „Пал в святом бою.
Он призван был в дни черной непогоды,
Когда враги душили край родной,
Грозя залить кровавою волной
Светильники у алтарей свободы.
На их удар ответил он ударом
И пал, от братьев отводя беду:
Отец твой был солдатом-коммунаром
В великом 18-м году!“
Привет и ласку ото всех встречая,
Сын коммунара спросит мать свою:
„Не понимаю. Об'ясни, родная;
Я—мал и слаб: за что мне честь такая
В родном краю?“
И мать ответит маленькому сыну:
— „К тебе горят любовию сердца
За крестный подвиг твоего отца,
Погибшего в тяжелую годину.
Стонала Русь под вражеским ударом,
Грозила смерть свободному труду...
Отец твой был солдатом-коммунаром
В великом 18-м году!..“

(В. Князев).

III-Й КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

Товарищи! Коммунистический Интернационал стал зарождаться уже в первые месяцы, можно сказать, в первые недели мировой бойни. Уже тогда то тут, то там, среди передовых рабочих, стали раздаваться голоса о том, что II Интернационал, сразу поддержавший империалистическую бойню, обречен на слом, на гибель и что необходимо организовать из новых сил III Коммунистический Интернационал. Наша партия была первой, выступившей с таким заявлением. Но от лозунга III Интернационала до создания той могучей организации, какую мы сейчас имеем, лежала дистанция большого размера. Надо было, чтобы не только отдельные смельчаки, но и более широкие слои рабочего класса поняли, что II Интернационал, пользовавшийся таким большим обаянием, погиб. Надо было, чтобы эту истину поняли десятки и сотни тысяч рабочих. И по мере того, как развивалась империалистическая война, все более широкие массы рабочих стали понимать эту истину...

III Интернационал теперь растет с каждым днем... Нет ни одной страны в мире со сколько-нибудь многочисленным рабочим классом, где бы не было у нас теперь опорного пункта Коммунистического Интернационала... У нас изо всех почти стран имеются представители, и в ближайшем будущем будут представители абсолютно всех стран...

Товарищи, то, что Коммунистическая партия сделала для русской Советской власти, Коммунистический Интернационал хочет, должен, может сделать для грядущей Советской власти во всем мире. Коммунистическая партия в России была и остается мозгом, головой, мыслью Советской власти. Эту же задачу Коммунистический Интернационал исполнит по отношению к международной Советской республике. Ибо, товарищи, теперь ясно, что это не только фантазия, не только мечта. Теперь ясно, что это неизбежно. Как после ночи наступает утро, так неизбежно ближайшей формой международного государственного общежития будет международная Советская Республика (*Аплодисменты*). И, товарищи, вожаком, мозгом, мыслительным органом международной Советской республики, идейным ее вдохновителем будет Коммунистический Интернационал (Аплодисменты)...

(Из речи Г. Зиновьева на VII Всеросс. С'езде Советов, 6 декабря 1919 г.).

УСТАВ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

II Интернационал, основанный в 1889 году в Париже, обязался продолжать дело I Интернационала, но в 1914 году, в начале мировой бойни, он потерпел полный крах. II Интернационал погиб, подточенный оппортунизмом и сраженный изменами вождей, которые перешли на сторону буржуазии.

III Коммунистический Интернационал, основанный в марте 1919 г. в столице Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, в городе Москве, торжественно перед всем миром заявил о том, что он берет на себя продолжение и завершение великого дела, начатого первым Международным Товариществом Рабочих.

III Коммунистический Интернационал сложился в момент, когда заканчивалась империалистская война 1914—1918 г.г., в которой империалистская буржуазия различных стран принесла в жертву 20 миллионов человек.

— Помни об империалистской войне! Вот первое, с чем обращается Коммунистический Интернационал к каждому труженику, где бы он ни жил, на каком бы языке он ни говорил. Помни о том, что благодаря существованию капиталистического строя, небольшая горсточка капиталистов имела возможность в течение четырех долгих лет заставлять рабочих различных стран резаться между собою! Помни о том, что буржуазная война ввергла Европу и весь мир в страшнейший голод и нищету;

Помни о том, что без свержения капитализма, повторение таких разбойничьих войн не только возможно, но и неизбежно.

Коммунистический Интернационал ставит себе целью: борьбу всеми средствами, даже с оружием в руках, за низвержение международной буржуазии и создание советской республики, как переходной ступени к полному уничтожению государства. Коммунистический Интернационал считает диктатуру пролетариата единственным средством, дающим возможность освободить человечество от ужасов капитализма. И Коммунистический Интернационал считает советскую власть исторически данной формой этой диктатуры пролетариата.

Империалистская война особенно тесно связала судьбы рабочих одной страны с судьбами пролетариата всех стран. Империалистская война лишний раз подтвердила то, что говорилось в уставе I Интернационала: освобождение рабочих является задачей не местной или национальной, а задачей международной.

Коммунистический Интернационал раз навсегда порывает с традицией II Интернационала, для которого на деле существовали только люди белой кожи. Коммунистический Интернационал ставит себе задачей освобождение тружеников всего мира. В рядах Коммунистического Интернационала братски об'единяются люди белой, желтой, черной кожи, труженики всей земли.

Коммунистический Интернационал целиком и беззаветно поддерживает завоевание великой пролетарской революции в России, первой победоносной социалистической революции в мировой истории, и зовет пролетариев всего мира итти по тому же пути. Коммунистический Интернационал обязуется всеми силами поддерживать каждую советскую республику, где бы она ни создавалась.

Коммунистический Интернационал знает: для того, чтобы скорее добиться победы, Международное Товарищество Рабочих, борющееся за уничтожение капитализма и создание коммунизма, должно иметь стройную централизованную организацию. По существу дела Коммунистический Интернационал должен действительно и фактически представлять собой единую всемирную Коммунистическую Партию, отдельными секциями которой являются партии, действующие в каждой стране. Организационный аппарат Коммунистического Интернационала должен обеспечивать труженикам каждой страны возможность в каждый данный момент получить максимальную помощь от организованных пролетариев остальных стран... [1]

---

[1] Устав принят на II с'езде Коминтерна 19 июля—7 авг. 1820.

ЮДЕНИЧ У ПЕТРОГРАДА.

Обязательное постановление.

С 17 сего октября в 5 часов утра город Гатчина об'является на осадном положении.

Приказ по городу № 1.

Приказывается:

1. Всему мужскому населению немедленно зарегистрироваться у коменданта города для несения милиционной службы.

2. Каждый должен немедленно заявить коментанту о всяком известном ему коммунисте или комиссаре, живущем в городе.

3. Всем домовладельцам немедленно сдать сведения о всех коммунистах, комиссарах и неблагонадежных элементах, проживающих в доме. О них заявить ближайшему коменданту.

4. Всякий, знающий какой-либо советский склад и оставленное советское имущество, должен немедленно заявить о том ближайшему коменданту или сдать на сборный пункт.

5. Все ворота и двери домов должны быть днем и ночью на запоре, под личной ответственностью домовладельцев и дворников, коим беспрерывно дежурить у ворот.

6. При проходе войск никому окон не открывать и у окон не стоять.

7. Всякое оружие холодное и огнестрельное сдать в 5-ти-часовой срок ближайшему коменданту. По истечении сего срока за всякое найденное оружие в домах будет расстреляно ответственное лицо в доме, где найдено оружие, равно как и имеющий таковое.

8. Движение по улицам разрешено лишь до 17 часов.

9. За грабежи, поджоги, распространение ложных и волнующих слухов виновные будут расстреливаться с доклада коменданта.

10. Воспрещается всякая отлучка и прибытие в город без явки к коменданту.

11. Всему населению обменять советские удостоверения, которые действительны лишь по 20-ое число сего месяца, у коменданта города. Не имеющие удостоверения будут все задержаны.

12. За нарушение какого-либо из этих пунктов смертная казнь через повешение.

13. Благонадежной части населения мирно продолжать свою работу в ожидании прибывающего в ближайшем будущем для него продовольствия.

14. Разрешается свободная торговля всеми товарами, продуктами, за исключением спиртных напитков; виновные в нарушении сего будут караться, как за нарушение всякого пункта сего вообще.

15. Всем бывшим офицерам, находящимся в городе, немедленно явиться к коменданту.

16. Все комендатуры и учреждения будут обозначены национальными флагами и дощечками.

17. Часы переставить на час назад.

18. Улицы именовать согласно названий, бывших до большевистского переворота.

19. Сие постановление входит в силу со дня опубликования его.

Начальник гарнизона генерал-майор Пермикин.
Комендат города Гатчины штабс-капитан Лавров.

К РАБОЧИМ и КРАСНОАРМЕЙЦАМ ПЕТРОГРАДА.

Товарищи! Наступил решительный момент.

Царские генералы еще раз получили припасы и военное снабжение от капиталистов Англии, Франции, Америки. Еще раз с бандами помещичьих сынков пытаются взять Красный Питер. Враг напал среди переговоров с Эстляндией о мире, напал на наших красноармейцев, поверивших в эти переговоры. Этот изменнический характер нападения отчасти об'ясняет быстрые успехи врага. Взяты Красное Село, Гатчина, Вырица. Перерезаны две железные дороги к Питеру. Враг стремится перерезать третью, Николаевскую, и четвертую, Вологодскую, чтобы взять Питер голодом.

Товарищи! Вы все знаете и видите, какая громадная угроза повисла над Петроградом. В несколько дней решается судьба Петрограда, решается судьба одной из твердынь Советской власти в России.

Мне незачем говорить петроградским рабочим и красноармейцам об их долге. Вся история двухлетней, беспримерной по трудностям и беспримерной по победам, советской борьбы с буржуазией всего мира показала нам со стороны питерских рабочих не только образец исполнения долга, но и образец высочайшего героизма, невиданного в мире революционного энтузиазма и самоотвержения.

Товарищи! Решается судьба Петрограда. Враг старается взять нас врасплох. У него слабые, даже ничтожные силы, он силен быстротою, наглостью офицеров, техникой снабжения и вооружения Помощь Питеру близка, мы двинули ее. Мы гораздо сильнее врага. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека. Победа будет за нами!

В. Ульянов (Ленин).

17 октября 1919 г.

Приказ.

Красноармейцы, командиры, комиссары!

Завтрашний день решает судьбу Петрограда. В то время, как на юге Красные армии перешли в решительное и победоносное наступление, вернули Орел и разбили 10 полков Мамонтова,—в Петрограде ряд неудач заставил наши войска откатиться до Пулковских позиций. Дальше отступать нельзя. Петроград сдавать нельзя, ибо даже временная сдача Петрограда означала бы гибель тысяч рабочих жизней и неисчислимых культурных ценностей. Петроград необходимо отстоять какой угодно ценой.

Все меры приняты. Подтянуты свежие части, которые обеспечивают нам огромный перевес. Освежен и обновлен командный состав. Привлечены к делу лучшие, закаленные в боях пролетарии. Все условия победы налицо. Нужно только, чтобы вы захотели и поклялись эту победу обеспечить.

Помните: на вашу долю выпала великая честь защищать тот город, в котором родилась рабочая и крестьянская революция.

Вперед! В наступление!

Смерть наемникам чужеземного капитала!

Да здравствует Красный Петроград!

Л. Троцкий.

20 октября 1919 г.

Благодарность защитникам Петрограда.

Отстоять Красный Петроград от банд, нанятых англо-французскими империалистами, означало оказать мировому пролетариату, а стало быть и Коммунистическому Интернационалу, неоценимую услугу. Первое место в борьбе за Петроград принадлежит, разумеется, вам, дорогой товарищ Троцкий.

От имени Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала я передаю вам знамена, которые прошу передать наиболее заслуженным частям руководимой вами славной Красной армии.

С коммунистическим приветом.

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.

Г. Зиновьев.

5 ноября 1919 г.

КУЛАКИ.

Пришел хозяин, принес сноп, уже бывший раньше в употреблении, бросил его на пол и сказал:

— Стели... ложись...

— Ты бы мне хлебца продал,—не утерпев, сказал я.

Он нахмурился и сразу переменил тон.

— Нельзя... и рад бы, да не могу... Самим жрать нечего. Нету...

— Да как нету, а это что на столе-то лежит... тараканы вон гложут, а мне нету.

— Мало что лежит... говорю, самим надоть... Ах вы, окаянная сила,—набросился он на тараканов, смахивая их со стола.—Вот тоже... нам самим есть нечего, голодаем, а тут еще вас, чертей, корми...

— Да ведь не даром,—опять начал я,—заплачу, что стоит.

— А на что они мне твои бумажки-то? Бумажка она бумажка и есть—стенки клеить... Вон кабы вещу какую у тебя взять,—была бы—взял бы, променял... Хы! — ехидно усмехнулся он, — товарообмен устроил бы... да ведь у тебя, я гляну, как у турецкого святого, нет ничего.

— А ну, как,—подумал я, вспомнив, что на мне надето две рубашки. Одна на тело тонкая ситцевая, а другая, сверх ее, старая теплая вязанка,—дай-ко попробую предложить, что мне скажет на это „православный крестьянин".

— Ну, давай вот на рубашку на эту,—показал я ему на какую,—идет, что-ли?

— А сам-то ты как же... Голышем будешь?—спросил он.

— У меня есть другая... Да тебе-то, небесь, все равно...

— Знамо мне все едино. я не про то... Как бы в ответе не быть... кто тебя знает.

— О своей, значит, шкуре радеешь...

— А то как же... наше время такое, я тебя—ты меня... На том стоим... тепереча вот эдакого мальчонку и того не проведешь, не токмо что... Обнаглел народ... Бога забыл... Ничего святого нету... все свердили...

— Ну, это все так,—перебил я его,—а ты о деле-то... сколько дашь за рубашку?

— Не знаю уж как... посмотреть надоть, ну, кажи? — Он пододвинулся ко мне и пощупал пальцами рубашку.—Старая... Ползет вся... Ну, да уж ладно, отрежу ломоток, кушай на здоровье... Ко мне,—продолжал он, двигаясь по скамейке к столу за хлебом,—заходят вон не плоше тебя то и дело рабочие с фабрики... Фабрика-то без делов стоит, ну, они как собаки голодные рыщут везде, где бы взять... Товар предлагают... То, се... Всякую рванину... Возьми только, батюшка, сделай милость... Надоели индо, сволочи...

— За что же это ты так их называешь?

— Лодыри окаянные. В те поры, как им жилось хорошо, до революции-то этой, они нас тоже драли как ни попало, не миловали... Бы-

вало, привезешь картошки какой, али молока к ним на фабрику, дык они наровят, бывало, задаром взять... Не глядят на тебя, бывало,— а теперича, брат, погодишь... Ты приди ко мне, покланяйся... Отошло ваше время...

В его словах слышалась нескрываемая злоба и еще раз эта злоба показала мне, хорошо уже ее, впрочем, знавшему, что ту пропасть, какая лежит между рабочими и эдакими, вот, „православными“ землеробами, не скоро зароешь...

— А не совестно эдак-то делать?—как-то невольно сорвалось у меня.

— Совестно?—передразнил он меня.—Га, сказал тоже... Да нешто нонче совесть-то есть у кого? С совестью-то нонче подохнешь с голоду... Совестно, дык закройся... Хы, хы, хы. Нас обирают, не совестятся...

— Кто обирает вас?

— Знамо кто... комуния-то эта... Да погоди, доберемся мы до нес... повыколим глаза-то... У-у-у, окоянная сила, чтоб вас...

— Значит, кончено,—сказал я,—снимать рубашку?

Он усмехнулся и не без иронии произнес:

— Сымай...

Я было хотел уже приступить к этому делу, да не успел, потому что как раз в это время возвратились с мельницы его жена и дочь, громко застучавшие там где-то с улицы в двери...

— Приехали!—воскликнул мужик, срываясь с места,—обожди, ужо сделаем... кстати, жена посмотрит... может, еще и не даст... кто ее знает... на нее тоже как найдет...

Он побежал отворять и через довольно продолжительное время возвратился обратно, волоча за спиной мешок с мукой. За ним вошла жена его, тоже несущая в руках муку же, но немного, примерно эдак около пуда, а за женой дочь молодая, курносая, с развязными манерами лет 17 девица.

Хозяин, кряхтя, бережно спустил мешок на пол к печке и, запыхавшись спросил:

— Что долго?

Жена его, средняго роста, худощавая, с тонкими губами, бабенка, не сразу ответила. Сначала она разделась, сняла с себя верхнюю запыленную кацавейку, потом, сложив пальцы щепотью, дунула на них и, помолившись в передний угол на „богов“, сказала:

— Дожидались долго, пакеда энти черти-то, мастеровые-то, со своими пудами отмелют... их вперед пущали, а мы жди... Опять по четыре фунта взяли, сволочи...

— Чтоб им подавиться, окаянным—в тон ей крикнул хозяин.— Грабители...

— А это кто у тебя?—кивнув в мою сторону, спросила бабенка.

— Ночевать пришел с поезда,—ответил мужик.

— Деньги-то с него взял?

— Нет еще.

— Чего-ж ты... ночует да уйдет—ищи его!.. Много их таких... верь им...

— Хлеба вот просит дать ему за рубашку... Не жрамши, ишь...

— За какую, за рубашку?—встрепенувшись, спросила бабенка.

— Да вон на нем вязаная-то...

Бабенка окинула меня глазами и равнодушно презрительно сказала

— На кой она нам, дерьма-то... Небось вшей в ней прогребу нет... Не надоть. Найдем завси, когда надоть... Какой у нас хлеб? Самим нужен... сами голодающие.

Она помолчала, потянулась, зевнула и сказала:

— Жрать охота... давай ужинать... Малашка,—обратилась она в дочери,—собирай на стол... А ты,—кивнула она мне,—ложись... Эва вон, к скамейке-то... стели солому—ложись... Деньги давай... За сколько ты его пустил?—обратилась она к мужу.

— Триста.

— Дешево... Дороже надоть брать...

— Ходить не будут...

— Наплевать—всего и дела... Невидаль, подумаешь, бумажи-то эти... дерьма-то... Малашка,—снова крикнула она дочери,—собирай...

Мне оставалось или плюнуть и уйти, или же покориться...

Уйти? Нельзя... некуда... Терпеть и слушать всю эту возмутительную подлость тоже не сладко...

Я лежал злой, голодный и слушал, как они начали стучать ложками. Ели они ужасно медленно, чмокая и сопя. Для меня эта процедура была своего рода пыткой. Сначала я услыхал острый и протяжный запах мясных щей и почувствовал, как мой рот наполняется слюною.

Разговор их еще больше усиливал пытку.

— Гурей своей девке полсапожки купил,—чавкая, сказала, бабенка.

— За много-ль?

— Да ишь, правда ли, нет ли, недорого дал... за восемьдесят всего за пять тысяч.

— Плохи небось... За эту цену хороших не найдешь!

— Не знаю... Знамо, чай, неважны.

Помолчали, и бабенка начала снова:

— Давеча на мельнице Лукьяновский Степан пристал ко мне: „продай корову“. Сказали ему, ишь, что мы будто корову продаем... Два миллиона давал...

Опять помолчали.

— Таскайте свинину-то,—снова начала бабенка,—и я услыхал легкий стук ложкой по краю чашки, обозначавший, что они приступали к еде накрошенного во щах мяса, когда эти последние были уже „выхлебаны“...

— Кашу-то как будете есть?—спросила бабенка, когда со щами и с мясом дело было покончено.—С молоком, аль как?

— Давай хыть с молоком,—промычал хозяин,—по мне все едино. Дя я, признаться, не особо и есть-то хочу... аппетиту второй день настоящего нету...

— Какой тут аппетит от эдакой жизни,—вступилась женщина,—кусок в рот не идет... Довели до чего, голоштанные черти... жрать стало нечего... За что не схватись—ничего нету... не живем, а скулим Зався голодные...

Это было уже слишком. Я не выдержал, обернулся к ним и крикнул:

— Какого вам еще чорта не достает!.. Чего вам надо? Какой у вас голод?..

Все они от неожиданности с разинутыми ртами уставились на меня, а я чувствовал, как клубок злобы подкатывался к моему горлу и душил его. Являлось желание схватить со стола ихнюю чашку с молоком и кашей, кинуть им в хари, перебить все, переломать и уйти...

Первая сбросила с себя удивление жена хозяина. Она сразу, как я понял, учуяла, что я есть не тот, за кого они меня принимали, и что стою я не на ихней стороне...

— Да мы, батюшка, нешто хаем кого,—совершенно другим тоном заговорила бабенка.—Мы, слава тебе господи, живем от трудов своих... много довольны... Садись, родной,—с нами поужинай чем господь благословил... Вставай-ко, вставай... садись... Ты что же, стало быть, тоже из энтих... исполкомщик какой, а?...

Я молчал, подавленный собственно не ихней этой хамской подлостью, а той ужасающей тьмой, в которой жили и живут эти люди и которая довела их до того, что они есть...

— А сколько их,—с ужасом думалась мне,—сколько их!

(С. Подячев.— Голодающие". „С натуры").

ВСЕ ВО ИМЯ КОММУНИЗМА.

Воздвиженка. Казенный дом, с колонками, рыжий, дом, как дом. Только не пешком—автомобили, не входят—влетают, и все с портфелями. Огромный околоток: кроме нашего Ресефесера, еще с десяток республик—аджарских, бухарских, всяких А вывеска простенькая—как будто дантист—заржавела жестянка:

„Ц. К. Р. К. П."...

Стучат машинки: цок, цок, цок!

— Товарищ, заготовьте бумаги в Цус, в Цос и прямо в Снабарм!

Резолюция при двух воздержавшихся.

— На подпись инструкцию.

— Занести в исходящие.

А в подъезде бабка плачет:

— Да как же? Куда же! Угла лишили... вселили... охальник машинку принес, прямо в ухо пущает!..

Злится курьер:

—Иди в жилищно-земельный, знаешь, кто здесь!—Цека!

— Я и туды и сюды...

Дверь прикрыл—мороз напускает. Не скажет.

— В Тамбовском узде убиты четыре товарища.

— Губком доносит, что все расстреляны.

— Тезисы по борьбе с церковью...

— Детская смертность в немкоммуне.
— Цифры?
— Умер от тифа товарищ Зыков.
— Послать другого.
— Куда?
И надо всем—одно слово, тяжелое, темное слово:
— „Мандат!“

Орг-бюро. Распределение работы. Толпятся с портфелями, обросшие, обмотанные. Ведь когда-то ходили в пивные, заедали моченым горохом и воблой, читали альманахи „Шиповника“, даже влюблялись, охали, а теперь нельзя—ну, как на своей кровати перевернуться с боку на бок?—„инструкция“...

— В наркомпрос двое, в Рабкрин трое. Вы, товарищ Блюм,—в Туркестан.

Целый час уже распределяют, отсылают, машинистки стучат. Мандаты. Стемнело, пыльная лампочка, махорочный дух... Всюду послали, только осталось в чеку, трудное дело. Кому же охота?.. Все норовят на чистое, даже душевное, с романтическим блеском, при магнии. Всякому лестно сидеть в Инотделе, и Англию с Тибетских вершин подразнивать красненьким флажком... В чеку же идут лишь коммунисты последнего выпуска: нос угреватый в бобровый уют окунуть, или на „Кисловке“ пирожное „Наполеон“ с кремом давить языком, косых не считая. А нужно в чеку большого, святого почти; хотят к палачеству приставить не палача, подвижника, туда, где сети с уловом—доллары, караты, где кровь окисшая, со сгустками...

— Товарищ Ялич, вы в чека, по предписанию оргбюро.

— Я? Нет! Что вы! (Ялич даже кашлять стал в башлык от раздражения).

Конечно, он понимает: чека—вещь необходимая, без чеки дня не проживешь. Но он—Ялич, написавший две брошюры о марксистской этике, хороший, честный, которого даже кадет Громов уважает,—к насосу мразь высасывать? Никогда!

— Я, товарищ, постановление опротестовываю. Хочу в Наркомпрод.

Секретарь уязвлен, возмущен...

— Кто же в чека?... Кто?

И спокойный ответ...

— Если нужно — я. Меня отозвали из Наркомзема, там дело налажено.

Слегка удивились—товарищ Курбов: таких ведь мало—и в чеку! Потом: ну да, в чеку, туда первых, верных, без пирожков.

Прекрасен Курбов покойной, ясной красотой! Движенья все верны, вески, слова рассчитаны, глаза—чтобы видеть, ноги—чтобы ходить, и даже руки, крепкие, тугие, чтобы все делать: доклад писать, пилить дрова в общежитии, к брюкам пуговку пришить. Конечно, Курбова, и как раньше не догадались!..

Ялич с жалостью, чуть-чуть брезгливо жмет руку Курбова. Да, да! Он понимает, меньшевики пакостят, надо быть на чеку, надо, надо

в чеку. Курбов хороший работник. Ялич давно писал в своей книжке об этике: „увы, порой необходимо насилье“.

(А в душе, глубоко,—этика, дом, детки в матросках, дома совсем как Громов, уют, чистота. В чека—подвал, допросы, неприятно, марко. А в Продкоме—карточки чистенькие, карточек хватит на всех)...

— Бедный Курбов!

А он не бедный—крепкий и живой.

Секретарь:

— Желаю вам успеха...—И машинистке через пустые коридоры в затон остывшего пустого зала:—Мандат!..

Поехал на Глубоковскую фабрику. Стоят машины—ни угля, ни сырья. И кому нужны теперь обои?.. Ворчащим ларом с нар опустелых выполз Сергеич—журит: вот там пайка не выдают, там отобрали у Пелагеи швейную машину, там подкупили приказчика—тянут из лавки сахар... Ошибки, промахи, проступки громоздились—гляди, уж преступление. Что Николаю—в ответ? Одно: вот скоро управимся, наладим... И усмехается Сергеич: знает это кругленькое „скоро“—не подцепишь, прежде ладаном пахло, теперь со всех заборов несет печатной краской...

— Говорил я, ничего из этого не выйдет...

— Расследую. Прощай.

Понял: не только против Глубоковых, но против этих, может быть—дух захватывало—против всех.

Фронт: Волга, степь Кубани, архангельская топь. Курбов дважды ранен. Три тифа—всех пород. Узнать-ли тихого марксиста в этом кирпичном шаре под кожаным рогатым шлемом? Герой Майн-Рида или наполеоновский гвардеец. Компас. Глоток воды. Отрезать отступление. Перехватить обоз. Фураж.

Гибли молодые Тагины—улыбчивые коммунисты из рабочих, узнавшие одновременно и азбуку и мировую революцию. Гибли степеные крестьяне, честно без обмана поделившие помещечьих коров и очень опасавшиеся воскресения из мертвых станового. Гибли разбойники и дезертиры („дуло в затылок, чтобы шли“)...

Под Черниговом белые поймали мальчика из Комсомола—шестнадцать лет. Били шомполами. Живому пригвоздили ко лбу звезду с фуражки, подняли на шест („виси, звездатый, красных дожидайся“).

Курбов прискакал... Увидел: висит, на лбу звезда, на шее ремешок... Пальцы комсомольца запачканы чернилами, напоминали: тетрадки с отогнутыми полями, пенал, ученическая прокламация. Курбов крикнул громко, никому, сильнее сжав поводья:

— Хорошо! О-чень хо-ро-шо!

В тот же вечер словили белого. Молоденький. Чем-то так напоминал комсомольца, что Николай машинально глядел на руки—нет ли чернильных пятен? Вели его. Храбро втягивал губы. Сорвал на ходу ягоду рябины и—в рот. Вспомнил дачу в Коношках перед от'ездом, когда пестреют астры, бьется парусина, возы, экзамены и мама. Мама! Не выдержал—упал. Просит Курбова: все вместе—гимназия, сестренка,

торгует спичками, страшно умереть, шестнадцатого сентября—день рождения, ради бога!.. Курбов, даже не отвернувшись, густыми темными зрачками глядя на белую рубашку (шинель содрали)—пусто и светло—голосом отметил:

— К стенке...

После—тот же фронт: тысячи заседаний, одних отметок, когда и где—версты. На пустых заводах. В залитых шахтах Донбасса. Субботники: брошюрочными ручками вагоны толкать; промерзшее железо жжется. Дискуссия. Хрипота, отчаянье, стакан воды, в стакане „гибнущая революция". Сразу—вместо революции и резолюции—лай телефона, тоже осипшего: „тревожно... партийная мобилизация". Билет Р. К. П. № 32618. Снова с винтовкой. Промозгло. Пудовый шаг. Под утро сводка и морковный чай в нетопленом районном клубе, где пахнет участком, мышами, шинельной дисциплиной. Только отхлебнул—уже ждут: комиссия. Финансы. Транспорт...

В барские гостиные, вслед за бородой Маркса и махоркой, втерлась „разверстка", „трудфронт", „рабкрин". Теперь Курбов не компас—портфель, безусловно стельный, похожий на мешок хозяйки с провизией: кому штык, кому трактор... Давно уже нет людей. Остались цифры, беспокойные, требующие тщательного ухода. Их обуть, насытить калориями, просветить, ввести в обетованный парадиз, приснившийся когда-то (число к числу приходят в гости). Считал, даже засыпая, еще нырял в глубокие прохладные нули. Глотая наспех ершастый хлеб, давился не усищем—какой-нибудь просчитанной семеркой. Был рьян и праведен, когда, вступая в клубы дыма, где—страсти, подвохи, обходы, выравнивал сердца в колонны цифр:

— Необходим единый план...

Шел 20-ый, третий, тягчайший год. Курбов, ослабев до пчелиного гуда в ногах, до полегчания (еще немного—полетит), работал, не Курбов с биографией—икс с портфелем. Пока пришло „событие",—пустяшное, из мелкой хроники, но много ли надо человеку?.. Шел по Моховой. Увязалась девочка:

— Подайте!..

Дал бумажку—не берет: „хлеба". Долго среди зимней чумной тишины бился голосок. Потом—в снег. Ноги в огромных солдатских сапожищах попорхали. Слюна. Хрип. И все. Николай—над ней. У самого такой же хрип, топорщась, прыгал в горле. Лезло из какого-то доклада „задержка грузов... банды... транспорт... в Москве не выдавать до 21 числа"... Дрожал. Снял драное пальтишко—тряпье ударило в нос уксусной кислой нищетой—зачем-то отогреть пытался отчаянно, как паровоз, дышал на лобик. В отчаяньи искал тропинки от числа этих невыносимо выпиравших ребер. Не отыскал. Но только (милицейский давно уже уволок на салазках трупик) стоял сутулый, давший крен.

Потом пошел и сразу—на знакомое пенснэ: меньшевик. Приятелями были. Пенснэ не медля:

— Что же! Хлеба нет?.. А у крестьян все отбирают... Уже в Тамбовской начинается... Мы, ведь, предупреждали... Народное хозяйство расстроено...

И выложив, блестит стекляшками: посмотрим, что он возразит? Ведь, это же правда!.. Но Курбов молчит. Весь—ненависть.

— Уходите! Не то я вас сейчас же застрелю...

Пенснэ—бегом. Поскользнулось, разбилось... Быть может, он прав. А, впрочем! Говорят — социалисты! А вот теперь на этой улице, где только что—ребра и салазки и злорадство. Нет, не слова—чудовищный всемирный пулемет (Собрать, ну, скажем, на конгресс, выстроить рядами, и в полчаса всех ликвидировать).

...Облипают потными тушами, смехом, ропотом, икотой. Ненависть, поклокотав, ушла морозным дымком. Стал, как всегда, прикидывать. Всю ночь нырял: из сугроба в сугроб. Под утро, вспомнив, вычислив где-то на Садовой, сам себе заботливо, как врач, сказал рецепт. Необходим усиленный террор. Шапку — на лицо, руки — в рукава. Двигался по Садовым, не человек, но танк.

И днем, когда в Цека секретарь тупил перо, когда брезгливый Ялич, увиливая, рвался в Наркомпрод, Курбов, тоску вчерашнюю откинув, пошел туда, куда его вели любовь к числу и дикий подвиг—„в презренную чеку“...

(И. Эренбург.—«Жизнь и гибель Николая Курбова»).

КРАСНАЯ КОННИЦА.

Мчись, доколе твердь не тронется,
Вражья кованная твердь!
Скоро, скоро наша конница
Принесет им смерть.
Мчатся всадники. Полощется
Вознесенный алый флаг.
Скоро в долах, в темных рощицах
Задохнется враг.
В ямы ужаса бездонного
Отлетевших страшных лет
Крылья всадника Буденного
Разметали свет.
За неволей кони гонятся,
Мчатся к Воле и Добру.
Мчится, мчится наша конница
Поутру.

(Г. Коренев).

ГЕРОИЧЕСКАЯ БОРЬБА.

(Разгром Врангеля).

В ночь с 7 на 8 ноября мы двинулись через Сиваш в последний решительный бой с полчищами генерала Врангеля. Бой продолжался трое суток, был тяжелый, упорный, и мы понесли огромные потери, но мы победили...

Сиваш высох, и по дну моря, представляющего собою солончаковую котловину, можно было в эти дни прогуливаться, не боясь промочить ноги. Само собой напрашивалось решение форсировать Сиваш и выйти в тыл Турецкому валу. Эта задача выпала на нас; первым долгом нам было приказано в ночь на 8 ноября занять Литовский полуостров...

Под'езжает ко мне командир одной батареи и взволнованным, дрожащим голосом говорит:

— „Тов. комбриг, сзади нас Сиваш заливается водой, море на нас надвигается, мы скоро будем отрезаны от своих...“

— „Что вы за вздор несете!“—сержусь и негодую, что командир батареи струсил. Я знаю, что при восточном ветре Сиваш обыкновенно заливается водой и превращается в море, но сегодня мне кажется, что это вздор, нелепость, ибо ветер еле-еле колышет прибрежные камыши, да и верить не хочется, что сегодня Сиваш может сыграть над нами такую злую шутку.

— „Тов. комбриг, Сиваш на нас надвигается, сзади нас скоро будет море, что делать?“—вопит прискакавший командир дивизиона.

Поехали на Сиваш. Действительно, с шумом надвигается вода со скоростью полуторы версты в час, и сзади в нашем тылу появляется волнующееся море.

Я на момент глубоко задумался, тревога охватывала меня: а что будет, если нашу красноармейскую массу охватит паника. Паника здесь повела бы к полной гибели всех... Но в это время дружно, бодро проходили мимо меня колонны 135 полка; я посмотрел на красноармейцев,— на их лицах я прочел одно: „вперед“. Бой начался успешно для нас, дивизия противника была уже опрокинута и отступала. Все рвалось вперед. Масса уже веровала в победу. И мысль о панике больше меня не тревожила.

Три дня мы дрались в узких дефиле между солеными озерами и при атаке укрепленных полос несли огромные потери..

Противник развил такой сильный огонь, что, казалось, никто из идущих в атаку не уцелеет, все будет скошено. Но наше общее движение ни на минуту не прерывалось: передние цепи скашивались огнем противника, за ними шли следующие и следующие, шли, не залегая, не пригибаясь на проволоку, словно на ученьи; одни падали, повисали на проволоке, за ними шли другие, перебираясь через проволочные заграждения, опираясь винтовкой в землю. Шли задние через трупы передних... Удивительно легко умирали люди в эти дни. Инстинкт самосохранения как будто совсем притупился, подавленный массовым порывом. Никто не думал

о жизни или смерти, а все как-то стихийно стремились вперед, лезли на проволоку и гибли.

Вот ординарец; снарядом оторвало ему левую руку, которая повисла словно плеть, на куске кожи; но он не издал ни одного звука, даже, мне казалось, сам не заметил этого, ибо продолжал попрежнему ехать на коне. Тогда другой ординарец под'ехал к раненому, взял его повисшую руку, вытащил из кармана ножик и отрезал от тела. Куском разорванной рубашки обмотал зияющую кровавую рану. И раненый даже не торопился на перевязочный пункт, а спокойно продолжал сидеть на коне под градом шрапнелей. В эти дни дезертиров не было...

(Ленин:—«На Сиваше» (из записной книжки). См. Сборн. воспоминаний непосредственных участников гражданской войны 1918—1922).

ОТКЛИК.

Ну и пусть эта пестрая улица,
Как торговка, кричит у Кремля..
Знаю—сердце в борьбе не обуглится,
Закаленное в дни Октября.

Знаю—взмахом рабочего молота,
Дробным звоном ржаных молотил,—
Будет ложь серых будней размолота,
Ложь застрявших на нашем пути.

И напрасно надеждами пялятся
В улюлюканьи прошлом—они:
Никогда наше знамя не свалится,
Не потухнут идущие дни.

Не беда, что с Тверской и с Неглинного
Жирной накипью пучится нэп,
Вижу радио века машинного,
Тепловозы, везущие хлеб.

Будем скоро мы в солнечной гавани:
Труден путь, но могуч рулевой!
Знайте, вы в размалеванном саване,—
Близок бури последний прибой!...

(Петр Щелканов).

ЗАДАЧИ НЭП'А.

... Сейчас основное по вопросу новой экономической политики,—правильно усвоить опыт истекшего года. И если мы хотим во что бы то ни стало добиться этого, то надо знать, что задача Нэп'а, основная, решающая, все остальное себе подчиняющая,—это задача: между той новой экономикой, которую мы начали строить... (совершенно по новой социалистической экономике, новому производству, новому распределению), и крестьянской экономикой, которой живут миллионы и миллионы крестьян, установить смычку.

Смычки этой не было, и эту смычку нам надо прежде всего создать... Сумеем ли мы доделать наше непосредственное дело или нет? Что этот Нэп пригодится на что-нибудь или нет? Если окажется правильным отступление, то сомкнуться, отступивши, с крестьянской массой, и вместе с нею, сто раз медленнее, но твердо и неуклонно итти вперед, чтобы она всегда видела, что мы все-таки идем вперед. Тогда наше дело будет абсолютно непобедимо, и никакие силы в мире нас не победят... Если мы усвоим всю громадную опасность, которая заключается в Нэп'е, и направим все наши силы на слабые пункты, тогда мы эту задачу решим.

Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать движение вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем. Это, по-моему, первый, основной политический урок Нэп'а.

Теперь я перейду к вопросу об остановке отступления, о чем мне пришлось говорить в моей речи на с'езде металлистов... Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии:—достаточно! Цель, которая отступлением преследовалась, достигнута. Этот период кончается или кончился. Мы пришли в новое место, отступление в общем и целом мы произвели в сравнительном порядке. Правда, с разных сторон не было недостатка в голосах, которые это отступление хотели обратить в паническое. Одни с той стороны, что, дескать, вы в той или иной части неверно отступали, как, например, некоторые представители группы, которая носила название рабочей оппозиции (думаю, что они неправильно это название носили)...

Отступление—штука трудная, особенно для тех революционеров, которые привыкли наступать, особенно, когда они привыкли наступать несколько лет, с гигантским успехом, особенно, если они окружены в других странах революционерами, которые только и мечтают о том, чтобы начать наступление.

Самая опасная штука при отступлении, это—паника. . Тут иногда достаточно и немногих панических голосов, чтобы все побежали... Отступление кончилось, дело теперь в перегруппировке сил. Вот директива, которую с'езд должен вынести, которая сутолоке, суматохе должна положить конец...

Политические события всегда очень запутаны и сложны. Их можно сравнить с цепью. Чтобы ухватиться за всю цепь, нельзя зацепиться только за одно звено. Нельзя искусственно выбрать себе то звено, за которое хочешь уцепиться. В 1917 г. в чем был весь гвоздь? В выходе из войны,— и это покрывало все. Выхода из войны революционная Россия достигла..

И народ почувствовал, крестьянин видел, всякий возвращающийся с фронта солдат превосходно понимал, что в лице Советской власти он получает более демократическую, более близкую к трудящимся власть... Сколько бы мы глупостей и безобразий ни сделали в других областях, раз мы эту главную задачу учли, значит—все было правильно.

В 19 и 20 годах в чем был гвоздь?—Отпор военный. Нас душила всемирно-могущественная Антанта; и не нужно было пропаганды: любой беспартийный крестьянин понимал, что делается. Идет помещик. Коммунисты умеют с ним бороться...

В 21 году гвоздем было отступление в порядке. Вот почему нужна была сугубая дисциплина.

А теперь в чем гвоздь? Гвоздь не в политике, а в смысле перемены направления: об этом говорят неимоверно много в связи с Нэп'ом... Мы пришли к тому, что гвоздь положения в людях, в подборе людей...

Мы пришли к положению, которое в смысле политическом—мало оценить трезво. Мы подвинулись так далеко, что не можем всех позиций удержать и не должны удерживать... Конечно, если мы будем делать политические ошибки, тогда все строительство будет подрезано... Но если таких печальных ошибок не будет, то гвоздь в ближайшем времени—не в декретах и не в политике, в узком смысле этого слова, не в учреждениях и в их организации... а в подборе людей и проверке исполнения. Если мы в этом отношении практически научимся, принесем практическую пользу, тогда мы снова преодолеем все трудности...

(Из доклада Ленина на XI с'езде Р.К.П. 27 марта 1922 г.).

НАВСТРЕЧУ ГРЯДУЩЕМУ.

Пылающей грудью
Разрезая черную тьму,
Грохотом,
Свистом,
Шипеньем,
Тревожа молчанье холодных полей,
Бросая как вызов,
Как пламенный вызов,
В бездонное небо—снопы красных искр,
Он мчится, железный гигант,
Из черного мрака, из бездны—
Вперед.
— Эй, машинист!
Крепче сжимай регулятор!

— Эй, кочегар!
Еще угля в железную глотку котла,—
Остановки не будет.
За тендером грузным,
Как звенья цепочки, сцепились вагоны,
Блестящей змеею светящихся окон пугая холодную ночь.
Толкают друг дружку, гудят в ожиданьи:
Покажется город гигантский,
Тот город, куда с нетерпеньем стремятся они,
Тот город, куда их могучей рукою ведет
Машинист.
— Еще, еще угля в утробу железную!
По стрелкам гремя, мимо станций, без остановок
— Ведь поезд сквозной—
Мчись, железный гигант...
Без остановок!
Не хватит воды—мы собственной кровью наполним котел.
Не хватит угля—телами накормим железную глотку...
Вперед!
Горизонт побледнел...
Там, во тьме беспроглядной...
Бледно-матовый свет показался...
Растет...
Все шире...
Все ярче...
Это город виднеется...
Это он льет сиянье огней..
От пламенных глаз паровоза к нему протянулись лучи...
Как братья, они обнялись с огнями желанного города...
Наш поезд и он—мы одно.
Мчись, железный гигант!
Удваивай бешеный темп саженных колес!
Мгновенье еще—мы у цели.
Быстрее, быстрее,
Вперед!

(А. Крайский).

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Ленин—наш бессмертный вождь.

ВОЗЗВАНИЕ ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА.

23 января 1924 г.

Широкие массы революционных рабочих всего мира охвачены скорбью,—скорбью по Ленине—величайшем из вождей рабочего движения. Но пусть эта скорбь не лишает нас мужества, товарищи. Вспомним с благодарностью о бессмертных заслугах его перед всемирным рабочим движением и, воодушевленные его великим примером, будем стремиться к осуществлению его исторических заветов.

Как Маркс, так и Ленин, несмотря на его смерть, навсегда останется нашим вождем. Маркс дал нам свое учение об освобождении пролетариата,—Ленин повел пролетариат по пути победоносного осуществления этого учения.

Ленин создал победоносную революционую рабочую партию—Российскую Коммунистическую Партию. С несокрушимой верой в революционную силу и будущность рабочего класса он трудился над созданием партии. Он создавал партию при невероятных трудностях и преследованиях, при непрестанной борьбе против царистской деспотии, против глубоко вкоренившихся предрассудков, против предателей—„социалистов", лже-вождей рабочих масс. В этой долголетней борьбе он создал победоносную стратегию и тактику революционного марксизма и партийное оформление коммунистического движения.

В истории международного рабочего движения деятельность Ленина открыла новую главу.

С первых же дней своей деятельности повел Ленин героическую борьбу против того изменнического, отравленного капитализмом духа, который господствовал в партиях Второго Интернационала. И когда в начале империалистической войны эти партии позорно пошли на службу к разбойничьим капиталистическим правительствам, — Ленин с гениальным предвидением провозгласил исторический лозунг пролетарской мировой революции: „Империалистическая война должна превратиться в войну гражданскую".

Вооруженный безграничным революционным мужеством, вдохновленный железной волей к победе, повел он в 1917 году русский пролетариат на борьбу за разрушение капиталистического государства.

Он первый из всех вождей современного рабочего движения ясно сознал историческое значение политического пробуждения крестьянства и необходимость создания тесного боевого союза между крестьянством и индустриальным пролетариатом при гегемонии последнего.

Раньше чем кто-либо другой он увидел в рабочих и крестьянских советах грядущую государственную форму диктатуры пролетариата. Он сплотил пролетариат вокруг лозунга: „Вся власть советам". Он создал Советскую власть, он сделал все для ее укрепления, для освобождения ее от бешеного натиска окружавших ее несчетных врагов.

Никто из нас не забудет того удара, который был нанесен нам гнусным покушением на Ленина в 1918 г. В нашей борьбе мы ни на минуту не забудем того, что предатели рабочего класса отравленной пулей хотели сразить нашего дорогого вождя.

И коммунистический Интернационал был основан Лениным пять лет тому назад. Ленин тогда же указал нам, в чем должна состоять задача нашего интернационала: „Осуществление вечных идеалов социализма и рабочего движения". И, прежде всего, это была задача его собственной жизни. Никогда еще история не видела более благородного примера глубокой преданности святому идеалу освободительной борьбы трудящихся масс. Никто никогда еще не сделал так много для осуществления этого идеала, как Ленин.

Своим руководством в Коммунистическом Интернационале он дал нам прочный базис для революционного рабочего движения всех стран Этим базисом является, прежде всего, развитое им в теории и осуществленное на практике марксистское учение о государстве и революции, о диктатуре пролетариата, а также его ясный анализ существа буржуазной демократии.

Его учение о демократическом централизме и данные им в 1903 г. гениальные директивы об организации революционной работы еще и сейчас представляют собой величайшую ценность для нашей работы в этой области. Такой же величайшей ценностью являются для нас пророческие слова его последней речи на 4-м всемирном конгрессе и его последняя статья о перспективах мировой революции.

Величайшее значение придавал он об'единению под знаменем Коминтерна всех истинно революционных сил из различных лагерей и направлений старого рабочего движения. В один из самых серьезных моментов он дал нам лозунг завоевания масс, как необходимой предпосылки для завоевания власти и установления пролетарской диктатуры. Особое внимание уделял он революционному развитию Германии вплоть до самого последнего времени, когда мы все надеялись, что в Германии гордо подымет свою голову пролетарская революция.

Ленин был и навсегда останется бессмертным вождем пролетарской мировой революции.

Своим гениальным зорким взглядом он сумел оценить национальное пробуждение и революционный под'ем народов Востока, борющихся против алчного к власти и золоту капиталистического империализма. Он отдавал себе полный отчет в мировом значении восстания народов Востока и неустанно работал над задачей привлечения их в ряды Ком-

интерна, и, прежде всего, его заслугой явится осуществление Коминтерном слов поэта: „с Интернационалом воспрянет род людской".

Подобную же чуткость проявлял Ленин в своем подходе к юношескому и женскому коммунистическому движению. Он ясно видел, что юношеское и женское движение нанесет последний удар главному врагу пролетарской революции—невежеству и пасивности масс.

Гигантскими шагами,—как это и предвидел Ленин,—идет вперед мировая пролетарская революция. Помня о Ленине, мы должны напречь все свои силы в борьбе против ига капитала.

Готовьтесь к боям, революционные пролетарии всех стран. Пусть ненависть к врагам коммунизма будет так же пламенна и вечна в наших сердцах, как любовь к Ленину.

На борьбу за полное осуществление заветов товарища Ленина! К этой борьбе призывает Исполком Коминтерна все свои секции.

Мы обращаемся к миллионам наших товарищей по борьбе во всем мире с призывом: следуйте заветам Ленина, которые продолжают жить в его партии и во всем, что создано трудом его жизни. Боритесь, как Ленин, и, как Ленин, вы победите!

ЛЕНИНА НЕТ...

Ленина нет. Нет более Ленина. Темные законы, управляющие работой кровеносных сосудов, оборвали эту жизнь. Медицина оказалась бессильной совершить то, чего от нее со страстью ждали, требовали миллионы человеческих сердец.

Сколько среди них таких, которые отдали бы, не задумавшись, свою собственную кровь до последней капли, только бы оживить, возродить работу кровеносных сосудов великого вождя, Ленина,—Ильича, единственного, неповторимого. Но чудо не совершилось там, где бессильной оказалась наука.

И вот—Ленина нет.

Слова эти обрушиваются на сознание, как гигантская скала в море.

Можно ли верить, мыслимо ли признать?

Сознание трудящихся всего мира не захочет принять этот факт, ибо страшно силен еще враг, долог путь, незакончена великая работа—величайшая в истории; ибо Ленин нужен мировому рабочему классу, как, может быть, никогда никто не нужен был в человеческой истории.

Более 10 месяцев длился второй приступ болезни—более тяжкий, чем первый. Кровеносные сосуды, по горькому выражению врачей, все время „играли". Это была страшная игра жизнью Ильича. Можно было ждать и улучшения, почти полного восстановления, но можно было ждать и катастрофы.

Мы все ждали выздоровления, а пришла катастрофа. Дыхательный центр мозга отказался служить—потушил центр гениальнейшей мысли.

И вот, нет Ильича. Партия осиротела. Осиротел рабочий класс. Именно это чувство порождается, прежде всего, вестью о смерти учителя, вождя.

Как пойдем вперед, найдем ли дорогу, не собьемся ли? Ибо Ленина, товарищи, с нами больше нет.

Ленина нет, но есть ленинизм. Бессмертное в Ленине—его учение, его работа, его метод, его пример живет в нас, в той партии, которую он создал, в том первом рабочем государстве, которое он возглавлял, направлял.

Наши сердца потому поражены сейчас такой безмерной скорбью, что мы все, великой милостью истории, родились сосременниками Ленина, работали рядом с ним, учились у него. Наша партия есть ленинизм в действии, наша партия есть коллективный вождь трудящихся. В каждом из нас живет частица Ленина—то, что составляет лучшую часть каждого из нас.

Как пойдем вперед?—С фонарем ленинизма в руках.

Найдем ли дорогу?—Коллективной мыслью, коллективной волей партии найдем.

И завтра, и послезавтра, и через неделю, и через месяц мы будем спрашивать себя: неужели Ленина нет? Ибо невероятным, невозможным, чудовищным произволом природы долго еще будет казаться его смерть.

Пусть тот же укол иглы, который мы чувствуем, который будет каждый раз чувствовать сердце при мысли о том, что Ленина более нет,—станет для каждого из нас напоминанием, предостережением, призывом:

— Твоя ответственность повысилась. Будь достоин воспитателя, твоего вождя! Скорбя в трауре, в горе, сомкнемте наши ряды и сердца, сомкнем их для новых боев!

Товарищи-братья! Ленина с нами нет. Прощай, Ильич! Прощай, вождь!

Л. Троцкий.

Тифлис, вокзал, 22 января 1924 г.

РЕЧЬ НАДЕЖДЫ КОНСТАНТИНОВНЫ КРУПСКОЙ.

На II С'езде Советов С. С. С. Р. (26 янв. 1924 г.).

Товарищи, то, что я буду говорить, меньше всего будет напоминать какую-нибудь парламентскую речь. Но так как я говорю к представителям республик трудящихся, к близким, дорогим товарищам, которым предстоит строить жизнь на новых началах, то поэтому, товарищи, думается, я не должна связывать себя никакими условностями.

Товарищи, за эти дни, когда я стояла у гроба Владимира Ильича, я передумывала всю его жизнь, и вот что я хочу сказать вам. Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным. Никогда этого он не говорил сам, да и я бы, вероятно, не сказала этого в другую, менее торжественную минуту. Я говорю об этом потому, что это чувство он получил в наследие от русского героического революционного движения. Это чувство заставило его страстно, горячо искать

ответа на вопрос—коковы должны быть пути освобождения трудящихся. Ответы на свои вопросы он получил у Маркса. Не как книжник подошел он к Марксу. Он подошел к Марксу, как человек, ищущий ответов на мучительные настоятельные вопросы. И он нашел там эти ответы. С ними пошел он к рабочим.

Это были 90-е годы. Тогда он не мог говорить на митингах. Он пошел в Петроград, в рабочие кружки. Пошел рассказывать то, что он сам узнал у Маркса, рассказать о тех ответах, которые он у него нашел. Пришел он к рабочим не как надменный учитель, а как товарищ. И он не только говорил и рассказывал, он внимательно слушал, что говорили ему рабочие. И питерские рабочие говорили ему не только о порядках на фабриках, не только об угнетении рабочих. Они говорили ему о своей деревне.

В зале Дома Союзов, у гроба Владимира Ильича, я видела одного из рабочих, который был тогда в кружке у Владимира Ильича. Это—тульский крестьянин. И вот этот тульский крестьянин, рабочий Семянниковского завода, говорил Владимиру Ильичу: „Тут,—говорит,—в городе, мне все трудно об'яснять, пойду я в свою Тульскую губ. и скажу все, что вы говорите: я скажу своим родным, другим крестьянам. Они мне поверят. Я ведь свой. И тут никакие жандармы не помешают".

Мы вот теперь много говорим о смычке между рабочими и крестьянами. Эта смычка, товарищи, дана самой историей. Русский рабочий одной стороной своей—рабочий, а другой стороной—крестьянин. Работа среди питерских рабочих, разговоры с ними, внимательное прислушивание к их речам дало Владимиру Ильичу понимание великой мысли Маркса, той мысли, что рабочий класс является передовым отрядом всех трудящихся и что за ним идут далее трудящиеся массы, все угнетенные, что в этом его сила и залог его победы. Только как вождь всех трудящихся рабочий класс может победить. Это понял Владимир Ильич, когда он работал среди питерских рабочих. И эта мысль, эта идея освещала всю дальнейшую его деятельность, каждый его шаг. Он хотел власти для рабочего класса. Он понимал, что рабочему классу нужна эта власть не для того, чтобы строить себе сладкое житье за счет других трудящихся: он понимал, что историческая задача рабочего класса—освободить всех угнетенных, освободить всех трудящихся. Эта основная идея наложила отпечаток на всю деятельность Владимира Ильича.

Товарищи представители советских республик, республик трудящихся. К вам обращаюсь я и прошу эту идею Владимира Ильича особенно близко принять к сердцу.

Я хочу сказать, товарищи, последние несколько слов. Товарищи, умер наш Владимир Ильич, умер наш любимый, наш родной.

Товарищи коммунисты, выше поднимайте дорогое Ленину знамя, знамя коммунизма.

Товарищи—рабочие и работницы, товарищи крестьяне и крестьянки, трудящиеся всего мира, смыкайтесь дружными рядами, становитесь под знамя Ленина, под знамя коммунизма!

ПОХОРОНЫ ЛЕНИНА

(27 января 1924 г.).

Сейчас позвонили—Ильич умер.

... Через час мы едем в Горки, уже к мертвому Ильичу.

Как, бывало, мчишься в Горки, на вызов Ильича, когда он был здоров—как на крыльях! А теперь...

Смотрим на звезды. Пытаемся говорить о другом. Ильич умер— что будет? А путь такой долгий—целых 2 ч. Дорога занесена снежными сугробами. Гудят телефонные проволоки. Воздух такой чистый. Ночь светла.

Горки. У ворот столпилась кучка людей—это товарищи из охраны Ильича. Они усыпают сосновыми ветками снежную дорогу к дому, где лежит Ильич.

Вошли в дом. Ильич лежит на столе. Уже успели переодеть его в новую тужурку. Цветы, сосновые ветки. Лежит в большой комнате. Тут открыт ход на балкон. Мороз.

Светлая зимняя снежная ночь. В комнате, где лежит Ильич, холодно. Много света. Яркая луна. Много звезд. Крестьянские дома кажутся совсем близкими через открытый на балкон ход. Ильич на фоне крестьянской России. Незабываемая картина. Ильич, как живой. Прилег отдохнуть. Да он же дышет! Вот-вот подымется грудь. Лицо спокойно-спокойно. Оно стало еще добрее. Разгладились морщины. Замшевые складки в нижней части лица, ближе к шее, остались. Недавно постригся. Выглядит совсем молодым. Лицо доброе-доброе, нежное. Кажется только, старик недоволен, зачем так долго глядим на него, зачем набегает слеза. Где же видно, чтобы большевики плакали... Поцелуй в лоб, в прекрасный ильичевский несравненный лоб. Лоб этот холоден сейчас, как мрамор. Сердце пронизалось мыслью: так это, действительно, навеки, навсегда!...

Во вторник весь Центральный Комитет, вся ЦКК едут в Горки. В двух вагонах 3 класса—весь главный штаб ленинской партии. Вагоны тускло освещаются кусочками стеариновой свечи. Забились отдельными кучками в разные углы. Молчат.

Приехали к полустанку. Отсюда часть едет на крестьянских лошадях, часть—пешком. Длинной лентой по узенькой дорожке гуськом тянутся в Горки члены ЦК.

Прибывают все новые и новые товарищи и друзья. Первые почетные караулы у тела Ильича. Переложили его в красный гроб. В головах— небольшая красная подушка. Еще нежнее, еще добрее его лицо.

В среду, рано утром, вынесли тело из Горок. Снесли с лестницы. Вынесли на улицу. Здесь лицо сразу больше помертвело. Несколько мелких пушинок снега ложится на тужурку Ильича. Скорее стряхнуть их... Четыре версты пешком. Несут, разумеется, на руках. По всей дороге толпы крестьян, никто не крестится. Первые венки простые, из сосновых ветвей.

Колонный зал Дома Союзов. Бесконечный живой прибой людской волны, день и ночь, круглые сутки. В короткий зимний день, в длинную ночную стужу, на улицах Москвы стояли сотни тысяч: рабочие, их матери, жены, сестры, стояли крестьяне, красноармейцы, учащиеся, дети, весь-весь народ в ожидании своей очереди—войти в Колонный зал и пройти около вождя и учителя. 700.000 людей прошли через этот зал за 4 дня. Величавее этой картины не видел мир. Толпа сорганизовалась сама. 5 милиционеров легко справлялись с задачей охраны порядка там, где было 50.000 людей. Дело просто: эти 50.000 сами соблюдали порядок...

Бесконечным могучим потоком волна вливалась в Колонный зал. Оттуда через ряд других дверей столь же организованно выливалась назад...

Рыдающие звуки траурного марша. Марш этот всегда трудно слушать без волнения, а теперь его исполняют над гробом—кого же?—Ленина!...

Суббота вечером. 2-й с'езд Советов Союза Советских Социалистических Республик. Речь Надежды Константиновны. Кто забудет этот момент? Тишина. Слышно, как муха пролетит в этой громадной аудитории...

Поздно ночью перед гробом Ильича прошел еще раз весь С'езд, вся Советская Россия.

Утром так же организованно прошла делегация от Петрограда (Ленинграда), более 1.200 человек. Рабочие, работницы, красноармейцы, молодежь. Все плакали...

Воскресенье. Утро 27 января. Последние почетные караулы. Звучит „Интернационал"—громко, стройно, победно. Выносим тело Ильича...

В 4 часа дня опускаем гроб в склеп при салютах. Салютует вся Советская Россия. В Петрограде на траурной демонстрации в этот день участвует 750.000 человек...

Миллионы сердец бьются в унисон. В Париже, в Христиании, в Пекине в Берлине, в Праге, в Лондоне,—во всем мире у миллионов людей на устах одно имя: Ленин.

В склепе мы прикрываем гроб с останками Ильича двумя знаменами—двумя из 10.000 знамен, участвовавших в траурной демонстрации. Это—знамена Коминтерна и Центрального Комитета РКП. В последнюю минуту в склеп, вопреки караулу, пробирается пожилой крестьянин. Выждав удобную минуту, он передает маленькое траурное полотно при грамоте от крестьян Саранского уезда. Рядом со знаменами двух могучих организаций, заставивших трепетать всю мировую буржуазию, пристроилось также знамя крестьян Саранского уезда.

Никогда не забыть минуты, когда вся Красная площадь, обнажив головы, пела при 25 градусном морозе: „Вы жертвою пали". Никогда не забыть запевшей многотысячной толпы, когда гроб Ильича несли в склеп. Никогда не забыть биения сердец всех близких и родных. Никогда, никогда не забыть этих минут!

Почему-то вспоминается тот вечер, когда Ленин прибыл из-за границы в Петроград. Ночь. На Финляндском вокзале встреча десятка тысяч рабочих и солдат. Теперь—теперь миллионы. Тогда—канун великих боев, теперь—теперь завершенные битвы и отдых после решающих побед. Теперь—признание всего народа, всех народов.

Прощай, Ильич! Прощай, Ленин!

По всей стране, по всей земле перекатывается, как эхо, это прощальное приветствие вождю и учителю.

За работу, за работу, за работу!—как учил нас Ильич.

Ленин умер—ленинизм живет! Живет в нашей великой партии, в Коминтерне, в революционном движении всего мира. Когда пролетарская революция победит во всем мире, это будет, прежде всего, победой ленинизма.

(Г. Зиновьев).

ИЛЬИЧ В ЛЕНИНГРАДЕ.

Гишина... Одни гудки кричат,
Да грохочут скорбные салюты...
Словно вечность, тянутся минуты...
В серце боль остра и горяча:
В этот миг на площади московской,
У подножия стены кремлевской,
Опускают в землю Ильича...
Неподвижны каменные лица,
Слезы женщин солоно-едки...
Красных самолетов вереница
Сыплет перья—белые листки...
Цепенеют люди-изваянья,
Город стынет, мертвенно молча..
Гудами взбуженное сознанье
Ранит мысль, остра и горяча:
В этот миг, в молчании глубоком,
Наши братья в городе далеком
Опускают в землю Ильича...

(В. Князев. „Капля крови Ильича").

ПИСЬМО Н. КРУПСКОЙ.

Товарищи рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки!

Большая у меня просьба к вам: не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и т. д.,—всему этому он придавал при жизни такое малое значение, так тяготился всем этим. Помните, как многое еще не устроено в нашей стране. Хотите почтить имя Владимира Ильича—устраивайте ясли, детские сады дома, школы, библиотеки, амбулатории, больницы, дома для инвалидов и т. д. И самое главное—давайте во всем проводить в жизнь его заветы.

(30 янв. 1924 г.) (Н. Крупская).

ПОХОРОННЫЙ МАРШ.

Памяти Ильича.

Ты умер, товарищ, на славном посту,
Ведя на борьбу миллионы,
Ты умер, Ильич, и к могиле твоей
Склонили мы наши знамена.

Года за годами шли чередой,
И ленинским верны заветам
С тобою, Ильич, шли в Октябрьский бой,
С тобой пришли мы к Советам.

Ты долго, Ильич, путеводной звездой
Горел пролетарской России,
Заветы твои, наш вождь дорогой,
В сердцах мы годами взростили.

Ты умер, Ильич, но жива РКП—
Рабочих стальная колонна,
И все понесем мы в грядущей борьбе
Твои боевые знамена.

Кто сможет измерить рабочую скорбь
В минуту тяжелой утраты!
Но слов нам не надо,—теснее ряды
Стальных пролетарских отрядов!

Ты умер, Ильич, но жива РКП—
Рабочих стальная колонна,
И все понесем мы в грядущей борьбе
Твои боевые знамена.

В ПАРТИЮ ИЛЬИЧА.

(Хоровая декламация)

Один. Подымайтесь, товарищи-братья,
Пролетарская кровь горяча:
Мы идем многотысячной ратью—
Все. В партию Ильича!
Один. Часовой! На посту будь бессменен!
Не настала пора отдохнуть.
Наше знамя великое—
Все. — Ленин!
Один. К коммунизму—
Наш радостный путь.
В голубых безысходных просторах,
На заводах, в полях, в рудниках,

Все. Мы—везде—
Один. — И решимость во взорах,
И винтовка в железных руках.
Мы идем—точно буря несется,
Наш поток все преграды снесет,
Неизменный наш оклик—
Все. — бороться.
Один. Непрерывный наш оклик—
Все. — вперед!
Один. Нам не страшны ни пытки, ни смерти,
Нам рабами не быть—
Все. — Никогда!
Один. Братья, твердо и радостно верьте
В торжество и победу труда!
Ни преграды, ни темные силы
Нас не смогут назад обратить
Над его незаросшей могилой
Мы клянемся—в борьбе—
Все. — победить!
Один. Мы в глухие окопные ночи,
И в победные дни—
Все. — И всегда
Один. Твердо верили в братство рабочих
И в великое царство труда!
Нас железная воля сплотила,
Многотрубный нас голос зовет,
Так не плакать над этой могилой,
А с удвоенной силой—
Все. — вперед!
Один. Коммунары! Под Ленинским флагом
Будьте в битвах крепки и тверды,
Пролетарским, негнущимся шагом
Замыкайте стальные ряды:
Часовой, на посту будь бессменен!
Не настала пора отдохнуть!
Наше знамя великое—
Все. — Ленин!
Один. К коммунизму наш радостный путь!
Подымайтесь, товарищи-братья,
Пролетарская кровь горяча!
Мы идем многотысячной ратью
Все. В партию Ильича!.

(С. К. См. сб. «Октябрь», под ред. Е. П. Шалагиновой).

УКАЗАТЕЛЬ КНИГ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ.

М. Покровский. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX в.в. Изд. „Красная Новь". М. 1924.

I. Декабристы.

а) Воспоминания, биографии.

Берсеньев. С. М. Муравьев-Апостол. Изд. „Альциона". М. 1919.
Н. И. Павлов-Сильванский. П. И. Пестель. Госизд. П. 1919.
К. Ф. Рылеев. Воспоминания Н. А. Бестужева. Изд. „Альциона". М. 1919.
П. Щеголев. П. Г. Каховский. Госизд. П. 1921.

б) Художественная литература.

Д. С. Мережковский. 14 декабря. Изд. „Огни". СПБ. 1918.
Н. А. Некрасов. „Русские женщины" и „Дедушка". См. собр. стихотв. Госизд. П. 1920 и др.
Собрание стихотворений декабристов (2 тт.). Изд. Фомина. М. 1906.

в) Общие очерки и статьи.

К. Левин. Декабристы. Изд. 3-е. „Пролетарий". Харьков. 1923.
Г. В. Плеханов. 14 декабря 1825 г. Госизд. М. 1921.
М. Ольминский. Из прошлого (См. ст. „Происхождение жандармов"). Госизд. М. 1922.

II. Петрашевцы.

а) Воспоминания.

Д. Д. Ахшарумов. Из моих воспоминаний. Изд. „Обществен. Польза". СПБ. 1906.
А. И. Герцен. Петрашевский. См. сбор. соч., т. VI. Госизд. П. 1919.

б) Художественная литература.

И. С. Тургенев. Пунин и Бабурин. См. собр. соч. изд. Маркса, Глазунова и др. [1].

в) Общие очерки.

В. И. Семевский. М. В. Буташевич-Петрашевский и Петрашевцы. Изд. „Задруга". М. 1922.

III. Шестидесятые и семидесятые годы.

а) Воспоминания.

О. Аптекман. Из истории революционного народничества. Земля и Воля 70 гг. СПБ. 1907.
Вл. Дебогорий-Мокриевич. Воспоминания. СПБ. 1903.

---

[1] В повести дан только образ петрашевца (Бабурин), но не характеристика движения.

Л. Дейч. Почему я стал революционером. Госпзд. П. 1919.
„ Хождение в народ. Госизд. П. 1920.
„ Революционная эмиграция 70 гг. Госизд. П. 1920.
М. Коваленский. Русская революция „В судебных процессах и мемуарах". Изд. „Мир". М. 1923.
В. Г. Короленко. История моего современника. Изд. „Задруга". М. 1920—22.
П. А. Кропоткин. Записки революционера. М. 1918.
Н. А. Морозов. Повести моей жизни. Изд. „Задруга". М. 1920.
Г. В. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении. По личным воспоминаниям. Госизд. М. 1919.
С. Степняк-Кравчинский. Подпольная Россия. Изд. „Светоч". П. 1919.
В. Н. Фигнер. Запечатленный труд. Изд. „Задруга". М. 1921.

б) Художественая литература.

С. Степняк-Кравчинский. Андрей Кожухов. Изд. „Пролетарий". Х. 1923.
„ „Домик на Волге". Изд. „Светоч". П. 1919.

IV. Восьмидесятые годы.

а) Воспоминания и биографии.

Н. Ашешов. А. И. Желябов. Госизд. П. 1919.
„ Н. Рысаков. Госизд. П. 1920.
„ Софья Перовская. Госизд. П. 1921.
В. Иохельсон. Геся Гельфман. Изд. „Былое". П. 1918.
1 марта 1881 г. по неизданным материалам. Изд. «Былое». П. 1918.
М. Лукашевич. Воспоминания о деле 1 марта 1887 г. Госизд. П. 1920.
М. Н. Новорусский. Записки шлиссельбуржца (1887—1905). Госизд. П. 1920.
В. Фигнер. Шлиссельбургские узники (1884—1905). Биогр. очерки. Изд. „Задруга". М. 1920.

б) Общие очерки и статьи. (60–80 гг.).

М. Ольминский. Из прошлого (Ст. „Заря революционного романтизма" и „Золотой век народничества и марксизм"). Госизд. 1922.
Д. Рязанов. Г. В. Плеханов и группа Освобождения труда. Изд. Петросовета. 1918.
Ю. Стеклов. Борцы за социализм. Изд. „Денница". М. 1918.
Черный передел (Сборн.). Госизд. П. 1923.

V. От девяностых г.г. к 1905 г.

а) Воспоминания.

Ц. Зеликсон-Бобровская. Записки рядового подпольщика (1894 — 1914). Госизд. М. 1922.
На заре рабочего движения в Москве. Иллюстр. сборн. статей, заметок, воспоминаний. Изд. М. С. Р. и С. Деп. М. 1919.
От группы Благоева к Союзу борьбы. Изд. Госизд. Донск,—1921.
К. Тахтарев. Очерк петербургского рабочего движения 90-х г.г. по личным воспоминаниям. Госизд. П. 1921.
Л. Тучапский. Из пережитого. Изд. Укр. Госизд. Одесса. 1923.

б) Художественная литература.

Бибик. К широкой дороге. Госизд. М. 1923.
М. Горький. Мать. Ч. I и II. Госизд. М. 1919—1920.
Б. Иванов. Записки прошлого. М. 1920.
А. Свирский. Записки рабочего. М. 1919.

в) Общие очерки и статьи.

Н. Ленин. За 12 лет. Сб. статей (1895—1905). Изд. Петросовета. П. 1919.
Б. Павлов. Пролетарская борьба в России до революции 1905 г., М. 1919.
Д. Рязанов. Обуховское дело. П. 1918.

VI. Первая русская революция 1905—06 г.г.

а) Воспоминания.

Декабрьское восстание в Москве. Иллюстр. сборн. статей, заметок, воспоминаний. Госизд. М. 1920.
П. Рутенберг. Дело Гапона. См. журн. „Былое" 1917 г. № 2.
Д. Сверчков. На заре революции. Госизд. М. 1922.
Л. Троцкий. 1905. Госизд. М. 1922.

б) Художественная литература.

Л. Андреев. Рассказ о семи повешенных. См. собр. соч. изд. Маркса и др.
П. Бессалько. Катастрофа. Изд. Пролеткульта. П. 1919.
М. Горький. 9 января. Госизд. 1920.
„ Жизнь ненужного человека. Изд. „Жизнь и Знание". П. 1917.
А. Немоевский. Люди революции. Госизд. М. 1919.
А. Серафимович. Живая тюрьма (Рассказы 1905 г.) Изд. К-ва писат. в Москве. М. 1922.

в) Общие очерки и статьи.

Л. Гуревич. 9 января по данным анкетной комиссии. Изд. С. Поповой. П. 1906.
„Красная Летопись" № 1. Госизд. П. 1922. (№ посвящ. 9 января).

VII. Между двумя революциями (1907—1916).

а) Воспоминания.

Из эпохи „Звезды" и „Правды" (1911—1914). Вып. I и II. Госизд. М. 1921.
В. Ф. Плетнев. Лена. 4 апр. 1912г. Изд. Всероссийск. Пролеткульта. М. 1923.
А. Шляпников. Канун семнадцатого года. Ч. I и II. Госизд. 1920—22.

б) Общие очерки и статьи.

Г. Зиновьев и Н. Ленин. Против течения (Сборн. статей 1914—1916). П. 1919.
Л. Клейнборт. Очерки рабочей интеллигенции. Изд. „Науки и Знания" П. 1923.
Л. Троцкий. Годы великого перелома (3 вып.). М. 1919.
Л. Тюшевский. К истории забастовки и расстрела рабочих на Ленских приисках. Госизд. П. 1921.

VIII Февральская революция 1917 г.

а) Воспоминания.

Т. Кирпичников. Восстание л.-гв. Волынского полка в февр. 1917 г. Журн. „Былое" 1917. № 5—6.
С. Мстиславский. Пять дней. Начало и конец Февральской революции Изд. Гржебина. М. 1922.
О. Л. д'-Ор. Красный часовой Кронштадт. Госизд. М. 1920.
„Пролетарская революция". № 13 Журн. Истпарта. Госизд. 1920 (№ посвящен Февральской революции).
А. Шляпников. Семнадцатый год. Госизд. М 1923.

б) Художественная литература.

П. Арский. Кровь рабочего. Изд. Пролеткульта. П. 1919.
Н. Алексеев. Явь. Изд. „Красная Новь". М. 1923.
Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир. Изд. „Красная Новь". М. 1923.

в) Общие очерки и статьи.

Ал. Блок. Последние дни императорской власти. Изд. „Алконост". П. 1921. (Тоже в журн. „Былое" № 16).

Н. Лукин (Антонов). Как пало царское самодержавие? Изд. „Прибой". П. 1918.
Н. Ленин. Собр. соч., том XIV. Буржуазная революция 1917 г. Госизд. М. 1922.
3—5 июля 1917 г. По неизданн. материалам. П. 1922.
К. Шелавин. 1917 г. Очерки русской революции. Изд. „Прибой" П. 1923.

IX. Октябрьская революция.

а) Воспоминания.

А. Аросев. Как это произошло (Октябрьские дни в Москве). изд. „Красная Новь". М. 1923.
Москва в октябре. Иллюстр. сборн. заметок, воспоминаний участников движения. Изд. М. С. Р. и С. Деп. М. 1919.
Я. Никулихин. На фронте гражданской войны (1919—21). Изд. „Прибой". 1924.
Октябрьское восстание в Москве. Сб. документов, статей, воспоминаний. М. 1922.
„Пролетарская революция". № 10 Журн. Истпарта. Госизд. М. 1922. (№ посвящен Октябрьской революции).
Сборник воспоминаний непосредственных участников гражданск. войны 1918—1922 г. Кн. 2-ая. Изд. Высш. Воен. Редакц. Совета. М. 1922.
Л. Троцкий. От Октябрьской революции до Брестского мира. Изд. 2-ое. „Пролетарий". Харьков. 1924.
Вехи Октября. Сб. Изд. „Моск. рабочий". М. 1923.

б) Художественная литература.

Журналы „Красная Новь" и „Молодая Гвардия" (Рассказы Аросева, Вересаева, Вс. Иванова и мн. др.).
Фурманов. Чапаев. Госизд. М. 1923.

в) Общие очерки и статьи.

Н. Бухарин. От крушения царизма до падения буржуазии. Изд. „Пролетарий". Харьков. 1923.
К. Новицкий. (Петровин). От самодержавия к диктатуре пролетариата. Госизд. М. 1920.
Н. Ленин. Собр. соч., тт. XV—XVIII. Госизд. М. 1921.
За 5 лет. 1917—1922. Сборн. Изд. „Красн. Новь". М. 1923.

X. К истории Р. К. П.

25 лет Р. К. П. (больш.) 1898—1923. Иллюстр. юбилейн. сборн. Госизд. М. 1923.
Г. Зиновьев. История Р. К. П. Госиздат. П. и М. 1923.
К. Шелавин. Рабочий класс и его партия. Изд. „Прибой". П. 1923.

XI. О Ленине.

Воспоминания и материалы.

Зиновьев, Г. Владимир Ильич Ленин. См. собр. соч., т. XV.
Попов, Н. Н. и Яковлев, А. Я. Жизнь Ленина и ленинизм. Изд. „Красная Новь". М. 1924.
„Пролетарская революция". Журнал Истпарта, № 3 (26). 1924. (№ посвящен Ленину).
„Молодая Гвардия" (журн.) № 2—3. 1924.
„В дни скорби" (сборн.). Изд. «Моск. Рабоч.». М. 1924.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Аксельрод, П.: Речь на II с'езде Р. С.-Д. Р. П. 146
Акт отречения Николая II. 255
Альминский, П. (А. Пальм) Алексей Слободин. 29
Американские воззвания на Архангельском фронте. 309
Аптекман, О. В.: Земля и Воля 70-х гг. 73
Аросев, А.: Как было. 283
Арский, П.: Кровь рабочего. 235
Арцыбашев, М.: Кровавое пятно. 201
Ахшарумов, Д. Д.: Из моих воспоминаний. 35
Тоже: Речь на обеде в честь Фурье. 27
Тоже: Земля, несчастная земля! (стих.) 38

Бестужев, А. А.: Песня. 18
Бестужев, Н. А.: 14 декабря 1825 (из записок). 17
Блок, Ал.: Двенадцать (стих.). 291
Тоже: Последние дни императорской власти. 243
Богданов, А.: Былое (стих.). 216
Богданов, Н. В.: Воспоминания. 121
Брестский договор, аннулирование (Декрет В. Ц. И. К.). 313
Быков: Последние дни последнего царя. 302

Варшавянка (стих.). 151
Воспоминание о Кронверкской куртине (Из записок декабриста). 18

Герцен, А. И.: 10 апреля 1861 г. и убийства в Варшаве. 46
Тоже: Колокол. 39
Голутвино, Перово, Люберцы (стих.). 203
Гомулицкий, В.: Польская революция 1830—31 гг. 22
Горький, М.: 9 января. 161
Григорьев, Р.: На ущербе. 214

Дебагорий-Мокриевич, Вл.: Воспоминания. 75
Декларация Временного Правительства 3. III. 1917 г. 256
Декларация Большевиков на Государственном Совещании 12 авг. 1917 г. 269
Декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа. 297
Дмитриева, В. И.: Тени прошлого. 186
Достоевский, Ф. М.: Из показаний в судебной комиссии. 33
Дубинушка (стих.). 141

Егоров: Кронштадтское восстание. 209.

Желябов, А. И.: Заявление прокурору СПБ. судебной палаты 2 марта 1881 г. 108

Зайцев, Б.: Дальний край. 183
Залежский: Первый легальный ПЕКА. 237
Засулич, В. И.: Воспоминания. 87
„Земля и Воля" организация общества. 89
Зиновьев, Г.: Благодарность защитникам Петрограда (приказ). 324
Тоже: Речь на VII с'езде советов (о Коминтерне). 319
Зиновьев, Г.: Похороны Ленина. 343

Иванов, Б.: „Звезда и Правда". 216
Иванов, Вс.: Партизаны. 315
Извещение о III с'езде Р. С.-Д. Р. П. 170
Ионов, Ил.: Красное Знамя (стих.). 231

К молодому поколению (прокламация 1861 г.) 46
К народам всего мира (воззвание ПТГ. совета Р. и С. Д. 14 марта 1917 г.). 259
К рабочим всех Петербургских Бумагопрядилен (прокламация Союза борьбы за освобождение рабочего класса). 129
К разоряемым и умерщвляемым народам (манифест II Циммервальдской Конференции). 224
К русским революционерам (прокламация молодых бакинистов). 70
Казнь революционера (В. Осинского) (Стих.). 9
Казнь первомартовцев (Из официального отчета). 110
Керенский, А. Ф.: Гатчина. 280
Тоже: Речь в Совете Рабочих Депутатов 2 марта 1917 г. 252.
Клейнборт, Л.: Очерки рабочей интеллигенции. 217
Князев, В.: Сын коммунара (стих.). 19
Тоже: „Ильич в Ленинграде", (Стихотв.). 345
Коваленко: 11 дней на броненосце Князь Потемкин-Таврический. 173
Ко всем Петербургским рабочим (прокламация Р. С.-Д. Р. П. 8 янв. 1905 г. 156
Ко всем рабочим (прокламация П. К. Р. С.-Д. Р. П. январь 1905 г.). 165

Ко всем рабочим, солдатам и гражданам. Воззвание Моск. С. Р. Д. 6.XII.1905г. 196
Коя, Ф.: На Каре. 123
Коренев, Г.: Красная конница (стих.). 332
Крайский. А.: Навстречу грядущему (стих.). 336
Кропоткин, П. А.: Записки революционера (о польском восстании 1863). 56
Тоже: Записки революционера (о Каракозове). 60
Крупская, Н. К.: Речь на II с'езде Советов С. С. С. Р. (26 янв. 1924 г.). 341
Тоже: Письмо (30 янв. 1924 г.). 345

Лавров, П. Л.: Вперед (стих.). 72
Тоже: Послание М.И.Михайлову (стих.)49
Лемке, М. К.: Политические процессы. 58
Ленин, Н. (Вл. Ульянов): Доклад на XI с'езде Р. К. П. (о нов. эконом. политике). 335
Тоже: К рабочим и красноармейцам Петрограда (воззвание). 323
Тоже: Речь в Птг. Совете Раб. и Солд. Деп. (26 окт. 1917 г.). 285
Тоже: Речь на II с'езде Р. С.-Д. Р. П. 147
Тоже: Тезисы 4 апр. 1917 г. 262
Тоже: Тезисы (о предпарламенте). 272
„Ленин—наш бессмертный вождь" (Воззвание Исполкома Коминтерна 23 янв. 1924 г.). 338
Лепин: На Сиваше. 335
Листок П. К. Р. С.-Д. Р. П. б. (25 февр. 1917 г.). 234

Манифест в. к. Михаила Александровича (3 марта 1917 г.). 256
Тоже: Колчака. 314
Тоже: Николая II (17 кт. 1905 г.). 177
Тоже: Николая II. О роспуске Госуд. Думы 9/VII 1906 г. 208
Тоже: Николая II (об'явление войны 20 июля 1914 г.). 218
Тоже: Об'единенной группы С.-Д. и С.-Р. о войне 10-IX—1915 г. 222
Тоже: Партии С.-Р. 1900 г. 138
Тоже: Р. С.-Д. Р. П. (1898 г.). 135
Тоже: Р. С.-Д. Р. П. (б.) (28 февр. 1917 г.). 240
Тоже: Совета рабочих депутатов (финансовый 1905 г.). 192
Тоже: Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. об империалистической войне. 219
Маркс, К.: Русской секции Интернационала 1870 г. 66
Тоже: О России. 114
Мартов: Речь на II с'езде Р. С.-Д. Р. П. 147
Машинушка (стих.). 132
Маширов-Самобытник: Январский Завет (стих.). 164
Тоже: Завет (стих.). 275
Мережковский. Д. С.: 14 декабря. 12
Милюков, П. Н.: Речь в Таврическом дворце 2 марта 1917 г. 250
Тоже: Нота союзным державам 18 апр. 1917 г. 264
Молодая Россия (прокламация 1862 г.). 49
Морозов, Н. А.: 1873—1875 (стих.). 74
Мстиславский: 5 дней. 279
Муравьев, Никита: Проект конституции. 9
Мышкин, И. Н.: Речь на суде (процесс 193). 82

На десятой версте от столицы (стих. 1905 г.). 166
Народовольческий гимн (стих.). 114
Нечаев, С. Г.: Революционный катехизис 67
Николай II: Речь к депутации от рабочих 19 янв. 1905 г. 165
Тоже: Речь представителям войск о войне 20/VII 1914 г. 219

Обязательные постановления коменданта Гатчины (наступление Юденича). 322
Огарева-Тучкова, Н. А.: Воспоминания. 44
Огарев, Н. П.: Колокол (стих.). 40
Тоже: Песня о земле и воле (стих.). 77
Одоевский, А. И.: „А. С. Пушкину" (стих.). 20
О. Л. д'Ор.: Красный часовой — Кронштадт. 247
Ольминский, М. С.: Давние связи. 126
От Исполнительного Комитета «Народной Воли» проклам. 2 марта 1881 г. 109
От Исполнительного Комитета «Народной Воли» проклам. 4 апр. 1881 г. 113
От рабочих, членов «Народной Воли» прокламация. 110
От Совета Рабочих Депутатов воззвание 28 февр. 1917 г. 241
Официальный отчет о казни первомартовцев. 110

Памяти Баумана (стих.). 183
Перец, Г. Г.: В цитадели русской революции. 242
Петрашевский, М. В.: Из показаний в следственной комиссии. 33
Тоже: Из проекта освобождения крестьян. 28
Петиция рабочих 9 янв. 1905 г. 158
Пестель, П. И.: Русская правда. 6
Пестковский, С.: Об октябрьских днях в Петрограде. 288
Плеханов, Г. В.: Речь на II с'езде Р. С.-Д. Р. П. 145, 147
Тоже: Русский рабочий в революционном движении. 77.
Тоже: Современные задачи рабочих. 119
Плещеев, А. П.: Вперед (стих.). 27
Подвойский: Из воспоминаний об Октябрьской революции. 275
Под'ячев, С.: Голодающие. 325
Поллан, А.: Рапорт прокурора Одесской судебной палаты управл. мин. вн. дел. 144
Посадовский: Речь на II с'езде Р. С.-Д. Р. П. 145
Постановление II с'езда Советов (об организации власти и о мире). 286

Похоронный марш (стих.). 99
Похоронный марш. — Памяти Ильича. (Стихотв). 346
Правительственные репрессии 1862 г. 55
Приговор по делу Петрашевцев. 34
Приказ № 1. 249
Программа исполнит. комитета „Народной Воли". 97
Программа Общества „Земля и Воля". 89
Программа Общества „Черный Передел". 102
Программа Русской секции Международного товарищества рабочих. 65
Программа „Северного союза русских рабочих". 100
Программа „С.-Д. группы Освобождения труда". 115
Прудников: Страничка из воспоминаний о Зубатове. 148
Пуришкевич, В. М.: Из дневника (убийство Распутина). 228
Пушкин, А. С.: „Послание в Сибирь" (стих.). 20

Радин, Л. П.: «Лучина» (стих). 129
Тоже: «Смелей, друзья...» (стих.). 126
Тоже: «Смело, товарищи...» (стих.). 137
Раскольников, Ф.: Приезд т. Ленина в Россию. 260
Рейснер, Л.: Казань. 304
Резолюции большевиков на III с'езде Р. С.-Д. Р. П. б. (о вооруженном восстании). 172
Тоже: на IV С'езде Р. С.-Д. Р. П. (о Госуд. Думе). 205
Тоже: на IV С'езде Р. С.-Д. Р. П. (о советах раб. деп.). 206
Резолюция меньшевиков на IV С'езде Р. С.-Д. Р. П. (о советах раб. деп.). 207
Резолюция VIII С'езда Р. С.-Д. Р. П. (б.) (Об изменении названия партии и перемене программы). 301
Ропшин, В. (Б. Савинков): „То, чего не было". 211
Рутенберг, П.: Дело Гапона. 204
Рылеев, К. Ф.: „Гражданин" (стих.). 5

Савинков, Б.: Воспоминания. 152
Серафимович, А.: На Пресне. 198
Синегуб, С.: Воспоминания чайковца. 86
Синклер, У.: Джимми Хиггинс. 309
Скиталец: Лес разгорался. 167
Собрание русских фабр.-заводских рабочих (Справка охранного отдел.). 150
Стеклов, Ю.: Степан Халтурин. 104
Степняк-Кравчинский, С.: Андрей Кожухов. 90
Стефанович, Я.: Казацкая могила. 80
Сулимов: Воспоминания Обуховца. 142
Суханов, Н.: Июньские дни 1917 г. 265

Тан: Декабристам (из Мицкевича) стих. 21
Тарасов, Е.: Москва в декабре (стих.). 197
Тахтарев, К. М.: Очерк Петербургского рабочего движения 90-х гг. 130
Телеграфические известия из Парижа (1867 г.). 61
Толстой, А. Н.: Хождение по мукам. 231, 244, 257.
Толстой, Л. Н.: За что? 25
Троцкий, Л.: Всеобщая стачка. 1905 г. 175
Тоже: Возникновение Совета Рабочих Депутатов. 176
Тоже: Красный флот. 1905 г. 184
Тоже: На другой день после манифеста. 1905 г. 178
Тоже: Оппозиция и революция. 1905 г. 181
Тоже: Октябрьская революция. 273, 301
Тоже: Речь на III С'езде Советов 10 января 1918 г. 297
Тоже: Приказ (20 окт. 1919 г.). 324
Тоже: Речь на заседании В. Ц. И. К. (14 февр. 1918 г.). 299
Тоже: „Ленина нет"... 340
Тургенев, И. С.: Новь. 62
Тоже: Отцы и дети. 40
Тучапский, Л.: Из пережитого. 133

Уж как шел кузнец! (стих.). 61
Указ о роспуске Государственной Думы 1906 г. 208
Устав Коминтерна. 320
Учредительное собрание (декларация фракции большевиков). 296

Фигнер, В. Н.: Запечатленный труд. 95
Тоже: Пали все лучшие (стих.). 125
Тоже: Софья Перовская. 107
Флеровский, Л.: Кронштадт в Октябрьской революции. 277

Царскосельские совещания (Протоколы секретного совещания 1905 г.). 193
Чириков, Е.: Изгнание. 127

Шагинян: Перемена. 293
Шелавин, К.: Июльское дело. 267
Шилов, А. А.: Каракозов и покушение 4 апр. 1866 г. 59
Шленов, С.: 5 лет назад. 270
Шляпников, А.: Канун семнадцатого года. 226
Тоже: Семнадцатый год. 239
Шульгин, В. В.: Сообщение об отречении Николая II. 253

Щелканов, П.: Отклик (стих.). 334

Эренбург, И.: Жизнь и гибель Николая Курбова. 328

Яковлев, А.: Порыв. 169
Якубович, П.: Последняя жертва. 154

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр

Предисловие 3

Глава I-ая: Декабристы (1825) 5

1) «Гражданин» (Стихотв. К. Ф Рылеева). . . . . —
2) «Русская Правда» П. И. Пестеля. 6
3) Проект конституции Никиты Муравьева. 9
4) 14-ое Декабря (Д. С. Мережковский—«14 декабря«). 12
5) Подавление восстания (Из записок Н. А. Бестужева «14 декабря 1325 г.»). 17
6) «Песня» (Стихотв. А. А. Бестужева). 18
7) Перед казнью («Воспоминания о Кронверкской Куртине).—Из записок Декабриста) . . . . . —
8) «Послание в Сибирь» (Стихотв. А. С. Пушкина) 20
9) А. С. Пушкину (Стихотв. А. И. Одоевского). . . . . —
10) «Декабристам» (Стихотв. Тана, из Ад. Мицкевича). 21

Глава II-ая: Польское восстание (1830—31 г.г.). 22

11) Польское восстание (1830—31 г.г.) (В. Гомулицкий. «Польская Революция 1830—31 г.г.) . . . . . —
12) Расправа (Л. Толстой—«За что?»). 25

Глава III-ья: Петрашевцы (1848—49 г.г.). 27

13) «Вперед без страха и сомненья» (Стихотв. А. Н. Плещеева). . . . —
14) Речь Д. Д. Ахшарумова. . . . . —
15) Из «Проекта об освобождении крестьян» (М. В. Петрашевского). . 28
16) «Пятницы» Петрашевского (П. Альминский—«Алексей Слободин»). . 29
17) Русский фурьеризм (Из показаний М. В. Петрашевского) 33
18) Критика русского фурьеризма (Из показаний Ф. М. Достоевского). . . . . —
19) Приговор по делу Петрашевцев. 34
20) В ожидании казни (Д. Д. Ахшарумов—«Из моих воспоминаний»). . 35

Глава IV-ая: От сороковых к шестидесятым годам 39

21) «Колокол» (А. И. Герцен). . . . . —
22) «Колокол» (Стихотв. Н. П. Огарева). 40
23) Нигилизм (И. С. Тургенев.—«Отцы и дети»). . . . . —

Глава V-ая: Революционные течения в интеллигенции (60-е г г.). 44

24) Герцен и манифест 19 февраля (Н. А. Тучкова-Огарева—«Воспоминания»). . . . . —
25) «10 апреля 1861 г. и убийства в Варшаве (А. И. Герцен). 46
26) «К молодому поколению» (Прокламация). . . . . —
27) «Послание Мих. Ил. Михайлову» (Стихотв. П. Л. Лаврова). . . . 49
28) «Молодая Россия» (Прокламация). . . . . —
29) Правительственные репрессии. 55
30) Польское восстание 1863 г. (П. А. Кропоткин. — «Записки революционера). 58

Стр.

31) «Гражданская казнь» Н. Г. Чернышевского (М. К. Лемке. — Политич. процессы). 58
32) Первое покушение на Александра II (А. А. Шилов. — «Каракозов и покушение 4 апр. 1866 г.»). 59
33) Пытки над Каракозовым (П. А. Кропоткин. — «Записки революционера»). 60
34) «Уж как шел кузнец...» (Стихотворение). 61
35) Покушение в Париже (Телеграфическ. известия из Парижа, получ. министром внутрен. дел). . . . . —
36) Начало хождения в народ (И. С. Тургенев.—«Новь». 62

Глава VI-ая: Земля и Воля.—Народная Воля.—Черный передел (70 г.г.) 65

37) Программа русск. секции Международн. Товарищества Рабочих. —
38) Главный Совет Международного Товарищества Рабочих членам русской секции в Женеве (К. Маркс). 66
39) «Революционный катехизис» Нечаева. 67
40) Бакунисты (Прокламация «Молодых бакунистов» к русск. революционерам). 70
41) «Вперед» (Стихотворение П. А. Лаврова). 72
42) Коммуны (О. В. Аптекман.—«Земля и Воля» 70-х г.г.). 73
43) «1873—1875» (Стихотворение Н. А. Морозова). 74
44) Хождение в народ (Вл. Дебогорий-Мокриевич. — «Воспоминания»). 75
45) «Песня о Земле и Воле» (Стихотв. Н. П. Огарева). 77
46) Демонстрация на Казанской площади (Г. В. Плеханов.—«Русский рабочий в революционном движении»). . . . . —
47) Чигиринское дело (Я. Стефанович.—«Казацкая могила»). 80
48) Речь И. Н. Мышкина на суде. 82
49) Издевательство над политическими (С. Синегуб.—«Воспоминания чайковца». 86
50) Выстрел Веры Засулич (В. И. Засулич.—«Воспоминания»). . . . 87
51) Общество «Земля и Воля» (Программная статья). 89
52) Идейный раскол «Земли и Воли» (С. Степняк-Кравчинский. — «Андрей Кожухов»). 90
53) Распад «Земли и Воли» (В. Фигнер.—«Запечатленный труд»). . . 95
54) Программа Исполнительного Комитета «Народной Воли». 97
55) «Похоронный марш» (Стихотворение). 99
56) «К русским рабочим» (Программа «Северного Союза Русских Рабочих»). 100
57) Черный Передел (Программа). 102

Глава VII-ая: Конец народовольчества. — Начало социал-демократии (80-е г.г.) 104

58) Взрыв в Зимнем дворце (Ю. Стеклов.—«Степан Халтурин»). . . . —
59) Первое марта 1881 г. (В. Фигнер.—«Софья Перовская»). 107
60) Заявления А. И. Желябова. 108
61) От Исполнит. Комитета (Прокламация 2 марта 1881 г.). 109
62) От рабочих членов партии «Народной Воли» (Прокламация). . . 110
63) Казнь первомартовцев (Официальный отчет). . . . . —
64) От Исполнит. Комитета (Прокламация, 4 апр. 1881 г.). 113
65) «Народовольческий гимн» (Стихотворение). 114
66) Карл Маркс о России (Из предисловия к русск. переводу «Манифеста Коммунистическ. партии»). . . . . —
67) С.-Д. Группа «Освобождение Труда» (Программа). 115
68) Группа Благоева (Г. В. Плеханов. — «Современные задачи рабочих»). 119
69) Первые рабочие кружки (И. В. Богданов.—«Воспоминания». . . 121
70) Карийская трагедия (К. Кон.—«На Каре»). 123
71) «Пали все лучшие» Стихотворение В. Фигнер). 125

Глава VIII-ая: Первые выступления социал-демократии (90-ые г.г.). 126

72) «Смелей, друзья, идем вперед» (Стихотвор. Л. П. Радина). . . . —
73) Рабочая демонстрация (М. С. Ольминский.—«Давние связи»). . . —
74. Марксисты и народники (Е. Н. Чириков.—«Изгнание»). 127
75) «Лучина (»Стихотворение Л. П. Радина). 129

Стр.

76) «К рабочим всех Петербургских бумагопрядилен» (Прокламация «Союза Борьбы за освобождение рабоч. класса»). 129
77) Петербургские стачки 1896 г. (К. М. Тахтарев.—«Очерки Петербургского рабочего движения 90-х г.г.»). 130
78) «Машинушка» (Стихотворение). 132
79) Первый С'езд Р. С.-Д. Р. П. (Л. Тучапский.—«Из пережитого»). 133
80) Манифест Р. С.-Д. Р. П. 135
81) «Смело, товарищи, в ногу...» (Стихотворение Л. П. Радина). . . . 137

Глава IX-ая: Накануне первой Русской революции (9[illegible]0-ые г.г.) . 138

32) Манифест партии Социалистов-Революционеров. . . . . —
83) «Дубинушка» (Стихотворение). 141
84) «Обуховское дело» (Сулимов.—«Воспоминания обуховца»). . . . 142
85) Кишиневский погром (Из рапорта прокурора Одесской палаты). 144
86) Раскол Р. С.-Д. Р. П. (Из протокола II С'езда) 145
87) «Зубатовщина» (Прудников. — «Страничка из воспоминаний о Зубатове»). 148
88) «Собрание русских фабрично-заводских рабочих» (Справка охранного отделения). 150
89) «Варшавянка». (Стихотворение). 151
90) Убийство Плеве (Б. Савинков.—«Воспоминания»). 152
91) «Последняя жертва» (Стихотворение П. Якубовича). 154

Глава X-ая: Первая Русская Революция (1905—1906 г.г.). 156

92) Перед 9-м января (Прокламация П. К. Р. С.-Д. Р. П. 8 янв. 1905 г.). —
93) Петиция рабочих 9 января 1905 г. 158
94) «9 января» (М. Горкий.—«9 января»). 161
95) «Январский завет» (Стихотворение Маширова-Самобытника). . . 164
96) Итоги 9-го Января (Прокламация П. К. Р. С.-Д. Р. П.). 165
97) Царь прощает рабочих (Речь Николая II-го). . . . . —
98) «На десятой версте от столицы» (Стихотворение). 166
99) Аграрники (Скиталец —«Лес разгорался»). 167
100) На заводах (А. Яковлев.—«Порыв»). 169
101) Извещение о III С'езде Р. С.-Д. Р. П. 170
102) О вооруженном восстании (Из резолюций большевиков на III С'езде партии). 172
103) Восстание на «Потемкине» (Коваленко.—«11 дней на броненосце «Кн. Потемкин-Таврический»). 173
104) Всеобщая стачка (Л. Троцкий.—«1905»). 175
105) Первое выступление Совета Раб. Депутатов (Л. Троцкий.—«1905»). 176
106) Манифест 17 октября. 177
107) На другой день после манифеста (Л. Троцкий.—«1905»). 178
108) «Оппозиция и революция». (Л. Троцкий—«1905»). 181
109) «Памяти Баумана» (Стихотворение) 183
110) В Москве (Б. Зайцев.—«Дальний край»). . . . . —
111) Восстание в Севастополе (Л. Троцкий.—«1905»). 184
112) Черная сотня (В. И. Дмитриев.—«Тени прошлого») 187
113) Финансовый манифест Совета Рабочих Депутатов 192
114) Царская свора о народном представительстве («Царскосельские совещания»,—протоколы секретн. заседания). 193
115) Призыв к восстанию (Воззвание Московского Совета Раб. Деп.). 196
116) «Москва в декабре» (Стихотворение Е. Тарасова). 197
117) «На Пресне» (А. Серафимович.—«На Пресне») 198
118) Карательные экспедиции (М. Арцыбашев.—«Кровавое пятно») . 201
119) «Голутвино, Перово, Люберцы» (Стихотворение). 203
120) Убийство Гапона (П. Рутенберг.—«Дело Гапона»). 204
121) Большевики о Государственной Думе (Из резолюций IV С'езда Р. С.-Д. Р. П.). 205
122) Большевики о Совете Рабочих Депутатов (Из резолюций IVС'езда Р. С.-Д. Р. П.). 206
123) Меньшевики о Совете Рабочих Депутатов (Из резолюций IV С'езда Р. С.-Д. Р. П.). 207
124) Разгон Государственной Думы (Указ. о роспуске Гос. Думы). . 208
125) Восстание в Кронштадте (Егоров.—«Кронштадтское восстание»). 209
126) Максималисты-экспроприаторы (В. Рошин.—«То, чего не было»). 211

Стр.

Глава XI-ая: От революции к революции (1907—1916 г.г.). . . 214

127) Настроения безвременья (Р. Григорьев.—«На ущербе»). . . . —
128) «Былое» (Стихотворение Ал. Богданова). 216
129) Ленинские демонстрации (Б. Иванов.—«Звезда» и «Правда»). . —
130) Рабочая газета (Л. Клейнборт.—«Очерки рабочей интеллигенции»). 217
131) Об'явление войны (Манифест Николая II). 218
132) Манифест Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. об империалистической войне. 219
133) Оборонцы (Манифест об'единенной группы С.-Д. и С.-Р. о войне). . 222
134) «К разоряемым и умерщвляемым народам» (Манифест 2-ой Циммервальдской (Кинтальской) конференции). 224
136) Канун 1917 года (А. Шляпников.—«Канун 17 года»). 226
135) Террористический акт придворной камарильи (В. М. Пуришкевич.—«Убийство Распутина». Из дневника). 228

Глава XII-ая: Февральская революция (1917 г.). 231

137) «Красное Знамя» (стих. И. Ионова). . . . . —
138) Начало Февральских дней в Петрограде (Ал. Н. Толстой: «Хождение по мукам»). . . . . —
139) Голос большевиков (Листок П. К. Р. С.-Д. Р. П. 25 февр. 1917). 234
140) Солдаты (П. Арский: «Кровь рабочего»). 235
141) Освобождение из тюрем (В. Залежский: «Первый легальный Пека»). 237
142) На помощь восставшему Петрограду (А. Шляпников «Семнадцатый год»). 239
143) Манифест Р. С. Д. Р. П. 240
144) Совет рабочих Депутатов (Воззвание). 241
145) Слуги старого режима (Полк. Г. Г. Перец.—«В цитадели русской революции»). 242
146) Агония царского правительства (Ал. Блок.—«Последние дни императорской власти»). 243
147) Февральские дни в Москве (Ал. Н. Толстой. — «Хождение по мукам»). 244
148) Кронштадтцы (О. Л. д'Ор.—«Красный часовой—Кронштадт»). . 247
149) Приказ № 1. 249
150) Речь П. Н. Милюкова. 250
151) Речь Керенского в Совете Рабочих Депутатов. 252
152) Отречение Николая Романова (Сообщение В. В. Шульгина). . . 253
153) Акт отречения Николая II. 255
154) Манифест вел. кн. Михаила Александровича. 256
155) Декларация Временного Правительства. . . . . —
156) На фронте (Ал. Н. Толстой «Хождение по мукам»). 257
157) Демократический мир и братство народов (Воззвание Петроградского С. Р. и С. Д.). 259
158) Приезд Ленина (Ф. Раскольников: «Приезд т. Ленина в Россию»). 260
159) Новая тактика большевиков (Тезисы Ленина). 262
160) Нота Милюкова. 264
161) 18 июня (Н. Суханов. Июньские дни 1917 г.). 265
162) 3—5 июля (К. Шелавин. «Июльское дело»). 267
163) Государственное совещание в Москве (Декларация большевиков). 269
164) Корниловщина (С. Шленов. «5 лет назад»). 270
165) Предпарламент (Тезисы Ленина). 272
166) Канун Октября (Л. Троцкий.—«Октябрьская революция»). . . . 273

Глава XIII-ая: Октябрьская революция (1917—1922) 275

167) Завет (Стих. Маширова-Самобытника). . . . . —
168) 25 Октября (Подвойский «Из воспоминаний об Октябрьской революции»). . . . . —
169) Кронштадт в Октябрьской революции (И. Флеровский «Кронштадт в Окт. Рев.»). 277
170) В момент переворота (С. Мстиславский, «5 дней»). 279
171) Крах керенщины (А. Ф. Керенский «Гатчина»). 280
172) Москва в Октябре (А. Аросев, «Как было»). 283
173) Революция свершилась! (Речь Ленина в Птг. Совете Р. и С. Д. 285
174) Организация власти и мир (Постановления II Съезда Советов. . 286
175) На другой день после переворота (С. Пестковский. »Об Октябрьских днях в Питере»). 288

Стр.

176) «Двенадцать» (Стих. Ал. Блока). 291
177) Обыватели в гражданской войне (М. Шагинян. «Перемена»). . . 293
178) Учредительное собрание (Декларация фракции Р. С.-Д. Р. П. (б.). 296
179) О роспуске Учредительного Собрания (Речь Троцкого на III С'езде С. Р. и С. Д.). 297
180) Декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа. . . —
181) Мирные переговоры (Из речи Л. Троцкого на заседании В. Ц. И. К. 14 февр. 1918 г.). 299
182) Вторая война и подписание мира (Л. Троцкий. — «Октябрьская революция») 300
183) Изменение названия партии и партийной программы (Резолюция VII С'езда Р. С.-Д. Р. П. (б.). 301
184) Казнь Николая Романова (П. Быков.—«Последние дни последнего царя»). 302
185) Под властью белых (Л. Рейснер.—«Казань»). 304
186) Американские воззвания на Архангельском фронте. 309
187) Расправа американцев со своими большевиками (У. Синклер.— «Джимми Хиггинс»). . . . . —
188) Аннулирование Брестского договора (Декрет В. Ц. И. К.). . . . 313
189) Манифест Колчака. 314
190) Партизанская борьба с колчаковщиной (Вс. Иванов. — «Партизаны»). 315
191) «Сын коммунара» (Стих. В. Князева). 319
192) III Коммунистический Интернационал. (Из речи Г. Зиновьева на VII С'езде Советов). . . . . —
193) Устав Коммунистического Интернационала. 320
194) Юденич у Петрограда (Обязательное постановление нач. гарнизона Гатчины генерала Пермикина). 322
195) «К рабочим и красноармейцам Петрограда» (Воззвание Ленина). 323
196) Приказ Л. Троцкого. 324
197) «Благодарность защитникам Петрограда» (Приказ Г. Зиновьева). —
198) Кулаки (С. Под'ячев. «Голодающие»). 325
199) Все во имя Коммунизма (И. Эренбург. «Жизнь и гибель Ник. Курбова»). 328
200) «Красная конница» (Стих. Г. Коренева). 332
201) Героическая борьба (Ленин,—«На Сиваше»). 333
202) «Отклик» (Стих. П. Щелканова). 334
203) Задачи НЭП'а (Из доклада Ленина на XI С'езде Р. К. П.). . . . 335
204) «Навстречу грядущему» (Стихотв. А. Крайского). 336

Глава XIV-ая: Ленин . . . . . .

205) «Ленин—наш бессмертный вождь» (Воззвание Исполкома Коминтерна, 23 янв. 1924 г.). 338
206) «Ленина нет...» (Л. Троцкий). 340
207) Речь Н. К. Крупской на II С'езде Советов С. С. С. Р. (26 янв.). —
208) «Похороны Ленина» (Г. Зиновьев). 341
209) «Ильич в Ленинграде» (Стихотв. В. Князева). 343
210) Письмо Н. Крупской. (30 янв.). 345
211) «Похоронный марш». (Стихотв.). 346
212) В партию Ильича (хоровая декломация) . . . . . —

Указатель книг для самостоятельного чтения 348
Алфавитный указатель 352
Оглавление 356

РАБОЧЕЕ „ПРИБОЙ“ ИЗД-СТВО

Правление—Ленинград, Просп. 25 Октября, 1, тел. 586-11.
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР—Проспект 25-го Октября, 52. Тел. 545-77 и 207-67.
Отделение в Ленинграде—Просп. К. Либкнехта, 69; киоски при всех райкомах, на всех крупных заводах, фабриках и учреждениях.
Отделение в Москве—Петровские линии, под'езд № 1. Телефон 2-24-09.
Отд. по Сев.-Зап. Обл.—В Череповце, Троцке, Кингисеппе, Луге, Гдове и т. д.

Рабочим Изд-ством „ПРИБОЙ“ изданы допущенные и рекомендованные НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЕКЦИЕЙ Государствен. Ученого Совета

СЛЕДУЮЩИЕ УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ:

1. Хрестоматия классовой борьбы.

Часть I-я Крестьянство и пролетариат. Цена 80 коп.
„ II-я Революция на Западе. Цена 70 коп.
„ III-я Революция в России. Цена 1 р. 30 коп.

Рекомендуется ГУС'ом, как учебное пособие при прохождении курса истории классовой борьбы — для совпартшкол, школ взрослых, рабфаков и т. д.

2. Тюменев, А. И.—История труда.

Краткое руководство по политической экономии.

Допущено ГУС'ом в качестве учебного пособия в школах 1-й и 2-й ступени, в совпартшколах, рабфаках и т. д.

3. Ковалев, С. И.—Курс всеобщей истории, т. I

Допущен ГУС'ом, как справочное пособие.

4. М. Б. Вольф и Г. А. Мебус.— Очерки экономической географии иностранных государств.

2-ое издание с приложением статистических таблиц и карт мирового хозяйства.

Страниц 376. Цена 1 р. 75 к.

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПРИБОЙ“

ЛЕНИНГРАД, Проспект 25-го Октября, дом № 52.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Ленинскую библиотечку“

БИБЛИОТЕЧКА СОСТОИТ ИЗ **30 книг** в общей сложности около 250 печ. листов (4.000 стр.)

БИБЛИОТЕЧКА дает все основные классические работы В. И. Ленина.

ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕЧКА.

Отдельные сочинения В. И. ЛЕНИНА:

Вып. 1. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения.
„ 2. Шаг вперед, два шага назад (кризис в нашей партии)
„ 3. Две тактики социал-демокр. в демократической революции.
„ 4. Империализм, как новейший этап капитализма
„ 5. Государство и Революция.
„ 6. О Марксе и марксизме.
„ 7. Очередные задачи Советской власти.
„ 8. О продовольственном налоге.
„ 9. О кооперации.
„ 10. От русской революции к мировой (письма к иностр. раб.).
„ 11. О религии.
„ 12. Уроки Ильича.
„ 13. Что такое друзья народа?
„ 14. Империалистическая война и раскол социализма.
„ 15. Детская болезнь „левизны“ в коммунизме.
„ 16. Пролетарская революция и ренегат Каутский.
„ 17. О национальном вопросе.
„ 18. На пути к Октябрю.
„ 19. Последние речи и статьи.
„ 20. Крестьянство и революция в России.
„ 21. 1905 год.
„ 22. О производительности труда.
„ 23. Памятка.
„ 24. Аграрный вопрос в России XIX века.
„ 25. О Коминтерне.
„ 26. Партийное строительство.
„ 27. Материализм и эмпириокритицизм. Ч. I-я.
„ 28. „ „ Ч. II-я.
„ 29. О молодом поколении.
„ 30. Аграрная программа с.-д.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА (30 книг): По индивид. подписке 8 р. По коллект. подписке 7 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА ПЛАТЕЖА до 5-ти МЕСЯЦЕВ.

С заказами обращаться в ТОРГСЕКТОР Издательства „ПРИБОЙ“ (Ленинград, Ул. 3-го Июля, 14. Индивидуальным заказчикам туда-же в киоски „ПРИБОЯ“ и Московское отделение: Лубянский пассаж, помещения №№ 47, 48, 49.

Цена 1 р. 30 к.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: Просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки". **Телеф. 5-45-77.**

Москва: Московское отделение, издательства **„ПРИБОЙ"**, Лубянских пассаж, пом. №№ 47, 48, 49. **Телеф. 2-24-09.**